

ДЖ.Р УОРД

ДОЛЯ ДЬЯВОЛА

“КОРОЛИ БУРБОНА#3”

Автор бестселлера #1 по мнению «Нью-Йорк Таймс» Дж. Р.Уорд представляет заключительный роман трилогии «Короли бурбона», где семейная династия Брэдфордов балансирует на грани краха, после убийства своего отца... и шокирующего ареста.

Сначала смерть Уильяма Болдвейна, главы семьи Брэдфордов, была похожа на самоубийство. Но потом его старший сын и заклятый враг — Эдвард признался, что совершил убийство. И находясь в полицейском участке под стражей, Эдвард сожалеет не о распаде его семьи или лишении свободы... о женщине, которую оставил. Его любовь, Саттон Смайт, единственный человек, о котором он когда-либо действительно переживал и заботился, но поскольку она является действующим генеральным директором крупнейшей компании-конкурента «Брэдфорд бурбон», между ними невозможны никакие отношения. И, вероятно, Эдварду лучше отмотать срок в тюрьме, который маячит перед ним.

Лейн Болдвейн тоже не остался прежним плейбоем, который вечно находился в тени своего старшего брата Эдварда. Ему пришлось свыкнуться со своей новой ролью — главы компании и семьи. Лейн убежден, что Эдвард покрывает кого-то другого, поэтому со своей любимой Лиззи Кинг, они решают заняться своим собственным расследованием и... обнаруживают секрет, который может оказать разрушающее действие на все и всех, полностью меняя правила игры.

Пока Лейн всеми силами пытается докопаться до правды, Саттон борется с желанием, ее неудержимо влечет к Эдварду, несмотря на отягчающие обстоятельства, жизнь в Истерли уже никогда не будет прежней. Для кого-то это может быть хорошо, для других может обернуться настоящей трагедией. Но при этой полной неразберихе, есть единственное, что остается неизменным — любовь, которая в состоянии пережить все, даже убийство.

Книга содержит реальные сексуальные сцены и нецензурные выражения, предназначена для 18+

Информация о переводе:

Переводчик Костина Светлана

Для меня было большой честью написать этот роман о родине, ее славной истории производства бурбона и замечательных, непростых, иногда сломленных людях, которые живут и работают в Истерли. Эта серия родилась из моей давнишней школьной любви к сериалу «Династия», подпитываемая моим глубоким почтением к штату Кентукки и направленная на мое увлечение спецификой характеров определенной семьи, их изменениям в стрессовых ситуациях.

Как житель и уроженец Новой Англии, переехавшая из одного государства в другое, поначалу я с трудом привыкала ко всему. Сейчас, после более десяти лет, могу сказать, что не могу себе даже представить жить где-нибудь еще. Например, прямо сейчас идет баскетбольный турнир NCAA, и у меня в фойе стоит огромный телевизор с шестью диванами и кофейными столиками, расположенными вокруг. Вчера наш весь дом был разгромлен, собралась большая толпа друзей, которая кричала, визжала, смотрев игру (также боксерский поединок на цокольном этаже, один тайм, что привело к разбитой губе, а также к высказываниям претензий по поводу игры отдельных игроков, почти таким же кровавым, как и сам бокс). Такого рода преданность спорту, который я люблю еще с колледжа, для меня было немыслимо раньше, пока я не переехала сюда и какая радость и одновременно горе! лично для меня (мои любимые «Кардиналс» не продвинулись вперед).

Для производства бурбона требуется время и температура. Зарождающийся спирт помещается в обожженные бочки и хранится в неизолированных условиях на стеллажах на складе, взаимодействуя с карамелизированным сахаром среди дуба, которые нагреваются и остывают в зависимости от сезона. Этот танец и алхимия и придают бурбону его красивый цвет и является именно той частью, как он получает особый вкус. Я часто приходила к выводу, что такой же процесс протекает и с людьми — мы проходим различные вехи нашей жизни, которые тем или иным образом влияют на нас, закаляя, выявляя определенные черты характера, показывая наши сильные стороны или же слабости.

Два моих любимых термина искусства получения бурбона и то, что я узнала о нем — «доля ангелов» и «доля дьявола». Другими словами, около пятидесяти трех галлонов «самогона» заливаются в каждую бочку, но в конце процесса вызревания получается значительно меньше, чем на самом деле должно быть. Эта потеря может достигать двух процентов в год и списывается на испарения — «доля ангелов», а то, что поглощают дубовые бочки — «доля дьявола». Что это означает на самом деле? Если ваш бурбон вызревает в течение, скажем, десяти лет, вы можете получить около сорока трех галлонов, и чем дольше вы будите его хранить, тем меньше вы получите в конце. Например, одни из самых старых бурбонов Pappy van Winkle, который выдерживается в течение двадцати трех лет, дает только четырнадцать галлонов.

«Доля ангелов» звучит очень романтично, «Доля дьявола» что-то более злое из-за слова на букву «д». В обоих случаях эти два термина относятся к окружающей среде, которая забирает принадлежащее ей. В моей ситуации, когда я приехала сюда, я никоим образом не ожидала увидеть что-то похожее на Кентукки, и, конечно, совершенно была не заинтересована каким-то образом так или иначе влиять на среду. А сейчас? Если, не дай Бог, мне когда-нибудь придется вернуться в Бостон? Я обязательно оставляю часть своей души на земле Блуграс.

И знаете, это справедливо, учитывая все хорошее, что пришло ко мне здесь, и те замечательные люди, с которыми я познакомилась и то, какое наслаждение я получила, общаясь с ними.

Но, опять же, я не собираюсь никуда в ближайшее время, а там, как Бог даст.

Я с несказанной, абсолютной любовью писала эту трилогию, и я благодарю вас за то, что вы потратили свое время читая ее, прогуливаясь, как и я, по огромному поместью Истерли, входя через парадные двери и передвигаясь по красивым комнатам. Я так благодарна, что завершила эту серию!

Ох, и вперед, «Кардиналс»!

Дж. Р. Уорд

Действующие лица

Вирджиния Элизабет Брэдфорд Болдвейн, также известная как **Маленькая ВЭ** вдова Уильяма Болдвейна, мать Эдуарда, Макса, Лейна и Джин Болдвейн, прямой потомок Илия Брэдфорда, основателя «Брэдфорд бурбон». Затворница с лекарственной зависимостью, имеющая множество причин в оправдание своему пристрастию, некоторые из которых ставят под угрозу саму основу семьи.

Уильям Уайетт Болдвейн: умерший муж Маленькой ВЭ, отец Эдуарда, Макса, Лейна и Джин Болдвейн. Также отец сына ныне покойного главного бухгалтера семьи — Розалинды Фриланд. Также отец еще не рожденного ребенка скоро-бывшей жены его сына Лейна — Шанталь. Главный исполнительный директор при жизни компании «Брэдфорд бурбон». Человек с низкими моральными устоями, большими амбициями, совершенно не сомневающийся в своих действиях, чье тело недавно нашли на берегу водопадов Огайо.

Эдвард Вестфорк Брэдфорд Болдвейн: старший сын Маленькой ВЭ и Уильяма Болдвейна. Формально наследник мантии компании «Брэдфорд бурбон». Теперь живет в темноте своего прошлого, ставшей результатом его похищения и пыток, организованное его собственным отцом, отвернулся от всей семьи и удалился в конюшни Red & Black.

Максвелл Прентисс Baldwin: второй по старшинству сын Маленькой ВЭ и Уильяма Болдвейна. «Черная овца» в семье, находящийся вдали от Истерли, истории Брэдфордов и всех владений в Чарлмонте, штат Кентукки на протяжении многих лет. Сексуальный, скандальный, неуправляемый, его возвращение в лоно семьи приносит множество проблем не только близким, но и многим людям за пределами семьи.

Джонатан Тулейн Болдвейн, известный как Лейн: младший сын Маленькой ВЭ и Уильяма Болдвейна. Бывший плейбой и непревзойденный игрок в покер, переживает развод со своей женой. Судьба семьи пошатнулась, и процветает казнокрадство в «Брэдфорд бурбон», он теперь он вынужден взять на себя роль главы семейства, полагаясь больше всего на свою единственную истинную любовь — Лиззи Кинг.

Вирджиния Элизабет Болдвейн, известная как «Джин»: самый молодой отпрыск семьи и единственная дочь Маленькой ВЭ и Уильяма Болдвейна. Ранее проявляющая повстанческие взгляды и действуя вопреки всем правилам и нормам, требующая к себе повышенного внимания, являлась сущим наказанием семьи, особенно после рождения ребенка вне брака в свои студенческие годы, с трудом закончив колледж. Она только что вышла замуж на Ричарда Пфорда III, наследника дистрибутивной компании и огромного капитала.

Амелия Франклин Болдвейн: дочь Джин и ее истинной любви Самюэля Ти, хотя Амелия и Самюэль Ти не знают о своей связи. Бывшая студентка в «Хитчкисс», но сейчас возвращается Чарлмонт, чтобы быть ближе к семье.

Лиззи Кинг: Дизайнер-садовод, работающая в Истерли почти десять лет, создала совершенно неповторимые сады, ставшие известны на всю страну, за счет редких видов растений и цветов. Находится в любовных отношениях с Лейном Болдвейном и полностью предана ему, и их отношениям, хотя не имеет никакого отношения к драме семьи.

Самюэль Теодор Лодж III: адвокат, стильный, сексуальный джентльмен Юга, породистый, привилегированный плохиш. Единственный мужчина, который так и не смог достучаться до Джин, понятия не имеет, что Амелия его дочь.

Эндикотт Саттон Смайт: вновь избранный генеральный директор корпорации «Ликеро-водочные заводы Саттон», крупнейший конкурент «Брэдфорд бурбон» на рынке. Любит Эдварда, сделала прекрасную профессиональную карьеру за эти годы, но испытывает полный застой в личной жизни — в значительной мере из-за того, что никто не может сравниться с Эдвардом.

Шелби Лэндис: дочь легендарного тренера чистокровных лошадей, чей отец Джеб был наставником Эдварда, собственно и привел его к лошадям. Трудлюбивая, сильная девушка заботится об Эдварде, даже когда он не хочет, но она все равно это делает.

Мисс Аврора Томсом: Шеф-повар Истерли вот уже на протяжении многих десятилетий, способна приготовить здоровую пищу, также как и кордон-блю, имеет доброе сердце и сильные руки, страдает от рака. Заменяла мать Лэйну, Эдварду, Максу и Джине, прививала детям настоящие, истинные нравственные ориентиры для жизни.

Эдвин «Мак» Макаллан: Мастер-дистиллятор компании «Брэдфорд бурбон». Вырастил новый штамм дрожжей, участвует в проблемах, связанных с компанией, выступает против закрытия производства. Недавно встретил любовь всей своей жизни, но также беспокоится о будущем компании ББ.

Шанталь Блэр Стоу Болдвейн: в ближайшем будущем бывшая жена Лейна. Беременна от Уильяма Болдвейна. Королева красоты, с каменным сердцем, угрожала разоблачить отцовство ее будущего ребенка, чтобы получить больше денег в бракоразводном процессе.

Розалинда Фриланд: бывший главный бухгалтер компании «Брэдфорд бурбон», а также и самой семьи. Покончила жизнь самоубийством в своем кабинете особняка, выпив болиголов. Мать Рэндолфа Дамиона Фриланда, восемнадцати лет, чьим отцом является Уильям Болдвейн.

Истерли, родовое поместье Брэдфордов, Чарлмонт, Кентукки

Кто-то был в саду.

В расслабляющей, подернутой дымкой южной ночи под цветущими фруктовыми деревьями, между чайной розой размером с блюдце и подстриженной изгородью самшита, вырисовывалась фигура, у стены с плющом,двигающаяся по кирпичным дорожкам, направляющаяся к противоположной части особняка, словно сталкер.

Джонатан Тулей Болдвейн прищурился и припал к окну своей спальни. Кто бы это ни был... фигура передвигалась чуть ли не на корточках, стараясь держаться в тени, и учитывая, как она свободно двигалась, можно было предположить — человек знал, что он делал и куда направлялся. Опять же, ее было не так сложно обнаружить на двадцати тысячах квадратных футов, имеющихся словно белый торт на день рождения, в темноте.

Отвернувшись от пузырчатого старого стекла, он посмотрел на кровать. Лиззи Кинг, любовь всей его жизни, глубоко спала, ее светлые волосы блестели в лунном свете на подушке, а загорелое плечо выглядывало из шелковых простыней.

Смешно, но в этот момент он совершенно ясно понял, натягивая шорты боксерки, раздумывая кто бы это мог быть, и ничего не придумал хорошего, как ощутив полную уверенность, что без сомнения сможет убить любого, защищая свою женщину. Хотя его женщина могла спокойно с таким же успехом позаботиться о себе сама, и он поймал себя на мысли, что в сложившейся ситуации он больше опирался на нее, нежели она... но если кто-то попытается причинить ей вред?

Он представил себе эту ситуацию быстрее, чем раздался стук его сердца.

Полный решимости, он молча прошел по ковру к старинному бюро, которое было его семейной реликвией, сделанное в 1800-х годах. Его пистолет находился в верхнем ящике слева, под аккуратно сложенными парами носков, которые он одевал под смокинг. Девятимиллиметровый пистолет был компактным и имел лазерный прицел и был полностью заряжен.

Он отключил сигнализацию.

Выскользнул в длинный коридор, который напоминал городскую улицу и был оборудован всеми ценностями и удобствами, как коридор в Белом доме, придерживая пистолет на бедре. Под огромной крышей Истерли было двадцать гостевых спален плюс личные покои членов семьи, и когда он проходил мимо двери, он понимал, кто находился за теми или иными дверями... здесь должна была быть его младшая сестра Джин, хотя и без своего нового мужа, Ричард был в отъезде по работе, потом шла комната Амелии, шестнадцатилетней дочери Джин, которая до сих пор не вернулась в «Хотчкисс», чтобы сдать экзамены; Джефф Стерн, его давнишний сосед по институту и новый назначенный генеральный директор «Компании Брэдфорд Бурбон». И последней, конечно, была мать Лейна и Джин — маленькая Вирджиния Элизабет.

Вполне возможно, что любой из них мог бродить по саду в два часа ночи. За исключением его матери, конечно. В течение последних трех лет маленькая ВЭ не выходила из своей комнаты, единственный раз несколько дней назад, когда были часы прощания и посещения общественности с их отцом, ... и от Лейна потребовались определенные усилия,

увидеть ее одетой, стоящей на верхней площадке лестницы, способного пережить этот шок.

Так что вряд ли там была она.

А что по поводу персонала? Дворецкий уволился, никто из служанок не оставался на ночь... горничные тоже уходили рано по домам.

По идеи никто не должен был ходить по саду.

Пройдя полпути по коридору, он прошел через гостиную второго этажа и остановился, решив направиться к парадной лестнице.

Охранная сигнализация внизу не зазвенела... но он не включил ее, когда вернулся с Лиззи домой из больницы.

Тупой баран.

Черт, он похоже даже не потрудился запереть тысячи дверей на нижнем этаже, да? Он не помнил закрывал двери или нет. Сейчас была почти полночь, и его мозг соображал не ясно, беспорядочные образы мисс Авроры в реанимации, закручивали его в узел. Господи... эта афро-американка была его матерью намного больше, чем в нео Дэйзи Бьюкенен, которая родила его... и мысль о том, что рак не жалея поедал мисс Аврору, делала его агрессивным.

Спускаясь по огромной лестнице, которая напоминала кадры Тары из фильма «Унисенные ветром», он ступил на черно-белый мраморный пол фойе. Было темно, поэтому он снова остановился и прислушался. Как и во всех старых домах, Истерли жил своей собственной жизнью, когда человек выходил из своей комнаты, начинал потрескивать балками и досками, петлями дверей, как бы беседа с ним.

Тишина.

Жаль. Закон Кентукки оправдывал хозяина, защищающего свое имущество от нарушителя, если ты ненароком убил его в своем собственном доме... а так как он собирался убить кого-нибудь сегодня, Лейн предпочел бы сделать это внутри дома, а не снаружи. Чтобы потом не пришлось перетаскивать тело через дверной проем и создавать видимость, что этот сукин сын вломился в его дом.

Лейн продолжил свое движение по дому, проходя через темные комнаты, куда мог заходить и обслуживающий персонал днем, двигаясь мимо антиквариата и старинных картин, чувствуя себя охранником, проверяющим музей после закрытия. Его окружали окна и французские двери, заключенные в широкие старинные рамы, но при выключенном свете на первом этаже, он был таким же призраком, как и тот, кто находился в этот момент в саду.

Он подошел к задней части особняка, к одной из дверей и посмотрел на огромную террасу, высматривая какое-либо движение поверх шезлонгов, кресел и стеклянных столиков, выискивая любую движущуюся тень. Ничего. По крайней мере, не было и никакого движения вдоль стены дома.

Тем не менее, в саду рыскал человек, выслеживающий что-то у его семьи.

Повернув латунную ручку, он осторожно открыл дверь и наполовину высунулся в майскую ночь, его окутал теплый, влажный воздух, ароматный, как букет. Он посмотрел налево. Посмотрел прямо перед собой. Газовые фонари, стоявшие у задней части особняка, бросали мерцающий свет, но у бассейна не было подсветки.

Прищурившись, он всматривался в темноту, потом решил выйти из дома, тщательно закрыв за собой дверь.

Как и во всех домах такого типа, дворцовый ансамбль, имеющий национальное значение, богатых семей включал в себя обширные сады, раскинувшиеся вокруг, различных планировок и уникальный ландшафт, отличающиеся в разных городах своими

особенностями. Что же было общего? Элегантность на каждом шагу, будь то римские скульптуры в своеобразных позах среди миниатюрных живых оград или фонтаны, которые струятся кристально чистой водой в пруд с карпами, или бассейн у дома, увитый крытой беседкой из глициний.

Мать-природа покорила, таким образом, воле человека, давая рост растениям со скрупулезной точностью, посаженных в соответствующем порядке, растения, подходящие для любого богатого, изысканного интерьера. И впервые за всю свою жизнь, Лейн задумался о стоимости содержания всей этой красоты, о человеко-часах и количестве растений, которые бесконечно пополнялись, о постоянном подстригании газонов, прополке и обрезке, приведении в надлежащий вид двухсотлетней стены и дорожек из кирпича, а также о чистке бассейна.

Дурдом. Такой счет, что только супербогатые могут позволить себе... семья Брэдфордов больше не относилась к этому уровню «стратосферы».

Спасибо, отец, ты сукин сын.

Вернувшись к своей миссии, Лейн направился вдоль стены дома, превратившись в охотника на оленей. Вдруг на полпути он замер, едва дыша. Тихо поджидая, когда покажется его цель.

«Может это Макс?» — задался он вопросом.

Несмотря на родительский брак без любви, они смогли произвести четырех детей... на самом деле, это, вероятно, был шок для всех, учитывая, что его мать и отец вообще редко находились в одной комнате вместе, даже перед тем, как она окончательно слегла в постель три года назад. Но родился Эдвард, золотой старший сын, который был ненавистен их отцу-государю; Макс — черная овца; Лейн — плеябой, который своего рода обладал определенным искусством в игре в покер, по крайней мере, пока он не поумнел, чтобы жить с правильной женщиной; и, наконец, Джин — неразборчивая в связях бунтарка.

В настоящий момент Эдвард находился в тюрьме за убийство своего ужасного отца. Джин влезла в ненавистный брак ради денег. Макс после нескольких лет отсутствия вернулся домой, никто не знал, где он обитал, бородатый, весь в татуировках, от него, того бывшего парня, осталась только тень, но по-прежнему презирая всех, включая собственную семью, поэтому и остановился в одном из коттеджей для сотрудников в глубине отеля, отказываясь находится под одной крышей Истерли.

Может, это Макс решил зайти в главный дом... Бог его знает за чем. Может за сахаром? Бутылкой бурбона. А может, чтобы украсть столовое серебро?

Но как он смог попасть в сад? Как вообще кто-то туда попал? С двух сторон сад был защищен кирпичной стеной, двенадцать футов высотой и колючей проволокой сверху, а также воротами, которые запирались. Третья сторона со стороны сада была вообще неприступной, поскольку отец в свое время реконструировал старые конюшни, превратив их в самый современный бизнес-центр, откуда последние пару лет и управлялась компания «Брэдфорд бурбон». Даже Бог знал, что вы не сможете проскочить через этот оплот, если у вас нет пропуска или кода...

Вдруг фигура метнулась вправо по алее с цветущими яблонями.

«Есть!» — подумал Лейн, и его сердце пустилось вскачь. Быстро передвигая вперед босыми ногами по каменным плитам, Лейн бросился через террасу и спрятался за кадку, достаточно объемную, что в ней можно было даже купаться.

Это был определенно мужчина. Слишком широкие плечи для женщины.

И этот ублюдок шел своим путем.

Лейн вскинул пистолет, крепко держа двумя руками, взвел курок. Он стоял совершенно неподвижно, выжидая, когда злоумышленник свернет на дорожку и направится прямо к нему.

Он ждал...

...и ждал...

...и вдруг ему пришла на ум в скором времени его бывшая жена Шанталь. Может, это она наняла частного детектива и послала сюда, чтобы он смог добыть компромат в связи с финансовым скандалом, связанным с КББ, информацию о том, настолько ли правдой была его финансовая несостоятельность, как сообщали СМИ, чтобы потом эту информацию использовать против него, так как их несуществующие отношения превратились в пыль.

Или, возможно, это был Эдвард, вырвавшийся из тюрьмы, и возвращающийся домой.

Сомнительно.

Злоумышленник повернул на дорожку и направился напрямиком к Лейну. Его голова была опущена, и бейсболка низко надвинута на лицо.

Лейн держался до последнего, пока не был абсолютно уверен, что он сможет попасть ему прямо в грудь. Он нажал на пол оборота спускового устройства, красный лазерный прицел рассек ночь, танцуя красной точкой в районе сердца парня.

Лейн громко и отчетливо сказал:

— Я даже не забеспокоюсь, если я тебя убью.

Мужчина остановился как вкопанный, моментально подпрыгнув на кирпичной дорожке. И его руки взлетели в воздух, словно у него под мышками были пружины от матраса.

Лейн нахмурился, наконец, увидев его лицо.

— Что ты здесь делаешь?

Федеральная окружная тюрьма в центре Чарлмонта

Лунный свет просачивался в камеру через решетчатое с пятью секциями окно, становясь мягким, преломляясь об раковину из нержавеющей стали и игриво падая на бетонный пол. Снаружи ночь была влажной, наполненная туманом. Внутри камеры не чувствовалось смены сезонов, стены и пол, а также тяжелая массивная дверь были окрашены в оттенки серого, спертый воздух, пахнувший металлом и дезинфицирующим средством.

Эдвард Брэдфорд Болдвейн сел обратно на встроенную кровать, задрав под странным углом травмированные ноги, доставив им долю облегчения на тонком матрасе, который словно был без наполнителя, и его иссохшая задница отчетливо это ощущала.

Уже не первый раз его держали под стражей, но, по крайней мере, теперь это происходило по собственной его воли. Он сам вызвался, он признался в убийстве отца, и тем самым сам утек в тюрьму. Кроме того, здесь он был не единственным заключенным, в отличие от его предыдущего места заключения, он отчетливо слышал храп, кашель и стон других заключенных, несмотря на свою металлическую дверь.

Приглушенные удары сердца и воспоминания заставили его вернуться на ферму Red & Black. Все эти люди здесь были такими же однокамерниками, как и его кобылы в стойлах — беспокойными, перекрученными, даже ночью. Особенно, после наступления темноты.

Упираясь ладонями в матрас, он облегчил давление на точку сидения, насколько мог. Но он был не слишком силен, поэтому рано перенес тяжесть своего тела на верхнюю часть, которая не обладала большой силой, по сравнению с его нижней, хотя уже привык к своему физическому дискомфорту.

Он внимательно оглядел камеру — бетонные стены и полированный бетонный пол, раковина из нержавеющей стали и туалет, зарешеченное окно, и тут он вспомнил о великолепии Истерли. Цокольный этаж особняка его семьи был оснащен большей роскошью, чем эта камера, а что говорить про винный погреб, который напоминал погружение в изучение английского языка, достигая основания самого холма.

Без особой причины, так как причин-то и не было, а также не было шансов спалиться, он вспомнил историю, которую читал год назад о маленьком мальчике, выросшем в картонной коробке. На самом деле, даже не было ни одного ТВ-шоу, сериала о таком персонаже, которого бы пытали подобным образом...

Постойте, он что собирается вернуться к своим страданиям?

Его неповоротливый, еле мыслящий ум пытался поймать за хвост предыдущее воспоминание.

Ой... точно. Ребенок в картонной коробке. В конце концов, мальчик был вызволен из картонной коробки, несмотря на то, что был сильно травмирован. Но он до конца этого не осознавал и особо не расстраивался, пока не понял, что другие дети не подвергались такого рода насилию.

Какова же мораль этой истории? Когда вы воспитываетесь в определенной среде и познаете этот мир через место, в котором живете, и вам не с чем сравнивать, а также отсутствие сравнения означает саму странность вашего непознанного существования. Жизнь в семье в Истерли была вполне нормальной для него. Он предполагал, что и другие жили в

таких же поместьях с обслуживающим персоналом в семьдесят человек. Он предполагал, что роллс-ройсы были обычными автомобилями. Он предполагал, что президенты и высокопоставленные лица, звезды телевидения и кино посещали приемы его родителей потому что были близкими друзьями и хотели высказать свое почтение.

И тот факт, что подавляющее большинство людей на праздновании Дня города Чарлмонт и Университета штата Вирджиния, имели похожие социальные и финансовые положения, совершенно не менял его мнения на этот счет. А после окончания университета? Его внимание было полностью сконцентрировано на бизнесе семьи, так как он пытался занять определенное положение.

Он также воспринимал, как само собой разумеющимся, что многие ненавидели его отца.

Конечно, двое его братьев и сестра так сильно не презирали отца, как он, несмотря на то, что с их стороны присутствовала враждебность к нему, но его отрицательное отношение к отцу только укреплялось и оставалось неизменным. Даже если вспомнить, все те побои и издевательства, которые проходили исключительно за закрытыми дверями. И когда он был в состоянии еще свободно передвигаться и видел, как отец исполняет свой гражданский долг по отношению к своим отпрыскам, когда устраивает очередную вечеринку, он мог только предположить, что это очередное шоу для общества, а за кулисами скрывалась настоящая темная реальность.

Именно так все и происходило в семье Брэдфордов.

Его глаза открылись, когда он стал продвигаться по служебной лестнице, управляя КББ, обнаружив, что его отец не просто дерьмовый отец, но и плохой бизнесмен. И тогда он совершил ошибку, решив противостоять Уильяму Болдвейну.

Два месяца спустя Эдвард поехал в Южную Америку по текущим делам и был похищен. Его отец отказался платить выкуп, и как результат, Эдвард поплатился за это. Частично потому, что его похитители были разочарованы, частично потому, что им было скучно.

Но в главное, его отец велел им убить его.

И тогда он понял, что Уильям был по существу мерзким, злым человеком, который за всю свою жизнь совершил уйму ужасных злодеяний, ранив очень многих людей различными способами.

К счастью для Эдварда, неожиданный спасатель материализовался в джунглях, и Эдварда перебросили по воздуху в США на военную базу и, в конце концов, вернули домой в Штаты, высадив здесь в Чарлмонте, как потрепанный помятый чемодан, при задержке прохождения таможни.

Пока воспоминания, как он вновь учился ходить, подниматься вверх по лестнице, есть и мыться, грозили проломить дверь замка душевного спокойствия Эдварда, он поймал себя на мысли, что ему не хватает спиртного.

В такую ночь, как эта, когда все, что у него было — это бессонница и ему компанию мог только составить его каннибалистический ум, он готов был убить, чтобы забыться, и спиртное очень бы помогло.

После его первоначального, медицинского интенсивного восстановления, спиртное стало его хранителем, как только он отказался от опиатов. Когда дни и ночи превратились в одни сутки, скучно тянувшиеся в оцепенении и облегчении, он исправно употреблял спиртное, ранее одурев от наркотиков, благодаря ему от отправлялся на хорошем корабле *Lolli-booze* в свое забытье-плаванье, тем самым получая небольшую передышку от своего

разума и тела. Подпитывая свое в цирротическое хобби, которое было ему просто необходимо.

Как только стало ясно, что он отправляется в тюрьму, Эдвард понял, первые семьдесят два часа станут для него адом, поскольку начнется детоксикация. На самом деле, это было тяжело, и не потому, что он лишился своего психологического костыля. Он чувствовал себя еще более слабым в теле, и, хотя дрожь в руках и ногах была не такой сильной, но все равно они дрожали, но не на столько создавали мучения для его тонкой моторики и чувства равновесия.

Взглянув на свои болтающиеся оранжевые тюремные штаны, он вспомнил свою прежнюю жизнь, свое прежнее тело и свои прежние мысли. Тогда он был настолько цельным, готовя себя к принятию «Компании Брэдфорд бурбон» после отца-пенсионера, к принятию стратегических бизнес-решений, и редко выпускающего пар в игре ракетбол и теннис.

Как и ребенка в картонной коробке, он даже не мог себе представить, что есть и другая жизнь, поджидающая его. Совсем иное существование. А изменения тем временем прятались за углом, чтобы очистить его сознание.

В отличие от мальчика в коробке, его жизнь стала намного хуже, по крайней мере, после всех происшедших изменений. И это произошло еще до того, как ему зачитали обвинение, поместив сюда, в камеру с туалетом, у которого не было крышки сверху, кроме холодного кольца вместо сидения.

Хорошая новость заключалась в том, что то, о чем он больше всего переживал, теперь будет в порядке. Его младший брат Лейн принялся за КББ и собирался надлежащим образом трудиться в бизнесе по производству бурбона. Их мать, маленькая ВЭ, была настолько не в себе от возраста и лекарств, возможно, она хотела бы прожить остаток своих дней в Истерли, а возможно нет, пребывая в блаженном неведении изменения социального статуса ее семьи. Джин, его сестра, теперь была замужем за известным человеком, которым сможет манипулировать по своему желанию до конца своих дней, а его другой брат, Макс? Ну, паршивая овца в семье всегда останется именно паршивой овцой, предпочитающей путешествовать и жить подальше от Чарлмонта, и призрачное наследство, которое причитается ему, он не оценил и не собирался никак заботиться о поддержании семьи сейчас.

А что касается себя? Возможно, когда его переведут из этого округа в обычную тюрьму и позволят ему пройти, если это возможно, сеансы физической терапии, которая могла бы ему хоть как-то помочь. Он мог бы вспомнить свою другую специальность, сидя в тюрьме. И воссоединиться с любовью к английской литературе. Или научиться делать номерные знаки.

Это была не та жизнь, которую он с радостью ожидал, но он привык к безнадежности.

И что еще более важно, иногда единственным утешением было поступить правильно. Даже если это решение требовало больших жертв, но ты знал, что было место, где близкие, наконец, находились в безопасности от происходящего кошмара.

Как и его отец.

На самом деле, Эдвард решил, что обществу показалось достаточным обвинение в убийстве, поэтому никто не пришел оплакивать Уильяма Бодвейна. Чертовски жаль, что это не могли признать за юридическое оправдание...

Шаги, раздавшиеся по коридору, были тяжелыми и целеустремленными, и в ту же секунду настоящее разлетелось в клочья, прошлое нахлынуло на него, как монстр из болота, он уже не мог понять находится ли в джунглях, связанный грубой веревкой, и будут ли его

еще бить... или же он находился в тюрьме в своем родном городе...

Громкий лязг двери заставил подскочить его кровяное давление, сердце заколотилось, пот выступил на его ладонях и лице. Парализованный страхом, ногтями впившись в подкладку матраса, его тело так сильно дрожало, что застучали зубы.

Всю эту сумятицу, происходящую с ним, вызвал шериф, который открыл дверь его камеры, сделав ему только хуже, а не лучше.

— Ремзи? — с трудом тонким голосом произнес Эдвард.

Афроамериканец в золотисто-коричневой форме шерифа был огромным, с настолько широкими плечами, что закрывал дверной проем, настолько устойчиво стоящий на ногах, словно они были вкручены в пол. Бритый наголо, с подбородком, который настойчиво говорил, что спорить с ним бесполезно, Митчелл Рэмси обладал природной силой и имел бляху... и это был второй раз, когда он пришел ночью за Эдвардом.

На самом деле, единственная причина, почему Эдвард был до сих жив, заключалась в том, что шериф сам отправился его искать в джунгли. Как бывший армейский рейнджер, Рэмси обладал навыками выживания в экстремальных условиях и определенными контактами на экваторе, чтобы выполнить свою работу, он, как правило, обычно играл роль «мастера на все руки» — решая проблемы богатых семей Чарлмонта, поэтому спасение было в его юрисдикции.

Если вам нужен телохранитель, защитник, частный детектив или кто-то для взаимодействия с правоохранительными органами, Рэмси числился первым в списке, к кому можно было обратиться. Сдержанный, невозмутимый, тренированный убийца, он красиво ладил с опасностью, если можно так выразиться.

— К тебе посетитель, дружище, — сказал шериф своим глубоким южным голосом.

Эдварду потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя, поскольку страх сковал ему горло.

— Давай. — Рэмси указал на выход. — Мы должны идти.

Эдвард моргнул, так как эмоции вот-вот готовы были выйти наружу также, как и слезы. Но он не мог позволить себе утонуть в ПТС. Все происходило здесь и сейчас. Никто не собирался приходить к нему с битой и ломать ему ноги. И не кто не собирался колоть его ножами и резать. Никто не собирался его бить, пока его не начинало рвать кровью, и он не мог уже держать голову прямо.

Рэмси вышел вперед и протянул свою медвежью лапу.

— Я помогу тебе.

Эдвард посмотрел в его темные глаза и сказал именно то, что и два года назад:

— Не думаю, что я смогу встать.

На мгновение Рэмси, казалось, вспомнил Южную Америку, он на пару секунд прикрыл глаза, его большая грудь расширилась, потом опала, он попытался сохранить равновесии при глубоком вдохе.

Очевидно, что даже у бывшего армейского рейнджера были воспоминания, хотя люди его типа не имели привычки обращаться к прошлому.

— Я помогу. Давай.

Рэмси помог ему подняться с койки, подождав, когда Эдвард встал на прямых ногах, часы, проведенные в сидячем положении, превратили плохо зажившие мышцы в камень. Когда он, наконец, был готов передвигаться, еле ковылять было так унижительно, особенно рядом с шерифом, обладающим невероятной силой, но, по крайней мере, хромая, он вышел

из камеры на парапет, и к нему вернулась ясность осознания происходящего через трясину его травмирующих воспоминаний.

Их шаги гремели по металлической решетке лестницы, Эдвард посмотрел через перила вниз на общую зону. Там все было чисто, стальные столы и скамейки были сильно поцарапанными, оранжевая краска потерлась в некоторых местах больше, особенно где играли в карты заключенные, в других поблекла меньше. Нигде не было видно мусора, ни журналов, ни книг, ни предметов одежды, ни фантиков от конфет или пустых банок от газировки. Опять же, все предметы в определенных обстоятельствах могут стать оружием, если не будут соблюдаться правила.

Эдвард был на полпути вниз по лестнице, когда он остановился, его мыслительные способности, наконец-то вступили в силу.

— Я не хочу никого видеть.

Рэмси слегка подтолкнул его локтем и отрицательно покачал головой.

— Ты встретишься.

— Нет, я...

— У тебя нет выбора, Эдвард.

Эдвард отвернулся, для него все встало на свои места.

— Не верь им. Много шума из ничего.

— Продолжай двигаться, парень, которого я...

— Я уже встречался сегодня днем с психиатром и сказал ему, что нет повода для беспокойства.

— К твоему сведению, ты не настолько квалифицирован, чтобы давать оценку своему психическому состоянию.

— Имеются ли у меня суицидальные наклонности, да?!

— А они имеются? — Рэмси смотрел прямо ему в глаза. — Тебя засекли с заточкой...

— Я же все объяснил. Я кое-что забрал из столовой и собирался вернуть...

Рэмси схватил его за предплечье, подняв вверх всем телом, рукав его тюремной униформы натянулся.

— Ты использовал эту вещь здесь. В этом и состоит проблема.

Эдвард попытался вернуть себя в исходное положение, но видно шериф не был готов согласиться с его действиями, пока сам не решил отпустить. И в ярком флуоресцентном свете, появившиеся раны на его запястьях, просто вопили о боли.

— Послушай меня, мой мальчик, сделай нам обоим одолжение, пойдем со мной.

Рэмси опустил руку к локтю Эдварда, подтолкнув, но толчок был настойчивым, отчего Эдварду стало ясно, что шериф готов развернуться на сто восемьдесят градусов от него, если ситуация изменится.

— Я не самоубийца, — пробормотал Эдвард, вновь сжав перила и неуклюже, шаркая тюремными ботинками, продолжил спуск. — И кто бы это ни был, я не хочу их видеть...

Лейн, стоял на террасе Истерли, сразу же опустил дуло своего пистолета, блестящий красный лазерный прицел, нацеленный в грудь, потух, как только он нажал на курок в другую сторону.

— Я же мог тебя застрелить! Какого черта?

Гэри МакАдамс снял свою бейсболку и комкал ее своими натруженными руками.

— Простите, мистер Лейн.

В лунном свете лицо мужчины казалось все в глубоких морщинах, на сверх загорелом

лице они казались такими глубокими, словно похожи на следы шин в грязи, пока он приглаживал свои непослушные волосы, бесконечно произнося свои извинения.

— Не хотел потревожить ничей сон.

Лейн попытался засунуть пистолет за спину, и понял, что на нем одеты только шорты боксеры.

— Нет, я всегда рад тебя видеть в саду. Я хочу сказать, что мне не хотелось делать в тебе дырку.

— В системе фильтрации бассейна, в насосе произошло короткое замыкание. Я заказал детали, но потом вспомнил, что на этой детали черт побери есть вмятина. Я въехал сюда через задние ворота и закрыл их. Когда вышел, заметил, что..., — он указал на заднюю часть дома. — Средний газовый фонарь перестал светить. Я заволновался, что может кого-то ударить током и намеревался проверить питание.

Конечно же, в ряду старомодных латунных светильников один не горел, так и у ребенка отсутствует ряд резцов.

Закрыв глаза, Лейн покачал головой.

— Ты слишком хорош для нас.

С ворчанием Гэри прошел вверх по каменным ступеням, обратно водрузив свою бейсболку на голову.

— Дом и все, что находится вокруг него, напоминает пожилую женщину, что-то всегда будет не так. Надо все время быть начеку и за всем следить.

«Если мы вообще сможем сохранить это место», — подумал Лейн, следуя за ним.

Впервые за всю историю Истерли, все акры земли вокруг и сам дом был заложен. К счастью, заложен другу семьи, а не банку, а именно Саттон Смит, которая явно хотела получить свои деньги и проценты. Как насчет ремонта? Гэри был прав. Все время бесконечно что-то нужно ремонтировать, а если это окажется крыша? Электрическая проводка? Или фундамент, простоявший двести лет?

Потребуется очень много времени, прежде чем они смогу погасить долг: не только в целевом трастовом фонде матери, но и в самой «Компании Брэдфорд бурбон», которая задолжала более ста миллионов долларов, и еще оставался дефицит денежных средств, несмотря на то, что Лейн заплатил пятьдесят миллионов, которые его отец взял из трастового фонда доверия.

Более ста миллионов долларов. Плюс трастовый фонд его матери.

Это был ошеломляющий и впечатляющий дефицит денежных средств, и все благодаря отцу, который финансировал всякую хрень, открывая кучу предприятий, имеющих две общие черты: первая, все они были записаны на Уильяма Болдвейна, и вторая, они не поднялись, они тоже рухнули... или даже не успели начать свой бизнес.

Лейн продолжал копать, чтобы добраться до низа этой пирамиды.

Раздумывая по поводу долгов, он все же решил обратить внимание на Гэрри, который подошел к фонарю, вытащил отвертку из заднего кармана своего комбинезона и начал откручивать основание.

— Тебе нужно посветить для работы? — поинтересовался Лейн.

— Здесь достаточно света.

— Должно быть ты переел моркови, что светишься сам. — Войдя на террасу Истерли, Лейн потер лицо. — Здесь темно, как внутри черепа.

— Я справлюсь.

Гэри снял тяжелый стеклянный плафон, Лейн выпрямился.

— Хочешь, я могу поддержать?

— Неее, вы явно его уроните.

Лейн должен был засмеяться.

— Что моя некомпетентность в этом вопросе, настолько очевидна?

— У вас достаточно компетентности в другой области.

— Лучше, чтобы это было именно так.

Выругавшись, Лейн устался в темноту на клумбы перед бизнес-центром. Два года назад снесли конюшни и построили бизнес-центр, два года назад в деньгах не было такой нужды, как сейчас, их просто не считали, все были уверены, что они будут всегда, их просто не могло не быть⁴ в результате был построен бизнес центр архитектура, которого настолько великолепно сочеталась с самим домом, что было трудно сказать, где начиналась античная постройка, а где нашего времени. Если только под шиферной крышей? Если только за стильным рядом французских дверей, каждая из которых была ручной работы, соответствующая оригинальным дверям особняка? Здесь было вполне достаточно помещений для генерального директора КББ и топ-руководителей, плюс специалистов, а также полностью оборудованная кухня, столовая и конференц-залы.

Корпоративная штаб-квартира была также оснащена по последнему слову техники, но за последние три года все главные решения принимались в этом бизнес-центре, прямо через сад.

Уильям настоял на строительстве и своем переселении, как генеральном директоре, чтобы в любой момент поддержать жену, которая была больна и не вставала с кровати. Правда, все-таки (открылась около двух недель назад) и заключалась в том, что ему необходимо было уединение, чтобы постепенно разворовывать денежные средства компании. Это уединенное пространство, с ограниченным количеством персонала и очень современной системой безопасности, позволило ему сохранять свою уединенность, совершая хищения, многие из которых до сих пор были не открыты.

Таким способом, он смог идеально защитить себя от посторонних глаз. И это был поистине идеальный план, по крайней мере, за такое короткое время перевести активы БКК на свое имя, установив полный контроль Уильяма Болдвейна.

Жаль, что ублюдок был совершенным профаном в бизнес-решениях: заброшенные рудники в Южной Африке, убыточные отели на западе, старт-апы в области коммуникаций и технологий. Казалось, что все вложения средств Уильяма были прокляты, любые его инвестиции, и Лейн по-прежнему пытался выяснить, сколько именно предприятий на свое имя он успел открыть...

— Как там мисс Аврора? — спросил Гэри, засунув пальцы внутрь фонаря, а затем покрутил отверткой. — Ей лучше?

Ах, Лейн даже не хотел думать об этом.

— Нет, боюсь, что не лучше.

— Она умирает?

За последние несколько дней, когда ему кто-нибудь задавал этот вопрос, он всегда отвечал с оптимизмом. А сейчас в ночи, стоя рядом с Гэри, он сказал правду:

— Да, думаю да.

Глава садоводов откашлялся. Дважды.

— Она хорошая женщина.

— Я передам, что ты спрашивал о ней.

— Сделай так, парень.

— Ты мог бы съездить к ней навестить, понимаешь?

— Неа. Не могу.

И это было именно так. Гэри МакАдамс относился к той старой школе людей, которые не особенно распространялись о своих глубинных переживаниях. Он и мисс Аврора стали работать в семье Брэдфордов, когда были еще подростками, и ни один из них так и не женился, и не вышел замуж, и собственных детей у них тоже не было. Имение было их домом, сотрудники и сама семья, в этой земле и в доме заключался весь их мир.

И Лейн не собирался говорить Гэри об этом.

У главного садовода грусть и тоска была настолько же реальной, как и его собственная, и не первый раз Лейн еще больше зауважал этого человека, который был молчуном от природы.

— Я рад, что ты остаешься с нами, — услышал сам себя Лейн. Все воспринимали состояние мисс Авроры более спокойно, с таким же успехом он мог говорить о ее похоронах, ничего бы не изменилось. — И я заплачу...

— Мне кажется, клапан засорился. Вернусь утром и разберусь с ним. По крайней мере, теперь не будет замыкания, а значит и опасности пожара.

Гэри поднял плафон и водрузил его на место, Лейн сглотнул комок в горле. За столько лет поместье оказало магическое воздействие на семью. Он никогда не беспокоился сколько стоит содержать сад, он никогда не считал цены на продукты и спиртное или страховки на все машины, антиквариат и другие ценные вещи, а также отопление, электричество и счета за воду. Он бегал за женщинами всю свою жизнь, дрейфуя на поверхности в золотых лучах богатства, в то время как люди, находящиеся ниже его по статусу, трудились за минимальную зарплату, не ропща, заботились, поддерживая уровень, которым он смог бы пользоваться.

И мысль о том, что Гэри МакАдамс остался с ними и не подумал требовать свой чек каждую неделю, заставила Лейна почувствовать себя примерно так же высоко, как подошва на ботинке.

— Хорошо, итак мы разобрались в чем дело.

Старик отступил и засунул отвертку в тот же карман, из которого достал.

— Ты, ах..., — Лейн поймал его за плечо и сжал. — Ты всегда носишь с собой одну из отверток в кармане?

— Одну, какую? Эту с крестообразным шлицем?

— Ага.

— А почему нет?

— Хорошо подмечено...

И вдруг краем глаза Лейн заметил движение сбоку.

— Подожди, что это было?

— Ничего, — ответил Гэри. — Что вы там еще увидели?

— Там мелькнуло что-то белое. — Лейн указал пистолетом на балкон, который выходил на реку, где всегда на закате подавались коктейли. — Там мелькнуло... Я мог бы поклясться, что увидел кого-то в белом платье...

Он замолчал, раздумывая над своими словами, понимая, что со стороны мог показаться сумасшедшим.

— Вы думаете, там привидение или что-то типа того? — спросил Гэри.

Казалось, что глава садовников не особенно встревожился. Опять же, если бы вдруг сама машина упала Гэри на ноги, он достал бы свою отвертку и разобрал бы эту чертову штуковину на запчасти.

Лейн подошел и посмотрел за угол дома. Терраса была пуста, но он продолжил свой путь к краю холма. И вынужден был признать, что перед ним открывался потрясающий вид на реку Огайо, видневшуюся вдалеке, спокойно проделывающая свой путь к деловому, финансовому району Чарлмонта. И на фоне темного небосклона неравномерно мерцающие огни небоскребов, заставляли его задуматься о пузырьках, поднимающихся в бокалах с шампанским, и редких единичных автомобилях, несущихся по переплетенным магистралям, ставших визитной карточкой Запада, медленно отходящего ко сну.

Глянув вниз стены, он проверил старые лестницы, которые сползали по большой каменной насыпи. Истерли был построен на вершине самого высокого имеющегося в городе холма, особняк был настолько велик, что земельный участок нужно было увеличивать и досыпать землей, удерживающей его на вершине с помощью цемента и камня. Когда все было в листве, как сейчас в мае, никто не сможет оценить насколько надежно стоит дом на своем насиженном месте, густая листва не открывает всю картину. Зимой, правда, когда начинаются холода, и деревья стоят голые, видно насколько опасно возвышается особняк на вершине холма, что иногда даже кружится голова.

Лейн смотрел вниз, но никто не несся вниз по ступенькам. А также никто не мог попасть в поместье через ворота, которые были на замке.

Приняв вертикальное положение, Лейн стал волноваться увидел ли он что-то на самом деле. Он бы предпочел признать, что увидел призраков своих предков, которые не смогли покинуть этот дом, чем то, что у него развилась определенная форма маразма.

И, Господи, зачем ты мне это показал? На самом деле, это был очень дермовый выбор.

— Спасибо, Гэри, — произнес он, как только к нему приблизился глава садоводов.

— За что спасибо? Просто делал свою работу. — Парень водрузил бейсболку на голову. — Вам следует пойти отдохнуть. Вы выглядите усталым.

— Хороший совет. Даже очень хороший совет.

Лейн мог точно сказать, что в оставшееся время не сможет заснуть.

— И мне кое-что пришло на ум, — произнес Гэри.

— Что именно?

— Бог не дает больше, чем вы можете вынести. Это не означает, что будет легко, но я гарантирую, что он знает вас гораздо лучше, чем вы сами себя.

— Надеюсь, что это так и есть.

Его разнорабочий пожал плечами и отвернулся.

— Не важно, верите вы в это или нет. Это правда. Вот увидите.

Комната для допросов была точно такой же, в которой Эдвард ранее встречался этим же днем с адвокатом, назначенным судом, которого он тут же уволил. И также как и в его камере, мебель была сделана из нержавеющей стали, прикреплена болтами к полу, стол и четыре стула были жесткими и холодными.

Он выбрал место, чтобы сесть лицом к двери, с облегчением опустив свое травмированное, болезненное тело, но он все равно не сдержался и охнул. И хорошим было то, что рядом находился Рэмси. Митч, по крайней мере, видел его в еще худшем состоянии, поэтому не было необходимости ничего от него скрывать.

— Может ты все же скажешь мне, кто пришел? — попросил он, молясь, чтобы это был не Лейн. Его младший брат был последним, кого он хотел бы видеть, хотя он очень его любил. — Или ты хочешь, чтобы я гадал?

— Жди здесь.

— Как будто я могу куда-то деться!

Шериф вышел и послышался лязг двери, когда он ее закрыл. Оставшись в одиночестве, Эдвард положил на поверхность стола свободно сцепленные руки. Кондиционер здесь более интенсивно гонял холодный воздух, даже морозный, тихо работая над его головой. Понижение температуры не означает, что воздух становится свежее. В помещении по-прежнему пахло своеобразным букетом металла, перемешанным с чистящими средствами и терпким запахом от тел.

«*Пожалуйста, только не Лейн*», опять подумал он.

Его младший брат был его ахиллесовой пятой, и он волновался, что Лейн может все испортить. Когда они росли, Эдвард всегда держал все под контролем... ну, за исключением тех раз, когда начинал действовать Макс, тогда уже никто ничего не мог контролировать, даже сам Максвелл. Но Эдвард всегда был и оставался признанным авторитетом и стратегом, и он считал, что продолжил эту почетную традицию, поручив Лейну признать тот факт, что смерть отца была от его рук, Эдварда, а не кого-то другого.

Теперь же Лейну стоило заботиться о всех остальных.

В конце концов, их мать не была в состоянии справиться с чем-либо подобным, для этого требовалось много сил, единственное на что ее хватало скорее всего, провести щеткой по волосам прежде, чем ее голова вернется на обтянутые шелком подушки. А Джин? Джин предстояло с трудом привыкать, лишившись частных самолетов, к бизнес классу. А Макс? Без вариантов. Этот бродяга скорее всего уедет из города на первом попутном грузовике, чем будет решать судьбоносные проблемы, касающиеся всей семьи в ближайшее время.

Но если это не Лейн, тогда кто бы это мог быть? Не психиатр же из клиники пришел к Эдварду, волнуясь за его душевное состояние. Не священник для отпевания, потому что, хотя он чувствовал себя мертвым, но не умирал. Конечно, и не из конюшен Red & Black, поскольку Мое Браун мог управляться там с закрытыми глазами.

Кто же...

Из глубин его сознания возник образ высокой брюнетки с классически красивыми чертами лица и европейской элегантностью во всем.

«*Саттон...*» подумал он. Она пришла к нему?

Саттон Смайт была для него идеальной парой... только, когда он руководил

«Компанией Брэдфорд бурбон», а также его крупнейшим конкурентом, как наследница корпорации «Ликеро-водочные заводы Саттон». И не из-за того, что они вместе выросли в поместьях Чарлмонта, не из-за того, что они вернулись из университетов, чтобы продолжить работать и руководить на предприятиях своих семей, и не из-за того, что встречались на благотворительных гала-концертах, частных вечеринках, а заседали в разных советах директоров. Они никогда не были официально вместе, никогда не ходили на свидания, никогда не соединяли свои жизни.... хотя многие годы испытывали притяжение друг к другу, и совсем недавно, вернее два раза занимались любовью.

Прямо трагедия Шекспира для них двоих. Любовники, не способные соединить свои судьбы из-за статуса семей.

Но он любил ее. Насколько мог, наверное, мало, но любил только ее.

Прежде чем он сделал свое признание полиции, он сказал Саттон, что у них нет будущего. Он убил ее этим, но он хотел причинить ей боль, чтобы она забыла его и отвернулась, но, должно быть, она услышала в новостях о его аресте... может, она решила прийти, чтобы устроить ему здесь еще больший ад. Ведь Саттон была одной из тех, кто будет досконально расспрашивать, чтобы понять *всю правду*, почему, где и как, и она прекрасно понимала, что Рэмси мог устроить ее посещение в часы, не предназначенные для посещений, чтобы снизить риск вечно голодной прессы, узнавшей, что она собирается к нему...

Раздался лязг, дверь стала открываться, и на долю секунды сердце Эдварда сильно забилося, у него даже закружилась голова.

Он быстро накрыл свое запястье ладонью, хотя его рукава прикрывали наручники... тяжелая панель распахнулась. Рэмси вошел, за его огромными плечами и грудью, Эдвард не видел ничего, отчего он уперся ладонями в стол и попытался подняться...

— О, нет, — пробормотал он, упав на место. — Нет.

Рэмси отступил в сторону, предлагая войти... и появилась молодая женщина, которая прошагала именно туда, куда ей указали, словно пони, проходя мимо тяжеловоза. Шелби Лэндис была едва ли пяти футов ростом, белокурые волосы собраны сзади резинкой, ни грамма макияжа, и выглядела она так молодо, что пришлось задаться вопросом, может ли она садиться за руль в своем возрасте.

— Я оставлю вас наедине, — пробормотал Рэмси, начиная закрывать за собой дверь.

— Пожалуйста, нет, — сказал Эдвард.

— Я отключил камеры слежения.

— Я хочу вернуться в свою камеру! — завопил Эдвард, но дверь уже была закрыта и заперта.

Шелби замерла там, где остановилась. Ее голова и глаза были опущены, и она что-то поправляла у себя на груди, ее футболка и джинсы были выстиранными, но видно, что заношенными. Единственная дорогая вещь, которая была на ней — с металлическим носком кожаные высокие сапоги. Кроме этого, весь ее гардероб был куплен в Таргете на распродажах. Опять же, когда ты всю жизнь работаешь с лошадьми, особенно с жеребцами, главное правило — все, что ты носишь в течение дня придется стирать вечером, ноги же самая уязвимая часть человеческого тела, так как лошади имеют копыты.

— Что? — Эдвард попытался откинуться на спинку стула, но черт возьми, эта штукавина имела такую же гибкость и комфорт, как цементная стена. — Ну?

Голос Шелби был мягким, хотя все ее тело от работы было упругим и закаленным.

— Я просто хотела удостовериться, в порядке ли вы.

— Я в порядке. Здесь каждый день как Рождество. Теперь, если ты меня извинишь...

— Наб порезал морду вчера вечером. В середине грозы. Я не смогла достаточно быстро накинуть на него капор.

В тишине, которая последовала, Эдвард вспомнил, что только неделю или около того, Шелби появилась на пороге его коттеджа в конюшнях Red & Black, где она теперь постоянно жила. У нее ничего не было, кроме старого грузовичка и указаний от умершего отца, найти работу у Эдварда Болдвейна. Первый не представлял из себя ничего особенного, всего лишь четыре шины и ржавый корпус. Но вторым был долг, и он касался непосредственно чести Эдварда: все, что он знал о лошадях, он узнал от ее гениального отца-алкоголика. И что вы думаете... Все, что Шелби знала о лошадях и алкоголиках, безусловно, дали ей фору в общении с Эдвардом.

— Мой жеребец идиот, — пробормотал он. Потом подумал: *«Впрочем, как и его владелец»*.

— Мо и ты пригласили ветеринара?

— Пятнадцать стежков. Я обшиваю его стойло. Он всегда был таким?

— Горячая голова с сумасшедшим нравом, впадает в высокомерие и панику. Поэтому и может ранить себя. Да, и с возрастом становится только хуже.

При таком сочетании, возможно, он и его жеребец могли бы получить здесь соседние камеры. Он, конечно, был бы признателен иметь такую компанию, и многолетние весенние грозы здесь труднее расслышать через бетонные стены тюрьмы.

— С новыми жеребятами все в порядке, — пробормотала Шелби. — Они любят луга. Мы с Мо переводим их с пастбища на пастбище.

Он вспомнил своего конюшенного управляющего. Такой хороший парень, настоящая соль земного Кентукки, конник.

— Как Мо?

— Хорошо.

— Как парень Мо?

— Хорошо.

Румянец залил ее щеки, Эдвард был так рад, что он подтолкнул ее в его сторону, в сторону Джоуи, подальше от себя. Из-за того, что она привыкла иметь дело с определенной проблемой, не значит, что ей необходимо спать с ним, хотя бы и короткое время, Шелби привыкла балансировать и начала влюбляться, поскольку подобное состояние хаоса было очень ей знакомо.

И, в свою очередь, он то же стал привыкать, испытывая даже влюбленность к ней, потому что терпел ненавистное одиночество.

Они оба притихли, он боролся с искушением подождать, чтобы она назвала истинную причину, из-за которой приехала к нему. Однако, несмотря на то, что ему нечем было заняться, кроме как тянуть время, он не выдержал.

— Ты же не приехала сюда посреди ночи, чтобы поговорить о ферме? Почему бы тебе просто не сказать.

Глаза Шелби поднялись к потолку, и ему показалось, что она молится, это совсем не наполнило его счастливым ожиданием. Может, речь о деньгах? Племенная ферма, которую основал еще его пра-пра-прадед, стала последним местом карьеры Эдварда, не просто шаг назад, когда он поскользнулся, упал и ударился головой, а успешно сдался, сложив с себя

полномочия генерального директора очень успешной, процветающей «Компании Брэдфорд бурбон». Но для его предка ферма было обычным хобби, для него же это оказалось настоящим спасением... и он решил, что оставил свое предприятие с хорошим положительным сальдо.

— Теперь послушай, — сказал он, — если речь идет о зарплате, то мы только стали получать прибыль. И денег достаточно на текущем счете...

— Простите?

— Наличных. На текущем счете. Я оставил там пятьдесят тысяч. И долгов у нас нет, да и продажи за год...

— О чем речь?

Они с замешательством смотрели друг на друга, он выругался.

— Значит ты приехала не потому, что решила будто нет денег на счете и я не смогу тебе заплатить?

— Нет.

Ее ответ должен был быть для него облегчением. Но почему-то не был.

Шелби прочистила горло. И посмотрела ему прямо в глаза.

— Я хочу узнать, почему вы соврали полиции.

Лейн мог вернуться наверх, но он не хотел беспокоить Лиззи, он все равно бы не нашел покой от своей усталости. Его мозг, напоминал лачугу во время торнадо, его мысли превратились в летающий мусор, благодаря эмоциям, свирепствующим внутри... несмотря на то, что он любил находиться в постели рядом со своей женщиной, идея лежать в темноте, глядя на поток, замерев с ней рядом, в то время пока торнадо бушевало у него в мозгах, казалась ему адской.

Он оказался на кухне.

Зайдя в тусклое просторное пространство, он даже не стал заморачиваться, чтобы включить свет. Задний двор был хорошо освещен, и достойные фешенебельного ресторана просторы столешниц из нержавеющей стали и профессиональная техника, поблескивали в тусклом, еле уловимом свете, отчего ему показалось, будто тени дышали изнутри, пока их не вызовут опять на дежурство в следующую ночь.

Площадь кухни, которая своими размерами напоминала хороший боулинг-клуб, была разделена пополам — одна предназначалась для банкетов, когда дюжина шеф-поваров измельчала сотни *hors d'oeuvres*, а затем выкладывала в здесь же стоящие тарелки своеобразные свои фантазии, обрызганные соусом, с деликатесами, в тут же стоявшие в виде небольшой армии миниатюрные *pots de crème* рамекин. Другая сторона предназначалась для семьи, где мисс Аврора готовила еду, делая завтрак для гостей, находившихся в доме, обед или ужин на четыре, шесть или двенадцать персон.

«Сколько людей кормились здесь», подумал он. Возможно отели, принимающие различных людей к себе на конференции, скорее всего готовили и того меньше, особенно когда его родители были сливками общества и имели власть. Пока он рос, каждый четверг были котельные вечеринки, официальный ужин каждую пятницу для двадцати четырех человек, в субботу приходило три— или четыре сотни, так как проводились торжественные мероприятия по благотворительности, и городские мероприятия или знакомство с политическими кандидатами. А потом шли праздники. И Дерби.

Черт, на Derby brunch в этом году было подано джулепа и мимозы более семи сотен, прежде чем люди вышли к треку.

Теперь, скорее всего, толпы, подобной этой, останутся в прошлом Истерли. У них не было денег, чтобы позволить себе такой размах. А если, учесть тот факт, что только горстка людей пришла проститься с отцом, так как плохие новости о «банкротстве Брэдфордов» явно отважили орды от Истерли.

Забавно, насколько богатые люди могут быть мнительными. Скандал был только хорош, если он случался с кем-то другим, и сплетни выслушивались не о себе самом. Ни в коем случае богатые люди не хотели приближаться, поболтать, похоже, боясь подцепить заразный вирус неплатежеспособности, банкротства.

Лейн подошел к центру кухонного острова и вытащил табуретку. Он сел и посмотрел на двенадцати конфорочную плиту, вспомнив, сколько раз наблюдал, как мисс Аврора готовила на ней, переставляя горшочки и сковородки. До сих пор его самой лучшей едой для него, считалась ее капуста с жареной курицей, и он задался вопросом, как он собирается дальше жить, не имея ее рядом.

Он вспомнил, как он появился в Чарлмонте несколько недель назад. Он прилетел, потому что ему позвонила родственница мисс Авторы и сказала, что его мама умирает. Это была единственная причина, которая могла вернуть его сюда, он тогда понятия не имел, что его здесь ждет.

Например, он понятия не имел, что обнаружит главного бухгалтера семьи, совершившую самоубийство, в ее же кабинете.

Болиголов, Боже сохрани! Напоминает римские нравы.

Смерть Розалинды Фриланд положила начало всему, как в домино, плохая новость повлекла за собой падение всех остальных фишек, денег, которые исчезли в неизвестном направлении со счетов компании, долги трастовому фонду перспективы доверия, опустошение трастового фонда матери и появление безвестного сына Розалинды от отца Лейна. Лейн боролся всеми силами, пытаясь найти дно, реструктуризируя компанию, пытаясь сохранить семейный дом, и вырос до роли, которую каждый, в том числе и он сам, добровольно на себя взял, сменив на этом посту своего старшего брата Эдварда, главы семьи.

А потом тело его отца было найдено в реке Огайо.

Все, в том числе полиция предположили, что он покончил жизнь самоубийством, особенно после вскрытия, показавшего, что Уильям Болдвейн страдал от рака и были обнаружены метастазы в легких, он курил всю свою жизнь. Этот человек умирал, и реальность, учитывая все финансовые законы, которые он нарушил и пропавшие средства, которые он разбазарил, была такова, что любой бы мог покончить жизнь самоубийством.

О, и еще была маленькая одна пикантная деталь, парень оплодотворил жену Лэйна.

Но, на самом деле, в списке грехов Уильяма, эта деталь практически казалась сноской.

Однако, причиной самоубийства не являлась. Но этот штрих, так сказать, смахивал на правду.

Его Лиззи и ее партнер по ландшафтному дизайну, Грета, копались в грядке под плющом, когда обнаружили часть тела Уильяма Болдвейна. Вернее, его палец, на котором он носил обручальное кольцо, если выражаться точнее. Это открытие привело департамент муниципальной полиции Чарлмонта опять в Истерли, и вызвало последующее расследование, которое привело полицию не к поместью, хотя дело все равно затронуло семью.

К Эдварду в конюшни Red & Black.

Лейн застонал и стал тереть воспаленные глаза, услышав голос брата в голове:

«Я действовал один. Они попытаются сказать, что мне помогли. Нет.

Ты знаешь, что отец сделал со мной. Ты знаешь, что он похитил меня и пытал...»

Фактически Уильям пытался убить собственного сына. Это и подвело Эдварда к замыслу и совершенному намерению.

«Пусть будет так, Лэйн. Не борись с этим. Ты знаешь, каким он был. Он получил то, что заслужил, и я ни в коем случае не жалею об этом».

Да, мотив мести был ясен.

Выругавшись, Лейн потянулся к стопке газет и вытянул самый последний выпуск *Charlemont Courier Journal*. И знаете, фотография Эдварда, выходящего из задней двери полицейской машины перед большой тюрьмой в центре города, была прямо над сгибом.

Ниже в статье дословно было написано именно то, что Эдвард сказал полиции: в ночь убийства, он ждал перед бизнес-центром, когда отец покинет офис. Эдвард намеревался все выяснить, так сказать расставить точки над «i», но Уильям вышел и упал на асфальт, даже не успев произнести ни слова. Когда Эдвард подумал, что у него случился инсульт, он решил не набирать 911, а помочь завершиться неврологическому приступу, начавшемуся у его отца.

С помощью лебедки на грузовике из конюшен Red & Black, ему удалось переложить в кузов не двигающееся тело отца, весом почти двести фунтов, Эдвард сел в машину и поехал в сторону берега реки, с трудом протащив все еще дышащего человека через подлесок. Когда он уже собирался столкнуть отца в воду, ему пришла в голову одна мысль, и он отправился за ножом... вернулся, чтобы отрубить ему палец. После этого он подпихнул Уильяма в непомерно поднимающуюся воду реки от гроз и вернулся в Истерли, чтобы закопать ужасный сувенир в грядке под плющом у фасада дома, как дань уважения своей многострадальной матери и семье.

И был таков.

Когда обнаружили палец и прибыла полиция, Эдвард скрыл многие вещи, стер кадры с ленты камеры безопасности, находящейся у заднего входа. Он оказался настолько глуп, пытаясь скрыть свои следы. Детективы вычислили не хватающих кадров, а также проследили вход в компьютер, как только они получили всю эту информацию, Эдварду ничего не оставалось, как признаться.

Лейн оттолкнул газету от себя.

Вот значит как! Сын, которого все боготворили и любили, находился в тюрьме за убийство человека, о котором никто не сожалел.

Раз уж пошло такое дело, это было крайне несправедливо, но иногда жизнь преподавала нам именно такие уроки. Несчастье, было обратной стороной счастья, но не всегда счастье приводилось в движение добродетелью или свободой воли, и лучше всего было запомнить, что эти два понятия никак не были связаны с личностью человека.

В противном случае можно было потерять рассудок.

— О чем черт побери ты говоришь? — потребовал Эдвард ответа.

Акустика в комнате для допросов была похожа на душевую кабину, пустые стены и отсутствие мебели эхом разносили его голос, словно в ракетболе.

Хорошо, возможно, он спросил немного резким тоном.

Но поскольку это была Шелби. И она привыкла иметь дело в течение дня с большими, непредсказуемыми лошадьми... значит, она не испугается его. Конечно, не ту шелущеную оболочку человека, с которой ей уже пришлось столкнуться, в виде пьяницы, причем ни один раз за свою жизнь.

— Я хочу знать, почему вы соврали полиции, — повторила она.

Эдвард взглянул на нее.

— Как ты сюда попала?

— Я приехала.

— Я не это имею в виду. Как ты смогла попасть в тюрьму после полуночи?

— Это так важно?

Эдвард понял, что пора «взять быка за рога».

— Что ты сказала Рэмси?

Она всего лишь пожала плечами.

— Я сказала, что мне нужно с вами поговорить. Вот и все. Когда полиция была в вашем коттедже в тот день, он дал мне свой номер и добавил, что если мне понадобится подмога, я всегда могу ему позвонить. Я поняла, что на мои звонки вы отвечать не будете, также я поняла, что вам не захочется никого видеть или знать, что вас собирается кто-то навестить. Днем бесконечно снуют журналисты.

— Я не лгал полиции. Все, что я рассказал, как убил своего отца — правда.

— Нет, это не...

— Полное дерьмо...

— *Не смейте* ругаться в моем присутствии. Вы же знаете, я ненавижу, когда вы ругаетесь. — Она села напротив, как будто то, что он выругался, позволяло ей сесть напротив и «без церемоний снять перчатки». — Вы сказали им, что повредили лодыжку, когда тащили тело от грузовика к реке. Вы сказали, что даже доктор Колби приходил потом.

— Именно так. Ты же была там, когда он осматривал меня.

— Вы не там повредили щиколотку. Вы споткнулись и упали в самой конюшне. Я была свидетелем, как это произошло, и вы хорошо это знаете. Я даже потом помогла вам вернуться в коттедж.

— Я *полностью* уверен, что ты ошибаешься, вспомнив, как произошла травма...

— Я *не ошибаюсь*.

Эдвард еще раз попробовал ее переубедить, но не продвинулся дальше первой попытки, когда она стояла на своем.

— Дорогая моя, ты видела меня голым. И точно знаешь, как... мы продолжим... говорить насколько я травмирован? Я падал много, много раз... позволь тебе напомнить, что из-за того, что ты не была в том подлеске со мной, на берегу реки, не означает, что я не повредил себе щиколотку именно там. Это похоже на то, когда люди удивляются, что упало дерево, но никто не слышал грохота. Уверю тебя, когда падают деревья, они создают много

шума, но ты можешь его не услышать.

— Вы солгали.

Он закатил глаза.

— Если я солгал, хотя я никому не лгал, какое мне от этого польза? Я сижу за убийство отца. Я признался. Я сказал, что именно я совершил это убийство и попробуй угадай? Найденные доказательства подкрепляют мои слова. Поэтому я могу тебя заверить, что не стоит столько волноваться о моей лодыжке.

— Я думаю, что вы этого не делали. И мне кажется, что вы врете, чтобы прикрыть кого-то другого.

Эдвард рассмеялся на ее слова.

— С каких пор ты заделалась Коломбо? К твоему сведению, тебе понадобится новый гардероб, замызганный плащ и сигара.

— Я видела, что вы были пьяны в ту ночь, когда его убили. Вас не было дома. Вы, безусловно, были не способны в таком состоянии волочить бездвигательное тело.

— Позволь, я с тобой не соглашусь. У нас алкоголиков, ответная реакция происходит очень быстро...

— Ни один из грузовиков не выезжал той ночью. Я сплю над конюшней В, и все грузовики стояли в ряд прямо под моим окном. Я бы услышала, как заводят двигатель... да, и лебедка, о которой вы говорили? Она была сломана.

— Нет, не была.

— Была.

— Тогда как я, Господи ты боже мой, воспользовался ею, чтобы поднять тело моего отца в кузов грузовика...

Она постучала по столу.

— Не произносите имя Господа всуе...

— Иииии мы все на том же месте, не так ли? Послушай, я убийца. У меня очень низкие стандарты поведения, и я не напрасно, черт возьми, так хочу, чтобы было.

Шелби подалась вперед и, когда ее глаза столкнулись с его, он пожалел, что нанял ее.

— Вы не убийца.

Он первым отвел взгляд, проиграв в гляделки.

— Похоже, мы зашли в тупик. Я буду отрицать все, что ты скажешь и придерживаться исключительно своей версии, потому что именно так все и случилось... и твой дорогой Бог знает это. Тогда вопрос, по-видимому, заключается в том, что ты собираешься делать?

Она молчала, он незаметно взглянул на нее.

— Ну?

Она опустила глаза и сцепила натруженные шершавые руки, он воспринял ее жест, как выигрыш в их схватки.

— Не делайте этого, Эдвард. Пожалуйста... Кто бы не убил его, вы должны позволить ему отсидеть срок. Потому что иначе все неправильно, совершенно несправедливо.

О, ради Бога, она начала плакать. У нее не было истерики, на которую он мог бы многое списать, она просто плакала, как человек, испытывающий глубокую боль и ощущающий себя таким беспомощным, что не может исправить существующую несправедливость.

Господи, ему было бы лучше, если бы она прыгала по комнате, рвала и метала. Возможно, даже запрыгнула бы на стол и наорала на него.

— Шелби.

Она отказывалась смотреть ему в глаза, вытирая нос со всей элегантностью охотничьей собаки, от чего ему стало только хуже. Она, он точно знал, была настоящей. Во всем. В ней не было ничего фальшивого и напускного, с чем он так часто сталкивался в той прошлой своей жизни. У Шелби Лэндис было не больше времени на гордость и эмоции, как и у него.

Поэтому ее слезы были неподдельны.

А также весьма неудобны для него.

Эдвард взглянул на камеру наблюдения, которая была установлена в дальнем углу комнаты. Когда его допрашивал в этой комнате детектив Мерримак, там горела маленькая красная лампочка, мигая. Теперь ее не было.

«Хорошо», подумал он, подавшись вперед и положив руку на предплечья Шелби.

— Это неправильно. — Она шмыгнула носом. — Я провел достаточно много времени с моим отцом, когда все было «неправильно». С этим вроде как покончено, так будет честно.

— Посмотри на меня. — Он сжал ей руку. — Давай, ну же. Если не согласишься, я приму это за личное оскорбление.

Она пробормотала что-то, он надавил еще раз ей на предплечья.

— Шелби? Посмотри мне в глаза.

Наконец, она подняла голову, и черт возьми, ему захотелось, лучше бы она этого не делала. Поблескивающие слезы ударили ему прямо в грудь.

— О чем ты, на самом деле, беспокоишься? — спросил он. — А? Почему ты усугубляешь проблему? Мо будет управлять конюшнями так же хорошо, как и я, вероятно, даже лучше, и у тебя всегда будет работа в Red&Black. У тебя появился милый молодой человек. Послушай меня. — Он сдвинул свою руку. — Ты в полной безопасности. Тебя никто не уволит, и ты не уйдешь в никуда, хорошо? Ты больше не сирота.

— Зачем вы это делаете? Почему вы лжете?

Эдвард освободил свою хватку и выдвинул ноги из-под стола. Ему понадобилось две попытки, чтобы встать, пока мышцы не были готовы выполнить свою работу, и он, бл*дь, возненавидел эту задержку.

— Шелби, мне нужно, чтобы ты согласилась с моим враньем. Я хочу, чтобы ты покинула эту тюрьму, вернулась в конюшни и забыла обо мне и обо всей этой чепухе. Это не твоя проблема. Не волнуйся обо мне.

— Вы уже столько пережили...

Он постучал в металлическую дверь и взмолился про себя, чтобы Рэмси оказался за этой чертовой дверью.

Как только замок открылся, Эдвард взглянул через плечо.

— Если ты хочешь помочь мне, то уходи. Ты меня слышишь? Просто уходи, Шелби... как можно дальше, и как только ты уйдешь, ты и я будем в расчете. Когда тебе было нужно, я предоставил тебе работу и место для жилья, ты должна мне. Так давай будем в расчете и начнем двигаться дальше.

Лейн по-прежнему сидел на табурете у кухонного островка мисс Авроры, когда первые лучи зари преодолели крыши гаражей позади особняка. Он уже отсидел себе задницу, и она болела, как будто в ней собрался сгусток крови. Тем не менее, он оставался в таком положении, наблюдая, как золотой свет проникает в окна и ползет по безупречно чистому полу плитки.

Слава Богу, наконец-то наступил день. Его полоса препятствий этой ночью оказалась суровым испытанием тем не менее, суровые мучительные, скрежещущие часы не были

осязаемыми, и тем не менее, они были наполнены пустотой, вызывая сожаление, с которым он ничего не мог поделать, потому что они были настоящей пыткой для него.

Быстро взглянув на часы на крышке хлебницы, он покачал головой. Если бы мисс Аврора находилась в поместье, она бы была бы уже на кухне, делая домашние булочки с корицей и пеканом, ее омлет бы уже скворчал на сковородке, готовя его на всех. Уже было бы заварено кофе, в раковине стоял бы дуршлаг, наполненный черникой или клубникой. Канталупа была бы готова к нарезке, апельсины лежали бы готовые, чтобы из них выжали сок, и к тому времени, когда домочадцы спустятся вниз в семейную столовую, завтрак — первое блюдо с пылу с жару стояло бы уже на столе.

Если бы не было гостей, оставшихся на ночь, мисс Аврора обслуживала бы их сама. Но если бы были гости, она бы вызвала подкрепление.

Лейн пробежался взглядом от кладовки к шкафам, потом к плите и раковине... а потом вернулся к столешнице.

Своего рода, это тоже было движением, особенно для человека, который устал действовать...

С хмурым видом он соскользнул со стула и обошел кухонный островок. Подошел к конфоркам на плите и разделочной доске, где рядом стояла подставка с ножами, черные ручки различного размера торчали вверх, готовые, почувствовать руку настоящего мастера своего дела. Одного ножа не было.

— Отлично, что за идиот положил этот нож в посудомоечную машину?

Мысль о том, что кто-то воспользовался одним из ножей Wüsthofs, а затем бросил его мыться с мисками для смешивания и венчиками, для него была кошунственной. Она всегда мыла ножи вручную. Всегда.

И лично сама их затачивала.

Открыв посудомоечную машину, он выдвинул верхнюю полку и проверил всю посуду, мерные стаканчики... лопатки... маленькая пиала... еще маленькая миска. Вернув все на место, он проверил нижнюю полку, ножа не было.

Ну, по крайней мере, его не мыли с остальной посудой. Уже хорошо.

Лейн закрыл дверцу посудомоечной машины и навис над раковиной. Здесь тоже его не было, его также не было и наверху в шкафчиках, в сушилке.

— Вот черт.

Ему необходимо было найти этот нож, поэтому он быстро перешел к секции, где готовилась еда для вечеринок, хотя было маловероятно, но он все равно проверил две другие посудомоечные машины, несмотря на то, что их никто не включал. Обе были пустыми. Но там тоже не было ножа, так же как и в раковинах.

Где-то в его мозгу поселилась мысль, что если он отыщет этот нож, это будет приравнено к спасению жизни самой мисс Авроры. Его идея не имела никакой логики и смысла, но он постарался создать для себя важную причину при его растущем чувстве паники. Его сердце ускоренно стучало в груди, он стал открывать все ящики подряд, где хранились всевозможные горшочки, ложки для мешания, ковшики, машинки для удаления кожуры...

— Ты что-то потерял?

Выругавшись, он резко обернулся и схватился за сердце.

— Ух. Привет... вернее, доброе утро.

Лиззи вошла в кухню с сонными глазами, густыми светлыми волосами, с гибким,

крепким телом и запахом чистоты, словно солнце на востоке, освещая все внутри него, неся ему свет и тепло.

— Что ты потерял? — спросила она с улыбкой, проходя вперед, чтобы встретиться с ним на середине кухни.

Как только они обнялись, он прикрыл глаза.

— Ничего. Ничего.

Но хотя он почему-то был убежден, что если в данную минуту позвонит телефон и ему сообщат, что мисс Аврора только что умерла, он был уверен, что случилось это из-за того, что он не смог найти ее нож.

Выпрямившись, он убрал прядь волос с ее щеки.

— Давай я приготовлю тебе завтрак?

Она отрицательно покачала головой.

— Я не голодна. Может, я выпью кофе? Или... Точно не знаю. Воды.

— Уверена?

— Да.

Она подошла и села на табурет.

— Давно ты здесь?

Прислонившись к столешнице, он пожал плечами.

— Не долго.

— В этом есть свой смысл. Эта кухня принадлежит мисс Авроре. Если ты не можешь сейчас находиться с ней, ты можешь быть здесь.

Он в сотый раз огляделся вокруг и кивнул.

— Ты однозначно права.

— Итак ты готов к сегодняшнему дню?

Лейн двумя ладонями потер лицо, потом нос.

— Можно сказать, и да и нет. Я хотел бы сегодня ее навестить. По крайней мере, у меня нет причин этого не делать... но чертовски трудно видеть ее в кровати, когда только аппараты поддерживают ее в живых.

— Я имею ввиду похороны твоего отца.

Лейн нахмурился и опустил руки.

— Ооо, черт возьми. Сегодня, именно тот день? — Она кивнула, он сжал кулаки и ему захотелось ударить по столешнице, причем, черт побери, громко. — Мне кажется, я немного упустил этот момент из виду.

Он хотел ей сказать, что последнее, что ему сейчас нужно, это тратить хотя бы час своего времени на похороны отца. Он не уважал этого человека при жизни. А уж при смерти? Самому отцу, черт возьми, было уж точно все равно.

— Проповедник придет? — спросила Лиззи.

Он готов был рассмеяться над ее словами.

— Я подумал и решил, что нет причин тратить время Божьего человека. Этот сукин сын находится в аду, где и заслужил быть...

— Да? А вот я подумал, что все еще живу в Кентукки.

При звуке мужского голоса Лейн обернулся через плечо. Джефф Стерн, его давний сосед по комнате университета, вошел на кухню, выглядя примерно так же свежо, как ромашка, простоявшая без воды шесть дней на подоконнике на солнцепеке. Причем, после того, как кто-то поиграл с ее лепестками в «Любит или не любит».

Тем не менее темные волосы Джеффа были мокрыми после душа, его городская шикарная оправка очков была на месте, и он был одет в деловой костюм, но не совсем официально, пуговицы были расстегнуты на воротнике, а также его ботинки из смешанной кожи были с дырочками — ветеран Уолл-стрит пытался одеваться в стиле кэжуал. Он держал пиджак на согнутой руке, а галстука вообще не было видно.

— Итак, мальчики и девочки, — произнес Джефф, положив пиджак на столешницу и проверяя газеты. — Как мы делаем... ой, эйййй, хорошая моя фотография. Это из годового отчета банка. Интересно, они получили на нее разрешение или просто украли?

Он наклонился, развернул газету и продолжил читать.

— Да, мне понравилась эта репортерша. Я собираюсь снова ее использовать, когда мне придется врать о том, что на самом деле, происходит с Брэдфорд бурбон.

— Так вы оказывается неправдивы? — поинтересовалась Лиззи.

— Ты собираешься морально давить на меня? — Джефф улыбнулся и отложил газету в сторону. — Сейчас военное время, поэтому все средства.... Ладно, возможно, мне стоило использовать слово «выкручиваться».

Лейн пожал плечами.

— Он сказал ей, что внебалансовое финансирование моего отца было частью общей стратегии диверсификации (вложения капитала в различные ценные бумаги)... которая закончилась не так, как хотелось бы.

— Вместо откровенного хищения. — Джефф подошел к холодильнику и достал молоко. — Хотя я отказывался назвать компании, в которые он вкладывал день, пресса все равно некоторые из них откопала... а дальше пошел треп, во скольких активах числилось имя Уильяма Болдвейна, не считая КББ. Мы до сих пор двигаемся в этом направлении, как и потемках.

— Самюэль Ти. справится со всем этим. — Лейн взял на себя смелость отправиться в кладовку и достать кое-какие запасы. — Мы создадим фонд доверия для всех этих активов задним числом. Все эти вторичные инвестиции будут на имя моей матери, будет присутствовать определенное положение, в результате которого банки не смогут взимать долги с семьи, возникшие от приобретения указанных акций, не включающих «Компанию Брэдфорд бурбон». Таким образом, незаконное присваивание денежных средств компании будет выглядеть со стороны законным, если вдруг нагрянут федералы... особенно, если учесть, что наша компания является частной, а мы единственные акционеры.

— Когда, — Джефф подцепил две тарелки и две ложки. — Вернее будет сказать «когда», когда появятся федералы. И теперь я тоже являюсь акционером, помнишь?

— О, верно. Думаю, я дам тебе половину от десяти центов, которые мой отец сумел заработать, но после того, как банки закончат свою борьбу, кому первому подать иск на нас. Ха-ха. Клянусь, этот человек смог их обчистить.

Вдвоем они устроились за столешницей, обменялись коробкой хлопьев, залив обезжиренным молоком, и Лэйн почувствовал, как Лиззи не сводит с ним глаз.

— Знаете, — прошептала она с улыбкой, — я отчетливо могу представить вас, парни, в университете.

— Эх, — сказал Джефф, — кто мог бы подумать, что парень из Джерси и этот очень породистый босс, в конечном итоге окажутся вместе.

— Подбор, скрепленный небесами.

Они чокнулись своими ложками и вернулись к еде.

«Слава Богу за Джеффа», подумал Лейн. Инвестиционный банкир разгребал существующие проблемы, касаемые денег компании, работал с советом директоров, которое выкупил Лейн и Джефф, и нанимал новых старших вице-президентов.

Был шанс, что, по крайней мере, «Компания Брэдфорд бурбон» не рухнет окончательно в ближайшие часы. До тех пор, пока Джефф Стерн находился здесь в поместье, они могли бы с этим справиться.

Парень был настоящим белым рыцарем в блестящих доспехах.

В семейном древе Брэдфордов, в различных поколениях, насчитывалось в общей сложности семь женщин, носивших имя Вирджиния Элизабет. Традиция брала свои корни с Юга — именовать своих сыновей и дочерей одним именем. Трое, известных с такими именами были еще живы: самая старшая, девяносто лет отроду, жила отдельно в высотке в центре Чарлмонта и до сих пор наслаждалась регулярными партиями в бридж и обедами в клубе. Средняя не настолько была полна сил, находясь в своем роскошном люксе в Истерли, хотя учитывая лекарства, которые ей выписывались, было бы справедливо отметить, что «маленькая» В.Э. также «наслаждалась» жизнью, но по-своему.

Но еще была Джин.

Самая младшая Вирджиния Элизабет, завидовавшая медикаментозному существованию своей матери. Находящаяся в блаженном неведении и не подозревающая о страшном положении дел, что удача отвернулась от семьи, чего никогда не было раньше. В конце концов, что говорилось о восприятии существующей реальности? Твое отношение к ней.

И если ты впадал в отчаяние, то выхода у тебя не было.

Джин вышла из своей ванной, находящейся в гардеробной, посвежевшей после душа, укутанная в шелковый халат с монограммой, цвета белых роз фрау Карл Друски, цветущих в саду под ее окном. Декор, который она выбрала для своего личного пространства был одним — везде белый. Белые ковры, белые простыни и одеяла, белые шторы на всех окнах.

Хотя она всегда предпочитала всплески цвета — блеск среди матовых поверхностей, отблеск, еле уловимый блеск звезд, как будто при полной луне, будь то на вечеринке или в самолете, в комнате или на отдыхе.

Разве это было не так легко сделать, когда деньги не имели значения.

Занимая место, перед салонным зеркалом, напротив палитр с косметикой и парикмахерских средств, она внимательно разглядывала профессиональные средства и инструменты, поблагодарив Бога, что была в курсе как ими пользоваться. У нее точно не имелось триста долларов, чтобы заплатить той женщине, которая приходила сюда и прикрывала свое амбициозное притворство, распыляя на нее загар и отбеливая зубы, и крутя ее, брюнетку, словно вокруг дирижерской палочки на триста градусов. И к этому добавлялась полная палитра косметики Шанель. И наряды, которые однозначно были в тренде.

Сколько сейчас времени?

Джин подняла часы Piaget и выругалась. Десять одиннадцать. До выхода оставалось всего сорок пять минут.

Ей необходим был час двадцать, чтобы подготовиться...

— Где мое обручальное кольцо?

Джин взглянула в освещенное, как и все вокруг, третье зеркало от трюмо. Ричард Пффорд, ее недавно ставший муж, стоял позади в очередной своей вариации Икабода Крейна, несмотря на то, что он был в темном костюме братьев Брукс, белой рубашке с клубным галстуком.

Она была готова поспорить, что он возник из чрева своей матери в подобном костюме.

— С возвращением, дорогой, — нараспев произнесла она. — Как прошла твоя командировка?

— Ты хочешь сказать «Добро пожаловать домой».

Джин готова была разыграть перед ним целое шоу, раскручивая полотенце с волос, нанося средства и используя фен. Она выждала, пока он снова заговорит:

— Где кольцо...

Она ударила включила фен. И улучшила свое шоу, наклонившись в кресле, ее густые влажные волосы заплясали под струей горячего воздуха.

Ричард выхватил шнур из розетки, она улыбнулась, по-прежнему склонив голову, скрытая своей копной волос.

Вернувшись в нормальное состояние, она дала ему время восхититься насколько красивой она была: ей не требовалось зеркала, чтобы увидеть отражение своих блестящих, густых волос, завивавшихся на концах, не требовалось зеркала, чтобы видеть, как светилась ее кожа и насколько были выразительными ее глазами под густыми ресницами. А потом вдруг она ослабила ворот халата, отворот раздвинулся, открыв ее удивительное декольте и изящные ключицы.

Она намеренно скрестила ноги, чтобы подол разошелся, открыв ее бедра.

Джин была не заинтересована возбуждать это пугало, своего собственного мужа, единственная цель, которую она преследовала своим шоу — показать ему, что он должен ценить и держаться за нее. Ричард Пфорд был скупым сукиным сыном с ужасным характером, видно, до сих пор не пережив свое детство среди учеников школы Чарлмонта, его мозг все еще пытался справиться, поддерживая его веру в себя.

А именно, он был неудачником, и его окружение терпело его исключительно потому, что его семья была крупнейшим распространителем спиртной продукции по всей Америке... а еще и потому, что дети самых крутых семей Чарлмонта получали истинное удовольствие, поддразнивая его.

Брак Джин с ним был не более, как получение средств для себя и своего образа жизни. Взамен Ричард получил ее, самый высший трофей, о котором он только мог мечтать в средней школе, своеобразный билет, по крайней мере, своим собственным умом он это понимал, что получил также статус, которого своими заслугами достичь никак не мог, независимо сколько денег он и его семья имели.

К сожалению, этот брак выявил, что ей тоже приходилось платить определенную цену.

Но для нее, по крайней мере, это было ничто, она могла бы это вытерпеть...

«Справится», поправила она сама себя.

— Прости, ты что-то сказал? — спросила она прямо.

— Ты чертовски хорошо знаешь, что я сказал. Где мое кольцо?

— Да ведь оно прямо на пальце, где и должно быть, дорогой. — Она сладко улыбнулась и протянула ему свою руку. — Видишь?

Смачно выругавшись он схватил ее за волосы, нахернув их на кулак, наклонив ее голову набок, боль выстрелила ей в шею и в плечо.

И появившийся некрасивый румянец на его впалых щеках, был малопривлекателен.

— Не играй со мной, Вирджиния.

Джин ярко улыбнулась, самая неправильная ее часть испытывала упоение от возникшей ссоры, желание что-нибудь разрушить, которое она так долго подавляла, с радостью готово было вырваться наружу, еще больше разжигая конфликт... до тех пор, пока один или они оба не выдохнутся.

Несмотря на то, что она решила измениться, ее отношения с Ричардом остались

прежними, настолько знакомыми и постоянно бодрящими.

— Я хочу тебе напомнить, — прошипела она, — что последний муж, который жестоко обращался со своей женой под крышей этого дома, оказался в водопаде с отрезанным пальцем, на котором носил кольцо. Может, тебе стоит вспомнить об этом, пока ты не принялся за меня?

Ричард заколебался. И она была почти разочарована, когда он разжал кулак и отпустил ее волосы, отступив от нее.

— Где оно?

— Зачем тебе?

— Меня не было два дня. И мне пришло в голову, учитывая финансовое положение твоей семьи, что ты можешь продать его ради наличных, чтобы купить очередную сумку Биркин.

— У меня их уже двадцать. В том числе из кожи крокодила, аллигатора и питона.

— Если ты не скажешь мне, где мое кольцо, я вытащу содержимое каждого ящика и всех шкафов в этой гардеробной, пока не найду его.

На пару секунд она даже возбудилась от перспективы, понаблюдать за ним, как он будет выбрасывать все ее вещи, пунцовый, как рак, разъяренный и неуклюжий. Но потом она вспомнила, что ее семья была вынуждена уволить горничных, и учитывая, что она ненавидела беспорядок, вещи не на своих местах, она поняла, что убирать за ним придется ей самой.

Она не собиралась быть его служанкой. Постоянно.

— Оно лежит в серебряном блюдечке между раковинами в моей ванной. — Она снова включила фен. — Можешь пойти и убедиться.

Он развернулся на выход, и она заметила, как висел на нем пиджак и были свободны брюки. Независимо от того, сколько этот мужчина заплатил за фирменный костюм, он всегда выглядел так, будто снял его со своего отца, и летал в нем по аэродинамической трубе.

Она снова включила фен, но не стала опускать голову вниз. Перебирая ногой под стойкой, она повернула стул, чтобы видеть его в левой части трюмо. Теперь ее сердце забилось быстрее.

Она сняла обручальное кольцо и оставила его в серебряном блюдечке, чтобы на него не попало мыло. Ей необходимо было хранить этот камень в чистоте, именно для такого случая, как этот.

Да, она сделала именно то, что он сказал. Она продала камень и заменила его подделкой, хотя и не ради сумки «Биркин».

Для более важного.

Ричард вернулся, словно укротитель львов.

— Надень его.

Он сказал что-то в этом роде, точно она не расслышала от шума фена.

— Что? — спросила она.

Как только он протянул руку, чтобы вырвать вилку из розетки, она сама выключила фен. Она не хотела, чтобы он сжег ее фен, потому что не знала, когда и на что сможет купить новый. Она даже не имела представления сколько может стоить эта чертова штукавина.

Кто бы мог подумать, что такая вещь когда-нибудь станет для нее целой проблемой.

— Надень. Свое. Кольцо.

— У меня уже есть свадебное кольцо. — Она подняла средний палец. — О, прости.

Как только она осознала свою «ошибку», он уже схватил ее за запястье и дернул ее руку под острым углом. Он с такой силой сжал ей палец, что вся кровь прилила к другой фаланге.

— Должны быть оба. Еще раз увижу, что ты не носишь...

— И что ты сделаешь? — Она со скукой посмотрела на него. — Снова меня ударишь? Или еще хуже? Скажи мне, ты правда хочешь закончить свои дни убийцей, как мой брат? Не думаю, что Эдвард наслаждается тюрьмой. Если ты не преследуешь цель, принимать душ с кучей мужиков?

— Ты моя собственность.

— Мой отец тоже попробовал такую методику. Для него это ничем хорошим не кончилось.

— Я не твой отец.

— Знаешь, твой голос слишком высок даже для Дарта Вейдера, и в итоге он все равно ошибся. Хотя ты прав, он никогда не был настоящим отцом. *(Энакин Скайуокер (англ. Anakin Skywalker), после перехода на темную сторону Силы Дарт Вейдер (англ. Darth Vader, 42 до я. б. — 4 н. я. б.) — центральный персонаж Вселенной «Звёздных войн», главный антагонист киноэпопеи «Звёздные войны», на протяжении его становления в качестве проводника Силы, его переход на Тёмную сторону Силы и его итоговое искупление. Имя при рождении — Энакин Скайуокер, после перехода на Тёмную сторону Силы в 19 до я. б. принял имя Дарт Вейдер. В фильмах «Империя наносит ответный удар» и «Возвращение джедая» открывается, что он является отцом Люка Скайуокера и Леи Органы. Единственный персонаж, появляющийся во всех шести эпизодах и спин-оффе «Изгой-один» «во плоти».)*

Она потянулась к фену и напрямую встретилась глазами с Ричардом в зеркале. Когда его рот снова задвигался, она улыбнулась.

— Что? Я тебя не слышу...

— Что ты делаешь сегодня? — закричал он. Несомненно, он заорал, потому что ему хотелось спустить пар, и ему хотелось, чтобы она его услышала.

Джин получала удовольствие, наблюдая, как он чуть ли не выпрыгивает из кожи. Когда она посчитала, что уже достаточно, выключила фен и отложила его в сторону.

Распушив волосы, она пожала плечами.

— Обед в клубе. Маникюр. Солнечные ванны, что дешевле, чем солярий, но черт побери, может вызвать рак кожи. Конечно, ты оценишь экономию средств.

— Ты что-то забыла.

— Не кольцо, — сухо ответила она.

Ричард налетел на нее, словно буря, грубо выхватив ее из кресла и повалив на белый ковер. Она ожидала этого. Именно поэтому и выводила его из себя.

Ей было наплевать, что он собирался делать с ее телом, и казалось, что он понял это.

Итак, ее стойкость для него была еще одним недостижимым образом высшего света, которую он не мог в ней истребить, даже колотя по ней кулаками.

Самюэль Теодор Лодж III оставил женщину, с которой он провел всю ночь в своей постели, и голый направился в ванную комнату, закрыв за собой двойные двери.

Он не хотел оказаться с ней в душе. Он закончил свой ночной энергичный пробег, конечно, оценив и наслаждаясь им ночью, но в свете нового дня дело обстояло именно так. Она поедет к себе домой, потом он будет уклоняться от ее неизбежных телефонных звонков и приглашений до тех пор, пока она не поймет, что потенциала для продолжения отношений

у них нет. У нее никогда не будет возможности стать гранд-дамой этого чудесного старинного особняка с восемью сотнями акров сельскохозяйственных угодий штата Кентукки.

Повернув душевую головку на шесть, он посмотрел на гряды облаков, видневшуюся из окна ванной. Солнце уже встало над зелеными холмами, пересекая линию лиственных лесов, отделяющих посевные угодья, которые он оставил необработанными. Возможно, когда он отойдет от своей адвокатской практики через каких-нибудь тридцать или сорок лет, он высадит на хорошей земле ряды кукурузы и соевых бобов, а также скрипучие листья табака.

Но пока он решительно был настроен в отношении своей судьбы, следовать хорошо протоптанной дорожкой, по которой прошло не одного поколение его длинной, гордой южной родни.

И пока пить бурбон, маринуя свою печень.

Еще одна прекрасная традиция Кентукки.

Сейчас он был не способен быстро передвигаться и также быстро мыслить, по крайней мере, пока не станет трезв или почти трезв, поэтому он включил воду погорячее. Он не стал сначала бриться, позже, когда он встанет перед раковинами, воспользуется нежным мылом, кисточкой из настоящего конского волоса и прямыми лезвиями, которые собственноручно затачивал.

С чистым лицом и телом, он почувствовал себя гораздо бодрее, отправляясь в свою гардеробную, и потянув за одну из белых рубашек с монограммой. Слева не плотно висел ряд его коллекционных костюмов, приглушенных серых, синих и черных тонов. С другой стороны — другие костюмы, а также в крепированную полоску все возможных цветов.

Сегодня он наденет черный костюм не с галстуком-бабочкой одной из сотни.

Нет, сегодня он завяжет галстук, тоже черный, такой же, как и его отполированные туфли и именной ремень.

Вернувшись в спальню, он подошел к кровати, хранившей следы бурной ночи и улыбнулся своей ночной госте.

— Доброе утро, милая.

Он использовал слово «милая», потому что не мог вспомнить была ли она Престон или Пейтон. Она носила фамилию своего дедушки, стал вспоминать Самюэль, родом была из Атланты, не из его родного города, и это было единственная подробная деталь, после которой ее история стала для него не интересна.

Русые ресницы поднялись над гладкой кожей щек и ярко-синие глаза прощлись по нему.

— И вам доброе утро, милостивый государь.

Ее акцент был мягким, как сладкий чай, и таким же приятным, когда она задыхалась и шептала его имя ему на ухо.

Она потянулась и видно следуя своей стратегии, наманикюренными пальцами ноги потянула простыни вниз. Ее тело было таким же уступчивым и породистым, как у чистокровной кобылы, и он мог вполне себе ее представить, как отличный партию для себя во многих отношениях. Он вполне мог представить, как она будет носить имя Лоджей, а также сыновей и дочерей, продолжая традиции, которые так важны для обеих их семей. Только находясь в определенном возрасте, она заинтересуется пластической хирургией, чтобы убрать морщинки, не раньше, до этого совсем не обращая внимание на пластику. Она присоединится к гала комитетам Steeplehill Downs, к музею искусств Чарлмонта и театральным сообществам Чарлмонта. Позже, когда их дети уедут в университет Виржинии,

его альма-матер, они начнут путешествовать по миру, зимой поедут в Палм-Бич, а летом в Рорин Гэп.

Он будет верен ей в Чарлмонте, а также везде, где у них будут коттеджи, о его неосмотрительных проступках, которые он будет хранить в тайне, они никогда не будут упоминать. Она была бы для него совершенно моногамной, учитывая ее ценность — внешность, а также реальные добродетели. Он уважал бы ее, совершенно искренне, как мать своих детей, но его совершенно бы не волновало ее мнение относительно их денег, его бизнеса или планов по поводу домов, счетов или крупных покупок. Она обижалась бы на него, что он мало уделяет ей времени, но примирилась бы со своей ролью, наслаждаясь комитетами женщин и своим статусом, бриллиантами и результатами их детей, всем тем непостижимым высокомерием, которое так ценится высшими слоями общества, фотографии которого обычно появляются в *Vanity Fair* и *Vogue*.

Он умрет первым либо от рака горла, потому что привычка курить сигары, даже с годами, не куда не денется, либо за рулем своего винтажного *Jaguar*, а возможно, от цирроза печени. Наверное, она успокоится, но больше никогда не выйдет замуж, сделав выбор остаться вдовой не из-за лояльности к нему, а потому что может потерять все имущество, ферму и другие дома, а также проценты с акций и деньги, которые он оставил бы в трастовых фондах на имя своих детей. В оставшиеся ей годы она бы наслаждалась своей свободой от него и обществом внуков, пока бы не умерла в этой самой комнате через пятьдесят лет с сиделкой, находившейся рядом с ней.

Неплохое стремление для каждого из них, учитывая все остальные варианты, когда человеческие наклонности могут сыграть в генетическую лотерею. И, возможно, он станет тем добровольцем в этом проекте, когда встанет вопрос о необходимости продолжения рода, наконец, в качестве приоритета, который абсолютно не стоял на повестке дня до сих пор.

Но, а пока?

— Мне так жаль... — Пейтон/Престон... или Прескотт? — но я уезжаю на целый день. Мой управляющий имением и клининг будут в скором времени здесь, мне не кажется, что ты хотела бы, чтобы они застали тебя в таком виде.

Она снова потянулась, и если ее цель была соблазнить его, то он боялся, что в этой цели она могла зайти далеко. Поимев ее ночью, ему фактически сейчас уже нечего было завоевывать, а также не хотелось налаживать с ней отношений.

Так как он не ответил, на что она, несомненно, надеялась, то есть не бросился между ее ног, она, наконец, выдавила:

— Куда ты собрался во всем черном? На похороны?

— Ничего подобного. — Он подошел к ней и наклонился, дотронувшись до губ. — Давай, подымайся и одевайся.

— Я думала, ты предпочитаешь меня голой? — Она облизнула губы кончиком розового языка. — Так, ты говорил мне вчера ночью.

Самюэль Ти. посмотрел на часы, чтобы не показывать ей, что плохо помнит подробности с одиннадцати часов вечера. Возможно с десяти тридцати часов вечера.

— Где твоё платье? — спросил он.

— Внизу. На красном диване.

— Пойду принесу. Вместе со всем остальным.

— На мне не было трусиков.

И он вспомнил... как они около восьми часов вечера занимались сексом в частном

клубе Чарлмонта в комнате для чистки обуви. Вечеринка, на которой они оба оказались, была посвящена празднованию предстоящей свадьбы одного из его братьев братства, передвинулась от патио с грилем к бассейну. На вечеринке присутствовал он сам, пятьдесят его братьев, а также Прескотт/Пейтон или Пибоди? — и ряд других из «Три Дельты» сестер женского клуба, со стороны невесты.

Обычный майский вечер, такой же, как и все вечера, прекрасный и не оставляющий в памяти ничего, даже такую как она.

Он был бы счастлив, если бы вспомнил хоть какую-нибудь особенность, пока ехал бы.

— Я сейчас вернусь, — произнес он. — А ну-ка, милочка. День набирает обороты, и нам тоже пора двигаться.

Когда он вернулся с ее платьем от Стеллы Маккартни и Лабутенами, с облегчением вздохнул, обнаружив ее не в постели, а...она представляла довольно впечатляющее зрелище, стоя перед окном, повернувшись боком к камину, выставив на его обозрение свою довольно впечатляющую задницу.

Поставив руку на бедро, отклонив голову в сторону, он наблюдал за ней и готов был поспорить, что она пыталась высчитать сколько акров земли находятся в его владениях.

— Насколько видно глазу, — произнес он сухо. — Во всех направлениях.

Она повернулась и улыбнулась ему.

— Тогда ты владеешь изрядным количеством.

— Мой отец и мать на востоке Кентукки владеют тысячами акров. — Ее глаза стали огромными, он же всего лишь пожал плечами. — У меня всего лишь небольшой участок.

— Я даже и не знала, что в Кентукки есть столько земли.

Что на это можно было сказать? Почему-то он не думал, что ее мать вдавалась в исследования по поводу этого вопроса, которое, однозначно, должно передаваться матерью своим детям, и он также подумал, что не стоит ей всего рассказывать, раз уж она никогда не беспокоилась раньше об этом.

— Вот. — Он протянул ей платье и туфли. — Я, на самом деле, должен поторопиться.

— Позвонишь мне? — Она нахмурилась. — Я вбила свой телефон в твои контакты, помнишь?

— Конечно. Я обязательно позвоню тебе. — Это была несусветная ложь, которую он говорил множество раз, особенно в таких ситуациях, когда должен был быстро удалиться. — Я буду ждать тебя внизу. На крыльце.

Быстро развернувшись, он вышел и тихо закрыл за собой дверь. Спустившись на первый этаж, он вошел в свой кабинет и стал складывать в портфель от своего дяди файлы с делами и записи. Однако, все это было для проформы. Туда, куда он направлялся, все, что было связано с работой, была последней вещью, которая его волновала.

Он закрывал старомодный кожаный портфель, его пальцы были не такими ловкими, потертые латунные пряжки оказались для него сегодня слишком большими.

Опустив голову, он закрыл глаза. Менее чем через час он увидит ее, и он не был готов к этой встрече. Совсем не был готов.

Ни трезвый, ни пьяный.

Джин Болдвейн относилась к тем женщинам, при которых ему или следовало полностью отдавать отчет в своих действиях, быть совершенно трезвым, либо полностью пьяным. Середины не было.

На самом деле, он с Джин всегда впадал в крайности — от сильной любви к

сильнейшей ненависти, от великой радости до огромнейшей боли.

Их роман был не столько романтическим, сколько постоянным столкновением и борьбой друг с другом, и казалось, что их противостоянию не будет конца.

С привычной быстротой нахлынули ясные воспоминания, и под их натиском, он решил, что, возможно, это сказывается алкоголь, затмивший его разум прошлой ночью с женщиной, фамилия которой начиналась на П. Когда дело доходило до Джин Болдвейн, он готов был снова пережить бесчисленное количество своих ночных вакханалий и превосходящие по своей интенсивности специфические статьи в New York Times.

О Джин.

Или, как он время от времени думал о ней, Жница Джин.

Самая младшая Вирджиния Элизабет из семьи Брэдфорд была шипом, впившимся в него, стрелой в центре его груди, бомбой, заложенной под его машину. Она была полной противоположностью той прекрасной женщины, находящейся в его спальне, наверху: она не была моногамной, с ней никогда не было легко, и ей было наплевать, собирался он ей звонить или нет.

Джин была столь же предсказуема, как необъезженная лошадь под седлом в первый раз. Находящаяся в разгар Гражданской войны в самом центре битвы.

С камнем, попавшим в подкову и слепнем, кусающим в зад.

Все, что происходило между ними еще с тех пор, как они были подростками, была бесконечная борьба и соревнование — кто кого. Без пощады жалили себя словами, без пощады причиняли боль друг другу, зуб за зуб, оставляя вокруг себя руины, не сдавая свои позиции.

Они так беспощадно играли друг с другом, что растоптали бесчисленное количество сердец в процессе своих баталий, сердец, которые били гораздо чище, чем их собственные.

По крайней мере, пока Джин...

Господи, он никогда не мог предположить, что она готова выйти замуж... кроме него, конечно.

Однако Джин прошла по проходу с Ричардом Пфордом.

Представ перед мэром с другим мужчиной, не с ним.

Поэтому, дело было уже сделано.

Самюэль Ти. вспомнил, как она умоляла его стать ее мужем. Она обратилась к нему первому... а он отшил ее, как и обычно, подумав, что это новая ее уловка в том бесконечном хаосе, который существовал между ними. Но Джин была вполне серьезна... по крайней мере, по поводу брака. Кто будет выполнять роль ее мужа, очевидно, было неважно...

Нет, не правда. Она же не случайно выбрала Пфорда в разгар банкротства семьи? В ее поступке была неопровержимая логика. Стоимость Ричарда заставляла чувствовать себя Самюэля Ти. с его имуществом и деньгами, словно он может заплатить только обед в детском саду... и это, если учесть, что семья Самюэля Ти. имела свои корни и трудилась над своим благосостоянием испокон века, в отличие от Пфордов, которые сделали свое состояние недавно, по крайней мере, в его клане еще никто не умер.

Но Джин решила заплатить высокую цену за свою «безопасность». Правда заключалась в том, что с Пфордом ей больше никогда не придется беспокоиться о деньгах.

Самюэль Ти. подумал о ее синяках. Какими стали ее глаза, словно полые ямы. С Пфордом она стала не прекрасной римской свечой, а напоминала едва зажженную спичку.

Сама идея, что этот мужчина причинял ей боль...

Ему захотелось прихватить с собой пистолет.

Открыв глаза, он попытался вспомнить, что собирался сделать и где находился. Ах, да. В своем кабинете, собирал портфель, хотя это было и не нужно, так как ему предстояло отправиться на похороны человека, о котором никто не скорбел.

Еще один день в его жизни.

Спускаясь к основанию лестницы, он взглянул на часы и крикнул на второй этаж.

— Поспеши, любовь моя!

Если возникнет необходимость, он вынесет эту женщину, водрузив на плечо, и посадит ее на обочине своей дороги. Это совсем не значит, что она мусор или шлюха. Это всего лишь будет больше походить на букет цветов, доставленный не потому адресу, и его стоит просто переправить в другую сторону.

— Давай, пошли! — крикнул он.

Пока он ждал ее, Самюэль Ти задумался, до конца не понимая, хочет ли он увидеться с Джин... или же отчаянно хотел ее избежать. Но при всем при этом, он не мог отрицать, что молился, надеясь, что когда-нибудь она позовет его на помощь.

Перед тем, как что-то случится с Пфордом, когда нельзя будет уже ничего изменить.

Глава 6

Саттон Смайт обхватила грубые перила закрытого крыльца и сделала еще один глубокий вдох лесного воздуха. Перед ней открывался классический вид восточного Кентукки — плато Камберленд гор Аппалачи с прочным рельефом стоических вечнозеленых и лиственных кленов, высокие скалистые скалы и внизу река.

Это была сельская местность, где воздух был чистым, небо было таким же большим, как земля, и все городские проблемы оставалась позади.

Или, по крайней мере, создавалось такое чувство, что все проблемы должны исчезнуть перед ослепительным солнечным светом, как в убежище из детства, перед этим загородным домом.

— Я приготовил кофе.

Услышала она голос Дагни Буна у себя за спиной и на мгновение прикрыла глаза. Но когда она обернулась к нему, у нее на лице сияла улыбка. Этот мужчина заслужил ее улыбку за свои усилия. Несмотря на то, что он ясно дал ей понять, что увлечен ею и хотел бы продолжить их отношения, он довольствовался и тем, что просто сидел с нею рядом, как друг причем столько, сколько будет необходимо.

Даже если так будет всегда.

Боже, почему она не могла впустить его в свое сердце? Он был красивым, умным, вдовец, заботившийся о своих трех детях, оплакивал свою умершую жену, и при этом вел себя с честью и достоинством, а также был предан своей работе.

— Вы истинный джентльмен.

Дагни протянул тяжелую кружку, тепло посмотрев на нее.

— Сделал, как ты сказала, как тебе нравится. Два кусочка сахара, без сливок.

Чтобы не смотреть на него, Саттон наклонилась, вдыхая аромат кофе.

— Идеально.

Половые доски крыльца заскрипели, когда он подошел и сел на другой конец качелей-скамейки. Прислонившись к спинки, он вытянул ноги в своих охотничьих ботинках, отпустил удерживающую цепочку, отчего качели стали покачиваться взад-вперед, издавая тихое поскрипывание.

Он взглянул на нее, она опять обратила свой взор на открывающийся вид, прислонившись к вертикальной опоре и положив одну ногу над другую.

— Ты сделала кое-что историческое, — прошептал он.

— Совсем нет.

— Отдать тридцать тысяч гектаров государству? Спасти эти четыре горные вершины от угольных компаний? Позволить семьям, которые были здесь семь поколений, остаться на этой земле? Я бы сказал, что этот шаг войдет в историю.

— Я сделаю это все ради своего отца.

Она подумала о человеке, которого так любила, когда-то таком высоком, величественном, сильным от природы, теперь же искалеченным болезнью Паркинсона, передвигающемся в инвалидной коляске, и на нее опять нахлынула печаль. Опять же, депрессия, которую она ощущала последнее время, тоже ушла не далеко. За последние дни она постоянно испытывала печаль, и хотя опыт подсказывал ей, что независимо от луны или звезд, передвигающихся в ее астрологическом квадрате «Полной Херни», стоит продолжать

жить и двигаться дальше, независимо от чужой жизни, ей все равно трудно было поверить, что когда-нибудь она снова будет счастлива.

И поэтому, пытаясь убежать от самой себя, она предприняла эту поездку с Дагни, в трех часах езды от Чарлмонта, с приготовленным ужином и завтраком, и установленными эмоционально-физическими границами для этого места. Она надеялась, что сможет понять принцип дальнего расстояния, помогающего забыть... и имелось в виду не просто время, затраченное в пути. Эти охотничьи домики, изолированно стоящие на горе и поддерживаемые одной из деревенских семей, с которой она стала близка и очень сдружилась, были настолько далеки от ее жизни в роскоши, насколько это можно было представить. Здесь не было электричества, проточной воды, а также кровать представляла из себя койку со спальным мешком.

— Не печалься, пока он не ушел, Саттон.

Она испытала шок от его слов, не удивительно, что она сразу же подумала об Эдварде Болдвейне.

Немного придя в себя, она поймала себя на мысли, что давно уже находится в печали, которая казалось въелась в нее, и Саттон просто привыкла к ней.

— Я знаю. Ты прав. Мой отец все еще жив. Но это так трудно.

— Я понимаю тебя, поверь мне. Но знаешь, когда моя жена... Уже в конце ее болезни, я потратил так много времени, пытаясь подготовиться к ее уходу, представляя, как буду жить без нее. Я все время пытался понять, что я буду чувствовать, как мои дети будут себя чувствовать, глядя на меня, независимо от того, смогу ли я даже нормально функционировать.

— И это было совершенно бесполезно, да? — Дагни молчал, она взглянула на него и добавила: — Ты можешь честно мне сказать.

— Честно... было намного хуже, чем я себе представлял, мне даже не следовало ранее суетиться на этот счет. Дело в том, это скорее походило, словно тебя заставили прыгнуть в ледяную воду, а твой палец на ноге окунули в виски, и это ощущение распространялось по всему телу.

— Беспомощность.

— Да. — Дагни пожал плечами и улыбнулся в свою кружку. — Наверное, мне стоит перестать говорить об этом. Путь у каждого свой.

Повернувшись к нему, она замерла, поскольку была поражена его притягательностью. Насколько простым, незамысловатым он был. Насколько надежным, в нем не было ни капли напускной театральности.

Жаль, что ее сердце выбрало другого.

— Спасибо за прошлую ночь, — неловко сказала она. — Ты знаешь, нет...

— Я приехал сюда ни ради секса. — Он снова улыбнулся. — Я знаю, кому принадлежат твои мысли. Но, как я уже говорил раньше, если ты хочешь, чтобы я стал тем, с помощью кого, ты сможешь забыть Эдварда Болдвейна, я буду более чем счастлив сыграть эту роль.

Его тон был нежным, лицо и тело расслаблены, глаза смотрели открыто на нее.

«Может, я смогу, — подумала она. — Может быть, смогу с ним когда-нибудь в будущем, и я смогу прийти к своему счастью.»

— Ты очень хороший человек. — Она даже не пыталась скрыть сожаления в своем голосе. — Я очень хочу...

С легкостью вскочив на ноги, он поднялся с качелей и подошел к ней. Возвышаясь, он

посмотрел ей прямо в глаза.

— Не пытайся ничего форсировать. Я никуда не денусь. У меня есть дети, о которых я должен заботиться и ответственная работа, честно говоря, ты первая женщина, которая привлекла мое внимание за четыре года, с тех пор, как умерла Мэрилин. Так что у тебя не так много конкуренток.

Саттон слегка улыбнулась.

— Ты настоящий принц.

— Не мой титул, и ты хорошо это знаешь. — Он подмигнул. — И я не согласен с идеей монархии. Демократия — это единственный путь.

Наклонившись, она поцеловала его в щеку. И когда она оглянулась назад на вид гор, он сказал:

— Скажи мне что-нибудь. Где ты, на самом деле, находишься сейчас в своих мыслях?

— Нигде.

— Хорошо, тогда у меня другой вопрос. Ты врешь себе или мне?

Саттон виновато покачала головой.

— Что, так очевидно? — Она положила руку ему на предплечье. — Я не хотела тебя обидеть.

— Я не обижусь, если ты скажешь правду.

— Ну, в Чарлмонте должно состояться одно важное событие, из-за него я готова нестись туда сломя голову.

— Это слушание, связанное с развитием Кэннери Роу?

— О, нет. Вообще-то, это дело носит личный характер.

— Мы можем вернуться?

— Уже поздно. Но спасибо...

Звук мотовездехода из-за деревьев заставил их повернуть головы, через секунду на поляне появился старик, одетый в охотничий камуфляж с ружьем за спиной. Сжимая холщовый мешок в объятиях, с морщинистым лицом он напоминал человека-гору, который родился и жил в этих горах шесть или семь десятилетий, всю свою жизнь. На самом деле, возраст мистера Хармана было трудно определить. Ему могло быть пятьдесят, так же как и восемьдесят. Хотя Саттон точно знала, что он был женат с шестнадцати лет на одной и той женщине, когда той исполнилось четырнадцать, и они имели одиннадцать детей, восемь справили свое совершеннолетие.

К настоящему времени он стал пра-пра-прадедом.

Как только он спустился с мотовездехода, Саттон махнул ему рукой.

— Мистер Харман, как дела?

Он подошел к небольшим ступенькам крыльца, она увидела, как Дагни попытался ее остановить, отрицательно покачав головой. Потом он все же встал с ней рядом.

Мистер Харман, прищурившись уставился на незнакомого мужчину, как бы задаваясь вопросом, сколько ему потребуется времени, чтобы набить чучело из этого парня.

— Жена приготовила тебе завтрак.

— Мистер Харман, это мой друг, Дагни. Дагни, это Уильям Харман.

Дагни протянул руку.

— Сэр, приятно познакомиться.

— Мы не ночевали вместе, — быстро произнесла Саттон. — Я была в этом коттедже... а он остановился в том.

— Я сегодня утром сделал ей кофе всего лишь, — объяснил Дагни, тут же уловив самую суть. — И это все. Я ушел в свой собственный коттедж, когда стало темно, ровно в десять. Клянусь душой моей жены, пусть она успокоится с миром.

Мистер Харман еще долго продолжал сверлить их взглядом, потом словно успокоившись, кивнул, будто одобрил.

— На нашей земле не будет сожительства.

А потом мистер Харман пожал протянутую руку Дагни, отдав ему холщовую сумку. Подняв свой корявый палец он указал на него, сказав:

— Печенье испекли только что. Колбаса из оленины. Чай сладкий.

— Спасибо, — произнесла Саттон.

Мистер Харман хрюкнул.

— У тебя есть время, чтобы навестить новорожденную?

— Вообще-то, мы возвращаемся в Чарлмонт, — произнес Дагни. — Саттон нужно срочно уехать.

— О, это не...

— Я откуда-то тебя знаю. — Мистер Харман скрестил руки на груди и уставился на Дагни. — Где же мы встречались?

— Я губернатор нашего штата, сэр. — Глаза мистера Хармана расширились, Дагни встал в такую же позу, сложив руки на груди и покачиваясь на пятках. — Знаете, я действительно хотел бы вернуться и встретиться с вашей семьей, услышать, что вы думаете обо всем и поговорить с вами о том, как я могу вам помочь?

Мистер Харман снял свою кепку.

— Я не голосовал за тебя.

— Это нормально. Здесь много людей не голосовали за меня.

— Правда, что ты из рода Дэниела Буна?

— Да, сэр.

— Тогда может все сложиться.

— Как насчет, чтобы поговорить со мной когда-нибудь?

Саттон только переводила взгляд с одного мужчины на другого, и ей все больше нравился Дагни. Он — один из самых богатых и могущественных людей в штате, но это никому не придет в голову, глядя на него.

— Да, можешь приехать, — наконец произнес мистер Харман. — Но только с мисс Саттон. Жена не любит посторонних.

— Агги меня любит, — вставила Саттон.

— Потому что ты не посторонняя, — мистер Харман шлепнул свою кепку на затылок и кивнул, закончив разговор. — Ты знаешь, где нас найти. Удачного путешествия.

И мужчина ушел, так же, как и приехал, совершенно не заботясь о таких пустяках, как продолжение разговора, умчавшись на своем мотовездеходе, исчезнув по горной тропе.

Дагни задумчиво произнес:

— Я уверен, что он застрелил бы меня, если бы я спал в твоём коттедже, случись что или нет.

Саттон утвердительно кивнула.

— Мистер Харман очень старомоден... а также очень хорошо управляется с оружием.

Дагни поднял мешок.

— Мы съедим это по дороге домой.

— О, послушай, нам не обязательно сейчас уезжать. Путь долгий...

— Кто сказал, что мы поедим? — Дагни свистнул, и из его коттеджа тут же выскочила пара полицейских, его охранников.

— Парни, мы должны мисс Смайт вернуть в город. Позвоните по прямой линии и скажите, чтобы вертолет был готов в районе Соуффок Рижионал. Мы перехватим его через тридцать минут.

— Понял, губернатор.

— Спасибо, ребята.

Дагни повернулся к ней, Саттон покачала головой.

— Тебе не стоит этого делать.

— Эй, если нельзя произвести впечатление на девушку своими должностными привилегиями тогда, что в них хорошего? Кроме того, за последние две недели я познакомился с пятнадцатью новыми людьми в Чарлмонте, которые бы хотели встретиться со мной. Я назначу всем встречи по пути, поэтому это служебная необходимость.

— Не знаю, что и сказать. Кроме того, что это реально ни к чему.

Дагни наклонился и тихо произнес, словно делился секретом:

— Я думаю, ты приехала сюда, чтобы сбежать от самой себя, но это не сработало. Ты все время смотришь на эти горы, словно пытаешься себя убедить, что поступаешь правильно, иногда лучше и эффективнее сдаться и делать то, что хочется.

— А что если хочется не совсем правильное?

— Когда последний раз ты отклонилась от курса, просто слушая свое сердце? Не волнуйся, что это навредит моим чувствам. Я пережил гораздо худшее и выстоял. Кроме того, я отлично провел с тобой здесь время прошлой ночью и звездный дождь был просто феноменальным. Сколько падающих звезд мы видели? Двадцать? Двадцать пять?

Вот черт, а Саттон-то думала, что он ждал от нее вчера ночью ее неизбежной капитуляции. Почему она не может влюбиться в этого мужчину?

Вернемся в Истерли, Лиззи вышла из люкса, который делила с Лейном, и направилась к лестнице персонала в задней части особняка. На ходу она поправляла свое черное платье, чтобы удостовериться, что оно хорошо сидит на плечах. Она не часто надевала одежду из «Тэлботс», вернее такой никогда не носила и не имела, когда она работала как садовод и ландшафтный дизайнер семьи Брэдфордов, она была одета в униформу цвета хаки, рубашку-поло с гербом поместья. А вне работы? Голубые джинсы, футболку и кроссовки, в которых чувствовала себя прекрасно.

Но сейчас ей потребовалось платье для похорон (или ты не взрослая!), и она купила его в магазине в маленьком городке недалеко от своей фермы в Индиане. Только providению было известно, каким образом это платье за двадцать баксов нашло свой путь в ее шкаф на вешалки, заполненные разноцветными обносками, но она успокаивала себя тем, что заткнула основной пробел в своем гардеробе и была полностью готова закрыть на этот маленький пустяк глаза, хотя ей было трудновато, общаясь среди высшего общества.

Пока она шла по коридору, делая в голове пометки, где пора пропылесосить, протереть пыль и...

Вдруг на нее нахлынула волна тошноты, буквально из ниоткуда, у нее подкосились ноги, она даже всплеснула руками, пытаясь удержать равновесие.

Бросив испуганный взгляд через плечо, она подумала, может вернуться в их люкс, потом решила, что не успеет добежать.

Поэтому рванула вперед и открыла первую попавшую дверь, которая была ближе, вбежав в свободную гостевую комнату, она напрямик ринулась в персиковую мраморную ванную комнату.

Она рухнула на пол на колени с такой силой, что потом явно появятся синяки, и чуть не стукнулась подбородком о крышку унитаза, которая была открыта, ее вывернуло на изнанку.

Но из нее фактически ничего не вышло. Это было и понятно, потому что в последний раз она ела за ужином вчера вечером. Или постоит... Тогда она тоже чувствовала недомогание. В обед? В больнице?

Она прислонилась спиной к прохладной стене и подумала: «Отлично. Еще не хватало подцепить какую-нибудь желудочную инфекцию».

Да, именно этого и не хватало ей в данный момент. Через десять минут ей было необходимо поехать с Лэйном на кладбище, а она ума не могла приложить, как в таком состоянии сможет добраться до машины, а тем более отстоять всю церемонию или не церемонию... что там должны были сделать с прахом его отца.

Сделав глубокий вдох, она подняла голову и осмотрелась вокруг... и выругалась.

— Ой, вот это да...

Из всех спален люксов она выбрала именно эту? Правда? Шанталь?

Это было последним местом, в чью спальню она хотела бы зайти, в скором времени бывшей жены Лейна. И да, все было бы неплохо, главное, что их совместная преамбула жизни, Лейна и Шанталь, была не настолько длинной, вернее ее вообще не было, ей не следовало, на самом деле об этом беспокоится. После того, как эта женщина съехала из особняка, это причудливое высшего класса хранилище сантехники, совсем ничем не отличалось от остальных пятнадцати или двадцати ванных комнат, находящихся в доме: такое же элегантное, хорошо оборудованное, и как и большинство на данный момент ... пустующее.

Но Лиззи не хотела задумываться о предстоящем разводе Лэйна. Или вспоминать эту ужасную женщину.

Пока она выжидала не последует ли очередной спазм желудка, вспоминала о тех усилиях, которые она и Лейн применили, перенося вещи Шанталь ... пока эта женщина стояла на тротуаре, взмахивая руками и перебирая ногами. Очевидно, что для нее это был первый опыт в обучении не очень привилегированной жизни.

Обмануть мужа с его отцом + забеременеть = выселение

Математика была довольно проста.

Поднявшись на колени, Лиззи стала балансировать руками во всех направлениях, чтобы сохранить равновесие. Выдыхая медленно и равномерно, она попыталась возвать к своему рассудку, пытаясь понять, что происходит под ее диафрагмой. И вы знаете, воспоминания о всей брехне Шанталь оказались для нее ооочень полезными.

Именно эта элегантная блондинка с родословной, берущей корни из Вирджинии и обручальном кольцом на пальце, стала причиной, почему Лэйн и Лиззи расстались на два года, и именно по этим же причинам они снова оказались вместе.

«Ну, вообще-то, мы два раза разрывали отношения и также два сходились вновь», — поправила себя Лиззи, но, большинство, если не вся, мерзость между ними была из-за Шанталь. Это произошло, когда бывшая жена ложно обвинила Лейна, который совершенно не испытывал к ней никаких чувств, что он ее бил. В тот момент, когда она оказалась беременной его сводным братом или сестрой.

Это заявление чем-то напоминало кадры из старого фильма «Династия». За исключением того, что Лейн с Шанталь, на самом деле, не жили вместе.

И все же Лиззи не могла ненавидеть эту женщину, поскольку прекрасно знала, что произошло за закрытыми дверями между Шанталь и Уильямом Болдвейном. Она видела в ее гардеробной разбитое зеркало на столике для макияжа, кровь на трюмо явно говорила о том, что здесь не обошлось без применения силы, и это, по ее мнению, являлось доказательством, что богатство и социальный статус не дают вам гарантий безопасности и сохранности.

Или любви.

Все дело было в том, что это был вопрос времени, как только выяснилось, что отец Лейна был убит. И очень жаль, что в очередной раз Эдвард стал главным действующим лицом в этой ужасной истории.

— И что же это такое? — спросила она, посмотрев вниз на свой животик. — Мы закончили?

Она еще пару минут постояла, прислушиваясь к себе, затем поднялась на ноги и умыла лицо холодной водой. Прополоскала рот, немного подождала.

Посмотрев на себя в зеркало, она увидела себя в отражении изможденную, с землистым цветом лица, мешками под глазами и серыми складками вокруг рта.

Поправляя верхнюю часть платья, она вспомнила гардероб Шанталь. Женщина никогда бы по дороге не заскочила в первый попавшийся комиссионный магазин, и никогда бы не купила ни одной вещи в «Тэлботс» на свое совершенное тело. Она бы предпочла Гуччи, Прада, Луи Виттон, Шанель и не по дороге.

И конечно же только коллекции нынешнего года.

А что касается Лиззи? Господи, перед тем, как она стала работать здесь, она даже не знала имен этих дизайнеров, тем более совершенно не разбиралась в их нарядах. А сейчас, после десяти лет, работая рядом с такими как Брэдфорды и видя их богатство, по крайней мере, которое у них было раньше? На самом деле, ей было наплевать на платья и коллекции дизайнеров.

Богачи придумали, как себя более выделить и подчеркнуть тем, что сами считают модным или тем, к чему сами не приложили руку и что может быстро выйти из употребления, и пустить о них дурную славу.

А теперь не хотите спросить у Лиззи о различных видах цветущих растений семейства Aquifoliaceae? Какое идеальное время для посадки новых деревьев? Какие гортензии предпочитают солнце? Понятно. С другой стороны, именно на этом вы сосредоточитесь, когда захотите познакомиться с мастером ландшафтного дизайна, получившего степень в Корнелле. В противоположность обычной миссис, подруге какого-то богатого парня, самой по себе ничего из себя не представляющей.

Шанталь по сравнению с ней была полной противоположностью. И хотя Лиззи не нравилось быть высокомерной, она могла точно понять, почему Лейн сделал свой выбор, выбрав ее.

Развернувшись, она прошла по люксу, отметив про себя, что здесь тоже не мешало бы пропылесосить и вытереть пыль. Позже она займется этим, когда будет приводить в порядок эту часть крыла дома. Поскольку весь персонал был уволен, за исключением Лиззи и Греты, которые теперь обслуживали дом, и Гарри МакАдамса с Тимбо, рабочих, в Истерли теперь всем предстояло засучить рукава, чтобы выбраться из данной ситуации.

Плюс ко всему прочему, она нервничала из-за Лейна, на плечи которого свалилось

слишком много, и для нее не было лучшего средства, чтобы успокоиться, чем водить туда-сюда Dyson по коврам.

Если, конечно, она не подстригала газон. Гарри тоже постепенно привыкал, позволяя ей это делать.

Вернувшись в коридор, она уже почти подошла к лестнице в заднем крыле, когда столкнулась с поднимающимся Лейном.

— Вот ты где. — Его глаза с тревогой прошлись по ней, выискивая признаки внутренней травмы или тревожной сыпи. — Ты в порядке?

— Однозначно. — Улыбнулась она и порадовалась, что прополоскала несколько раз рот, но не смогла почистить зубы. — Я готова... о, черт, моя сумочка. Стой здесь...

— Я взял ее. — Он протянул ей клатч. — И я подогнал машину к главному входу. Джин и Амелия поедут с нами. Макс доберется сам, если он вообще придет.

— Великолепно.

Она подошла к нему и забрала свою сумочку и замерла, чтобы еще рас насладиться его внешним видом. Лейн относился к мужчинам, обладающим классической красотой, с густыми, еще старой школы волосами наподобие Хью Гранта, которые нависали на одну сторону, с сильным подбородком, но не упрямым, и глазами, в которые почти невозможно было насмотреться. Он был одет в темно-синий костюм и белую рубашку с открытым воротом, и она поняла, что таким образом, он намеренно решил проявить свое неуважение отцу. Откуда Лейн пришел? Все всегда одевали черный костюм и такого же цвета галстук на похороны. В то, что он был одет в данный момент больше напоминало обед в клубе.

Весь его вид кричал о слове «ублюдок», связанной с памятью отца.

В действительности в его роду существовало много правил. И здесь не учитывались те, которые относились к известности его имени и его принадлежности к элите, насколько он ценил свой статус, пока рос.

Лиззи прекрасно понимала, что люди во всем городе думали, что он просто связался с «садовником».

И в этом было что-то неправильное, словно он загрязнил свои руки, решив встречаться с ней.

К счастью, ей было все равно, что о ней думают другие, нежели думает он сам.

Положив руки ему на плечи, она посмотрела в его синие глаза, которые так любила.

— Мы пройдем через это вместе. Мы похороним урну с прахом, а потом навестим мисс Аврору в больнице и будем надеяться на хорошие новости. Хорошо? Таков наш план.

Он ненадолго прикрыл глаза.

— Я так тебя люблю, — ответил Лейн.

— Мы сможем это сделать. Я все время буду рядом с тобой.

Лейн обнял ее за талию и крепко прижал к себе. И все, что было в нем, его особенный запах после бритья, от которого она млела, щекотка еще влажных его волос, которую она почувствовала у себя на щеке, мотивировали ее к дальнейшим действиям.

— Пошли, — сказала она, взяв его за руку.

Пройдя через кухню, они вместе преодолели переднюю часть дома, ей удалось незаметно достать полоску жвачки Wrigley из своего клатча и засунуть в рот. Какое облегчение. Мятный вкус не только истребил ее сухость во рту, но даже немного успокоил желудок.

Выйдя с Лэйном из широкого главного входа Истерли, она остановилась, чтобы оценить

пейзаж, открывающийся вниз к реке. Спуск, усеянный зеленью, ведущий к мерцающей воде, и именно этот вид можно было увидеть на обложке книги на журнальном столике, который показывал насколько прекрасна Америка.

Ииииии еще прямо перед входом стоял «автомобиль».

Брэдфорды имели в своем парке машину Phantom Drophead, причем совсем не старую модель. Опять же, разве можно такой семье не иметь хотя бы одного современного ролл-ройса, если живешь в месте, подобном Истерли? Сегодня верх был поднят, Лейн прошел вперед и открыл перед Лиззи пассажирскую дверь, она заглянула внутрь, на заднем сидении находились мать и дочь.

Двери автомобиля с задним расположением петель были хороши лишь в том случае, если обеспечивали совершенно неограниченный обзор.

Джин была одета в персиковое платье, она взмахнула своей изящной рукой с огромным бриллиантом, в знак приветствия. На Амелии были скинни джинсы и красно-черный шелковый топ, конечно же, от Шанель, с двойным набором пуговиц, но она даже не заметила появление Лиззи, продолжая играть на iPhone.

Лиззи почти не дотронулась до ладони Лейна, потому что она привыкла входить и выходить из таких неопасных, не двигающихся, не угрожающих ей ничем, — как ах! — машин самостоятельно. Но она понимала, что скорее всего для него этот жест был одновременно инстинктивным и важным, как способ показать ей, что он заботится о ней.

Усевшись внутрь и защелкнув ремень безопасности, она оглянулась назад на Джин.

— Ричард не поедет?

— А ему зачем?

Еще до того, как между ними обеими установился мир, Джин однажды заявила, отчетливо дав ей понять, чтобы Лиззи себе ничего не придумывала и знала свое место, как обычная прислуга, садовник поместья. И сейчас ответ Джин, сказал Лиззи, что Джин полностью не удовлетворял ее муж... хотя это были грустные новости, с одной стороны, но с другой, Лиззи почувствовала облегчение, потому что жизнь с Брэдфордами научила ее, что получить такой честный ответ, был своеобразной вишенькой на торте.

Амелия подняла глаза на нее.

— Я рада, что его здесь нет. Он не относится к нашей семье.

Лиззи прочистила горло.

— Итак... А что у тебя на телефоне?

Шестнадцатилетняя девушка повернула к ней дисплей телефона.

— Dymonds. Это как Candy Crush, но гораздо лучше. Все играют в нее.

— О, круто.

И Амелия тут же уткнулась в телефон, Лиззи повернулась к лобовому стеклу и почувствовала себя, словно ей восемьдесят лет. Вернее, все сто восемь лет.

Лейн сел за руль, Джин спросила:

— Ведь только мы будем на кладбище, верно?

— И Макс.

— Он приедет?

— Возможно. — Лейн нажал на кнопку, запускающую двигатель и передвинул ручку передач. — Надеюсь.

— Не понимаю, почему мы не можем опустошить урну на обочине дороги. Предпочтительно в канаву или над мертвым скунсом.

— Этот аргумент не имеет своих преимуществ, — пробормотал Лейн, протянув руку Лиззи. — И я поеду по дороге для персонала. Я не хочу, чтобы нас заметили репортеры у главных ворот.

— Стервятники.

Лиззи не могла не согласиться. Несколько дней назад пресса разбила лагерь вокруг главного входа в поместье, их пикапы и оборудование заполонили всю Ривер-Роуд и почти закрыли большие каменные столбы поместья Брэдфордов.

Гарпии. Они все. Выжидаю, чтобы сделать очередное фото, хотя бы через окно автомобиля, караулящие любой промах и готовые написать соответствующий заголовок, независимо от того, что изображено на снимке — если Лейн опустит взгляд, чтобы настроить контроль воздуха на консоли автомобиля, то заголовок будет гласить — «Брэдфорды потеряли все!». Рука, поднятая, чтобы почесать нос, представит — «Лейн Болдвейн сломался под давлением!», а если они заметят его ухмылку и взгляд, отведенный в сторону, они расценят это, как «Совершенно не раскаявшийся в своем банкротстве!»

Подумать только, ведь было же такое время, когда она доверяла прессе. Ха. Только, когда ты сам втянут в скандал, только тогда можешь узнать, как делается «новостной цикл», подсаживающий зрителей на крючок и скандальные комментарии. В полную противоположность изложению существующих фактов.

Уолтер Кронкайт слил Райана Сикреста. (*Уолтер Лиланд Кронкайт-младший (англ. Walter Leland Cronkite, Jr.; 4 ноября 1916 — 17 июля 2009) — американский тележурналист и телеведущий. Наибольшую известность получил как бессменный ведущий вечернего выпуска новостей CBS на протяжении 19 лет с 1962 по 1981. В годы наибольшей популярности CBS в 1970-х и 1980-х годах, Кронкайт, согласно опросам общественного мнения, был человеком, которому американцы доверяли больше всего. — прим. пер. Википедия)* (*Райан Джон Сикрест (англ. Ryan John Seacrest, род. 24 декабря 1974 года, Данвуди, Атланта, штат Джорджия) — американский теле— и радиоведущий, лауреат «Эмми», продюсер, актёр. Постоянный ведущий телевизионного шоу American Idol. Кроме этого, является ведущим нескольких программ на радио и шоу на телеканале ABC. Как актёр играл телеведущего в сериале «Бeverли-Хиллз, 90210». — прим. пер. Википедия)*)

Проблема заключалась в том, что падение Брэдфордов было, если можно так выразиться, клик-наживкой и пользовалось шумным успехом. Людям нравилось наблюдать за богатыми, падающими со своих высот.

Такие истории всегда пользовались повышенным спросом, гораздо большим, чем любая история успеха.

Cave Dale Cemetery было единственным местом в Чарлмонте, в котором покоились предки Брэдфордов, и даже в этом месте их не хоронили, как простолюдинов, опуская в землю, а осуществляли захоронения в мраморном склепе, как дед Лейна всегда говорил, что только весталка (непорочная дева) и заинтересованный мужчина готов был принести жертву, чтобы обеспечить судьбу Рима.

Лейн ехал по дороге вдоль кладбища, рассматривая кованые ограждения, словно из семейки Аддамс, через решетку отмечая бесчисленные надгробия, религиозные скульптуры и фамильные склепы, перемежающиеся травой, различными экзотическими деревьями и бассейнами. Как, черт возьми, он собирался отыскать то место, где были захоронены его предки? Как только вы оказывались внутри этих акров земли, в лабиринте извилистых дорожек, все надгробия выглядели настолько одинаковыми.

Но, во-первых, это была его самая насущная проблема.

Как только он свернул за угол ко входу, то увидел журналистов... всюду. С фотоаппаратами. А также с профессиональным оборудованием от различных каналов новостей и СМИ.

Вот черт, он должен был это предположить...

— Неужели... новостные каналы имеют столько трейлеров? — спросила Лиззи, плясь в лобовое стекло, сидя на своем месте.

Точно также, как бурбон обжигал, окутывая желудок, точно также же папарацци своим лагерем сгрудились вокруг большого камня и железных столбов кладбища, и роллс-ройс Брэдфордов, если честно, нельзя было назвать настолько неприметным, он был настолько же заметным как воздушные шары на майском параде в День благодарения. При приближении роллс-ройса среди папарацци началась бурная деятельность, отовсюду появились вспышки фотокамер, несмотря на то, что было всего лишь одиннадцать утра и дневного света было предостаточно.

Великолепно. У него было всего лишь два выбора — прокачать тормоза и сбавить газ перед ними, остановившись или...

Или он мог просто проехать по этим ублодкам.

Собственно, обсуждать было нечего.

— Пригнитесь вниз, — пролаял Лейн, увеличивая скорость.

Роллс-ройс рванулся вперед, он вывернул руль, с трудом управляя тяжелой машиной, на которой красовался «Дух экстаза», двигаясь прямо на толпу, загораживающую ему путь.

— Ты можешь кого-то поранить! — закричала Лиззи, пригибаясь.

— Коси их всех! — вторила ей его сестра с заднего сидения машины.

В ходе его движения мужчины и женщины с камерами отскакивали в сторону, игнорируя полностью закон массы и энергии $E=mc^2$.

Вцепившись в руль, он прокричал:

— Убирайтесь восвояси!

Появились охранники из сторожки, ему показалось, что он на самом деле задел какого-то парня с Nikon, отскочившем от капота, кто-то стукнул по бамперу, послышались проклятья и угрозы в его адрес, подать на него в суд.

Лейн продолжал нестись вперед, пока роллс-ройс не въехал на территорию кладбища.

Взглянув в зеркало заднего вида, он проверил, не истекает ли кто-нибудь кровью или не падает подкошенный на тротуар, не преследуют ли его охранники с пушками наготове, или еще что-то в этом роде: неа, хотя судя по всему все могло затянуться, поскольку Лейн забыл улыбнуться одному из папарацци, удерживаемым охранником мертвой хваткой.

И эта гарпия сейчас фактически получила то, ради чего и примчалась сюда — свежий материал.

Другой охранник начал махать ему рукой, чтобы он проезжал, Лейн замедлился рядом с ним, но не стал открывать окно.

— Мы постараемся удержать их здесь, мистер Брэдфорд, — сказал мужчина через стекло. — Вы продолжайте держаться левой стороны. Следуйте указателям до Фейрлоун Лейн. Он прямо там по середине. Мы все сделали и подготовили ваше место.

— Спасибо, — тихо произнес Лейн. — И мне жаль этих журналистов.

— Не волнуйтесь, просто продолжайте двигаться вперед. Мы не сможем их утихомирить, пока вы не скроитесь из виду.

— Как мне выбраться отсюда, когда мы закончим?

— Следуйте по любой из полос вниз по холму. Это будет крюк для вас на обратном пути, но он приведет вас к заднему входу хозяйственных построек.

— Отлично, спасибо.

— Не падайте духом, — произнес мужчина с небольшим поклоном.

Лейн проехал довольно далеко, прежде чем понял, что они оказались вне досягаемости объективов камер. — Ладно, — сказал он. — Берег теперь чист.

Женщины выпрямились, и он снова взял Лиззи за руку, взглянув на Джину и Амелию в зеркало заднего вида.

Глаза племянницы сияли от восторга.

— Боже мой, это было так круто! Такое происходит только с Кардашьянами.

Лейн задумчиво покачал головой.

— Не уверен, что Кардашьяны являются стандартом поведения, которому следует подражать.

— Нет, я серьезно, я видела это по телевизору.

— Мне казалось, что «Хотчкисс» учит тебя более важным вещам, — нахмурился Лейн, подъезжая к перекрестку. — Например, таким как математика, история...

Он ударил по тормозам, пытаясь вспомнить куда следует повернуть — налево или направо? А может спуститься вниз с холма? Или к Фейрлоун Лейн?

Позади них раздалось дребезжащее *бин-бин*. И Бог был свидетелем, Лейн уже был готов залезть в свой бардачок и выхватить пистолет девятого калибра, чтобы начать стрелять...

— Самюэль Ти.? — воскликнул он, дважды взглянув в зеркальце заднего вида.

Открыв окно со своей стороны, он высунул голову, радуясь, что видит своего давнего друга в винтажном Jaguar. — Это, на самом деле, ты?

Разве может быть на этом кладбище еще один классический бордовый спортивный автомобиль с достойным джентльмен с юга фермером/адвокатом за рулем?

— Ты заблудился, мой мальчик? — протянул Самюэль Ти., приподнимая свои Рей-Бэны. — Тебя сопроводить на место?

— Да. Проведи меня, своенравный сын.

Самюэль Ти. опустил свои темные очки на нос и направился вперед, Джин пробормотала в этот момент:

— Кто его пригласил?

Лейн пожал плечами и последовал за ним, следуя точно за кабриолетом.

— Я пригласил его вчера.

— В следующий раз, уместно принимать более осмотрительные решения.

— Он — мой адвокат, — ответил Лейн с улыбкой.

«Джин призывает к осмотрительности?» — мелькнуло у него в голове. Возможно, это все какой-то странный сон, и когда он проснется то, с компанией будет все в порядке, Эдвард не будет сидеть в тюрьме, а мисс Аврора будет находиться по-прежнему на кухне, и Истерли будет готов к приему посетителей, желающих проститься и отдать дань памяти покойному, и этот день по количеству пришедших побьет все другие.

И у него, конечно, останется их счастье и любовь с Лиззи.

И... еще кое-что, прах отца по-прежнему будет у него в багажнике.

Просто зола, оставшаяся от человека.

Сидя на заднем сиденье ролл-ройса, Джин не могла решить, то ли ей продолжать молчать, то ли начать бросать «ядерные» бомбы, словно конфетти.

В конце концов, она остановилась на первом по двум причинам: чтобы кричать и возмущаться требуется много сил, а их у нее не было, и, кроме того, ее обычная реакция уже давно устарела, кроме того, она беспокоилась о том, что может в этом состоянии сболтнуть. И это совсем не относилось к мату.

Амелия кое-чего не знала. Этого же не знал и Самюэль Ти. И Джин не могла гарантировать, что ее нынешний дурной нрав не выдаст откровений, которые лучше всего оставить за собой, образно выражаясь, за железным занавесом.

Какого черта он приперся сюда?

И несмотря на то, что она главного ему не говорила, но она находила ужасно раздражающим, что Самюэль Ти. знал, где находится склеп Брэдфордов. Этот человек никогда ничего не забывал, не сказанного, не увиденного. Он напоминал чертового слона, который никогда ничего не забывает.

Что также невероятно раздражало.

Бесконечно поворачивая и следуя по дорожкам, Самюэль Ти. целенаправленно вел их к месту назначения, как ищейка на запах, Лейн же двигался на роллс-ройсе за Jaguar. Въехав в парк, ее брат остановился, двери открылись и все вышли, Джин же осталась сидеть в машине.

Ее первоначальный всплеск гнева сменился другой эмоцией. Намного более разрушительной, она забеспокоилась, причем очень сильно.

Вытирая вдруг вспотевшие ладони о юбку, она обнаружила, что ее сердце забилось сильнее, почувствовала головокружение, даже несмотря на то, что внутри машины было прохладно от кондиционера. И тогда почему-то синяки на внутренней поверхности бедер стали жечь, после того, как их оставил Ричард, стали почти невыносимо болезненными.

Воспоминания об этом мало ее заботили, она переживала из-за другого.

Она слышала голос Сэмюэля Ти. в своей голове:

«Я думаю, что Ричард тебя бьет. Я думаю, что ты стала носить шарфы, чтобы прикрыть синяки, которые он на тебе оставляет.»

Несколько дней назад, когда на город спускались сумерки, она тайно встретила с Самюэлем Ти. в саду Пресвитерианской Духовной Семинарии. Он первый проявил желание встретиться с ней, и несмотря на их сложные отношения, на все взлеты и падения, она не

ожидала услышать то, что он ей сказал:

«Ты можешь мне позвонить в любое время. Я знаю, что между нами полная неразбериха, но... Мы не можем друг с другом поладить и доставили много разочарований и боли, но ты можешь позвать меня. В любое время дня и ночи. Независимо от того, где ты будешь находиться, я приеду за тобой. Я не буду просить объяснений. Не буду кричать или ругаться. Я не буду осуждать, и если ты будешь против, я даже не скажу Лейну или кому-нибудь еще».

Когда Самюэль Ти. говорил ей эти слова, он был убийственно серьезен, по крайней мере, она не видела никаких доказательств, что он шутит в своей обычной сексуальной манере поддразнивая. Он был... грустным. Обеспокоенным и грустным.

Она сосредоточила все свое внимание на Амелии, глядя в окно машины.

Амелия шла вперед по ярко-зеленой траве, красно-черная блузка шевелилась от раскаленного горячего ветерка, лаская темные волосы на ее плечах. Прямо перед ней, словно бремя ее родословной, возвышался великий склеп Брэдфордов, выросший будто из земли, мраморный памятник семейного величия с двадцатиметровыми статуями по всем четырем углам, и дорожка приводила к витиеватым воротам, украшенным на фронтоне замысловатыми золотыми листьями, которые были такими же замысловатыми, как и ворота на само кладбище.

Амелия остановилась на пятой ступеньке, которая прямиком вела к старым латунным дверям, закрытым для всех, даже когда эта железная решетка открывалась для семьи.

Отклонив голову назад, словно уважение к ней могло сойти с небес, солнце засверкало в ее волосах, отразив те же медные блики, что и у Самюэля Ти.

Дочь, такая же, как и отец...

Дверь со стороны Джин по-прежнему была открыта, и она, наблюдая за этой картиной, прижала руку ко рту, боясь, что ее сердце было готово выпрыгнуть через глотку.

Краем глаза она заметила протянутую ей руку и пробормотала:

— Спасибо, Лейн.

Воспользовавшись рукой, она вышла из машины...

— Не Лэйн.

От низкого, знакомого голоса, она дернулась, и перевела взгляд, встретившись глазами с Самюэлем Ти. Хотя, на самом деле, ей не стоило беспокоиться, чтобы встретится с ним глазами.

Поскольку он смотрел вниз, немного левее... на синяки на предплечье, которые были видны из-под три четверти рукава ее шелкового платья. Его лицо потемнело от ярости, она обхватила его за согнутую руку и улыбнулась.

— Самюэль Ти. Какой сюрприз! Я не видела тебя целую вечность.

Ее слова должны были его успокоить. Вместо этого, ее голос звучал слабо и неуверенно, и она началась трястись всем телом без видимых причин. Ради Бога, она не настолько замерзла.

«Ты намного лучше, чем он. Ты заслуживаешь лучшего, чем это чмо. Славное прошлое вашей семьи не стоит мужчины, который тебя бьет только потому, что ты боишься остаться без денег. Ты сама по себе бесценна, Джин, независимо, сколько лежит на твоём банковском счете».

«Прекрати», — сказала она себе.

Улыбаясь еще шире, она ждала, что он что-то скажет, продолжив ее игру, как и обычно.

Но как и всегда, он выбрал свой собственный путь.

Самюэль Ти. просто поклонился в своей галантной манере и предложил ей вариант следовать за ним или остаться на месте.

Глава 8

Лейн всегда предполагал, что семейный склеп выглядит чем-то зловещим, со всеми его темными карнизами и изогнутыми железными конструкциями над непрозрачными окнами и плющом, окутывающем старый белый мрамор. И каким-то образом, перспектива того, что его отец будет похоронен здесь, делало все еще более ужасным, все эти предрассудки Винсента Прайса наносили еще более тяжелый удар. Но куда еще он мог поместить прах этого человека? Если он неуважительно отнесется к нему мертвому, Лейн беспокоился, что его дорогой отец будет преследовать его всю его оставшуюся жизнь.

Как будто Уильям не будет и так преследовать его?

Держа урну в согнутой руке, как футбольный мяч, Лейн шел по траве, под широкой сенью платанов и буков, сквозь ветки которых проникал яркий солнечный свет, создавая эффект ряби у него под ногами, при других обстоятельствах он показался бы даже забавным. Как и обещали сотрудники кладбища открыли засов и массивные большие решетки латунных двойных дверей были готовы впустить семью. Вместо ручек на них красовались тяжелые медные кольца, поднявшись на низкую ступеньку и потянувшись к правому кольцу, он вдруг вспомнил, как приезжал сюда с дедушкой.

И он сделал все так же, как и отец его матери, повернул кольцо на основании, механизм с грохотом передвинулся, и этот звук эхом отразился внутри. Огромные петли, по ширине, как его предплечья, закрипели, открывая тяжелые двери, порыв прохладного, сухого воздуха с запахом осенних листьев и вековой пыли, полоснул его по лицу.

Внутри помещение было сорок на сорок шагов, идеальный квадрат, увенчанное стеклянным куполом из матового стекла, дающее достаточное количества света, чтобы прочитать все таблички на стенах. В центре рядом друг с другом стояли два мраморных саркофага, первый принадлежал Элайджа Брэдфорду и дамы его сердца Констанс Тулейн Брэдфорд, они стояли на видном месте, в окружении своего рода, который и создали. И несмотря на то, что их покой казался вечным, он понял, что этот склеп, на самом деле, был их вторым местом захоронения. Очевидно, их выкопаны и перевезли с земли поместья Истерли, когда этот внушающий восхищение памятник был построен в середине 1800-х годов.

И по мере того как за ним входили другие, он оглядывался вокруг, всматриваясь в урны, вмонтированные рядами на стенах, надписи на старых медных табличках, отображающие даты жизни и смерти. И для Уильяма Болдвейна было тоже подготовлено место: одно отверстие в линейке ячеек было открыто, путем изъятия квадрата мрамора.

Подойдя туда, Лейн поместил урну в темное пространство и удивился, как точно она вписалась в это небольшое место, крышка только на дюйм не доставала до верха.

Отступив на шаг, он нахмурился, вся чудовищность смерти впервые потрясла его. С тех пор, как он вернулся в Чарлмонт, на него обрушивался один кризис за другим, он не успевал разруливать одну чрезвычайную ситуацию за другой. Весь этот навалившийся хаос и то, что он никогда не чувствовал себя близким к отцу (на самом деле, не любил и не доверял этому человеку) сделали смерть Уильяма едва ли не существенной припиской, в виде подстрочного замечания к чему-то более важному.

И обрушившаяся на него реальность в этот момент, что он никогда больше не увидит этого человека и не почувствует запах табака, и не услышит его уверенные шаги по

мраморным полам Истерли, или где-нибудь еще, поразила его настолько... вызвав, нет, не грусть. Он действительно не собирался оплакивать эту потерю, как оплакивают тех, кого любят, и кто нам не безразличен.

Вся эта ситуация напоминала сюрреализм. Непостижимый и невероятный.

Человек с таким большим влиянием на общество, хотя и отрицательное, смог вот так в мгновение ока исчезнуть...

Тяжелые шаги по мраморным ступенькам входа заставили его резко развернуться, он мигая вглядывался в высокую фигуру, появившуюся в солнечном свете, задаваясь вопросом, не обманывают ли его глаза, боясь, что это его отец вернулся из мертвых.

Глубокий голос его брата Максвелла прояснил всю ситуацию:

— Я снова опоздал, да?

И его ленивый, растянутый говор, говорил о том, что парню на самом деле все равно, обиделся ли на него кто-нибудь или нет, таков был Макс. Он создавал о себе впечатление у окружающих, что ему наплевать на все и всех.

И Лейн множество раз видел, что так оно и было. Тем не менее он пришел, не так ли?

— Я только что поставил урну отца, — заметил Лейн, кивнув на ячейку.

«Хотя он не заслуживает находиться здесь. Он не член этой семьи».

Естественно, Макс пришел не в костюме, а в байкерской куртке и джинсах. С бородой и татуировками нашее он определенно выглядел смутьяном, которым на самом деле и был, человеком, не привязанным ни к кому и ни к чему.

И без видимой причины, Лейн вспомнил кое-что, сказанное Эдвардом, когда он выдавал свое признание полиции в Red & Black: «Они пытаются сказать, что у меня был сообщник, но у меня его не было. Я все сделал сам.»

Лейн внимательно прищурился на брата.

— Что? — тут же насупился Макс.

И краем глаза Лейн заметил Джин, которая резко выдохнула и вскинула на него голову, тем самым напомним, что они не одни, рядом находилась Амелия, кроме того, это было не тем местом, где стоило выяснять отношения, типа «Эй, ты объединился с Эдвардом, чтобы отправить к праотцам нашего дорогого папашу?»

— Поможешь мне поставить это на место? — попросил Лейн, указывая на мраморную плиту, стоявшую в углу.

— Хочешь удостовериться, что он будет замурован?

— Ты готов меня в этом обвинить?

— Ни в коем случае. Я пришел лишь потому, чтобы точно убедиться, что этот ублюдок, действительно превратился в прах.

Вдвоем они подошли к стене, согнулись над мрамором примерно в три на три фута. Лейн попросил Макса помочь, чтобы разрядить как-то обстановку, но оказалось, что ему была просто необходима дополнительная пара рук. Белый шпон был прикреплен к стальной опоре, которая весила убийственную тонну, и они одновременно крикнули, как только подняли ее с пола.

Быстро перебирая ногами к месту, где находилась урна в ячейке, напоминая стаканчик с супом на полке в супермаркете, они подняли плиту и поместили ее на место.

Отойдя Лэйн задался вопросом, правильно ли они поставили ее или...? Или ее нужно закрепить болтами?

— Она не упадет? — спросил Макс.

— Не знаю. Я имею в виду, она тяжелая, как черт. Сзади я не заметил никакой защелки или еще чего-то похожего, не так ли?

— Я особо не смотрел. — Макс осмотрелся вокруг. — Здесь все плиты так установлены? Потому что достаточно будет одного хорошенького землетрясения, и все эти урны разлетятся в разные стороны... и этому месту потребуется самый крутой пылесос.

Первым рассмеялся Лэйн. Потом к нему присоединилась Джин. Дальше Амелия, Лиззи и Самюэль Ти. последовали их примеру, им всем необходимо было снять напряжение, стоя внутри фамильного склепа.

— Это все? — откашлявшись спросила Джин, когда все успокоились.

— Так сюрреалистично. — Лейн обнял Лиззи и прижал ее к себе. — Словно сон.

— Но не кошмарный сон. — Макс покачал головой. — По крайней мере, для меня.

— И для меня тоже, — согласилась Джин. — Ты прикрепишь табличку?

— Не знаю. — Лейн пожал плечами. — Я не очень хочу.

— Давайте оставим как есть. — Макс скрестил руки на груди. — Он уже и так получил намного больше, чем заслужил. Я бы развеял его прах на кукурузном поле причем, прежде чем положить на него навоз...

В дверном проеме появилась еще одна фигура, Лейн заметил ее первым... и тут же узнал посетителя.

Шанталь.

Его вырвавшееся проклятие привлекло внимание всех остальных.

— Ты думал, я не узнаю? — спросила она.

В глубине своего сознания, Лейн слышал слова Гленн Клоуз из «Рокового влечения»: «Меня не стоит сбрасывать со счетов, Дэн».

«Кто, ради Бога, сообщил ей, когда мы собираемся его хоронить?» — Удивлялся он про себя.

Шанталь не вошла внутрь, но запах ее духов ударил в нос своим фальшивым букетом, отчего ему захотелось чихнуть. Ее яркая блузка и белые джинсы были совершенно неуместны для такого случая.

— Ну? — сказала она. — У меня тоже есть право здесь находится, Лэйн.

Она опустила руку на живот, он закатал глаза.

— Давай не будем играть в эту игру снова. Ты не настолько уж горюешь по нему, по сравнению с нами.

— Отчего же? Кто бы говорил. Я любила твоего отца.

Лейн посмотрел на Самюэля Ти.

— Не мог бы ты быть так любезен, отвезти мою сестру и племянницу домой?

— Конечно. — Адвокат обратился к Джину. — Пошли.

— Как его адвокат, ты не хотел бы остаться? — сухо поинтересовалась Джин. — И у тебя двухместная машина. Как ты собираешься нас доставить домой?

— Я отвезу Амелию на байке. — Макс положил руку на плечо племянницы. — У меня как раз имеется еще один шлем. Давай. Предоставим взрослым побыть вдвоем. Хочешь я куплю тебе мороженое по дороге домой?

— Мне шестнадцать, а не шесть лет. — Амелия вздернула подбородок точно также, как делала ее мать. — И я хочу Гретэр с шоколадной крошкой. В конусе. С сиропом.

— Что угодно. — Макс подошел к Шанталь и понизил голос, но не на много. — Ты либо уйдешь с моего пути, либо я оттолкну тебя, и ты упадешь на задницу.

— Твой отец всегда говорил, что ты животное.

— А ты с рождения была сучкой золотоискательницей. И это следует учитывать.

Шанталь настолько была ошеломлена оскорблением, что буквально отпрыгнула с его пути. Все, кто был знаком с Максом прекрасно знали, что он слов на ветер не бросал, и почти бывшая жена Лэйна была отнюдь не манекеном.

— Пошли, Джин, — Самюэль Ти. позвал ее, взяв за локоть.

Лэйн посмотрел на сестру, молясь про себя, чтобы она повела в этой ситуации разумно — ушла. Последнее, чего он ожидал это испытать ее дикий нрав.

«Хоть раз в жизни, — он подумал, — она может, черт побери, молча удалиться. *Пожалуйста*».

Джин чувствовала, как Самюэль Ти. тянет ее за локоть, пока она улыбалась самой большой «ошибке» своего брата Лэйна: Шанталь Болдвейн все время занимала второе место. Единственное, что принадлежало Джин — это первое место, а теперь?

Взыграли амбиции, связанные с обществом.

— Джин, — позвал Самюэль Ти. — Мы идем?

Несколько секунд Джин наслаждалась напряжением, возникшим в склепе, каждый задавался вопросом, что, черт возьми, она собирается сделать. Она не собиралась устраивать ссору с Шанталей.

Нет, она была намного выше этого, и сделает нечто лучшее.

— Конечно, Самюэль, — мило ответила она.

Она практически услышала, как выдохнул Лэйн от облегчения, которое отразилось в его глазах, именно этого она и добивалась, чтобы он расслабился.

И она спокойно пошла на выход, и почти уже вышла.

Почти.

Но поравнявшись с этой женщиной, Джин наклонилась и быстро положила руку ей на живот. Шанталь не успела отпрыгнуть, Джин произнесла низким голосом:

— Я проклинаяю этого ребенка.

— Что? Что ты сказала?

— Ты меня слышала. — Джин снова улыбнулась. — И когда ты потеряешь этого ребенка, я хочу, чтобы ты вспомнила меня.

— *Что!*

— Пока.

И Джин выпорхнула из склепа, поджидая Самюэля Ти. Шанталь начала визжать и кричать, Джин закатала глаза, Самюэль Ти. попытался удержать женщину, готовую ринуться за Джин, чтобы выцарапать ей глаза.

Прекрасно. Она внесла свою милую лепту. Шанталь орала, пытаясь добраться до Джин, но Самюэль Ти. не позволял ей этого сделать.

Между тем Джин подставила лицо солнцу, ощущая тепло на щеках и груди.

Спустя какое-то время появился Самюэль Ти. и снова взял за локоть Джин.

— Пошли, шаманка. Мы уходим отсюда.

Обычно Джин была бы склонна продолжить спор только, чтобы поддержать развивающуюся ссору, но в данный момент она молчала, оставаясь спокойной и довольной собой, пока он вел ее по траве к Jaguar. Открыв ей дверцу, он подождал, пока она сядет и подняв на него глаза, чтобы инстинктивно поблагодарить, была поражена его взглядом.

Он был невероятно красив, это правда. Но в ее влечении к нему это было не главное. Ее

страсть к нему появилась в результате его высокомерия, вкупе с его независимостью, полным пренебрежением к ее чувству превосходства. Она всегда хотела его победить. Подчинить себе, чтобы он выполнял то, что ей хотелось. Заставь его стать ее чистокровной собачкой, готовой выполнить любую ее команду.

Но Самюэль Ти. был не таким. Он никогда не был бы таким и никогда не будет. Вот почему она любила его.

— Тебе не следовало этого говорить, — пробормотал он, закрыв за ней дверь.

Глаза Джинны следили за каждым его движением, пока он обходил длинный капот машины и садился за руль. Он надел свои Рей-Беи, посмотрел на нее через темные стекла авиаторов и ее сердце ухнуло.

— Что мне не следовало говорить? — Ее голос был таким тихим, он едва услышал ее слова, поэтому какое-то время просто смотрел на нее.

«Я хочу тебя, — подумала она. — Я просто хочу снова почувствовать тебя в себе».

Казалось, прошла уже вечность с тех пор, как они были вместе. На самом деле? Прошло всего лишь неделя или две, может быть, меньше. Точно она не могла вспомнить.

«Глумление Ричарда запятнало меня, — подумала она про себя. — Черт бы с ним, но меня это выбивает».

Как будто он прочитал ее мысли, Самюэль Ти. потянулся и взял ее за руку, крепко сжав в своей теплой и сильной ладони. Его палец начал совершать круги по внутренней стороне ее запястья, и она ощутила, словно он касался всего ее тела.

— Самюэль... — прошептала она.

Медленно он перевернул ее ладонь, а затем поднял, как будто собирался провести губами по ее пальцам.

Вместо этого он поднял ее руку так, чтобы она увидела свое обручальное кольцо и второе — на помолвку.

— Я собирался сказать, конечно, я вывезу тебя через задние ворота. И последнее, что нам нужно в данной ситуации, чтобы наше совместное фото появилось в прессе.

Самюэль Ти. отпустил ее руку и запустил двигатель. И когда он двинулся с места, то казался настолько спокойным, управляя машиной, словно в автомобиле стояла современная автоматическая коробка передач, а не классическая ручного управления.

«Черт возьми, — подумала она. — Как он может быть таким спокойным!»

Дорожки, по которым они проезжали, были извилистыми, ведущие через пруды и плачущие ивы, подстриженные плюсовые деревья и клумбы с плющом, все здесь говорило об умиротворении и спокойствии, которое хотелось бы найти в последнем месте покоя.

Джин не видела вокруг ничего, внутри вся кипела. Самюэль Ти. этого не знал. Она не хотела, чтобы он увидел ее истинные чувства, достаточно того, что он уже видел и знал.

— Ты не впечатлил меня, — жестко произнесла она.

— Как и всегда.

— Теперь ты решил быть очаровательным. После того, как отверг меня.

— Я тебя не отвергал.

— Нет? Хм... Если ты фактически почти уже не поцеловал меня, и я уже забыла бы об этом, я бы сказала, что ты теряешь свою манеру общения.

— Напомни мне, почему я предположительно должен быть впечатлен тобой?

Она улыбнулась тому, что он сменил тему, посчитав это своей небольшой победой, но обратила внимание на изменение характера самой их перепалки и отметила потерю чего-то,

что когда-то ей очень нравилось. Ведь такова была разменная монета их отношений, повторяющаяся снова и снова, от сексуальной ноты до раздраженной эротической ярости. Совсем недавно, неделей ранее все переросло бы в обзывание и перечислению всех прошлых мелочных обид и неразборчивых связей..., пока они не упали бы в постель и не насытились бы друг другом.

А сейчас? У нее было такое чувство, словно они оба катались на коньках вокруг насущной проблемы, перемещаясь по замороженной поверхности своего прошлого... и горько-холодной реальности ее настоящего.

— Что меня должно было впечатлить, Джин?

— Я ни разу не упомянула о той отвратительной блузке, которая одета на Шанталь. Видишь? Я меняюсь, все начинаю с нового листа.

— Ты пожелала ей потерять ребенка. Думаю, по масштабам оскорблений, это гораздо хуже.

— Я не получу очки за честность? Ты всегда говорил, что ненавидишь, когда я вру, и я действительно хочу, чтобы она потеряла это чудовище.

— Я не предполагал, что ты так заботишься о святости брачных обетов к твоему брату.

— О-о, это меня ни в коем случае не касается. Я просто ищу способ, как уменьшить количество претензий к нашим деньгам.

— Вот это моя девочка.

— Не то, чтобы у нас много чего осталось... и не то, что это ужасная трагедия.

Самюэль Ти., спускаясь с холма, прокачивал свои тормоза, свернув к ряду хозяйственных построек. Вдалеке уже виднелась бетонная стена с широкими открытыми металлическими воротами.

Проезжая через ворота, пара рабочих кладбища, кутивших в тени, поднялась и поглядела на машину.

— Напомни мне не связываться с тобой, — пробормотал Самюэль Ти.

— Слишком поздно не связываться.

— Да, — мрачно ответил он. — Знаю, что это правда. Так, где обитает твой муж сейчас, Вирджиния Элизабет?

— Не называй меня так. Ты знаешь, я презираю это имя. — Джин пожала плечами. — Ричард на работе. Или в аду. Меня это мало волнует.

— Как обстоят дела между вами? — как бы случайно продолжал наводить справки Самюэль Ти, совершенно не заинтересованным тоном.

Джин, вжавшись в старое кожаное сиденье, вспомнила о том, что случилось в ее гардеробной.

— Также. Он не лезет ко мне, я не лезу к нему.

— Хочешь чего-нибудь выпить?

— Да, пожалуйста.

Шанталь продолжала кричать в дверях склепа, словно в сцене из Шекспира, ее руки неудержимо летали, при этом всем телом она качалась из стороны в сторону, ее волосы, спадающие на плечи, напоминали бурю в океане.

— ... позволить так со мной обращаться! Я имею в виду, как ты мог просто стоять и смотреть, как твой брат оскорбляет меня и не остановить свою сестру, напавшую на меня!

Лейн наблюдал издали за этим шоу, прислонившись к углу саркофага Илии, не предпринимая ни одной попытки ее остановить. Он не собирался вечно сдерживать свои эмоции, но он почему-то был убежден, что в конечном итоге, женщина быстро успокоится, выплеснув свой гнев, учитывая, что снаружи было восемьдесят пять градусов на солнце (около 30⁰C), которое нещадно палило на нее.

На самом деле, он гораздо больше беспокоился по поводу Лиззи, но он хорошо ее знал, предполагая, что она не будет в этом участвовать. Она стояла рядом, прислонившись бедром к мраморной гробнице Констанс, ее левая бровь была приподнята, пока она наблюдала за шоу Шанталь, которую можно было бы спокойно закидать гнилыми помидорами за ее ужасную игру.

Что касается комментария Джин, из-за которого все началось?

Могло быть хуже, не так ли? Если учесть то, что сказала его сестра, являлось истинным свидетельством историй, ходивших о Джин, о ее возмутительном поведении.

— Ну? — Наконец, потребовала ответа Шанталь. — Что ты можешь сказать в свою защиту?

— Думаю, мое прошение о разводе для тебя было довольно очевидным моим ответом.

— Это не смешно.

— Не уверен в этом.

— Ты пытаешься всего меня лишить. Если бы я не прочитала, что ты собираешься сегодня устроить погребение праха твоего отца, я бы не узнала, ты же не сообщил мне об этом...

— С завещанием тебе ничего не светит, отец тебе не оставил ничего. И ты не член этой семьи...

Она схватилась за живот.

— Это член семьи. Он следующий Брэдфорд...

— Нет, — отрезал Лэйн, — он является следующим Болдвейном. И то теоретически.

Шанталь указала пальцем на Лиззи.

— Ты должна уйти. Это касается нас двоих.

Прежде чем Лиззи смогла ответить, Лейн резанул рукой воздух и произнес:

— Захочет ли она остаться или уйти, это может решить только сама Лиззи, а не ты.

— Ты всегда отдавал предпочтение слугам.

Лейн холодно улыбнулся.

— Осторожно, Шанталь. Ты уже однажды пошла по этой дорожке, и это не закончилось для тебя ничем хорошим.

— О, да, твоя «мамочка». Я забыла... скажи, ты уже заменил мисс Аврору на кухне? Или ты подождешь, пока она не умрет.

Лиззи покачала головой.

— Думаю, я пойду.

— И я тоже пойду. — Лейн выпрямился. — Это ни к чему не приведет...

— Ты не можешь выбросить меня из своей жизни, Лэйн! *Это* дает мне право. — Опять она положила руки на живот. — Следующее поколение вашей семьи! То, что ты не смог мне дать.

Лейн подошел к женщине, он старался изо всех сил сдерживаться.

— Ты лишила жизни моего ребенка, на тот случай, если ты подзабыла. Которого теперь у меня нет.

Лицо Шанталь стало красным.

— Ты не оставил мне выбора!

— И я даже не уверен, был ли он моим.

— Как ты смеешь!

— После того как ты забеременела от моего отца? Почему нет?

Когда она подняла руку, чтобы его ударить, он перехватил ее за запястье, крепко сжав.

— Я уйду отсюда прямо сейчас, и если ты поймешь, что для тебя это тоже будет лучше, выпустишь меня. Без. Единого. Мать твою. Слова.

Лиззи наклонила голову и протиснулась мимо Шанталь, спускаясь по ступенькам к ролл-ройсу, припаркованному у дороги. То, как она опустила глаза вниз, его испугало. Она ясно дала понять, что его ссора выглядит не привлекательно: она любила его, несмотря на его семью, не из-за денег и его положения в обществе, и не из-за эмоциональных всплесков, готовых выползти из каждого угла его чертовой жизни.

— Лиззи, — крикнул он.

— Обрати на меня внимание! — потребовала Шанталь. — Она не столь важна, как я!

Внезапно Шанталь налетела на него, молотя кулаками, пиная, крича и тряся головой, пока ее волосы не стали хлестать его по лицу, оказавшись чуть ли не у него во рту. Схватив ее и пытаясь удержать на месте от падения и не причинить себе вреда из-за ее высоких каблуков.

— Шанталь, прекрати...

И именно тогда он увидел вспышку фотоаппарата.

Из-за ствола бука камера запечатлела борьбу, причем так быстро, что затвор моргнул пару раз.

— О, блядь, все серьезно...

— Лейн! Остановись, Лэйн!

Сначала он не понял, кто его звал. Но потом, он понял, что это была Лиззи и сделал все возможное, чтобы успокоить и поговорить с Шанталь.

— Я видел камеру. Садись в машину...

— Лейн! Кровь!

— *Что?*

Он замер, Шанталь занесла свой изящный кулак и ударила его, словно была поклонницей Луисвилл Слаггер, прямо в челюсть. Удар вызвал скрежет его зубов, но этим она не закончила. Размахнувшись, она налетела на него и ударила в нос, боль была адской, словно посреди его лица разорвалась бомба.

Как ни странно, единственное, что отобразилось у него в голове, видно в оздоровительном клубе, который она посещала, проходили и занятия по боевым искусствам.

Наверное, она сжигала там больше калорий, чем на простых упражнениях по качанию

пресса.

— Лейн! Кровь!

Да, у него явно пошла кровь, и он отошел от Шанталь, подняв руки к лицу. Между тем, Лиззи продолжала говорить, оттаскивая от него женщину.

— Шанталь, у тебя кровь! Ты должна остановиться! Ради ребенка!

И в этот момент появились копы.

Да, это определенно была полицейская машина с включенной мигалкой, остановившаяся прямо за роллс-ройсом.

Как спринтер, который вот-вот должен пробежать полсотни ярдов, фотограф спрятался за дерево и помчался, как от ада, по полю с надгробиями. Но Лэйну было все равно.

Что только что сказала Лиззи? Ради ребенка?

Саттон вышла из передней двери полицейской машины штата и не поверила своим глазам. Да, это точно был склеп семьи Брэдфордов с открытыми железными воротами и латунные двери тоже были широко открыты. И там стоял Лейн Болдвейн со своей Лиззи... и Шанталь Болдвейн, с которой он разводился.

Но все остальное было каким-то странным.

У Лейна по лицу текла кровь, пачкая его рубашку и пиджак. Хуже всего, однако, было ярко-красное увеличивающееся пятно на белых джинсах Шанталь.

Кого-то убили... или расстреляли? Или...

Несмотря на то, что Саттон не имела понятия, как ей помочь, она бросилась вверх по ступенькам... полицейский последовал за ней.

— Шанталь, — вещала Лиззи, — успокойся, у тебя кровь!

То ли из-за того, что подъехала полицейская, патрульная машина, то ли от факта, что теперь стало больше участников, Шанталь упала в объятия Лиззи, словно сдаваясь... или теряя сознание.

Лейн увидел красное пятно на ее джинсах.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— О, мой Бог...

— Что здесь происходит? — спросил полицейский штата, который встретил Саттон в аэропорту Сэнфорда, и у него заканчивалась смена, но теперь он явно был при исполнении своих обязанностей. — Может вызвать скорую?

— Да, — тут же ответила Лиззи, помогая Шанталь лечь на мраморную плиту.

Шанталь развела ноги, посмотрела на блестящее красное пятно и испустила крик, от которого тут же взмыли вверх птицы с магнолии.

— Мой ребенок!

Лейн сорвал пиджак и положил его ей на ноги.

— Звоните девять-один-один!

Полицейский вернулся к патрульной машине, Саттон присела рядом.

— Чем я могу помочь?

— Как ты узнала, что нам нужна помощь? — спросил Лейн.

— Шанталь, — сказала Лиззи женщине, — просто сделай глубокий вдох. Тебе необходимо успокоиться... если ты хочешь помочь ребенку, ты должна успокоиться...

Ненормальные глаза Шанталь смотрели на нее, она еще долго не сможет их забыть.

— Что со мной случилось? Что случилось?

Саттон взглянула на Лейна и попыталась вспомнить... ах, да.

— Я прилетела в аэропорт. И хотела успеть сюда.

— В полицейской машине?

Шанталь испустила стон, а потом прокричала:

— Мой ребенок!

— Вот. — Саттон сняла с себя верхнюю рубашку. — У тебя сильное кровотечение из носа.

Она протянула свернутую вещь Лэйну, он на мгновение замер, смутившись. Но взял и приложил к носу.

— Отнесите меня в склеп, — пробормотала Шанталь. — Здесь фотографии вокруг... я не хочу, чтобы это попало в Интернет!

Лейн наклонился ближе, его голос был приглушен рубашкой, когда он сказал:

— Шанталь, мы не знаем, что с тобой, возможно, нам не следует тебя передвигать...

— Это возмутительно! У меня кровь!

Саттон могла только покачать головой.

— Я возьму ее за ноги.

Втроем они подняли женщину и занесли в склеп. Потом Саттон пошла и прикрыла тяжелые латунные двери.

— Скорая уж едет? — В панике спросила Шанталь. — Когда она будет здесь? Что со мной?

Саттон сделала шаг назад и задалась вопросом, может ей следует уйти. Но нет, она не могла так поступить. Вместо этого она открыла двери и стала смотреть на дорогу, молясь, чтобы побыстрее прибыла скорая помощь, ей не уютно было находиться с мертвыми, с теми, кто уходит из жизни рода.

На самом деле, прошло не более десяти минут, когда послышался в отдалении вой сирен, машина виляла по дорогам кладбища.

— Я вижу их! — сказала она. — Они уже едут!

Полицейский двинулся навстречу, махая машине, Саттон отошла в сторону, пропуская каталку и оборудование, которое несли с собой женщина и мужчина в синей форме.

— Это мой муж, — произнесла Шанталь, как только вошли врачи. — Лейн Болдвейн — мой муж, и я беременна одиннадцать недель.

— Сэр, — обратился один из медиков к Лэйну, — не могли бы вы помочь мне и дать основную информацию, пока мы будем осматривать вашу жену?

Не думая об этом, Саттон подошла к Лиззи и шепнула:

— Давай выйдем, поговорим?

— Да, — с трудом ответила Лиззи. — Думаю, так будет лучше.

Когда они вышли на лестницу и спустились на лужайку, Саттон зажмурилась от солнечного света. Она до сих пор не понимала, почему приехала сюда. Она размышляла, почему не смогла удержаться и не приезжать. Ей очень хотелось, чтобы все здесь было по-другому.

— Ты прибыла как раз вовремя, — пробормотала Лиззи.

— Это немного странно. И я знаю, что не должна вмешиваться... Я имею в виду, это не моя семья, но я...

— Господи...

Лиззи качнулась, выбросив вперед руку, Саттон поймала ее, потому что ей показалось, что она вот-вот упадет.

— Ты в порядке?

— Я неважно себя чувствую.

Саттон оглянулась, не заметив папарацци, но здесь они или нет, никто не мог сказать точно.

— Давай сюда.

Отведя Лиззи за угол склепа, Саттон откинула ее волосы назад, пока Лиззи согнулась поплам, испытывая рвотные позывы.

Почему-то, слезы навернулись на глаза Саттон.

О, кому она лгала. Она точно знала, почему оказалась здесь.

Здесь должен был находиться Эдвард. И со своими путающимися мыслями, именно поэтому она приехала сюда, в качестве его доверенного лица.

Да, хотя это особенно и не имело смысла. Они не были вместе или у них не было отношений. А потом она подумала, что когда кто-то находится в твоём сердце до такой степени, как Эдвард находился в её, все выглядело так, будто ты привела его сюда с собой, где бы он не был. И он должен был быть здесь ради всех них.

— Шшшш..., — пробормотала Саттон, потирая Лиззи спину. — Все в порядке.

Когда позывы отступили, Лиззи рухнула на землю, прислонившись к склепу.

— О, он такой холодный. Так хорошо.

Выругавшись она отпустила голову. Ее щеки стали вишнево-красными, а вокруг рта залегла белая складка. А потом она сбросила бомбу тоненьким голосом:

— Мне кажется, что я беременна.

— Нет, я *не поеду* с ней на скорой. — Лэйн тут же отсек эту идею, ему было все равно, что подумали о нем врачи, ошарашенно глядя на него. — Мы разошлись. Она *не моя* жена и это *не мой* ребенок.

Хотя он собирался поехать в больницу. Во-первых, он хотел узнать все ли в порядке с ребенком Шанталь. Во-вторых, они по любому отвезут ее в Университетскую больницу, где находилась мисс Аврора, он все равно собирался навестить свою маму.

Но сначала ему нужно поговорить с Лиззи.

Когда врачи подняли Шанталь с холодного мраморного пола и закрепили ее на каталке, он покинул склеп. Лиззи и Саттон были у машины, дверь роллс-ройса была широко открыта, Лиззи сидела на переднем сиденье.

Спустившись по невысоким ступенькам, он пересек лужайку.

— Мне очень жаль.

Лиззи попыталась не встречаться с ним глазами.

— О, не волнуйся.

Взглянув на Саттон, он кивнул на Лиззи.

— Послушай, мы едем в больницу...

— Вообще-то, от этой желудочной инфекции я чувствую себя не очень хорошо. — Лиззи подняла голову. — Саттон, как ты думаешь, твой друг полицейский, не сможет отвезти меня в Истерли? Если нет, я смогу поймать такси...

— Я отвезу тебя домой. — Лэйн встал на колени и взял Лиззи за руку. — Господи, ты Боже мой, да ты замерзла.

— Моя температура тела немного ниже, чем на улице. — Лиззи бросила взгляд на Саттон. — Я могу сама поехать домой...

— Конечно, мы тебя отвезем.

Лэйн нахмурился.

— Нет, я...

Лиззи прервала его, встряхнув головой.

— Хорошо. Это будет честно. Не волнуйся обо мне, но я не хочу в таком виде стоять перед мисс Авророй, я знаю, что ты хотел бы к ней зайти.

Ну... Вот дерьмо.

— Я постараюсь недолго.

— Ты можешь находиться возле нее столько времени, сколько захочешь. Мне просто хочется прилечь.

Саттон направилась к офицеру, чтобы сообщить об изменениях в маршруте, Лэйн придвинул свое лицо к Лиззи.

— Шанталь определенно не в своем уме, она определенно бредит, единственная причина, почему я еду с ней — мы можем потерять поместье с того самого момента, как умер мой отец...

— Я знаю. Все нормально.

— Мистер Болдвейн? — обратился к нему один из медиков. — Мы готовы выехать, если вы хотите следовать за нами в своей машине.

Лиззи встала, и Лэйну пришлось отойти назад, чтобы предоставить ей пространство.

Улыбаясь, она умоляла саму себя, чтобы улыбка дошла до ее глаз.

— Я приеду домой и немного вздремну. К тому времени, когда ты вернешься, я буду бодра и на ногах.

— Я люблю тебя.

— Я знаю. Я тоже.

Она похлопала его по руке, а затем повернулась к Саттон, и он возненавидел ее осторожные, медленные шаги... и стал ненавидеть их еще больше, потому что почувствовал, что она не хотела, чтобы он сопровождал свою бывшую в скором времени жену, следуя за машиной скорой помощи.

Во всем этом была только его чертова вина.

А также видимость, что ему необходимо было сопровождать Шанталь, учитывая ее состояние, вместо того, чтобы отвезти Лиззи и не оказавшись в полном фиаско перед ней.

Он подождал, пока Лиззи не села на переднее пассажирское сиденье полицейской машины, и махал рукой до тех пор, пока автомобиль не скрылся за надгробиями. Затем, чертыхаясь про себя, он сел в свой роллс-ройс и поехал с кладбища, следуя за машиной скорой помощи. Он конечно не лелеял себя надеждой, что перед воротами не будет ни одного журналиста, но что еще он мог сделать в данной ситуации? Если бы он отправился другим путем, он бы не поспел за машиной, увозившую Шанталь, и она зарегистрировалась бы в больнице без него.

И он оказался прав. Перед воротами маячили еще репортеры, правда немного, последовал еще один раунд фотовспышек, пока он медленно выезжал за машиной на своем роллс-ройсе. Но он не собирался даже прикрывать лицо или наклонять голову вниз. Да, пошло оно все на хрен!

Как только они оказались на трассе, машина скорой помощи включила сирену, и они поехали быстрее, выбирая более короткий маршрут в центр города, избегая перегруженное шоссе.

Всю поездку, единственная мысль, крутившаяся у него в голове, была: ему было чертовски жаль, что он не мог снова самолично убить своего чертового отца.

Комплекс Университетской больницы занимал несколько городских кварталов, представляя из себя различной формы стеклянные небоскребы, соединенные между собой небольшими дорожками, расходившиеся по улицам и аллеям вокруг. На каждом здании висела табличка с именем семьи, спонсирующей его строительство, а дальше шло название центра: Брэдфордский центр мозгового кровообращения, Смайтовский онкологический центр, центр реабилитации Буна и Саттонский центр неотложной скорой помощи.

Скорая помощь объехала несколько стоявших машин и встала на свободное место, Лейн припарковал роллс в сторонке на свободном месте, медики выкатили каталку из машины. Он засунул руки в карманы и зашагал по разгоряченному асфальту к автоматическим дверям. Как только он вошел в фойе, люди тут же обратили на него внимание, узнав его.

Такое происходило повсеместно и не только в Чарлмонте.

Благодаря своему прежнему образу жизни плейбоя, он часто появлялся в прессе еще до того, как на него обрушились проблемы банкротства в данный момент. А сейчас? Сейчас после смерти его отца, ареста Эдварда и обвинений Шанталь, выдвинутых против него в насилии, было такое чувство, словно у него на шеи висел неоновый знак, гласивший: «Да, я именно тот, кем вы меня и считаете».

— Могу я вам чем-то помочь? — спросила администратор, во все глаза уставившись на

него.

— Я здесь из-за Шанталь Болдвейн. Ее уже осматривают врачи... она только что прибыла на машине скорой помощи?

Женщина кивнула.

— К вам обязательно выйдут, как только освободятся. Да, я имею в виду... ах, я могу что-нибудь для вас сделать?

Она вела себя так, словно была хозяйкой на вечеринке.

— Нет. Спасибо.

Ее глаза проследовали за каждым его шагом, пока Лейн пересекал фойе и опускался на пластмассовый стул, находившийся в самом дальнем углу, подальше от ТВ и торговых автоматов. Боже, он надеялся, что все это не продлится вечность...

— Мистер Болдвейн? — Позвала его медсестра из-за двери «Только для персонала». — Ваша жена...

— Спасибо. — Лейн поднялся и направился к ней. Понизив голос, он пробормотал: — И она мне не жена.

Медсестра моргнула.

— Простите. Мне показалась, что она сказала...

— Где она? И вы меня прости за грубость.

— О, я понимаю, сэр. — Медсестра сделала шаг назад, пропуская его вперед, но краем глаза он заметил по ее выражению лица, что она совсем не понимает, о чем он ей говорит. — В такое трудное время.

«Ты даже понятия не имеешь насколько оно трудное», — мелькнуло у него в голове.

Лейн прошел мимо поста персонала и различных зон интенсивной терапии, заключенных в стеклянные колпаки. Шанталь находилась левее, он вошел, она выбросила вперед руку и посмотрела на него дикими, испуганными глазами.

— Дорогой, ребенок...

Две медсестры, подключавшие капельницы и контрольное оборудование, замерзли, переведя на него взгляд. Они продолжали пялиться на него, с трудом возвращаясь к своим обязанностям, ему захотелось накричать на Шантала и поставить точку на всем ее дерьме... но он не собирался еще раз делать это публично, уже было достаточно.

Опустившись в свободное кресло, он смотрел в тщательно подведенные глаза Шанталь. Тушь не размазалась, несмотря на слезы, и он подумал, может она запланировала всю эту сцену... или она пользуется водостойкой тушью на случай, если собирается устроить очередной трюк своим плачем.

Тем не менее, она выглядела не очень хорошо. Ее лишили причудливой повседневной одежды, переодев в бледно-синюю больничную сорочку, слишком свободную для нее, ее выпирающий живот был теперь более заметен, даже через тонкое одеяло, которое ее прикрывало.

И она была очень бледной, несмотря на свой загар.

— Здесь могут находиться ваш..., мистер и... ах, миссис Болдвейн. — Медсестра, которая привела его, сосредоточила свое внимание на Шанталь. — Мы можем еще что-нибудь для вас сделать, чтобы вы чувствовали себя более комфортно?

— Что будет дальше? — прошептала Шанталь. — Как же мой ребенок...

— Анализ крови будет готов через полчаса, и вы сможете обсудить с врачом ваши дальнейшие шаги, но думаю, мы сделаем УЗИ.

— Я потеряю ребенка?

— Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы помочь вам, миссис Болдвейн.

И они остались одни, стеклянная дверь закрылась, шторы были задернуты.

— Ты такой жестокий, — выпалила Шанталь. — Ты так много значишь для меня.

Лейн молча провел ладонями по своему лицу. Желание напомнить ей о всем, что она сделала не только лично ему, но и в поместье Истерли, всему обслуживающему персоналу, официантам и официанткам, горничным, которые находились в пределах досягаемости ее Космополитического высшего ранга, было почти непреодолимым. Но если она его прогонит, он так и не узнает, что происходит на самом деле.

Один раз она уже соврала о своей беременности.

— Давай, просто это переживем, — сказал он, стиснув зубы.

— А потом... — Она с трудом сглотнула. — Возможно, у нас будет совместное будущее... настоящее будущее без вмешательства третьих лиц.

«Третьим лицом ты называешь моего гребаного отца? — подумал он. — Вмешательством?»

Что касается лично Лейна, единственное будущее, которое он видел с Шанталь — подписание документов о разводе, прекращающих ошибку, которую он совершил, женившись на ней.

— Лэйн, мы не должны заканчивать наш брак.

«Ничего не говори, парень, — твердил он себе. — Просто молчи, черт возьми».

Шанталь еще о чем-то продолжала говорить, но потом вдруг у нее вырвался стон. И она вдруг дернула ногой.

— Позови доктора! Врача быстрее!

Самюэль Ти. последовал за Джин в лифт своего пентхауса высотки, зная все об этой женщине, и он точно знал, что ее волосы будут блестеть от точечных светильников в потолке. Он знал запах ее духов и лосьона для рук, которыми она всегда пользовалась, когда умывалась. Он знал, как может смотреться на ней персиковое шелковое платье и мерцающие золотые сережки в ушах и колье на шеи.

Сегодня на ней не было шарфа, и он внимательно осматривал ее шею.

Синяки прошли, или по крайней мере, казалось, что они уже прошли. Однако на запястье появились новые.

Послышался едва уловимый *бип*, объявляющий, что они достигли верхнего этажа, отчего его внимание передвинулось на панель с кнопками над дверью. Двери открылись, он вынул ключ из слота, позволив ей войти в свои собственные апартаменты.

— Не знаю, как ты это делаешь, — сказала Джин, шагая вперед по густому ковровому покрытию.

— Что делаю?

Двери лифта закрылись, он же наблюдал, как она идет по его помещению с окнами от пола до потолка, выходящими на реку Огайо со стороны сельскохозяйственных угодий Индианы. Джин казалась ему такой потрясающей, со своими длинными и гладкими ногами и настолько узкими лодыжками, что они казались крошечными, в изящных туфлях на высоком каблуке. Ее бедра обладали эротической округлостью, талия, которую он настолько чертовски хорошо знал, обхватывая ее руками, была тонкой, ее плечи идеальными, особенного с волосами, спадающими на них.

В его современном черно-белом декоре она казалась настолько живой и чувственной.

Она оглянулась на него.

— Как эта штукавина открывается точно в твоих апартаментах.

Что...? О, лифт.

Самюэль Ти. пожал плечами и направился к бару.

— Я думаю об этом месте, как о гостиничном номере, который снимаю. Это не мое.

— А сюда может кто-нибудь войти?

— Без этого нет. — Он кивнул на пластиковую карточку-ключ и засунул его во внутренний карман пиджака. — Что ты предпочитаешь выпить в полдень?

— Ты забыл? — Она села на один из бледно-серых кожаных диванов. — Мне грустно от этого.

— Не уверен, что у тебя не появились новые предпочтения.

— Нет, не появились.

В отличие от его поместья на ферме, заполненным личными вещами, семейным антиквариатом и разными безделушками, которые ему были дороги, это ничем не примечательные апартаменты площадью две тысячи квадратных футов были всего лишь местом проведения вечеринок или же местом, где он мог упасть в постель в центре города, задержавшись на всю ночь. Однако, здесь в баре, в этих апартаментах, присутствовали в избытке любые спиртные напитки, которое имелись на сегодняшний день на рынке.

Достав ведерко со льдом из специального холодильника для вина, он потянулся за бутылкой Krug Private Cuvée, а потом подцепил LB Crème de Cassis комнатной температуры из ряда бутылок, стоявших на полках. Первым в бокал он налил Cassis, после чего снял фольгу с горлышка Krug, эффектно открыл пробку с хлопком! Послышалось шипение, и наполнил остальную часть бокала для шампанского жидкостью с пузырьками.

Для себя он выбрал Bradford Family Reserve.

Он и его друзья не пили ничего, кроме бурбона Брэдфордов.

Преодолев расстояние между ними, он передал ей бокал и подождал, пока она внимательно посмотрела его на просвет, любуясь цветом.

— Идеально.

— Ты как избалованный ребенок, знаешь ли?

— Ну, скажи мне еще что-нибудь в этом духе. У меня как раз такое настроение, что я готова разоблачить все твои доводы, я знаю, что вы, юристы, любите порассуждать обо всем вслух.

Самюэль Ти. сел на другой конец дивана и перебрросил одну ногу на другую. Он не мог оторвать от нее глаз, хотя и знал... догадывался... что с ней стал настоящим наркоманом, который в очередной раз решил «завязать», но опять сдался. Ее вид в одежде высокой моды, едкие подколлки были для него своего родом крэком и иглой, свернутой стодолларовой купюрой, чтобы нюхнуть.

А она обнаженная и он сверху над ней?

Это был его неразбавленный, чистый наркотик.

Боже, когда он узнал, что она собиралась выйти замуж за Ричарда Пфорда, и потом, когда она, действительно, вышла, каково ему было? Он был так на нее зол, он поклялся оттрахать множество женщин во всех тех местах, где они когда-то были вместе с Джин.

Это было и будет продолжаться, как реальный путеводитель оргазмов, по крайней мере, таким образом, он найдет себе занятие на ближайшие шесть месяцев или год.

И он по-прежнему намеревался завершить этот маршрут, если учесть, что добровольцев

было хоть отбавляй. Но увидев ее на кладбище, она пробила брешь в его фасаде силы и намерений держаться от нее на расстоянии.

Да, потому что таблички на могилах и статуи святых, кресты показались ему очень даже сексуальными, когда рядом с ними находилась Джин.

И Джин, как и всегда было, могла быть где угодно, носить что угодно, но она все равно бы раскачала его мир. А как же его план мести? Как же его идея вычеркнуть ее за счет других женщин? Дело в том, что ни одна женщина и рядом не была похожа на Джин.

Это напоминало, словно вы хотели сравнить остатки филе миньон с бургер Кингом.

— Где твой муж? — Он услышал свой голос.

— Ты уже спрашивал меня об этом. — Она сделала еще глоток, ее губы задержались на краю бокала. — И я уже отвечала тебе — он работает. Ты опять хочешь быть моим защитником от него? Добровольно готов встретиться с опасностью, чтобы меня спасти?

Жесткие, обидные слова. Но в ее глазах он увидел боль, несмотря на то, что она попыталась ее скрыть.

Господи, ему захотелось убить этого сукиного сына.

— Ну? — напомнила она.

Джин приподняла бровь так, как делала раньше и спросила его именно тем тоном, каким спрашивала раньше, он отчетливо осознал, что они оба окунулись в те воспоминания какими когда-то были. Во все то, чего сейчас уже не было, потому что ей не хватало сил противостоять ему, и он тоже теперь не испытывал склонность вступать с ней в бой, словно находясь на арене.

— Я всегда приеду, если ты позвонишь. — Он допил свой бурбон и поднялся на ноги. Вернувшись к бару, он налил себе вторую порцию. Порция по своему объему больше напоминала вторую и третью. — Ты это знаешь.

— Ты мог бы просто поставить здесь перед собой бутылку, — протянула она. — Мне кажется это более эффективно.

— Я все еще до конца не протрезвел с прошлой ночи.

— С кем ты был?

— Ни с кем. — На самом деле, это была не совсем ложь. Прентисс/Пибоди/кем бы она не была, она не имела для него никакого значения. — А ты?

— Ричард был в командировке. Он вернулся сегодня утром.

Самюэль Ти. подошел к дивану, но он не вернулся на свое прежнее место. А встал перед ней... а затем медленно опустился на колени.

Джин наклонила голову и посмотрела на него тяжелым взглядом.

— Ты хорошо смотришься, Самюэль Ти., на коленях передо мной.

Он выпил залпом почти половину бурбона из хрустального стакана, потом отставил его в сторонку и провел руками по ее ногам, двигаясь под подол ее платья.

— Я думала, мы больше не будем этим заниматься, — произнесла она хриплым голосом.

— Я тоже.

— Я пообещала мужу, что буду хранить ему верность.

— Ты соврала.

— Да, думаю, что соврала.

Она изящно выгнулась, расслабившись, расставила ноги, теперь он мог двигаться по внутренней стороне ее бедра. Ее глаза были смертью для него, такие синие, такие глубокие,

он потерялся в них. И как только ее губы приоткрылись, он понял, что будет дальше.

Он хотел ее поцеловать и не собирался давать себе передышку, пока не окажется глубоко внутри нее.

— Я даю тебе шанс остановить меня, — глухо произнес он.

— Когда?

— Прямо сейчас. Скажи мне перестать, и я перестану.

— А ты хочешь, чтобы я это сказала?

— Нет.

— Хорошо. — Она поставила бокал в сторону. — Потому что я тоже этого не хочу.

Она не подвинулась к нему, поэтому ему пришлось наклониться к ее рту... и эта едва различимая непокорность с ее стороны, всегда сводила его с ума... он и так уже потерял рассудок из-за нее. Она была настолько непредсказуема, всегда недоступна, охотник, сидевший в нем, готов был постоянно преследовать ее, даже когда держал ее в своих руках. В этом и состояла разница. Все остальные женщины просили его остаться. Джин? Бросала ему вызов и удалялась, а он начинал выслеживать ее.

И, Господи, ее губы были такими же, какими он их помнил, такими же, что он не мог их никак забыть, мягкими и все же своевольными. Он целовал ее глубоко и долго, в конце концов, ему пришлось отодвинуться, чтобы глотнуть воздуха.

— Почему ты всегда на вкус, похож на бурбон нашей семьи, когда целуешь меня? прошептала она.

— Потому что обычно мы пьем его при встрече и у меня безупречный вкус.

— Ах. Это все объясняет. — Он нагнулся, желая снова ее поцеловать, но она остановила его рукой, опустив на его грудь. — Зачем ты сюда привел меня?

Он прижался к ней своими бедрами, чтобы она почувствовала его эрекцию.

— Я подумал, что это само собой разумеется.

— Мы могли бы поехать к тебе домой.

— Долго ехать.

— Мы могли бы поехать в Истерли.

— Там невозможно уединиться.

— В поместье моей семьи больше комнат, чем в большинстве отелей. — Она улыбнулась. — Почему ты не привел меня к себе в офис? У тебя там довольно занятно, и я знаю, что ты всегда держишь выпивку в нижнем ящике своего стола.

— Но не Krug, твой желудок не воспринимает дешевое шампанское. Кроме того, моя секретарша немного устала делать вид, что громко разговаривает с кем-то по телефону, пытаюсь заглушить твои стоны.

Джин засмеялась.

— Она такая чопорная.

— Раньше ты никогда не беспокоилась об этом.

— Так почему же ты привел меня сюда, Самюэль Ти.?

Вместо того, чтобы ответить, он прошелся губами по ее шеи, одновременно передвигая свои руки дальше под ее юбку, он уже был на бедрах и двигался вперед, когда...

— Ты не надела трусики, — прорычал он.

— Конечно, не надела. На улице восемьдесят пять градусов и повышенная влажность, словно я вышла из душа.

Самюэль Ти. поднялся с колен, растеряв все свое самообладание, и отточенным

движением расстегнул ремень с монограммой, спуская свои брюки, Джин казалось вполне ожидала этого, находясь в полном нетерпении. Переместившись на диване, она подвинула его к себе именно в тот самый момент, когда он направил свою эрекцию к ней.

Они оба вздрогнули от его проникновения, а потом он начал двигаться.

И когда Джин прикрыла глаза, потянувшись к бокалу, стоявшем на светлом ковре, она с трудом произнесла:

— Думаю, я знаю, почему нахожусь здесь, — ахнула она, — у тебя в апартаментах.

Сквозь зубы, он спросил, почему. Или, возможно, он выкрикнул свое собственное имя. Разве кто узнает? Она всегда для него была лучшей, всегда была для него самой изящной и превосходной, всегда самой милой и самой стройной, всегда...

— Напротив находится офис моего мужа... вон там. — Она взглянула на окна до пола и указала на них... пока он входил в ее киску.

— Фактически... напротив находится его кабинет...

Она начала задыхаться, так же, как и он, но она оказалась права.

Он специально привел ее сюда, чтобы трахнуть на этом диване... и видеть ее взгляд, как у нее дергается голова, когда он трахает ее, и она смотрит на окна кабинета своего мужа Пфорда, которые находились на верхнем этаже здания по соседству.

— Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь, — хмыкнул он.

Чтобы удержать ее от размышлений, Самюэль Ти. накрыл ее своим телом и вошел в ее киску, давая ей полно освобождение.

Она кончила, ее бокал с Kir Royale упал, разлив содержимое по ковру. Но она не насытилась этим.

Звук от портативного УЗИ, а особенно экран напоминал машины Замбони, заливающие лед на катках, за которым внимательно следила врач. Когда подключали этот прибор, Лейну пришлось подняться со своего стула и подойти поближе, пока продолжался медицинский осмотр, он продолжал стоять рядом с Шанталь. Что он мог сказать наверняка о данной ситуации? У Шанталь началось сильное кровотечение. Время от времени, когда она двигалась и ее больничная сорочка смещалась, он краем глаза видел кровь, которой пропиталась даже простынь.

Очевидно от боли, Шанталь вздрогнула, когда на ее округлый живот выдавили гель и приложили какое-то устройство, передвигая. И периодически это устройство останавливали, и врач нажимала небольшой шарик на клавиатуре, чтобы получилась фотография, по крайней мере, Лэйн не видел ничего на экране, кроме серых и черных пятен.

— Врач придет через минуту, — произнесла она, вытирая гель бумажным полотенцем.

— Как ребенок? — Голова Шанталь ходила ходуном туда-сюда на тонкой подушке. — Как мой ребенок?

— Лечащий врач сейчас придет.

По мере того как врач по УЗИ собирала свое оборудование, готовясь уйти, он был удивлен, когда мимоходом встретился с ней взглядом, в котором читалось сострадание.

Возможно, Шанталь не врал. По крайней мере, о своей беременности.

— Больно, — застонала Шанталь. — У меня как будто начались схватки...

Лейн вернулся на свой стул, чтобы немного предоставить ей личное пространство, пытаясь сохранить ее достоинство, пока она сучила ногами, и он видел выступающую кровь.

— Лейн... Болит.

У нее побелело лицо и губы, она продолжала елозить и дергаться, словно кто-то старался ее согнуть пополам. В ней больше не было практицизма. Враждебности. Она больше была похожа на маленькую богатую девочку, которая столкнулась с существенными трудностями.

— Лейн...

Он выдержал полторы минуты, а потом рванул к занавешенным дверям, открыв стеклянную дверь. Высунув голову в коридор, он обратился к медсестре:

— Эй, — позвал он, — можно ей дать какое-нибудь обезболивающее? Ей ведь действительно больно?

— Мистер Болдвейн, лечащий врач идет. Поверьте мне. Вы следующие в его списке.

— Хорошо. Благодарю.

Вернувшись, он подошел к своему стулу и снова сел... Шанталь резко протянула к нему руку, он взял ее, поскольку не знал, как еще ей помочь.

— Доктор идет. Он придет сразу же, как только сможет.

— Я потеряла ребенка, — со слезами на глазах произнесла она. — Я не слышу его сердцебиения. А ты? Аппарат молчал. Когда я была на прошлой неделе у врача, то слышала...

Она начала плакать, и он не знал, что делать. И кроме того, за два с лишним года, пока они были, если можно так выразиться, вместе, он не мог даже вспомнить проявлению с ее стороны настолько настоящих, открытых чувств, настолько реальных, как сейчас.

— Я умру? — спросила она.

Где, черт возьми, был этот чертов доктор?

— Нет, конечно, нет.

— Обещаешь? Что я не умру и с ребенком тоже будет все в порядке?

Страх в ее глазах и ее голос открыли ему ее настоящую, ее сущность, и она уже не казалась ему врагом... и он почему-то вспомнил, как увидел ее впервые на той вечеринке в саду. Он пошел туда только потому, что там была выпивка, и он всегда чувствовал себя не алкоголиком с бурбоном в руке в два часа дня, когда вокруг была куча людей, предпочитающих выпить в это время.

Его внимание привлекло солнце, сияющее в волосах этой блондинки.

И он даже не мог подумать, что когда-нибудь сможет оказаться с ней в подобной ситуации.

— Ты не умрешь.

Молча она не отводила от него взгляд, несмотря на то, что ее тело выгибалось так или этак. Кто мог сказать, любила ли она когда-нибудь его или больше любила его отца. Возможно все это был определенный план искательницы богатого мужа, который реализовался не совсем так, как ей бы хотелось, да, она совершила ужасную вещь, прервав предыдущую беременность. Но, по мере того, как ее боль продолжала нарастать, мучения, которые она испытывала, превалировали над ее прошлыми проступками.

Лейн протянул руку и смахнул слезу с ее покрытой пятнами от туши щеки. Сейчас ее макияж размазался, оставив черные разводы под глазами.

— Мне очень жаль, — хрипло произнес он.

Шанталь отвернулась и содрогнулась.

— Это моя вина.

Открылись стеклянные двери и вошла молодая женщина во всем белом.

— Привет, вы вместе. Как дела?

«Глупый вопрос, — подумал он. — А вы как думаете?»

Лейн опустил руку Шанталь и вытер ладони о колени.

— Ей больно, вы можете ей помочь?

— Как же мой ребенок? — растерянно спросила Шанталь. — Где мой ребенок?

Лечащий врач подошла к постели и положила руку на плечо Шанталь.

— Мне очень жаль, но...

— Нооооо..., — Шанталь отрицательно стала трясти головой на тонкой подушке. — Нет, нет, нет...

— ... мы не обнаружили его сердцебиения. Боюсь, что у вас случился выкидыш.

Шанталь начала рыдать, а врач еще что-то говорила о том, что нужно будет предпринять, Лэйн пытался вслушаться в ее слова.

Потом она сказала, что все напишет в заключении, пометив, что нужно сделать дальше.

Когда она удалилась, Лэйн достал телефон. Когда он переехал на Манхэттен (вернее, сбежал из Чарлмонта, кому как больше нравится) он не стал удалять все контакты из Кентукки из списка в телефоне.

Как только он отыскал нужный номер, нажал на звонок.

Женщина ответила с третьего раза.

— Вот это сюрприз, Лейн.

Он глубоко вздохнул. Лучшая подруга Шанталь ненавидела его, он тоже ее не особо

любил. Но это было не важно.

— Послушай, мне нужно, чтобы ты приехала в отделение интенсивной терапии в Университетскую больницу...

Как только Лиззи вернулась в Истерли, она снова оказалась в ванной комнате Шанталь, но на этот раз, она намеренно туда отправилась, в отличие от ее предыдущего раза, когда ее ужасно тошнило.

Она начала рыскать по шкафам, ящикам и полкам, до сих пор не надеясь, что найдет именно то, что ей нужно. Но она не могла попросить полицейского штата заехать на своей полицейской машине в Райд Айд, чтобы прикупить себе тест на беременность.

Особенно, когда рядом на заднем сидении находилась Саттон Смайт.

— Господи, самая богатая женщина, — пробормотала она, отыскав такое количество ватных палочек, что можно было бы почистить уши всей средней школе. — Зомби-апокалипсис грянет, а мы будем вонять просто ужасно прекрасно.

Она нашла куски причудливого мыла и банки с кремами для лица с французскими этикетками, а также пакетики ватных шариков. Под раковинами она обнаружила ряды шампуней и кондиционеров, фены, палочки для завивки и выпрямители. За стеклянными дверцами она наткнулась на таблетки, слабительные и вяжущие средства.

Она надеялась, что случайным образом обнаружит что-то вроде Clearblue, теста на беременность, или «первую помощь» или как там назывались эти чертовы вещи. Конечно, у нее явно были такие тесты, ведь совсем недавно эта женщина задавалась вопросом — беременна она или нет.

Так нет же. Абсолютно ничего.

— Полный отстой.

Лиззи закрыла двойные двери под раковиной слева, и уже решила, что ей придется сесть в свой грузовичок и направится в супермаркет.

Она уже двинулась к выходу и проходя мимо, решила проверить высокий шкаф рядом с душем.

«Неиспользованные полотенца», — подумала она, рассматривая стопки.

— Конечно. Их такое количество, намного больше, чем в раздевалке NFL, если даже исключить оттенки розового... О, бинго.

В плетеной корзиночке рядом с туалетными принадлежностями, она нашла то, что искала, вместе с кучей тестов на инфекции мочеполовой системы и коробками Monistat для лечения молочницы, кандидоза и т. д.

Тем не менее, она не стала использовать эту чертову штуку в бывшей ванной комнате Шанталь.

Спрятав коробочку Clearblue в складки своего черного платья, она торопливо пошла к люксу Лейна, прикрыв за собой дверь. Ее первым желанием было сообщить Лейну, а вдруг, если она ошиблась и это была обычная желудочная инфекция? Или стресс? Она не только почувствовала бы себя тогда полной дурой, но и стала бы очень сожалеть, что заставила его переживать по пустякам.

Кроме всего прочего, она понятия не имела, обрадуется он или для него это окажется не очень хорошей новостью, если учесть, что сейчас происходило в семье. Они никогда не говорили о детях, сколько их будет и будут ли они вообще.

Черт, она даже не была уверена, захочет ли оказаться беременной, не то, что она бы сделала аборт, если бы уже была беременной, но...

— Хорошо, — сказала она вслух. — Давай просто выясним это, хорошо?

Пока шла в ванную комнату, она прочитала инструкцию, разорвала упаковку на одной из двух палочек. Она присела на толчок (и умудрилась не написать на руку, хотя так нервничала, поэтому мысленно похвалила себя), держа палочку за один конец, а потом положила ее между двумя раковинами на столешницу.

Ее сердце билось сильнее, словно она боялась этой неизвестности.

Все поглядывая на свои наручные часы, она старалась не пялиться на палочку, нависнув над раковинами. Прошло немного времени, она сложила влажные полотенца. Нажала, чтобы смыть воду в унитазе.

Как ни странно, бросив взгляд на свою зубную щетку, стоявшую рядом с щеткой Лейна в бокале из настоящего стерлингового серебра, та привлекала ее внимание. Его зубная щетка была красной. Ее зеленой. Обе Oral-B, потом она переместила немного взгляд дальше — ее расческа для волос лежала рядом с его бритвой, его банка с кремом для бритья стояла рядом с ее пенкой для умывания «Клиник». Полотенце для рук, которое они оба использовали, было скомкано и валялось слева, там же, где его оставили.

Ей было приятно видеть свои вещи рядом с его, хотя и в беспорядке: повседневный беспорядок являлся доказательством того, что их жизнь последнее время преследовали неприятности.

Лиззи посмотрела на тест, развешивая полотенце.

Увидев знак «плюс», она начала улыбаться. О, Боже мой. ОМОЙБОГ!

«Мама», — подумала она. Она собиралась стать...

Вдруг она вспомнила Шанталь, стоявшую перед склепом семьи Брэдфордов, с кровавым пятном на белых джинсах. Поворот судьбы был определенно странным — она вдруг выяснила, что беременна в то же время, как другая женщина могла потерять своего ребенка.

Как к этому отнесется Лэйн?

Обхватив лицо ладонями, Лиззи посмотрела на себя в зеркало, и счастливая улыбка исчезла.

Черт побери, как она сообщит ему об этом?

Самюэль Ти. выруливал свой Jaguar к входу Истерли, Джин кинула взгляд на большой дом своей семьи. Должно быть здесь двести черных ставень с глянцевым отливом по самой последней моде, и эти обшивочные доски, закрывающие все четыре стороны? Если сложить все эти доски конец к концу, то она готова была поспорить, что они займут расстояние через Большую пятерку мостов в Индиану и, возможно, даже на север в Чикаго.

— Ну? — пробормотал Самюэль Ти., ударив по тормозам.

— О, конечно. Я дома.

Она говорила на автомате, поскольку ее голова была занята другими вещами. Ее взгляд переместился в окна на втором этаже, к спальне Амелии.

— Я, наверное, уеду из города на пару дней, — услышала она свои слова.

— Ты? Небольшая поездка, запланированная с мужем?

— Нет.

— Позволь я угадаю, шоппинг.

Она открыла дверь и вышла. Ее накрыла жгучая головная боль, прямо между глаза, от чего ей было трудно на нем сосредоточиться.

— Амелия должна вернуться в «Хотчкисс». Она должна сдать экзамены.

— Ах, да, твоя дочь. — Самюэль Ти. нахмурился. — Она же приехала на похороны.

— Да. — На самом деле, все было гораздо сложнее. Амелия наврала и сказала, что ее выгнали, чтобы вернуться домой. — Но она вернется сюда назад.

— На лето.

— Нет, чтобы закончить здесь среднюю школу.

Самюэль Ти. отпрянул и недовольно уставился на длинный капот Jaguar.

— Разве Пффорд отказывается платить?

— Прости?

— Разве этот никудышный сукин сын сказал, что не будет оплачивать школу? — Джин не ответила, он посмотрел на нее. — И прежде, чем ты попытаешься отрицать, насколько плоха ваша денежная ситуация, я напомню тебе, что я видел финансовые данные твоего брата, которые он предоставил для развода, и я ознакомился с ними. Я точно знаю, что происходит.

— Ричард не отказывался. — Но она и не спрашивала. — Амелия хочет быть дома. Она хочет... быть со своей семьей.

— Значит она собирается поступить в школу Чарлмонт Кантри Дей этой осенью?

— Конечно.

Он резко кивнул, словно это был единственно правильный выбор.

— Хорошо. Амелия хороший ребенок. Она очень похожа на тебя.

— Надеюсь, она не пойдет по моим стопам.

— Я тоже. — Самюэль Ти. снисходительно махнул рукой. — Извини, вышло грубо.

«И все же я не согласна, что она похожа только на меня», — подумала Джин.

— Она хочет поехать в Нью-Йорк. И работать в сфере моды.

— Сначала ей нужен диплом об окончании вуза. А потом она может тусоваться во всяком артистическом дерьме, предполагая, что ты и твой муж будут ее кормить, одевать, пока она будет работать стажером в Vogue. Но это не мое дело.

Джин легонько уперлась пальцами в верхнюю часть двери. Затем засунула их в щель стеклоподъемника.

— Что такое, Джин?

Взглянув на сиденье, которое она только что освободила, она подумала о том, что много раз ездила бок о бок с ним в этом спортивном автомобиле. Обычно она возвращалась в темноте, а не днем, почти всегда с одного их свидания, которое заканчивалось их противостоянием.

Как правило, раньше эти две вещи, шли рука об руку с ними.

— Я имел в виду то, что сказал. — Голос Самюэля Ти. отдалился, он переместил взгляд на холмы, спускающиеся к реке. — Ты всегда можешь мне позвонить в любое время. Я всегда приду к тебе на помощь.

Ей понадобилась минута, чтобы осознать, что он говорил о ситуации с Ричардом Пфордом. И инстинктивно она поняла, что ей не нужно его ложно заверять, что у нее все в порядке.

Может, потому, что ей трудно было признаться, что она снова приняла плохое решение. Одно из многих.

— Мне надо идти, — резко сказала она.

— Так иди. Это ты держишься за мою машину.

Джин вытасила пальцы из двери, подушечки гудели от того, что она защемила их в механизме окна.

На миг она вдруг подумала, что может вздернуть вверх подбородок и выдать какой-нибудь саркастический остроумный ответ, не сдаваясь, не испытывая никакого сожаления, и когда она пойдет, он будет смотреть ей вслед, оценивая ее задницу, и явно желая положить на нее свои руки.

Однако, она не хотела и у нее не было сил устраивать очередное шоу.

Она отступила от машины, и Самюэль Ти. завел двигатель кабриолета.

— Позаботься о себе, Джин.

— Всегда.

Он пробормотал что-то, но она не расслышала из-за звука мотора, а затем он двинулся вперед, спускаясь с холма, оставляя за собой сладковатый запах газа и нефти, повисший в неподвижном воздухе.

Стоя в золотых лучах послеполуденного солнца, она наблюдала за его машиной, пока не исчез свет от двух маленьких красных фар. Потом она повернулась и снова посмотрела на окна Амелии.

Девушка видно тоже наблюдала за его отъездом, одна из створок поднялась и их дочь высунула голову.

— Я все упаковала. У меня, правда, было не много. Мы можем ехать?

У Джин заняло секунду разглядеть на кого была похожа ее дочь, темные волосы брюнетки сверкали прядями на солнце, ее красно-черная блузка свободно сидела на ней.

Матери должны быть добрыми и заботливыми. Неважно, домохозяйки они или работают полную рабочую неделю... неважно придерживаются ли они органического питания или сторонники печенек и газировки... и неважно строгие они или дают слабинку, сторонники вакцинации или против, богатые или бедные... Мать должна быть той, чтобы дети чувствовали себя в безопасности с ней. И это может проявляться в поцелуях на бобо, достижений в чирлидершах, выдача определенной дозы Тайленола и бумажном носовом

платке.

В основном, за всеми ярлыками, которые пытались навешать на матерей, хорошие матери должны были просто быть хорошими людьми.

— Что случилось? — спросила Амелия.

Измученный голос ребенка был заслуженной неудачей Джин по всем счетам: Амелия была воспитана нескончаемым потоком воспитательниц и нянек, и потом, как только она перешла в старшие классы школы была отправлена в «Хотчкисс», словно предмет мебели, который стоило повторно обить, прежде чем его снова можно было поставить в салон знатного дома.

Решение девушки вернуться домой стало первым поворотным моментом в ее жизни, в котором Джин самолично приняла участие. И Джин решила отвезти ее обратно в школу не только потому, что теперь не было средств, чтобы воспользоваться частным самолетом семьи, а потому, что пришло время ей узнать, что за человек ее дочь.

И что может быть лучше, чем четырнадцать часов, проведенные в машине?

— Эй? — позвала Амелия.

— Прости. Я только соберу некоторые вещи, и мы поедem. — Лучше выехать, пока Ричард не вернулся с работы. — Лэйн уехал на роллс-ройсе, но можно взять «Мерседес».

— Хорошо. Я бы предпочла не подъезжать к кампусу на роллсе. Слишком пафосно.

— Говорит девушка, которая предпочитает одежду Шанель. — Джин улыбнулась, чтобы показать, что она не придирается. — У тебя имеется чувство стиля, ты же знаешь это?

— Оно перешло ко мне от тебя и бабушки. Все так говорят.

Почему-то Джин стало очень больно от ее слов.

— Наверное, тебе стоит попроситься с ней.

— Она даже не узнает меня.

— Хорошо, тогда не стоит.

— Так что давай. Чем скорее я уеду, тем быстрее вернусь домой.

Амелия закрыла окно.

А Джин по-прежнему стояла на том же месте, послеобеденное солнце грело ее плечи, как будто сам Бог возлагал на нее свои руки, оказывая ей поддержку.

Да, она решила. Пришло время рассказать им обоим правду.

Амелия и Самуэль Ти. имели полное право узнать друг о друге, и это было намного больше, чем боязнь признаться Джин в своем грехе.

По любому все будет лучше. По крайней мере, у ее дочери, безусловно, будет настоящий отец. Самюэль Ти. станет ей отцом сейчас и в будущем будет заботиться о ней.

Но Джин понимала, что своим поступком может потерять любимого мужчину навсегда.

Разве не так поступают матери ради счастья своих детей? Жертвуют своим счастьем ради них? И на самом ли деле это жертва, если она сама создала эту проблему?

Это больше похоже на заслуженное наказание.

Одно было точно. Самуэль Ти. никогда, ни при каких обстоятельствах, ни за что ее не простит, и впервые за всю свою эгоистичную жизнь, она призналась самой себе, что он и не должен.

Отделение интенсивной терапии находилось на другой стороне больничного комплекса, в квартале от отделения скорой помощи, но Лейн не возражал прогуляться. По мере того, как он шел вперед, следуя по указателям для посетителей, стоявших вдоль дороги, он с тщетной надеждой представлял, что мисс Аврора придет в сознание, и в таком

положении попытается прочитать его выражение лица, его настроение и его уровень напряженности.

Перейдя через Брод-стрит по еще одной пешеходной дорожке, он посмотрел вниз на крыши и накрытое стеклянным колпаком движение, машин становилось больше к концу рабочего дня. Достаточно скоро, многоуровневая транспортная развязка, узлом соединяющая автомобильные дороги к Большой пятерки моста, будет перегружена, дойдя до точки стоп-энд-гоу пробок.

Хотя здесь было не так, как на Манхэттене. Или ЛА. Но эти пробки очень раздражали местных жителей.

И его тоже. Боже, это было поразительно, насколько быстро привычки Чарлмонта просочились в него назад. Здесь, если ты застревал в час пик на десять минут, считалось утомительным оскорблением ваших планов на ужин. В Нью-Йорке? Вам стоило бы упаковать сумку и сэндвичи, если бы вы решили воспользоваться Лонг-Айленд, чтобы проехать пять миль за четыре двадцать.

Сумасшествие.

Он вошел, надеясь, что это правильное здание и остановился перед стойкой ресепшен для посетителей, поджидая, когда приятная пожилая женщина взглянет на него.

Бесполезно. Она была поглощена отгадыванием кроссворда в журнале *People*.

— Мэм? — обратился он. — Я ищу отделение интенсивной терапии.

Она даже не стала утруждать себя, поднимая на него взгляд, полностью поглощенная маленькими квадратиками, которые заполняла, пробормотав:

— Вниз направо, на первом лифте на четвертый этаж. И там прямо.

— Спасибо.

Лейн последовал указаниям, и, как только он подошел к лифтам, он узнал это место, он находился в атриуме внизу. Это место он уже вспомнил. Когда он припарковался в гараже на Сэнфорд-стрит, он мог найти палату мисс Авроры без проблем.

Когда двери лифта открылись, в кабине уже был мужчина в инвалидном кресле, женщина, одетая в синюю больничную рубашку, от которой чувствовался запах табака, и пара, державшаяся за руки и очень нервничающая. Курильщица и пара вышли раньше. Он не знал, куда направлялся парень в инвалидной коляске.

Лейн вышел на своем этаже, его живот сжался в кулак. Следуя протоколу, он зарегистрировался на ресепшен, и почувствовал облегчение, когда ему кивнули и показали направление палаты.

Это означало, что его мама все еще была жива.

Боксы, как и в неотложной скорой помощи, в которую поместили Шанталь, были стеклянными, здесь в отделении интенсивной терапии также имелись шторы, которые можно было закрыть для уединения. В отличие от отделения неотложной скорой помощи, здесь рядом со входом в бокс стояли доски с маркерами, на которых была написана фамилия пациента, медсестры, заступившей на смену и врача.

Лейн остановился, добравшись до доски, на которой было написано — Аврора Томс.

На самом деле, он прочитал *rora Томс*, первая буква была смазана.

Он взял черный маркер сверху доски и добавил *Ав*. Все стало еще хуже, он стер пальцами ее имя и аккуратно написал, как должно быть — *Мисс Аврора Томс*.

Ее фамилия была такой, потому что она была одной из двенадцати детей Тома. (*Tom's twelve kids. — прим. пер.*)

Когда он открыл стеклянную дверь, воздух вышел с шипением. Внутри работали аппараты, издавая своеобразный звук и мигали огни медицинского оборудования, это место скорее напоминало операционную.

Его мама казалась такой крошечной на этой постели, ее тело сжалось от опухолей, которые становились в ней все больше и сильнее, и его первая мысль, когда он подошел к ней, была — она будет ненавидеть, как выглядят ее волосы. Ее короткие кудряшки были в полном беспорядке, и ее прическа боб уже не была похожа саму на себя, он попытался сделать все возможное, чтобы исправить.

Следующей его мыслью было, что она никогда не вернется домой.

Она умрет здесь, в этой постели.

Как она могла не вернуться?

Она выглядела такой больной: глаза ее были закрыты, но он видел, насколько они запали, и щеки тоже стали худыми, словно кости собирались прорвать ее кожу. И к ней тянулось бесчисленное множество проводов, лежащих сверху на ее голубой сорочке... и порт-система, качающая насос, который подавал что-то свое в вены или куда-то еще. У нее в руке торчало множество трубочек. А другие были под простынями.

Никогда не понимаешь, сколько всего делает человеческий организм самостоятельно, пока не приходится попробовать воссоздать его функции с помощью аппаратов.

Он оглянулся на стул и обнаружил один в углу, это были неприоритетные, второстепенные пациенты, чье существование было настолько ненадежно, что обслуживающий персонал сомневался в посетителях, словно люди не особенно обеспокоены их состоянием.

Подтащив стул к кровати, он сел и взял ее за руку.

— Здравствуй, мама, — сказал он, потирая ей большой палец.

Он не мог точно сказать, чувствует ли она тепло или холод, и тот факт, что он не мог решить так или иначе, заставил его очень сильно расстроиться, ему захотелось закричать.

— Мама, что я могу сделать для тебя? Ты мне необходима...

Лейн вспомнил о том «Мерседесе», который он купил ей этой зимой. Она ездила на старом POS не полноприводном автомобиле, на одной и той же машине уже десятилетия, упорно отказываясь ее менять, а потом произошла ледяная буря, очень сильная, вся дорога на север была одна сплошная авария, об этом постоянно сообщали в новостях. Как только он увидел новости, он позвонил в местный дилерский центр, выбрал E350 4MATIC в U из C красный, и седан был доставлен ей.

О, как она ворчала по этому поводу. Утверждала, что слишком дорого и броско. Настаивала, чтобы он вернул машину.

За исключением того, что она в воскресенье приехала в баптистскую церковь Чарлмонта на этой машине, гордо припарковавшись на стоянке, и сказала, что ее мальчик купил ее ей, поэтому теперь она будет ездить в безопасности.

Мисс Аврора не поблагодарила его за подарок, по крайней мере, устно... и в этом она была вся. Тем не менее, особая любовь, которую она всегда питала к нему, была в ее глазах. И в ее тайном восторге.

— Осталось ли что-нибудь не сделанным? — прошептал он, глядя в лицо, которое он так хорошо знал. — Ты можешь поговорить со мной? Скажи мне, что я должен сделать еще перед тем, как ты уйдешь?

На каком-то уровне он понимал, что ему скорее всего следует сосредоточиться на

положительных вещах, например, что она наверняка выйдет из этого состояния и вернется в Истерли, вернется, чтобы давать указания ему и всем остальным. Но за последнее время он стал поклонником реальности, нежели оптимистом, и своим сердцем он прекрасно понимал, что это конец...

Вдруг зазвонил его телефон, он протянул руку во внутренний нагрудный карман и выключил.

— Я просто хочу сделать все правильно. Сделать все так, как ты хочешь.

Мисс Аврора никогда не была замужем и не имела детей, но в городе у нее было очень много родственников, ее братья и сестры были замужем и по большей части имели детей, а потом сеть родственников расширилась за счет друзей и общества баптистской церкви Чарлмонт Предтечи. Он хотел быть уверенным, что у всех есть шанс попроситься...

— Лейн?

Дернувшись, он повернулся к двери.

— Танеша. Эй. Привет.

Он встал на ноги и обнял женщину в белом халате с стетоскопом. Танеша Найс, дочь преподобного Найса Баптистской церкви Чарлмонта, было к тридцати, и она только что завершила свою ординатуру, и стала невероятным источником поддержки с тех пор, как мисс Аврора заболела.

Они отошли друг от друга, Танеша улыбнулась.

— Я рада, что ты здесь. Она слышит все, что ты говоришь.

Прочищая горло, он попытался выглядеть непринужденно, садясь снова на стул. Правда заключалась в том, что его пошатывало, и он не хотел упасть, споткнувшись.

Он боялся спросить. Танеша явно скажет ему всю правду.

Это совсем не означало, что врачи мисс Авроры скрывали от него информацию, просто... И пришло время узнать сколько времени у них осталось, и услышать мрачные новости от Танеши, ему показалось намного лучше, чем от других.

— Как у нас дела? — спросил он.

Словно в тумане, он поймал себя на мысли, что неосознанно все время потирает свои вспотевшие ладони о брюки.

— Ну, давай посмотрим. — Танеша подошла и улыбнулась мисс Авроре. — Как дела, мэм? Я дочь преподобного Найса, Танеша. Я захожу поздороваться, когда заканчивается моя смена.

Ее тон был легким и непринужденным, но ее глаза за очками были абсолютно другими, особенно, когда она изучала экраны вокруг кровати. И пока она изучала цифры, графики и какие-то узоры, Лэйн сосредоточился на ней. Интересно, не она ли стала причиной, по которой Максвелл наконец-то вернулся в город?

Или Макс вернулся исключительно, чтобы помочь Эдварду убить нашего отца?

Танеша и Максвелл всегда освещали комнату летевшими от них искрами, стоило им оказаться вместе, но дочь пастора и смутьян семьи Брэдфордов так и не продвинулись дальше искр, выражая свое влечение друг к другу... по крайней мере, насколько знал Лейн.

И снова у него возник вопрос: дочь преподобного Найса, ты действительно хочешь привести *это* домой? Под этим он подразумевал Макса.

— Как она? — повторил свой вопрос Лейн.

Танеша хлопнула по руке мисс Аврору.

— Я завтра прямо с утра загляну к вам. Пока, мисс Томс, отдыхайте.

Танеша кивнула Лейну на дверь, он встал и последовал за ней, заметив, что врач дождалась, чтобы дверь полностью закрылась.

А потом приглушенным голосом Танеша сказала:

— Я уверена, что ее лечащие врачи дали вам обновленную информацию.

— Если честно, я не совсем помню, что они сказали. Извини... все было... так расплывчато. Плюс я доверяю тебе больше.

Танеша уставилась на него, словно оценивая, готов ли он услышать от нее новости.

— Могу я говорить начистоту?

— Да, я буду очень благодарен тебе за это.

— Возможно, ты не захочешь меня благодарить, когда я закончу. — Танеша показала с правой стороны под ребра. — Как ты, наверное, уже знаешь, опухоль в поджелудочной железе довольно большая, сильно аномальная, она не поддавалась лечению, которое ей провели. Метастазы в печени тоже никак не отреагировали на вводимые препараты, и еще обнаружили опухоль в верхних брыжеечных сосудах. Но самой большой проблемой является кризис серповидных клеток. Химиотерапия способствовала его появлению, и он ударил ее очень сильно и быстро, продолжает вызывать проблемы с селезенкой и другими главными органами. Сейчас в ее организме происходит очень много плохих процессов, и будучи ее доверенным лицом в медицине, я думаю, что ты примешь какие-то решения завтра или через несколько дней.

— Решения? — Она кивнула, он посмотрел через стеклянную дверь на свою маму. — Какие решения? Попробовать другую химиотерапию или...?

— Нет, когда отключить аппарат жизнеобеспечения.

— Господи. — Он прошелся по волосам. — Я думал, вы все пытаетесь вытащить ее из этого кризиса.

— Ее врачи пытались. И я следили за ходом лечения на каждом шагу. — Она положила ему руки на предплечья. — Если ты хочешь, чтобы я была до конца честной с тобой, я думаю, пришло время собрать семью, Лейн. Поторопись с этим.

— Я не готов. Я не могу... Я к этому не готов.

— Мне очень жаль. Правда. Она особенный человек, которую очень многие любят. У меня сердце разрывается.

— У меня тоже. — Он откашлялся. — Я не готов потерять ее.

Он подумал, что когда вернется домой, найдет ее старомодную телефонную книжку, в которой она записывала от руки телефоны, и начнет обзванивать ее друзей и близких.

Это было последнее, что он мог сделать для своей мамы, пока она была еще жива, и он, черт побери, не собирался подвести ее в этом.

Лейн вышел из здания интенсивной терапии совершенно сбитый толку и отрешенный, в таком состоянии, даже забыв, что оставил свой роллс через дорогу у комплекса отделения неотложной скорой помощи на парковке. Он вспомнил, когда десять минут рыскал по Сэнфорд-стрит в поисках своего автомобиля. *Дерьмо.*

Направляясь дальше по тротуару в жару, он пытался вспомнить, на какой стороне оставил роллс...

Пронзительный гудок заставил его повернуть голову, и он запрыгнул обратно на бордюр, когда перед ним притормозило «Вольво».

«О, точно, — подумал он. — Зеленый включился для встречного движения».

Он бы, конечно, заметил машины, если бы был в другом состоянии и обращал бы внимание на движение.

Когда противоположный берег был чист, он попробовал снова перейти на другую сторону, решив получше сосредоточиться на дороге. Да. Он подумал о Лиззи, засунул руку в карман пиджака, доставал мобильный телефон. Он нахмурился, увидев пропущенный звонок и светившееся уведомление на экране голосовой почты. Этот номер был ему не знаком, и код был за пределами штата.

Он попытался дозвониться Лиззи, но она не брала трубку, поэтому Лейн оставил ей сообщение, что он едет домой. А потом он нажал на неизвестный номер, от кого бы он ни был.

— Привет?

Ответил женский голос, со своеобразным акцентом, который присущ только Югу, и Лейн отругал себя, что сначала не прослушал ее чертовое голосовое сообщение.

— Вы позвонили по моему номеру и оставили сообщение? — Он не стал называть свое имя. Если человек ошибся номером, ему не стоило открывать свою личность. — Примерно полчаса назад?

— О, спасибо, мистер Болдвейн. Спасибо, что перезвонили мне. Я не хотела вас беспокоить, но вы сказали, что я могу вам позвонить, если мне понадобится помощь.

— Простите, кто вы?

— Шелби Лэндис. Из конюшен Red&Black, если помните?

Лейн снова остановился, сжав трубку.

— Да, я помню тебя. Конечно. Все в порядке?

Наступила пауза.

— Мне очень нужно с вами встретится. Наедине. Это насчет Эдварда.

— Хорошо, — медленно произнес он. — Я буду рад с тобой увидеться, но можешь мне хотя бы намекнуть, по какому вопросу.

— Мне необходимо вам кое-что показать. Сейчас же.

— Хорошо, я приеду к тебе. Ты на конюшне?

— Да, сэр. Я буду убирать конюшню В.

— Я в центре города, поэтому дорога к тебе займет некоторое время. Никуда не уходи, пока я не приеду.

— Я живу над конюшнями. Я никуда не уйду.

Лейн побежал, несмотря на то, что дневное солнце палило невероятно и влажность

была адской, как в лесу после дождя. Когда он добрался до «Фантома», он весь вспотел, хотя в беге на сто ярдов снял пиджак, поэтому как только он завел двигатель, включил кондиционер.

Поездка на ферму Red&Black заняла у него почти сорок пять минут из-за бензовоза, который сложился вдвое на Паттерсон-Паркуэй, а потом и трех тракторов, которые не давали ему их объехать на сельской дороге. Наконец, он взял вправо между двумя каменными колоннами и стал подниматься на холм, направляясь вглубь фермы.

По обе стороны извилистой дороги, пятиречная изгородь была окрашена в коричневый, соединяясь с огромным пространством заливных лугов, травы, которых по народным поверьям имели синеватый оттенок, благодаря содержанию в почве известняка. Красивые чистокровные коричневые и черные лошади подняли элегантные головы, когда он проезжал мимо, а пара лошадей, проявившая к нему повышенный интерес, скакала рядом с роллс-ройсом, их гривы развивались, хвосты высоко вздымались.

При подъеме наверх асфальтированная дорога превратилась в мелкий гравий, он снизил скорость, не желая поцарапать машину. Перед ним появился ряд конюшен, сараев и хозяйственных построек, а также коттедж сторожа, все вокруг несмотря на возраст фермы было ухожено с любовью, это было простым напоминанием о том, что лошадиные скачки в Кентукки были неистовыми, но по-старинке и по-джентльменски увлекательными.

Или, по крайней мере, так было во времена дедушки Лэйна. И семья Брэдфордс славилась тем, что ценила и поддерживала традиции прошлого.

Лейн припарковался перед тремя конюшнями, выйдя из машины, он почувствовал запах свежескошенной травы и свежей краски. Конечно, как только он приблизился к открытым дверям конюшни, он увидел косилку, жужжащую на пастбище не далеко от него, а вокруг была натянута предупредительная лента, через которую он легко перешагнул, свежая красная краска поблескивала на солнце на досках.

Внутри воздух был прохладным, и ему пришлось пару раз моргнуть, чтобы привыкнуть к более тусклому освещению. Несколько кобыл заржали при его появлении, покачивая головами в своих стойлах, это привлекло внимание других лошадей, послышался хор ржания, подергивания ушей, фырканья и кивания мордами, а также перебирания копыт, они явно объявляли о своем присутствии.

— Шелби? — Крикнул он, идя по широкому проходу.

Он прекрасно понимал, что если ты мало знаешь о лошадях, то не стоит ни до одной дотрагиваться, и он еще раз убедился в этом, как только подошел к огромному черному жеребцу, у которого единственного в этой конюшне, почти до конца была закрыта верхняя часть двери. И что ты думаешь, ублюдок оскалил зубы через решетку, явно не сказав «привет, как дела?».

Больше походило на «Привет-как-насчет-того, — чтобы-я-съел-твою-башку?»

И что вы думаете, то, что у этого могучего зверя был перевязан лоб, Лейну показалось вполне уместным. Это заставило его задуматься, как выглядела бы другая лошадь после драки... в баре.

— Спасибо, что пришли.

Лейн повернулся и подумал: «Ах, да». Маленькая блондинка, с сильными руками, со свежим лицом и глазами старухи, стояла в углу коттеджа, когда Эдвард делал свое признание полиции. Тогда она казалась отрешенной. Сейчас же ее глаза смотрели решительно...

Жеребец, с перевязанной головой, с такой силой ударила копытом в дверь, что Лейн отпрыгнул и осмотрел себя, проверяя, не задел ли он его копытом.

— Неб, не нужно так грубить. — Женщина ростом не выше пяти футов вместе со своими высокими сапогами, выстрелила в жеребца взглядом, как пушечное ядро. — Отойдите от него, мистер Болдвейн. Он капризный.

— Капризный? Да он настоящий Ганнибал Лектор только с копытами.

— Вы не против пройти ко мне в квартиру?

— Нисколько. Пока он не будет подниматься с нами по лестнице.

Лейн последовал за ней через сарай, где хранились сбруи, затем стал подниматься по расшатанным ступенькам на второй этаж, где температура была на все триста градусов выше.

— Вот. — Женщина открыла дверь и встала в сторону. — Здесь я обитаю.

Как только он вошел, отметил про себя, что она не назвала это место своим домом. Хотя помещение было немного больше, чем кладовка с кухней камбуза, открытое пространство охлаждаемое, оконным кондиционером, который гудел в тональности си-бемоль. Диван и стул не подходили друг другу, также как и два ковра... если их вообще можно было назвать коврами, скорее какие-то тряпочки. Но все было аккуратно и чисто, и эта женщина в синих джинсах и футболке несла на своих плечах такое же с трудом завоеванное достоинство, как и Гэри МакАдамс.

— Так что насчет моего брата? — спросил Лейн.

— Может вы хотите сладкого чая?

Лэйн кивнул и ему стало стыдно, что он не дал ей возможности проявить гостеприимство, а сразу приступил к делу. Ведь южное гостеприимство не являлось собственностью богатых.

— Да, пожалуйста. Жарко.

Чашки тоже были разными, одна синей, непрозрачной, другая — матово оранжевая с надписью. Но чай был райским, такой же прохладный, как кубики льда, которые плавали, такой же сладкий, как ветерок на разгоряченной шеи.

— Замечательно, — сказал он, выжидая, когда она сядет. Когда она уселась, он последовал за ней, опустившись в кресло напротив. — Мне нужно подзаправиться.

— Вчера поздно вечером я ездила к вашему брату в тюрьму.

Слава Богу, наконец-то, она начала рассказывать.

— Ты... как? Постой-ка, Рэмси?

— Да, сэр. Ваш брат...

Он ждал продолжения. И ждал.

«Что? — хотел закричать уже Лэйн. — Мой брат... что!»

— Не думаю, что он убил вашего папу, сэр.

У него загудело в голове, и Лейн боролся сам с собой, пытаясь сохранить голос спокойным. — Что заставило тебя так думать?

— Видите ли, Эдвард наврал полиции. Он повредил щиколотку на моих глазах.

— Извини, я не понимаю.

— Помните, он сказал полиции, что повредил щиколотку у реки, когда тащил... ах, человека? Он сказал, что позвонил доктору, потому что у него болела нога, но все было не так. Я позвонила доктору Калби, потому что Эдвард упал со ступенек в конюшне еще до убийства. Я была здесь и помогла ему дойти до коттеджа.

Лейн отпил из чашки, чтобы как-то себя занять.

— А не мог ли он снова повредить лодыжку? В ту ночь у реки?

— Он отлично передвигался, когда я прочитала о смерти вашего отца в газете. И опять же, я знаю, когда приезжал к нему доктор, потому что я сама ему звонила. После убийства у Эдварда ничего не болело.

Пока Лэйн усиленно соображал, пару раз моргнул. И еще пару раз.

— Я... э, вот это сюрприз.

Итак, Эдвард врал, чтобы кого-то прикрыть? Или же врала Шелби?

— Есть еще одна вещь, которая не подлежит никакому объяснению. — Продолжила она. — Это грузовик. Эдвард сказал, что он поехал на грузовике в Истерли и погрузил в него тело с помощью лебедки? Лебедка была сломана, он сказал полиции, что с помощью нее он погрузил тело в кузов, но она была сломана.

Лейн вскочил на ноги и прошелся, у него было такое чувство, словно по нему ударил переменный ток. Он вспомнил все, что Эдвард сказал детективу Мерримакку и другим полицейским... а также доказательства, которые были у полиции на него, а именно, что он уничтожил кадры с камер видеонаблюдения со стороны гаража особняка Истерли той ночи. Если бы только не было...

Он повернулся назад к женщине.

— Шелби, есть здесь камеры видеонаблюдения?

— Да, сэр. И я спросила у Мо, как с ними работать. В офисе внизу есть компьютер, который управляет ими, и это следующее, что я собиралась вам рассказать.

— Полиция запрашивала их посмотреть? Любые пленки, я имею в виду, отсюда.

— Я не могу ничего сказать, не знаю.

«Какого черта! — подумал Лейн. — Хотя в полиции штата не хватает сотрудников, они получили признание наряду с доказательствами, что Эдвард стер кадры на пленке системы безопасности. Зачем им копать дальше?»

— Можешь отвести меня туда в офис?

Десять минут спустя он сидел за потертым сосновым столом в комнате с размером с коробку для обуви. Ноутбук был новым, и система камер была легкой — шесть зон, включали в себя главный вход — въездные ворота, каждую из трех конюшен, как спереди, так и сзади, и два других выхода с фермы. На коттедже сторожа не была направлена ни одна камера, собственно это было бы глупо, поскольку ферма занималась разведением лошадей, а не охраной маленького никчемного домика.

— Он не выходил из коттеджа, — сказала Шелби, прислонившись к стене из грубого бруса. — Я посмотрела записи. В ночь, когда газеты сообщили, что ваш папаша был... умер. Эдвард не выходил с территории этой фермы. Даже если нет камер на коттедже, а как же грузовик, который он использовал? Он простоял всю ночь за этим сараем. И с территории не уезжала ни какая другая машина.

Лейн сидел в кресле.

— Ну... Вот дерьмо.

Шелби прочистила горло.

— Не обижайтесь, мистер Болдвейн, но мне не хотелось бы, чтобы вы ругались.

Почти два часа Лейн тщательно изучал все записи, и в конце концов, он согласился с мнением Шелби. Грузовик с лебедкой, которая, очевидно, была сломана, всю ночь простоял за конюшней В. И никакие другие машины не выезжали и не въезжали на ферму, в том числе

и грузовики. Мало того, даже не было никакого передвижения людей той ночью по территории фермы.

Что он пропустил? Он был взвинчен от увиденного, но в коттедже не было камер. Эдвард мог... о, черт, он не знал что.

— Спасибо, — сказал Лейн, вытаскивая флешку, на котором он сохранил все файлы.

— Ваш брат не убийца. — Шелби покачала головой. — Я не знаю, что произошло между ним и вашим папочкой, но он не убивал этого человека.

— Надеюсь, ты права. — Лейн встал на ноги и потер шею. — Чтобы там ни было, я отнесу ее в нужное место, и мы разберемся до конца.

— Ваш брат хороший человек.

У Лэйна возникло желание обнять молодую женщину, и он поддался, быстро обхватив ее руками.

— Я позабочусь об этом.

— Ваш брат дал мне работу, когда мне некуда было ехать. Я обязана ему, несмотря на то, что он не оценит то, что я сейчас сделала. Но я должна так поступить, чтобы все было честно.

— Аминь.

Возвращаясь в Истерли, Лейн снова попробовал дозвониться Лиззи. Дважды. Но он попадал на автоответчик, поэтому выругался и хотел было написать ей смску, но он был за рулем и решил, что катастроф в семье уже достаточно, поэтому если он попадет в автокатастрофу, это не решит ни один из кошмаров, в котором застряла его семья, да и он сам.

Он был примерно в миле от дома, направляясь по Ривер-Роад в центр города Чарлмонт, когда берег реки сделал поворот, и он мог увидеть свое родовое поместье на холме. В сумерках большой белый дом купался в свете уходящего дня, как будто его освещали для съемок фильма.

Совершенное впечатление, даже для искушенного человека, и становилось ясно, почему один из его предков, он точно не мог сказать кто именно, решил этот потрясающий вид Истерли запечатлеть на бумаге в виде рисунка тушью и водрузить его на передней части каждой бутылки № 15.

Лучшее из лучших. Без компромиссов, исключительный.

Может после этого и возникла компания по производству бурбона?

Лейн не стал связываться с прессой, оккупировавшей главные ворота, свернув раньше на дорогу для обслуживающего персонала, которая поднималась вверх с задней стороны территории усадьбы. Проезжая мимо теплиц, где Лиззи и Грета выращивали всевозможные растения для садов и террас, он представил свою женщину среди плюща и цветов, растущих кустарников, с удовольствием делающую свою работу, которая ей так нравилась. Потом он перевел взгляд на поля, которые вскоре будут засажены кукурузой и другими культурами. Лиззи нравилось ездить на тракторе или косить траву на свежем воздухе.

Его девушка была обычным человеком и ей нравилось находиться вне дома. И его мама одобрила ее.

Словно огненное копье боли проткнуло его сердце от мысли о своей маме, поэтому он сосредоточился на ряде домов 1950-х годов, которые были совершенно стандартными в одном стиле и теперь, после увольнения персонала, стояли пустыми, за исключением коттеджа Гэри МакАдамса, и того, в котором поселился его брат.

Лейн не заметил мотоцикла Макса, и ему стало ясно, что брата нет в коттедже, оставалось только понадеяться, что безрассудного ублюдка не арестовали.

Одного Болдвейна за решеткой было более чем достаточно.

Зона обслуживания и доставки примыкала к задней части дома, с широкой дорогой из гравия, сейчас расползаясь пустующим простором, заключенная в квадратные коробки с двух сторон — с одной стороны гаражом на десять автомобилей, с другой бизнес-центром. Лейн припарковал ролл-ройс на обычном месте, затем прошел линейку автомобилей, теперь машины стояли на месте реконструированных конюшен. Красный «Мерседес» мисс Авроры был покрыт тонким слоем дорожной пыли и пыльцы, а также на нем остались капли дождя, в грузовике Лиззи кузов был полон мульчи. Пропали лексусы и ауди руководителей, которые работали с его отцом... и скатертью дорога.

Лейн повернулся и посмотрел на заднюю дверь кухни. Затем он взглянул на камеру наблюдения, установленную под карнизом.

Что, если Эдвард не совершал этого, а решил кого-то прикрыть?

Тогда существовал только один человек, кто мог это сделать. И, к сожалению, подозреваемый не был более обнадеживающим по масштабам семьи, нежели тот, кто в настоящее время сидел в тюрьме.

Вынув телефон, Лейн решил сделать трудный шаг.

И позвонил детективу Мерримакку.

Как только на линии послышались гудки, Лэйн задался вопросом — готов ли он вытащить одного своего брата из тюрьмы... чтобы поместить туда другого?

Лучшее, для чего создан мотоцикл, это гнать на скорости, когда все становится размытым. Все превращалось в утешительную дымку, пейзаж становился полосами цвета: серый — тротуар, зеленый — полосы у дорог, бархатный фиолетовый и синий — сумеречное небо над головой. И конечно было еще, черт возьми, как твое физическое тело управлялось с байком. Наклоняясь на изгибе проселочной дороги, пересекая желтую полосу, чтобы лучше вписаться в крутой поворот, скручиваясь на баке, как будто твое тело является продолжением самого байка... Ты почти верил, что оставил своих демонов позади.

Возможно почти верил, что обрел покой.

Максвелл Болдвейн по сгущающимся сумеркам понимал, что должно быть сейчас около восьми тридцати, но его мало заботило время. Он собирался задержаться на всю ночь. Найти бар, найти женщину или двух, напиться и проснуться где-нибудь, где он не знал.

За три года, как он уехал из Кентукки, он повидал страну и узнал о ней больше, чем за все время учебы в той причудливой частной школе, которую он посещал вместе со своими братьями и сестрой в городе. Он узнал даже больше, чем за четыре года в Йеле. За время своего путешествия он проехал через высокий и сухой штат Колорадо, низкий и влажный штат Луизиану, плоский и однообразный Канзас, соленую и влажную Калифорнию и дождливый серый Вашингтон.

Он не мог сказать, что нашел где-нибудь дом за время своего путешествия. Но это не означало, что здесь в Чарлмонте у него был дом.

Истерли был именно тем, что в нем было тогда и было до сих пор, он хотел от этого избавиться. И когда он путешествовал, не имея ни целей, ни маршрута, он надеялся, что с каждой милей по дороге, с каждой безродной неделей, которую он проводил в новых местах, со всей непривычной работой и странными людьми, которую он делал и встречал, он сможет каким-то образом избавиться от связи с особняком и всех людей под его крышей.

И в своем стремлении к личному миру, он был готов оставить в прошлом свои отношения с братьями и сестрой, оставить Эдварда, Лэйна и Джин, как сопутствующий ущерб в войне, чтобы вернуть себя.

Или, возможно, это больше походило на то, чтобы найти себя в первую очередь.

В конце концов, он был вынужден признать, что везде, где бы он ни был, он был тем, кто он есть, и реальность заключалась в том, что он не мог это изменить, благодаря тому, что он узнал до того, как покинул родной дом, он не мог изменить себя самого.

Судьба оказалась такой сукой, причем с плохим чувством юмора...

Внезапный звук сирен с визгом шин за его спиной показался совершенно не гармоничным, когда он услышал его на цифровом устройстве своего мотоцикла.

С проклятием он выпрямился и оглянулся назад.

Полицейская машина округа Огден резко выехала из-за деревьев, потом остановилась, в результате чего накренилась, когда офицер за рулем нажал на газ.

— Ублюдок.

Макс приналег на байк и нажал сцепление акселератора, посылая «Харлей» к скорости света. Факт, что заходящее солнце садилось, помогал, так как большинство автомобилей и грузовиков включают фары... он надеялся, что скорее всего заметит их.

Он очень надеялся, что увидит их.

Как и все адреналиновые наркоманы, он вошел в странную зону спокойствия, подтолкнув свой байк к самому краю его движущих функции и ... к целостности. Воздух несся на него, вытягивая волосы за спину, как шлем, который он мог бы надеть, если бы предписывал закон, и вибрация, как сеть, проникала сквозь его крепко прижатые ладони, сжимая предплечья, словно адреналин от наркотиков. Он вжался в бак, это не только стало желательным, но и необходимым, сила скорости была таковой, если бы он попытался сесть, он бы просто вылетел с мотоцикла.

Быстрее и еще быстрее, пока мир не превратился вокруг него в видеоигру без каких-либо последствий, коп и реальность быть пойманным грозила лишением ему лицензии, если не большим — он мог исчезнуть навсегда.

Он не боялся быть задержанным. И его совершенно не заботило, если он разобьется.

Он не переживал на этот счет.

Старая сельская дорога изгибалась под разными углами, он уворачивался от густых деревьев, которые сохранились не из-за уважения к их великолепию, а потому, что дорожку вокруг них было сделать дешевле и легче. Пастбища, на которых находились буйволы и пахотные угодья, где созревали соя с кукурузой, вскоре превратились в одну прямую линию. А потом последовало больше виражей. И еще один прямой участок.

Макс быстро нырнул, глянув назад, ну и ну, оказалось, что у него на заднице сидит Джефф Гордон, один из местных копов, парень прямо у него на хвосте и приближался...

Макс сфокусировался перед собой, нажал на рукоятку скорости и наклонился влево.

Или же он въедет в зад прицепа для перевозки лошадей, который двигался со скоростью четырех миль в час, или же...

Байк плавно пошел в нужном для него направлении, он шел почти параллельно с тротуаром, шины едва дотрагивались до покрытия.

В этот самый момент из-за угла показалась машина на противоположной полосе.

Послышался визг резины. Нескончаемый гудок. Неизглядимое видение двух человек на переднем сиденье «Хонды» орущих, они приготовились к удару.

И в этот момент, перед глазами Макса не промчалась вся его жизнь. Он не вспоминал ни о ком, ни о Боге, ни о самом себе.

Пустота, в нем была пустота, как и в его душе.

И все же его тело отреагировало инстинктивно, он навалился своими сильными руками, выворачивая байк от столкновения, его накаченные ноги нажали по бокам акселератор, каждая молекула в нем оставалась в седле. А если он упадет? Он превратится в омлет из мозгов и, возможно, только с половиной руки и ноги.

Кроме того, даже когда перед ним маячила смерть, даже когда байк в дюйме прошел от переднего бампера седана и выскочил перед грузовиком с прицепом, он не почувствовал внутри себя ничего. У него не усилилось сердцебиение, неужели он не находит это столь удручающим?

Макс въезжал в очередной поворот и оглянулся через плечо. Коп съехал с дороги, полицейская машина впечаталась в какой-то кустарник и ее пытались вытолкнуть. Никто не пострадал, грузовик затормозил, «Хонда» тихо ехала к обочине дороги, полицейский вышел... так близко были... и практически ужасно замедлилось все, кроме него.

Когда последний свет покинул небо, Макс помчался в ночи.

Раскаяние жалило его глаза слезами... и он упрекал свои мокрые щеки, подставляя их ветру.

Вернувшись в Истерли, Лэйн находился в передней гостиной, наливая Family Reserve в хрустальный стакан.

— Ты уверен, что я тебя не соблазню?

Приглашенный гость не ответил, и Лэйн оглянулся через плечо. Детектив Мерримак из отдела убийств департамента муниципальной полиции Чарлмонта сидел на антикварном шелковом диване, его тощее и длинноногое тело склонилось к ноутбуку, стоявшему на журнальном столике. В ходе расследования убийства, Лэйн возненавидел парня не потому, что детектив был злым, а скорее всего из-за его раздражающей привычки улыбаться, как ребенок, который только что положил кошку в грязную лужу и пытался успокоить своих родителей, что в этом нет никаких проблем и не о чем беспокоиться.

— Ну? — спросил Лэйн, когда он сел во французское кресло Бергера. — Я хочу сказать, очевидно же, что мой брат всю ночь находился в Red&Black. Следовательно, он не мог этого совершить.

Ему пришлось еще подождать, пока детектив двинул пальцем по мышке на коврике, рассматривая кадры на экране.

После звонка Лэйна детектив пришел прямо в особняк, хотя было время ужина. Но здесь ужин не подавали, вообще-то. И Мерримак был одет, как обычно, в свое стандартное рабочее белое поло с эмблемой полиции на груди, темные брюки и свободную ветровку. С военной стрижкой, темной кожей и черными глазами, он выглядел как действующий точно по уставу оперативник, и Лэйн решил, что эта его улыбка была своего рода техникой, которой парень, возможно, был обучен на курсе под названием «Как легко вывести подозреваемого на чистую воду».

Лэйн упорно сосредоточился на его лице, как будто пытался вычислить, что происходило у этого человека в мозгах, пока он внимательно смотрел на экран. Когда ему ничего не удалось вычислить, мысли Лэйна перешли на другое, к его семье. Макс был единственным человеком, который ненавидел их отца также, как Эдвард, а может и больше. Да, мотив Эдварда был более понятным, но он никогда не отличался тягой к насилию и взрывоопасным характером. Эдвард всегда был больше тактиком... и на сегодняшний момент реальность была такова, что ему не хватало физических сил и координации, чтобы передвигать самого себя, не говоря уже о том, чтобы тащить или передвигать кого-то еще.

А Макс, с другой стороны? Бесконечные драки в школе Чарлмонт Кантри Дей, в колледже и потом. Как будто буйный отцовский нрав, пропустив всех других детей, исключительно сосредоточился в Максе. И Максиму было все равно, как он оскорблял людей, которые могли спокойно сделать обобщенный вывод, связанный с социопатией.

Похоже на своего рода нарушение душевного равновесия, заставившее кого-то убить собственного отца.

— Ну? — опять спросил Лэйн.

Мерримак опять ничего не произнес и еще какое-то время пялился в экран, потом наконец отклонился и поднял глаза, и... конечно, вот она эта снисходительная улыбка.

— Я не совсем уверен, что вы здесь увидели, мистер Болдвейн.

Лэйн подавил желание медленно разжевывать каждое слово, словно парень был дебилом.

— Никто не брал грузовик. Никто не выезжал и не въезжал на территорию.

— И вы понимаете, что это значит?

«Ты, мать твою, издеваешься надо мной!» — мелькнула мысль у Лэйна.

— Мой брат Эдвард не мог убить нашего отца.

Мерримак похлопал кончиками пальцев друг об друга, положил локоть на подушку с кисточкой.

— Камера не захватывала территорию коттеджа.

— Да, но захватывала все выходы на территории собственности. И насчет грузовика?

— Стояли в ряд грузовики.

— Включая и того, кого вы арестовали. В качестве доказательства, — добавил Лейн.

— Я не совсем понимаю, что, по вашему мнению, это доказывает, в свете всего остального?

— Мой брат-калека. Думаете, он сбежал под покровом ночи и пробрался сюда из округа Огден?

— Хорошо, — детектив наклонился к ноутбуку. — Я с удовольствием возьму эту флешку в управление и добавлю ее в файл с делом. Но дело закрыто. Мы уже отправили его прокурору судебного федерального округа... вместе с признанием вашего брата.

Лейн ткнул пальцем в компьютер.

— Мой брат не покидал фермы, и эти записи доказывают это.

— Я не уверен, что камеры могу заснять так далеко. — Мерримак вытащил из гнезда флешку. — Но я отошлю это прокурору.

— О, да ладно, разве мы не смотрели одни и те же кадры?

— Я увидел, что ничего необычного не произошло с шести камер на ферме в тысячу акров. Red&Black имеет семь грузовиков одного и того же года выпуска, одной и той же модели, с одним и тем же логотипом на боку, с лебедками на задней стороне, и с угловой камеры вы не можете назвать номерные знаки тех трех, припаркованных за конюшней. — Детектив поднял ладонь вверх, когда Лэйн попытался его перебить. — И прежде чем вы скажете, что есть только три выхода, я предупреждаю вас, что я прошелся по этой территории и определил по крайней мере, дюжину дорожек и трасс, которыми вы сможете выехать на дорогу округа. Думаете, ваш брат не знает их всех? Разве он не мог взять один из грузовиков из флигеля? Он пытался очиститься от убийства, стирая кадры на пленке в Истерли. Вы хотите сказать, что он не думал, как ему покинуть ферму, не будучи замеченным?

— Эдвард сказал, что произошло все не преднамеренно. Что он пришел сюда, чтобы поговорить с отцом, если это правда, почему он тогда просто не покинул ферму через главные ворота той ночью? Ему нечего скрывать.

— И вы верите в это?

— Это то, что показывают кадры с камер видеонаблюдения!

— Я говорю о преднамеренной части. Вы хотите сказать, что вы даже на секунду не задумывались, что отсутствие преступного намерения довод, который может использовать умный парень в свое оправдание, чтобы изменить приговор и избежать смертной казни? Вы точно уверены в том, что ваш брат думал так, как сказал, той ночью?

— У него не было оружия.

— Он отрезал палец. Ножом.

— Моего отца не зарезали, в конце концов.

— Дело в том, вы можете сказать, что ваш брат не украл с фермы нож и грузовик с лебедкой, с намерением убить человека... только чтобы поговорить с ним, но потом он обнаружил, что мать-природа помогла ему с планом первой.

— Эдвард не мог убить никого с таким телосложением, как мой отец.

— Большинство убийц не имеют плана убийства, мистер Болдвейн. Вот почему мы их ловим. — Мерримак встал на ноги и улыбнулся. — Я передам это окружному прокурору, но если бы я был на вашем месте, я бы не планировал устраивать встречу вашему брату дома в ближайшее время. Я не один десяток лет работаю над такими делами, и все дела не становятся более сложными, так же как и это. Я понимаю, что вы хотите спасти этого человека, но ситуация такова, как есть. Не провожайте, я сам уйду.

Когда детектив направился к входной двери из Истерли, Лейну хотелось заорать во все горло.

Вместо этого он допил бурбон в стакане... и налил себе еще немного.

Лиззи проснулась в полной темноте, она была не одна. Сильные руки обнимали ее, она сразу же узнала запах и прижавшееся тело Лэйна.

— Сколько времени? — спросила она, приподнимая голову. — О, вау. Темно. Совсем темно.

— Я как раз думал, стоит ли тебя будить. — Он погладил ее талию. — Я решил, что ты захочешь поужинать.

Повернувшись к нему, она обратила внимание, что его глаза с беспокойством смотрели на нее, отчего у нее сжалось сердце.

— Когда ты вернулся...

— Прости.

— Потому что, поздно? Послушай, я спала...

— За то, что сказала Шанталь бригаде скорой помощи. Я объяснил в больнице, что мы разводимся.

— Все в порядке.

— Не совсем.

Лиззи была согласна с ним, но, черт возьми, Лейн не мог уже изменить ситуацию. Шанталь будет маячить в их жизни, пока развод не будет закреплен официально, и эта ситуация напоминала дамоклов меч, который висел над ними, оставалось только надеяться, что эта чертова штука не упадет, и даже если это произойдет, то не заденет их.

С облегчением вздохнуть было невозможно, по крайней мере, не сейчас.

— Ты в порядке? — спросил Лейн, убирая волосы с ее лица.

— О, абсолютно. Просто много всего произошло, и мне очень хотелось спать. И ах... Шанталь потеряла ребенка?

— Да. Она была беременна.

У Лиззи желудок ухнул вниз.

— С ней все в порядке? Знаю, это глупый вопрос, учитывая обстоятельства, но мне плевать, тебе многое предстоит пережить.

— Не уверен. Я позвонил ее лучшей подруге и попросил приехать, чтобы Шанталь не чувствовала себя так одиноко. На самом деле, было... ужасно. Я не хочу сгущать краски, но Боже, я никогда не видел столько крови. И ей было очень больно. И, возможно, с ней произойдут кое-какие сопутствующие вещи. Полагаю, врачи помогут ей пройти через все это.

Лиззи почувствовала, как начала кружиться спальня у нее перед глазами, но она все же попыталась сохранять спокойствие.

— Мне очень ее жаль. Никто такого не заслуживает.

— Да, между мной и Шанталь не было любви, ты же знаешь. Но сегодня она настрадалась.

Наступила долгая пауза, и Лиззи уговаривала себя не прыгать в омут с головой.

— А ты, да... ты думаешь о детях? Своих собственных?

Полная ахинея. Неужели она, на самом деле, спросила *это*?

Лейн незамедлительно резко отрицательно покачал головой.

— Нет. Однозначно нет. — Потом, казалось, он поймал себя на мысли. — Если только с

тобой. Это, конечно, другая история. В смысле, когда-нибудь в будущем? Я могу поработать над этим, если для тебя это важно, конечно.

Ух ты, хотя бы тут появлялась какая-то положительная перспектива.

— А что насчет тебя? — поинтересовался он.

— Не могу сказать, что я задумывалась над этим раньше. — Впрочем, ей не приходилось задумываться, по крайней мере, до сих пор. — Я всегда была слишком занята работой.

— Ну, если взять пример моего отца. Я решил для себя, что детей не будет.

— И все же ты женился на Шанталь, потому что она забеременела.

Он пожал плечами.

— Я был должен. Я не собирался при этом выполнять свои супружеские обязанности, и ты это знаешь..., и я точно использовал с ней тогда презерватив. Хотя она и клялась, что ребенок был моим... наверное, иногда такое случается. Теперь уже никогда не узнаю правды. И я ненавижу это признавать. Нет... я не радуюсь, нет... Но я рад, что у нас с ней нет детей. В любом случае, достаточно уже о Шанталь и прошлом. Лучше поговорим о нас с тобой и будущем, если когда-нибудь ты захочешь иметь детей, мы можем поговорить об этом.

— Ну, я рада это слышать. — Лиззи рассматривала свои ногти. — Да, это очень хорошо.

Боже, ее сердце так колотилось в грудь, что готово было выпрыгнуть, и совсем не от счастья.

— Ты даже не сможешь предположить, куда я отправился после больницы, — сказал он.

Смена темы была лучшим вариантом для нее. *О Боже, что она собиралась делать?*

— Эм, в Диснейленд?

— Нет. — Он улыбнулся. — На ферму Red&Black.

С дотошностью, которую она всегда ценила в нем, Лейн поделился тем, что ему показала и рассказала Шелби Лэндис, «стабильная рука» фермы. Затем он рассказал о своей встрече с детективом Мерримаком. Лиззи пыталась следить за его новостями, хотя это было настоящим чудом, учитывая, как кружились мысли у нее в голове. С одной стороны, ей хотелось просто ляпнуть, что она беременна, но разве он мало натерпелся за сегодняшний день?

«Сделаю еще один тест, — решила она. — Через день или два». Чтобы точно убедиться, что она не перегибает палку.

Теперь все ее внимание было направлено на рассказ Лейна. *Постойте, что он сказал насчет Эдварда?*

— Черт возьми, это слишком много.

— Но, не по мнению полиции. — Лейн покачал головой. — Что касается Мерримака, то дело закрыто, как говорится, автобус уже ушел.

Лиззи открыла рот для комментариев, но потом кое-что вспомнила. *Черт, тест все еще лежал на столешнице в ванной.*

Быстро приподнявшись, она облизала губы, перекатилась через него, вставая с кровати.

— Прости, природа зовет, знаешь ли.

Он кивнул и лег на другую сторону, пока она шла в ванную комнату.

— Я хочу сказать, что если Эдвард этого не делал, тогда кого он покрывает?

— Да? — она бросила взгляд через плечо.

В тусклой ванной комнате, она посмотрела в открытый дверной проем, не следил ли он,

схватила тест на беременность, обертку и открытую коробку.

— Ты заходил к мисс Авроре, когда был в больнице? — спросила она, чтобы его отвлечь.

— Да. Она совсем плоха.

Лиззи застыла с положительным результатом теста в руке. На пару секунд закрыв глаза, потом она подошла к углу с корзиной для бумаг. Подхватив салфетки Kleenexes и пустую бутылочку кондиционера для волос Pantene, она затолкала обертку и палочку Clearblue в самый низ, тщательно прикрыв их сверху.

— И что это значит? — спросила она, открывая шкаф.

— Пришло время созвать семью.

Лиззи спрятала коробку с неиспользованным тестом под полотенца. А вот вам и преимущество не иметь горничных, делающих уборку. Теперь ей не придется беспокоиться о том, что кто-то может найти ее тест на беременность и выбросить.

Она закрыла дверь в ванную комнату, положив руку на живот. Реальность выкидыша маячила перед ней так же, как и образ Шанталь на ступеньках sklepa, в ужасе оглядывающую себя, вызывал у Лиззи поднимающуюся тошноту.

— Ты в порядке там? До сих плохо себя чувствуешь?

— Нет, мне намного лучше. — Прокричала она из ванной и спустила воду в туалете, чтобы все было похоже на правду. — Просто еще не проснулась.

Вернувшись обратно в спальню, она легла рядом с ним.

— Мне так грустно за мисс Аврору. Мне очень жаль.

Он обнял ее и притянул поближе к себе.

— Это убивает меня, если честно. Видеть ее в этой больнице, такой чертовски беспомощной. Как будто она уже умерла.

— В следующий раз я хотела бы пойти с тобой.

— Завтра. Я пойду завтра... О, черт, утром у меня назначена встреча с правлением. Мы с Джеффом хотим им сообщить кое-какие новости. Денежные вливания Джона Лэнгэ от игры в покер помогли, но нам нужен другой выход из кризиса.

— Что я могу сделать, чтобы помочь? Тебе явно не хватает победы в Powerball.

— Это то, что мне нужно. — Повернувшись к ней лицом, он поцеловал ее в губы. — И это... — Опускаясь все ниже, он коснулся губами ее ключицы. — И это...

Лиззи почувствовала, как ее тело стало отпускать напряжение, но понимала, что это только временное явление. Стоило ему развязать сбоку завязку у платья, она вспыхнула к нему, изголодавшись. Хотя что-либо изменить произошедшее было невозможно.

К счастью, в данный момент это не имело для нее значения.

Лейн навис над ней, их одежда исчезла, они чувствовали кожу друг друга и любовь.

Собираясь войти в нее, Лейн остановился.

— Черт, постой, я достану презерватив.

— Не стоит, — он удивленно поднял брови, она покачала головой. — Знаешь ли, оставь. Я доверяю тебе.

— Я буду осторожен, — прошептал он ей в губы.

Лейн вошел в нее, двигая бедрами, она закрыла глаза и выгнулась от удовольствия. Именно это она и хотела почувствовать. Большого ей и не надо.

Лэйн был единственным, кто был важен для нее и имел значение.

Стук в дверь в их спальню разбудил Лейна, он выскочил из кровати, подвернув щиколотку неправильно встав на ногу.

— Лейн? — позвала Лиззи из темноты.

— Я открою.

С голым задом, ни хрена не прикрывая его, он уверенно промаршировал к двери и открыл. Когда он увидел, кто стоял за дверью, то выругался.

— Ричард, что ты делаешь...

Муж сестры указывал в коридор в сторону номера Джин.

— Где она?

Лейн бросил взгляд на парня.

— Говори тише, ты можешь разбудить маму.

— Как будто она в состоянии проснуться!

— Извини...

— Где твоя сестра? Снимает мужиков в клубе или, может, уже дошла до того, что снимает их на улице...

Лейн закрыл дверь перед лицом мужчины, схватил боксерки из комода и с силой быстро натянул на себя, они чуть не врезались ему между ягодицами.

— Постарайся не убивать его, — пробормотала Лиззи, когда он направился в сторону двери к мужу-идиоту Джин.

— Я не обещаю.

Рванув на себя дверь, он чуть не угодил лбом в кулак Ричарда, который тот поднял, чтобы очередной раз постучать.

— Моя сестра, — прошипел Лейн, выходя и закрывая собой проход в спальню, — повезла назад Амелию в «Хотчкисс», чтобы она смогла сдать оставшиеся экзамены.

— Ты врешь.

— Что, прости? — Лейн с трудом сопротивлялся желанию схватить этого человека за горло и с силой сжать, чтобы выбить из него все дерьмо, хотя бы из принципа. — Послушай, я могу тебя заверить, когда дело касается тебя и Джин, я не вмешиваюсь. Но если ты начинаешь пренебрежительно отзываться о моей сестре, положение быстро меняется.

— Не угрожай мне, Болдвейн. Я необходим твоей семье.

— И как ты себе это представляешь?

Тонкое лицо Ричарда растянулось в уродливой ухмылке, Лейн решил, рассматривая его румянец на щеках и то, что время уже было после полуночи, что парень был пьян.

— Я мог бы потопить твою компанию «Брэдфорд бурбон» вот так. — Он щелкнул пальцами прямо перед носом Лэйна. — Я твой дистрибьютор. Если я захочу, могу не поставлять ваш товар в торговые точки. Если я захочу, я могу убрать твой товар с полок ресторанов и баров. Ты думаешь, что у КББ достаточно наличных, что может хватить на пару месяцев, когда продажи упадут? Уверен, что нет. Я так понимаю, что вы даже не можете позволить себе купить кукурузу, чтобы сделать солод.

«Неплохо, придурок», — мелькнула мысль у Лейна.

— С нами все будет отлично, — немного громче произнес Лейн. — Делай, что хочешь при своем изощренном уме. Но гарантирую, мы справимся с этим... теперь иди к черту

спать или убирайся из моего дома. В любом случае, закрой рот перед дверью моей матери и прекрати пренебрежительно относиться к своей жене.

— Твоя семья находится под угрозой. — Ричард обвел руками вокруг себя, указывая на длинный коридор. — Все это? Вы лишитесь всего. Ты не сможешь сохранить дом, Лейн. Ты всегда был шлюхой-плейбоем, как и твоя сестра.

Иииииииии наступило время закрыть этот «фонтан».

Лейн не понял, как все произошло, но в следующий момент он держал руки вокруг шеи Ричарда и сжимал их с такой силой, что у него дрожали руки. Ричард пытался высвободиться, оторвать руки Лейна от своего горла, пока тот тряс его как грушу туда-сюда, а он, как рыба, выброшенная на берег, пытался глотнуть воздуха, но на свободу вырваться на железной хватки Лейна не мог.

— Потопить? — шипел Лейн, когда Ричард попытался отступить назад. — Хочешь поговорить как потопить компанию? Как тебе такая постановка вопроса?

Ричард споткнулся, его рот распахнулся и стал падать, Лейн последовал за Ричардом вниз, тот упал в замедленном темпе на ковер в коридоре, Лейн крепче и крепче сжимал его горло. Он с такой силой сжимал ему горло, что где-то в глубине у него возникла мысль, что он собирался убить этого человека...

— Лейн! — Лиззи выбежала из спальни. — Лейн! Что ты делаешь...

— Возвращайся в комнату, Лиззи...возвращайся туда и...

— Ты убьешь его!

Трудно было не согласиться с этим, тем более, что он сам пришел к такому же выводу. Но его это не останавливало.

Лиззи ухватила его за руку и попыталась ее оторвать от горла Ричарда, а затем в конце коридора показался Джефф, вышедший из своей комнаты.

— Что, черт возьми, происходит! — резко воскликнул он.

Лейну захотелось всем им заорать, чтобы они оставили его в покое с мужем его сестры, ему понадобится около пяти минут. Всего триста секунд, максимум, чтобы окончательно разобраться с ним.

У Джеффа, видно, были другие мысли на этот счет. Он присоединился к попыткам Лиззи, оттащить Лейна, хотя Лейн до последнего сжимал горло Ричарда. Поскольку его женщина обладала такой же силой, как и его давний сосед по кампусу, поэтому совместно им удалось оттащить его от Ричарда, словно бульдога, который был не в состоянии разжать челюсти, удерживая палку.

Лейн отлетел назад и врезался в стену, Ричард перевернулся на бок на ковре и закашлялся. Его пиджак сзади порвался, хотя и удивительным, учитывая, что одежда висела на нем, как на вешалке, и на одной ноге задралась брючина, оголяя белую ногу, как спагетину.

Джефф встал между ними, широко разведя руки, будто ожидая, что Лейн снова кинется на противника.

— Ну же, приятель. Какого черта ты здесь делаешь?

Лиззи, тем временем, склонилась над Ричардом.

— Как вы?

Пфорд кашлял, стараясь глотнуть воздуха, словно человек, который едва не утонул, оказавшись на суше. Наконец, он поднял голову.

— Я... уничтожу... эту семью. — Голос у него был резкий, он продолжал глотать воздух

ртом. — Я заставлю вас заплатить. Каждого из вас. Каждого!

Он с трудом поднялся на ноги, и спотыкаясь поплелся по коридору, ударившись о стену, врезавшись в декоративный столик, снова споткнувшись о заплетающиеся собственные ноги.

Лейн обнял голову руками и медленно соскользнул по стене на пол, сев задницей на ковер.

— Теперь ты можешь отойти от меня.

— Ты уверен? — Но Джефф не ушел. — Могу сказать лишь одно — у вас в Кентукки... никогда не соскучишься.

Подняв глаза на своего давнего друга, Лейн заметил темные круги, появившиеся под его карими глазами, и взлохмаченные черные волосы, а также...

— Ты все еще работаешь? — пробормотал Лейн, кивнув на его костюм, в котором был Джефф. — Или ты вырубился прямо в одежде?

— Думаю, что всегда важно оставаться профессионалом. — Джефф тоже опустился на пол рядом с Лейном, расслабляясь. — А также я отключился при чтении электронных таблиц.

— Опять, — произнес Лейн.

— Опять.

Через минуту Лиззи присела с ними в его мешковатой футболке и боксерках из его же гардероба, и Лейну это нравилось.

— Так, ребята, чего мы ждем?

Как будто по команде, Ричард, словно грузовой поезд, выдвинулся из своей комнаты и уверенным маршем направился к ним.

— О-о, — пробормотала она, — наверное, этого...

Он нес с собой чемодан, на другой руке у него висел переброшенный пиджак.

— Я уйду, но я вернусь за своими вещами. Можешь передать своей сестре, когда... если она вообще вернется домой, что я хочу вернуть кольцо. Не волнуйся, я не буду просить денег, я заберу их с ваших гребаных задниц компании «Бредфорд бурбон».

Джефф заговорил:

— О чем, черт возьми, ты говоришь?

— Подожди-ка, генеральный директор. Просто жди и смотри.... И да, это *личное*, а не бизнес.

Ричард развернулся и ушел, его длинный шаг быстро доставил его к парадной лестнице. Через несколько секунд входная дверь захлопнулась с такой силой, что они услышали грохот на втором этаже.

— Он, на самом деле, не может причинить нам вреда? — спросил Лейн. — Или может?

Джефф пожал плечами.

— Если он будет действовать в рамках закона, не очень. А если нет? Анализ движения денежных средств, который я только что провел, настолько ограничен, ты даже не представляешь! Ричард может запросто нас потопить.

— Даже при помощи Джона Лэнге?

К потрясающей удачи, Джон Лэнге, который владел около половины всех кукурузных и пшеничных культур в Америке, предложил финансирование КББ в тот момент, когда компания попала в денежный кризис.

Несмотря на то, что он потерял пятьдесят миллионов долларов плюс банк в покере, играя с Лейном на прошлой неделе.

Лейн втайне хотел бы, чтобы Лэнге был его отцом.

— Да, даже при его помощи. — Джефф стал тереть свой глаз, потом таращиться на что-то перед собой, потом моргать, словно ему попала ресничка. — Я собирался сказать тебе об этом перед завтрашним заседанием правления. Все намного хуже, чем я предполагал. Это результат небалансового финансирования твоего отца. Задолженности перед банком копятся при каждом шаге и им не видно конца. Довольно скоро все кредиторы дадут указания своим юридическим отделам, и когда это произойдет...? Поэтому вопрос оплаты за основное сырье — кукурузу и рожь, станет наименьшей из наших проблем. Мы будем иметь дело с вынесенными решениями в порядке упрощенного судопроизводства о взыскании долгов на миллионы долларов, что объявит нас банкротами.

Несмотря на то, что Лейн считал потраченные деньги его отцом настоящим хищением, но... он не мог ни к чему придраться, поскольку его отец оказался намного хитрее, переведя активы под свой контроль. Если бы этот человек просто переводил суммы со счета КББ в свои сомнительные предприятия, было бы понятно, что он ворует у компании. Вместо этого, он создал другие предприятия по всему миру и сделал себя собственником, с возможностью использования средств компании «Брэдфорд бурбон», субсидирующей WWB Holdings, а также имея право брать банковские кредиты под залог КББ. И что же произошло, когда эти компании потерпели неудачу (или даже не существовали), как обнаружил Джон Лэнге? Банки по-прежнему хотели вернуть свои кредиты, поэтому имели законное право постучаться в дверь компании «Брэдфорд бурбон», взыскав проценты, а также сами суммы.

Лейн покачал головой.

— Способность моего отца делать инвестиции в заранее провальные проекты была просто беспрецедентной.

— Он точно не обладал деловым видением. — Джефф поднялся на ноги и потянулся, у него в спине что-то захрустело. — Если вы не возражаете, я собираюсь принять душ и пойти спать, чтобы утром опять принять душ и вернуться в штаб-квартиру.

— Как председатель правления, я собираюсь сделать то же самое.

— Послушай, завтра может быть все намного хуже. Мы не смогли расплатиться со всеми членами правления деньгами, которые я тебе дал, чтобы они проголосовали так, как нам нужно. Это лучшее на что я когда-либо потратил два с половиной миллиона, чтобы убрать этих придурков из загородного клуба и спасти твою компанию. Второй шаг был увольнением всех старших вице-президентов. Если Бог любит троицу, то мое следующее решение станет легендарным.

Лиззи посмотрела на него.

— Будем надеяться, что оно будет не напрасным выбором между двумя кондиционерами у тебя в душе. Ты же не хочешь проверить огневую мощь Pantene против L'Oréal.

Джефф мгновение смотрел на нее.

— Ты мне очень нравишься. — Потом он перевел взгляд на Лейна. — Ты не заслуживаешь ее, если честно.

— Как будто я не знаю этого.

Как только новый генеральный директор компании «Брэдфорд бурбон» стал удаляться по коридору в свою комнату, Лейн взял Лиззи за руку, подбирая слова:

— Я хочу кое-что сказать.

— Хорошо. — Когда он не стал продолжать, она легонько сжала его руку. — Что ты

хотел мне сказать?

— Хотел бы я знать, что это было. Это моя проблема. Я хочу тебя заверить, что все будет хорошо, и это будет... если бы я мог найти правильную комбинацию слов, способную обезвредить бомбу, нависшую над нами, понимаешь? Вставить чеку обратно в гранату. Но кругом полное дерьмо, не так ли?

— Я тебя не оставлю.

— Ты уверена в этом?

— Да, уверена.

— Спасибо. — Он немного расслабился, лежа на ковре и смотря вверх на лепнину на потолке. — Знаешь, я никогда не делал этого раньше.

— Пытался спасти компанию?

— Не лежал здесь. — Он поднял голову и улыбнулся ей. — И также никогда не спасал компанию. Но, по крайней мере, мне помогает Джефф.

Лиззи растянулась рядом с ним на ковре, так они двое и лежали, как два имбирных человечка на противень для выпечки, вытянув руки, разведя ноги.

— Мне кажется, нам стоит вернуться в постель, — пробормотал он, когда в доме что-то заскрипело. — Я имею в виду, это довольно глупо, вот так лежать здесь, в коридоре на ковре. Если учесть, что у нас есть хорошая, куда более лучшая, чем обычная, кровать, примерно в двадцати шагах отсюда. Хотя, конечно, для этого нам нужно открыть дверь и добраться до нее, а это требует много энергии.

— Или мы могли бы не утруждаться и остаться здесь. Кого это заботит?

— Я люблю тебя. — Она тихонько засмеялась, он чувствовал напряжение, возникшее между ними, из-за его утренней поездки в больницу вместе с Шанталь. — Я рад, что ты здесь со мной.

— И что тебе напоминает, лежание здесь?

— Седьмой круг Ада? — Она снова рассмеялась, он повернулся в ее сторону и поцеловал. — Постой, я знаю. Ты хочешь мне сказать, что это похоже, как будто мы на пляже. Без песка. Океана. Солнца... Ладно, это не совсем похоже на пляж в Виано.

— Я думаю, это как съесть мясной рулет на завтрак.

Лейн приподнял брови.

— Ничего себе, я-то думал, что моя метафора о острове Кейп-Код была суперской.

— Мы делаем тоже, что и в постели, верно? Я хочу сказать, что наши желудки не видят разницы между мясным рулетом в семь утра или в семь вечера.

— Думаю, мой брат Макс скажет, что все зависит, сколько текилы ты выпил до этого вечером, но я не буду вдаваться в тонкости.

— Но ты понял меня? Мы лежим здесь, полностью расслабившись и нам довольно комфортно. На самом деле, разве важно, что мы в коридоре? Я имею в виду, ведь никто не придет и не будет нас проверять, что нас нет в нашей комнате? Представь — «Ооооо, вы получаете минус, потому что...»

— Я говорил уже сегодня, как сильно я тебя люблю?

— Не уверена. Как насчет того, чтобы сказать мне еще раз...

Глухой звук звонящего телефона заставил Лиззи замолчать.

— Черт, это мой телефон. — Лейн вскочил на ноги. — Мисс Аврора.

Двадцать минут спустя Лейн прищурился, наклонившись к лобовому стеклу роллс-ройса, подъехав к парковке «Уайт Снэк».

Большинство машин перед баром были грузовиками, также стояло несколько мотоциклов, когда он припарковал «Фантом» между двумя «Фордами», увидел «Харлей» Макса прямо перед собой. Открывав свою дверь, Лейн уже собирался выйти, когда дверь в бар раскрылась нараспашку и три огромных здоровяка вытащили Ричарда Пфорда, вытолкнув его на тротуар. Они тут же заметили роллс, и стали перебрасываться фразочками друг с другом, что были бы не прочь попытаться его украсть.

Лейн потянулся к бардачку и достал пистолет.

Когда он вышел из машины, спрятал оружие за пояс сзади брюк. Затем он включил сигнализацию, и «Дух экстаза» исчез с капота.

— Это твоя тачка? — спросил его один здоровяк, весом в триста фунтов.

— Всего лишь Uber. (*Uber Technologies Inc. — американская международная компания из Сан-Франциско, создавшая одноимённое мобильное приложение для поиска, вызова и оплаты такси или частных водителей. — прим. пер.*)

— Что?

Он прошмыгнул мимо них и чуть не задохнулся от их пота, они так сильно потели, что алкоголь выходил из каждой их поры, еще немного и Лейн бы опьянел от испускаемых ими паров. И к счастью для этих бугаев, они позволили ему идти по своим делам.

Внутри «Уайт Снэк» был стандартного образца бар, «погружения в пивное ведро», постоянным местом обывателей, предпочитающих Corrs и Bud, о чем сообщала неоновая вывеска на стене из неотесанного дерева, а также стулья гостиничного типа вокруг столов семидесятых годов, которые выглядели, как будто их вытащили со дна болота. Учитывая, что было два часа ночи, в этом месте находилось всего лишь пятнадцать человек, остались самые выносливые, попивая пиво со «счастливого часа», с пяти часов вечера, другими словами, они выглядели так, словно у них нормально могли функционировать только две клетки мозга, так как остальные были в ауте.

К сожалению, для печени клиентов, бармен, похожий на бородатого Джабба Хатта, по-прежнему готовил бухло за стойкой, протирая столешницу мясистыми руками от следов золотистой плотной, белой пены. (*Джабба Хатт — вымышленный персонаж киносаги в стиле космической оперы «Звёздные войны» Джорджа Лукаса и данной вселенной, огромный слизнеподобный инопланетянин. Роджер Эберт описал его как нечто среднее между жабой и Чеширским котом. — прим. пер.*)

Да, это было определено заведение чертового-крафтового-пива. И когда заиграла заказанная музыка, Лейн вспомнил фильм «Братья Блюз», где женщина в баре «Хонки Тонк» говорит о музыке: «У нас есть оба вида. У нас есть кантри энд вестерн. (*Кантри энд вестерн — стилизованная народная музыка, особ. западных штатов США. — прим. пер.*)

Взглянув в тусклый, задымленный воздух, было ясно, что законы о запрещении курения здесь игнорируются, или кто-то спонтанно сгорел, готовя острые крылышки.

«Где, черт возьми, он? — подумал Лейн. — Этот сукин сын...»

В дальнем углу не поделили что-то двое мужчин, вскочив на ноги, отпихнув свои стулья, между ними тут же появилась женщина, подхватив кувшин с пивом, но их разборки как-то быстро успокоились.

По крайней мере, это был не Макс: ни у одного из этих ребят не было бороды.

Лейн двигался по этому месту, стараясь быть осторожным. Если учесть, что особенно никто не обращал на него внимания, но он не видел среди присутствующих своего брата.

Вернувшись к бармену, ему пришлось подождать, когда тот наполнит из крана Coors и

передает кувшины и бокалы женщинам, которые смотрели на Лейна таким глазами, словно надеялись, что он выберит их для школьной команды по кикболу.

Он проигнорировал их взгляды и кивнул Джаббе.

— Я пришел за братом.

— Я выгляжу так, будто знаю тебя или твоих родственников?

— Он высокий, бородатый с татуировками. — Ага, таким образом, все остальные кандидаты отпадали. — И он ездит на «Харлее».

Иииии это определенно должно было помочь. Хотя можно сказать в защиту Лэйна было два часа ночи, и он мыслит ненамного яснее, чем находящееся в этом баре.

— Проверь сзади, если тут ты его не видишь. — Бармен кивнул головой в сторону. — Мимо туалетов по коридору.

— Спасибо.

Лейн отправился в глубь бара, проследовал мимо женской комнаты, на двери, которой была сломана табличка, мужского туалета, в который была сломана дверь, и там едва что-то освещалось, но запах, можно было задохнуться, в этом заведении спокойно можно было снимать сцены фильма «Барахольщик».

Он собирался уже окликнуть Макса по имени и смачно выругаться, когда услышал стон. Из-за сложенных стульев и столов.

Следуя на звук, Лейн обошел вокруг дешевых столов и стульев, со сколовшемся лаком... и наткнулся на брата, который полувозлежал в позе витрувианского мужчины Леонардо да Винчи, с расставленными руками и ногами, с женщиной, согнувшейся у его коленей.

— Боже, Макс, что ты делаешь?

Его брат пьяно поднял голову.

— О, привет, Лэйн.

Словно они неожиданно встретились посреди торгового центра или типа того.

Блондинка продолжала совершать свои действия, не на минуту не останавливаясь, одетая в короткий топ с бретелькой на шею и синие джинсы, которые прикрывали, по крайней мере, часть того, за чтобы ее могли бы арестовать, совершая этот непристойный секс-акт в общественном месте, в одежде она была или нет.

«Прошу тебя, только бы он не заплатил ей», — подумал Лейн.

— Ну же, — пробормотал он, отвернувшись, — давай, пошли.

— Я скоро вернусь.

— Какого черта, Макс! — Лейн зашел назад за сложенные столы и стулья, говорить с парнем, наблюдая за ними, он не мог. — Ты позвонил мне, чтобы я забрал тебя.

— Я пьян.

— Ни хрена...

Человек с усами, подкрученными вверх, с руками, как у примата, выцветшими военными татуировками, вошел на склад с таким видом, словно ему сообщили, что кто-то плохо выразился о его маме, среди этих стеллажей выброшенного барахла.

— Реджи! Где ты, Реджи?

Боже мой, прошу тебя, пусть имя этой блондинки будет Агнес. Коллин. Каллахан, любое, но не Реджи.

— Я знаю ты пошла сюда, девочка. — Парень резко остановился, заметив Лейна. — Эй, ты не видел блонди...

Реджи вышла из-за столов и стульев, делая вид, что она ничего такого не делала, даже

отдаленно не склонялась над членом Макса.

— Детка, я просто...

Естественно, в этот момент появился Макс, застегивая свою ширинку.

Благочестивый. Ревнивый. Бывший. Морской пехотинец.

Лучший друг Реджи или кем он ей являлся, пошел на Макса, словно этот придурок нарушил гостеприимство в частном доме, но Макс, как не удивительно, был готов к этому. По мере того как летали кулаки, и тела врезались в разные вещи на их пути, свергая вниз штабеля мебели, стуча по пустым бочкам и ящикам со стеклянной тарой, на полу оставались обломки.

Лейн вынужден был признать, что они дрались гораздо лучше, чем он с Ричардом. Эти ребята были профессионалами, а не любителями, и Реджи (точно так же, как женщина ловко спасшая кувшин в баре) точно знала, где стоять, чтобы избежать их кулаков. Она даже достала сотовый из заднего кармана, включила камеру и проверила свою губную помаду.

«У меня нет на это времени», — подумал Лейн.

Парень ударил Макса об дверь, Лейн достал пистолет из-за пояса и вступил в игру.

Наставив дуло в висок морского пехотинца, он сказал:

— Отпусти его. Сейчас же.

И все вокруг превратилось в стоп-кадр.

— У меня все под контролем, — выступил Макс. — Я выигрываю этот...

— Заткнись, черт возьми. — Лэйн сосредоточился на морском пехотинце. — Я забираю его отсюда, и тебе больше не придется беспокоиться. Он не вернется. *Никогда*. В свою очередь, ты дашь нам уйти.

— А если нет?

— Тогда я тебе башку снесу. Поверь мне, после недели, которая у меня была, это будет наименьшая трагическая случайность, с которой мне пришлось столкнуться.

— Говорю тебе, он был у меня вот здесь. — И Макс сжал кулак.

Лэйн ударил по зажиганию «Фантома» и выскочил со своим идиотом-братом подальше, к чертовой матери, от своеобразного бара «Уайт Снэк», он даже не удосужился отвечать. Он не собирался спорить с пассажиром на переднем сиденье. Макс еле держался на ногах, и единственное, что его удерживало в вертикальном положении — ремень безопасности, который пересекал его грудь.

— Я серьезно, Лейн...

Погружаясь в сон, он выдохнул и стал то ли ругаться, то ли всхрапывать. Помоги ему, Боже, Лэйн был готов открыть с его стороны дверь и позволить этому ублюдку выпасть на чертову дорогу. Ему так надоело за всеми все подчищать... и кроме того, существовало более важное дерьмо, намного более критичное, чем пьяная драка в баре.

Плюс за последние две ночи, он дважды вынул пистолет и сам занялся рукоприкладством. Ему это не нравилось. Он был не Максвеллом, черт возьми.

— Как мне забрать байк? — спросил Макс.

— Мы вернемся завтра. Может он будет все еще там.

— Не говори Эдварду, хорошо?

Как будто они были все еще детьми, это был еще один трюк Макса.

— Эдвард не будет волновать, — сорвался Лэйн. — Он слишком занят гниением в тюрьме, чтобы беспокоиться о тебе, как о взрослом мужике, вступающем в драку в чертовом баре, потому что какая-то женщина, которую ты не знаешь, занялась с тобой оральным сексом.

— Ладно, давай не будем раздувать из мухи слона. — Макс оглянулся на Лейна. — Отсос... втыкаешь?

— Какого черта, ты делаешь, Макс? Seriously, сколько тебе лет...

— Как будто ты не был в подобных ситуациях...

— Больше нет. Я возмужал, черт возьми.

Они замолчали, Лейн подъехал к трехстороннему светофору и включил левый поворотник. Перед ними возвышался новый квартал, недавно построенных домов, стоимостью в миллион долларов из картвельского кирпича, и со стороны было такое чувство, будто эти дома, собранные в кучу, сгрудились вокруг искусственных прудов и фонтанов, в своеобразном освещении. Раньше эта земля принадлежала одной из старых добрых ферм, когда в Чарлмонте еще не было пригородов.

Если бы он ударил на газ и проехал бы через перекресток, он вместе с Максом и роллсом оказался бы в озере.

Может, это заставило бы Макса хоть протрезветь.

Заманчиво.

Но, когда свет сменился на зеленый, он повернул на четырех полосную полосу, главную магистраль города, ведущую к сети автомобильных трасс. Дорога была пустой, и вскоре он достиг полосы торговых центров, маленьких магазинов и ресторанов. Потом проехал мимо огромной стоянки Крегера, банка и филиала библиотеки.

— Когда ты уезжаешь из города? — спросил Лейн, подъехав к светофору с красным светом.

— Пытаешься по быстрее избавиться от меня?

— Я просто подумал, что ты уедешь. — Лейн взглянул на него. — Ты никогда не задерживался на одном месте.

— Ну, я не могу остаться здесь.

— Да?! Не хочешь сказать мне, почему? — В ответ было молчание, Лейн мрачно улыбнулся. — Я кое-что понял сегодня.

— Что? — Макс попытался выпрямиться, надеясь, что вертикальное положение поможет прочистить его мозг от пива. — Надеюсь, это была полезная информация.

— Похоже, Эдвард не убивал отца. — Лейн снова посмотрел на него. — Он этого не делал.

На Макса, казалось, это не произвело никакого впечатления, по крайней мере, его бородатое лицо не изменило выражения, глаза так и смотрели строго перед собой в лобовое стекло, сосредоточившись на дороге.

— Почему ты так думаешь? Он признался, не так ли...

Загорелся зеленый свет, Лейн вывернул руль и двинул роллс на большую стоянку, место для барбекю. Затем он ударил по тормозам достаточно сильно, что натянулись ремни безопасности и остановился, не выключая двигателя.

— Какого черта, Лэйн! Ты хочешь нас убить?

Лейн повернулся к брату всем телом.

— Давай на чистоту.

Макс прищурился, по-прежнему смотря перед собой.

— По поводу?

— По поводу Эдварда и убийства отца. Ты был там, не так ли? Ты участвовал в этом. — Макс молчал, Лейну захотелось схватить парня и как следует встряхнуть. — Я знаю, что ты до убийства отца встречался с Эдвардом. Пару дней назад кто-то видел вас двоих на той стороне реки Огайо. Ты, должно быть, спланировал все... или Эдвард пытался тебя отговорить?

Большое тело Макса переместилось на сиденье, и он потянулся к ремню.

— Мне нужно выйти...

— Ты не можешь позволить Эдварду взять на себя вину за то, чего он не совершал. — Лейн схватил парня за руку, он обеспокоился, что Макс хотел смотаться. — Эдвард не должен расхлебывать это дерьмо... сейчас все по-другому, не так, когда мы были детьми. Это не избиение от отца, которые он добровольно принимал за тебя, когда ты более чем заслуживал, чтобы тебе надрали задницу. Это жизнь в тюрьме, Макс. Если ты совершил убийство, так будь мужчиной.

— Мы можем вернуться к бару, — пробормотал парень, пытаясь освободиться от ремня безопасности.

— Зачем... чтобы ты снова подался в бега посреди ночи? Трус. Я не знаю, как ты сможешь жить в ладах с самим собой.

— Это мне говорит мужчина, отличительной особенностью которого на протяжении десяти лет было траханье все и вся. Я читал заголовки, знаешь ли. Йель научил меня этому.

Лэйн открыл рот, чтобы выдать стоящий веский ответ, но затем остановился.

— Знаешь, у меня такое чувство, что я впервые тебя вижу таким, какой ты есть на самом деле. И у меня это не вызывает уважения.

Он разблокировал замки на дверях.

— Идти. Я закончил с тобой... но знай. Я вытащу Эдварда из тюрьмы, хочет он или нет, даже если это будет означать, что в этой чертовой камере окажешься ты, как его замена.

Макс отпустил ремень безопасности и схватился за дверную ручку.

Но вместо того, чтобы открыть дверь и упасть лицом на тротуар, он продолжал сидеть.

Прошла, наверное, вечность, когда он прошептал:

— Я не могу больше это скрывать.

— Черт возьми, конечно, ты не можешь. — Лейн ударил кулаком по приборной панели. — Ну же, Макс. Скажи мне правду. Мы сможем со всем справиться. Мы найдем самого лучшего адвоката и будем бороться...

Макс обхватил голову руками и заплакал.

Лейн был так ошеломлен, поэтому просто смотрел на своего брата, сидевшего рядом на кожаном сиденье. Он никогда не видел, чтобы Макс сломался, но сейчас рыдания сотрясали огромное тело этого мужчины, выплескивая страдания, которые он так долго держал в себе.

Лейн схватил Макса за плечо.

— Все хорошо...

Макс всхлипывая быстро произнес:

— Эдвард не убивал своего отца... Боже, он не убивал его...

— Я знаю. — Голос Лэйна звучал напряженно. — Я знаю, Макс. Я знаю, что он этого не делал.

Макс откинул голову назад и вытер лицо большими ладонями.

— Он не убивал...

— Хорошо, Макс. Просто расскажи мне, как все произошло.

Молчание продолжалось так долго, если бы Лэйн не видел, как вздымается и опускается грудь брата, он бы подумал, что парень умер с открытыми глазами.

Лейн решил нарушить тишину, но Макс опять повторил:

— Эдвард не убивал своего отца.

— Я знаю, что он не убивал. — Боже сохрани, они кружили на одном месте. — Я знаю, что это был не Эдвард...

Макс зло засмеялся.

— Ты не понимаешь. Он не убивал *своего* отца... Он убил *нашего*.

После того, как Макс услышал свои собственные слова, вылетевшие из его рта, он закрыл глаза и попытался вновь все вспомнить. Тогда легкость, ошалелость не от мира всего, и на все насрать было гораздо лучшим, чем то, что он чувствовал сейчас, и черт побери, ему было так плохо, он устал барахтаться в этой клоаке печали и горя, в которую был выброшен три года назад.

— Прости, — сохраняя спокойствие произнес Лейн. — Что ты сказал?

— Эдвард не убил своего отца.

— Ты не должен... Макс, ты не должен бросаться нечто подобным.

— Это правда. — Он повернул голову и посмотрел на красивое, как грех, лицо брата. — Ты, я и Джин — дети Уильяма Болдвейна. Эдвард не его ребенок.

— Откуда ты... я не понимаю. — Выражение лица Лейна имело смесь шока и «о-черт-нет». — Нет. Мама была замужем только за отцом.

— Нет, нет.

— Макс, мне нужно, чтобы ты серьезно...

— Хорошо. Прежде, чем я покинул Чарлмонт, я за день до этго поздно ночью вернулся

домой. Джин где-то была. Ты был в Вирджинии. Эдвард был в командировке по делам. Амелия ночевала у подруги. — Эта сцена всплыла у него перед глазами, словно все было вчера. — Я пробрался с заднего входа, потому что был под кайфом и хотел есть, и я, мать твою, очень тихо передвигался по кухне. Ты же понимаешь, если бы я разбудил мисс Аврору? Она бы убила меня.

Он сжал кулаки и протер слезящиеся глаза.

— Да, когда я поел, я направился к главной лестнице, моя же комната с той стороны наверху.

Лейн кивнул.

— И лестница для персонала проходит прямо над спальней мисс Авроры.

— Она бы явно засекала меня. — Макс сделал глубокий вдох. — Я услышал их голоса, когда поднялся на второй этаж. Родители стояли в коридоре возле комнаты матери, она кричала на отца, обвиняя, что он связался с другой женщиной. А потом отец...

— Что?

Макс смачно выругался.

— Он сказал, что она не имеет права выставлять ему претензии. Что они оба знали, что Эдвард не его ребенок... что он знал это все время, и если она не заткнется о его неверности, он расскажет все Эдварду.

— О, Боже мой! — Лейн прикрыл глаза. — О... Вот дерьмо.

— Она тут же успокоилась, а потом заплакала. Он же просто развернулся и исчез у себя в комнате. Я так и не понял, заметил он меня или нет, и я боялся, что он меня заметил. Поэтому я выбежал из дома и спал в домике у бассейна. Я все ждал, что он придет за мной... Ты же знаешь, на что он способен? Но на следующее утро он пошел на работу, как будто ничего не произошло. Я долго сидел в домике у бассейна, представлял его за письменным столом, как он руководил людьми в бизнес-центре. Я не мог остаться. Я не знал, что мне делать. И побег из дома был единственным способом, поэтому я собрал сумку с вещами и взял один из «Мерседесов». Я поехал в Индиану, даже не предполагая, куда направляюсь, в конце концов, я продал машину за двадцать штук в Сент-Луисе и жил на эти деньги. Я хотел уехать как можно дальше от этой семьи.

— Эдвард знает? — спросил Лейн, как будто говорил сам с собой.

— Вот почему я вернулся. Я решил рассказать ему. Я испытываю чувство вины перед ним. За все то дерьмо, которое он терпел из-за нас, когда мы были детьми. Он защищал нас от человека, который не имел к нему никакого отношения. Я больше не мог с этим жить, поэтому позвонил ему, и мы встретились в тот день. Но когда я сидел напротив него, я не смог. Он выглядел настолько плохо... измученный. Хромающий, в шрамах, все было гораздо хуже, чем я видел в газетах.

— Так ты знал о похищении?

— Кто не знал? Это было во всех новостях.

— Эдвард думает, что это дело рук отца. — Лейн потер лицо. — Если правда то, что ты услышал... Может поэтому отец хотел его смерти.

— И поэтому отец всегда был так жесток с ним на протяжении всех лет. Это был не его сын, но он вынужден был притворяться, что ребенок... Эдвард жил с ним, дышал, мать твою, одним воздухом каждый день год от года.

— Эдвард не знает?

Макс пожал плечами.

— Если он и знает, то не от меня. И ты прав, я трус. Я просто... Я не мог ему сказать. Когда мы с ним поговорили абсолютно ни о чем, разошлись разными путями, я продолжил передвигаться по городу. А потом отец умер... Поэтому я вернулся в Истерли. По каким причинам, до сих пор не могу тебе сказать, мне они самому не совсем понятны.

Лэйн открыто посмотрел на брата.

— Ты должен быть честен со мной. Ты причастен к убийству?

Макс прямо посмотрел в глаза брату.

— Нет. Я увидел сообщение в местных новостях, когда нашли тело. Я клянусь тебе всем, чем хочешь, я к нему не подходил.

— Может, все же Эдвард убил его?

— Не знаю.

Лейн повернулся к лобовому стеклу и немного расслабился на сиденье.

— Прости, что обвинял тебя.

— Не за что. Мне все равно, я понимаю, почему ты думаешь, что это мог быть я.

Через пару минут тишины Лейн воскликнул:

— Так кто же отец Эдварда?

— Не знаю. И ума не приложу, как спросить это у мамы.

— Эдвард имеет право знать.

— Неужели это важно? Кроме того, поверь мне, пересматривать всю семью — это не просто. Это словно... все, что ты до этого воспринимал за правду, вдруг стало в один момент ложью. От этого съезжает крыша. Ты уверен, что мы все его? Отец говорил только об Эдварде, а остальные?

— Не могу поверить.

Они сидели бок о бок долго, Лейн заглушил двигатель и открыл окна... и, в конце концов, начало светать, появились первые лучи солнца на полянке для барбекю. Но они оставались на месте. И только, когда первая машина отъехала в город, он включил двигатель, и они двинулись в сторону Истерли, молча.

Время от времени в течение трех лет, Макс задавался вопросом, как он будет себя чувствовать, когда расскажет секрет. Если он расскажет... кому-нибудь... в своей семье. Он представлял, что испытает облегчение, или же еще большее чувство вины, потому открыв правду, истина станет более уродливой для всех них.

К его удивлению, он ничего не почувствовал.

Может, из-за выпивки.

Когда они выехали на Ривер-Роуд, последовав по извилистой береговой линии реки Огайо, он задался вопросом, где именно Эдвард бросил их отца в воду, еще живого, но не способного двигаться. Где он это сделал? Каким образом Эдвард выбирал место? Боялся ли он, что его могут поймать?

— Ты расскажешь Эдварду? — спросил Макс, как только показался Истерли на холме.

Солнце всходило за домом, и персико-розовые лучи текли по величественному контуру особняка, как будто к большому дому семьи Брэдфордов стоило относиться с особым уважением.

— Думаю, это должен сделать ты. — Лейн взглянул на брата. — Я пойду с тобой, когда ты решишь ему все рассказать.

— Нет, — резко произнес Макс. — Я уезжаю. И прежде чем ты скажешь мне, что я не имею права...

— Я не останавливаю тебя. — Лейн покачал головой. — Я просто хочу тебе напомнить, что Эдвард все-таки наш брат. Он — наша семья. Связь матери... на самом деле, мама всегда была вещь в себе, не так ли? И она Брэдфорд.

— Мне плевать на все это. — Макс скрестил руки на груди. — Я желаю вам всего хорошо, но Чарлмонт и Истерли... и вся семья... пустая трата времени для меня. И также пустая трата твоего времени на них. Ты должен забрать свою женщину, и все это дерьмо отправить в задницу. — Он посмотрел через реку в сторону Индианы, на широкую автомагистраль, в более далекое будущее, совсем далекое, не связанное с именем Брэдфордов. — Поверь мне, там есть лучшая жизнь. Намного лучшая.

Позднее тем же утром Лиззи стащила ключи от газонокосилки, чем однозначно вызовет крайнее неодобрение у Гэри МакАдамса, который в этот момент был в городе, и выехала на лужайку перед домом.

На самом деле, перспектива аккуратно подстригать полосы на всех краях газона, от главного входа Истерли вплоть до основания холма, к воротам, выходящим на Ривер-Род, вызывали в ней настоящий трепет, и нет, ее совсем не волновало, что главный садовник мог ужасно на нее рассердиться за это.

К сожалению, ее энтузиазм оказался менее выносливым, чем жара.

«Хорошо бы выпить лимонада», — подумала она, как только здание Истерли показалось на подъеме. Ей необходимо было выпить что-то холодное, и после того, как она промокнет горло, готова будет вернуться назад.

Припарковав газонокосилку под листьями магнолии, она невольно улыбнулась, когда ступила на землю и напрямик направилась к входной двери с ногами, покрытыми обрезками свежескошенной травы. Ранее существовали определенные правила, при которых обслуживающий персонал мог войти в особняк. Только через две двери. Вот именно, и обе находились в задней части дома. Это означало, что она или Грета в такую жару должны были обойти весь особняк кругом, чтобы не принесли сорняки от плюща в дом. Это было ужасно.

По крайней мере, сейчас ей больше не придется беспокоиться об этом неудобстве.

Но, конечно же она сняла свои ботинки и оставила их на коврике совсем не потому, что какой-нибудь англичанин-дворецкий мог сделать ей замечание, он бросил их в самое трудное время для семьи. Она сняла ботинки, потому теперь ей самой придется все убирать.

Пока она шла по прохладному помещению, ее кожа покрывалась мурашками. Около десяти лет назад в доме установили центральную систему кондиционирования воздуха, и это обновление, безусловно, можно было оценить в такой день, как сегодня, хотя она понимала, что потом пожалеет об этой передышке. После облегчения, которое она сейчас получала от жары, потом выходить на улицу будет просто ужасно.

Но она переживала, что если не выпьет холодного лимонада, то вот-вот может упасть в обморок.

Пройдя мимо официальных гостиных со всем их величием, она открыла широкую дверь в столовую и вошла в помещение для персонала, будто очутилась совсем в другом доме. Здесь не было картин, нарисованных маслом и шелковых обоев, изысканных штор и восточных ковров. Стены были окрашены в чисто белый, и единственным украшением на половых досках был слой лака, который уже протерся.

Офис главного бухгалтера находился слева, и она заглянула в комнату.

— Привет.

Грета фон Шлибер подняла глаза от стола. Перед ней находился открытый ноутбук и куча бумаг, с которыми Лиззи точно не хотела бы иметь дело. Немка, однако, умела и с удовольствием взялась навести порядок в бухгалтерском хаосе, после несвоевременного самоубийства Розалинды Фриланд, и последующем увольнении почти всего персонала, предстояло проделать большую бумажную работу, подготовить документы и заполнить различные формы.

— *Guten Morgen*, — ответила женщина, снимая очки в розовой оправе для чтения, и заменяя их на очки в черепаховой оправе. — Как у нас дела?

С ее своеобразным акцентом «нас» превратилось в «наш», и в конце «дела» стало «дефа», от такого родного звучания Лиззи захотелось рассказать своей подруге, которую она знала уже больше десяти лет, о своей возможной беременности. Но нет, остановила она себя. Если Лейн не знал, то никто не будет знать.

— Там жарко.

— *Ja*. Я заканчиваю с этими бумагами на увольнение и пойду обрезать изгородь вокруг домика у бассейна. А потом в горшках оберу завядшие цветы.

— Когда у Лэйна закончится заседание правления, я встречу с ним в больнице, чтобы повидаться с мисс Авророй.

— Я слышала, что звонили семье? Я разговаривала с уволившимся, спрашивала получили ли они деньги под расчет, и одна из ее племянниц сообщила мне об этом. Я приду после того, как закончу работу.

— Все это очень грустно.

Она виделась с Лейном буквально две секунды перед тем, как он уехал на заседание правления, по-видимому, он привез Макса домой в середине ночи. Но Лэйн сказал ей, что он хочет с ней поговорить, и она задавалась вопросом, о чем. Он показался ей расстроенным и несчастным, хотя, к сожалению, ничего нового...

Бинг-бонг раздалось высоко на потолке, и Лиззи оглянулась назад.

— Кто-то у двери черного входа. Я открою.

Она поспешила на кухню, и отвела глаза, проходя мимо двери комнаты мисс Авроры. Боже, перспектива убирать вещи мамы Лэйна из этого дома (может попросить ее семью прийти и собрать их) казалась такой сюрреалистичной, но такой неизбежной.

Лиззи открыла заднюю дверь, перед ней стоял молодой парень в синей униформе и кепке. За ним, во дворе, был припаркован с работающим двигателем фургон с названием местной компании по доставке.

— У меня пакет для мистера Ричарда Пфорда? — произнес парень. — Можете вы подписать, что приняли его?

— Да, конечно. — Лиззи взяла конверт из оберточной бумаги и написала свое имя на клипборде. — Спасибо.

— Спасибо, мэ.м.

Она закрыла дверь, но потом вдруг вспомнила, что муж Джин съехал, она попыталась вернуть фургон, выскочив из дома и пытаясь помахать ему руками, но машина не остановилась.

Тогда она решила положить конверт на кровать, он увидит его, когда придет забрать свои вещи. Кроме того, зная о личной жизни Джин, они могли за просто помириться после того, как сестра Лэйна вернется, отвезя Амелию на север. Джин обладала способностью получать то, что хотела, захотела же она выйти замуж за Пфорда.

Хотя, как она могла так близком находиться рядом с этой скотиной, для Лиззи оставалось загадкой.

Впрочем... деньги.

Лимонад был таким же освежающим, как и предполагала Лиззи, а идея вернуться к газонокосилке была настолько же непривлекательной, насколько первая идея казалась отличной. Но это было уже неважно. Пришло время принять душ и переодеться, чтобы

встретиться с Лэйном в больнице. Кроме того, она смогла сегодня сделать всю левую половину газона. Возможно, в конце дня, она сможет закончить и другую сторону.

Поскольку Лиззи не успела отвезти назад «Джона Дира» туда, где хранилась вся садовая техника, она быстро перебазировала его во внутренний дворик, оставив в тени у гаражей. Затем она заставила себя взять с собой горстку кренделей на второй этаж, занесла конверт в комнату Пфорда, приняла душ и одела свежее поло и шорты цвета хаки.

Она снова была на кухне и отправила сообщение Лэйну, когда примерно прибудет в больницу, когда вдруг ощутила внезапный побуждение. Подойдя к двери мисс Авроры, она заколебалась.

Ее первым инстинктивным желанием было постучать, хотя это было полным безумием. Поскольку там точно никого не было.

Закрыв на секунды глаза, у нее заболело сердце от воспоминаний, когда она обнаружила женщину на полу у кровати.

Так же, как и с рабочими поверхностями на кухне, здесь все было на своих местах, не только аккуратно расставлено, но и пропылесосено, вытерта пыль, и хотя мебель была скромной, попав в эту комнату, вам хотелось выпрямиться, следя за своей осанкой и вытащить руки из карманов. У окна стояло два кресла БеркаЛоунгерс, напротив телевизор, мини-кухня с раковиной, маленькая плита и холодильник. Естественно, грязной посуды не было и полотенце для рук было точно сложено и повешено на ручке двери духовки.

Если честно, заходить сюда без приглашения было совсем неправильно.

Быстро передвигаясь, Лиззи подошла к креслу мисс Авроры, к полочкам, которые тянулись до самого потолка. На полках стояло более ста фотографий в старых и новых рамках, начиная от начальной школы и до выпускников института, улыбающихся детей в летних лагерях и с серьезными лицами вокруг елки, а также у алтаря в церкви. Многие из фотографий запечатлели, как они играли в баскетбол или в футбол, на середине прыжка или на середине боя, и даже были в форме игроков НФЛ и НБА, начиная от братьев и сестер мисс Авроры, их детей, а также Лейна, Джин, Макса и Эдварда.

Лиззи пришла с мыслью взять пару фотографий и отвезти их в больницу, если мисс Аврора придет в сознание, то рядом с собой увидит лица своих самых любимых людей. Но теперь, столкнувшись с таким количеством, Лиззи почувствовала себя подавлено.

Она взяла фотографию Лейна с третьей полки. Ему было двенадцать или тринадцать, он нахально ухмылялся, глядя в камеру. Его черты лица уже приобретали свою красоту, вырисовывая в дальнейшем волевой подбородок, его глаза блестели, явно показывая его флиртующую натуру.

Если у Лиззи будет сын, в таком возрасте он будет выглядеть также.

Вдруг словно одержимая, она начала выискивать еще больше фотографий Лэйна, и нашла, по крайней мере, еще дюжину или около того. Она рассматривала их в хронологическом порядке, изучая, как он вырослел... пока не добралась до последней, когда он окончил университет. Там он был в шляпе и мантии и в солнце защитных очках вайфаерах, его красивая уверенность делала его похожим на огни Святого Эльма, хотя это было задолго до его времени. И он обнимал кого-то рукой... О, это был Джефф Стерн. *(Огни святого Эльма или Огни святого Элмо (англ. Saint Elmo's fire, Saint Elmo's light) — разряд в форме светящихся пучков или кисточек (или коронный разряд), возникающий на острых концах высоких предметов (башни, мачты, одиноко стоящие деревья, острые вершины скал и т. п.) при большой напряжённости электрического поля в атмосфере. Название явление*

получило от имени святого Эльма (Эразма) — покровителя моряков в католицизме. Морякам их появление сулило надежду на успех, а во время опасности — и на спасение. — прим. пер.)

Удивительно, как жизнь сводит людей.

Она взяла эту фотографию в руки и стала разглядывать более подробно.

Пока она стояла, глядя на изображение двух лучших друзей, за которыми светило солнце, небо над их головами было таким синим, трава под ногами такой зеленой, она поймала себя на мысли, что рассматривая лицо Лэйна, пытается прочесть, какова будет его реакция на ее беременность. Видно, она совсем чокнулась.

Приподнявшись на носочках, чтобы поставить назад фотографию, она...

Нахмурилась и замерла.

За фотографией было что-то спрятано. Пластиковый пакет?

Лиззи просунула руку, совершенно не задумываясь о вторжении в частную жизнь... и что она пытается достать.

Это был большой мешок из морозильной камеры, внутри которого находился нож шеф-повара.

Отложив фотографию Лэйна и Джеффа в сторону, она внимательно разглядывала содержимое. На лезвии и черной ручке она ничего не заметила, никаких пятен, царапин. И в пакете не было ни записки или чего-то еще.

Лиззи мимолетно окинула взглядом остальные фотографии. Через минуту она вернула нож обратно и поставила фотографию точно на то же место, где та стояла. Потом она ушла, чтобы отправиться в центр города.

Решив заняться своими делами.

— Что значит, он меня не хочет видеть?

Спросил Лэйн, наклонившись к стойке регистрации окружной тюрьмы. Как будто это могло как-то помочь. И знаете, женщина-офицер, спросившая его имя, нажала кучу кнопок в компьютере, просто отрицательно покачала головой.

— Мне жаль. — Она указала на монитор перед собой. — Запрос был отклонен задержанным.

— Шериф Рэмси здесь? — Он ненавидел беспокоить парня, за исключением тех случаев, когда была необходимость. А сейчас все было серьезно. — Могу я поговорить с ним?

— Шериф Рэмси целый день тренирует подразделение по захвату заложников. Хотите, я оставлю ему сообщение?

— Нет, спасибо. — Он постучал костяшками по стойке. — Я позвоню ему позже.

Лэйн был зол, когда направлялся к двойным дверям, но Рэмси был занят, поэтому он не собирался настаивать на встрече с Эдвардом.

Черт побери.

Однако его и так уже захлестывали эмоции после встречи с советом директоров, еще до того, как он зашел сюда по дороге в больницу. Наверное, если бы он встретился с Эдвардом, все было бы еще хуже. Ради Бога, что он мог ему сказать?

И как он мог ему *это* сказать?

Пройдя мимо людей, приходящих в себя от жары под струями охлажденного воздуха в пластиковых креслах, он вышел из комнаты приема посетителей и присоединился к толпе, марширующей по коридорам здания суда. Вместо того, чтобы дождаться лифта, он

воспользовался полированной гранитной лестницей в центре семиэтажного здания, спускаясь вниз.

Потом он пешком направился в больницу. Было недалеко, и у него имелось время, так как заседание правления закончилось раньше.

Но он не отправился сразу же к мисс Авроре. В центре для посетителей, он назвал другой номер палаты.

Находившегося в этом же здании, что и палата мисс Авроры.

Поднявшись на третий этаж, он ступил в стационарное отделение и зарегистрировался на стойке ресепшен. Затем он прошел вперед по длинному коридору, мимо тележек с больничной едой, мешков с бельем для прачечной и использованных медицинских препаратов и средств.

Он остановился перед палатой номер 328 и постучал.

— Кто там? — раздался по ту сторону женский голос.

— Это Лэйн. Могу я войти?

— Подожди.

Послышался шорох, а потом Шанталь громко произнесла:

— Входи, пожалуйста.

Вежливо. И когда он вошел, он старался не смотреть на нее, потому что понял, что она не захочет, чтобы он на нее пялился. Шанталь всегда предпочитала, чтобы на нее смотрели, только когда на ней был макияж и волосы уложены, и ее одежда была соответствующим образом подобрана к происходящему событию.

Быстрый взгляд подтвердил, что она была в больничной синей рубашке, и у нее на щеках был румянец.

Вернее, без тонального крема, просто румяна, помады, подводка для глаз и тушь.

На самом деле, она выглядела так, он даже не мог толком найти слова, в общем как удобного, но только не посвежевшей. Ее кожа на лице была землистого оттенка, рот вытянулся в прямую линию, глаза выглядели воспаленными и еще на ней была эта мешковатая рубашка из больницы.

— Ты оказал мне любезность, что зашел, — произнесла она, развернувшись и накрыв верхний край одеяла.

— Я хотел проведать тебя и убедиться, что все в порядке.

— Передо мной открывается прекрасный вид, не так ли?

Она указала на окна, в которых виднелся берег реки, он подошел и посмотрел на небоскребы, реку и зеленые сельхозугодья Индианы.

— Меня собираются оперировать, — пробормотала она.

Он переместил свой взгляд, увидев ее отражение в стекле. Она рассматривала свой маникюр.

— Что они собираются делать?

— По-видимому чистку еще что-то, я... особо не слушала.

Он ненадолго прикрыл глаза.

— Твоя мать придет?

— Она уже сейчас летит в самолете. Прибудет через час.

— Хорошо. Она хорошо позаботится о тебе.

— Она всегда так делает.

Обернувшись к ней, он засунул руки в карманы брюк.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Ты видел сегодняшние газеты?

— Нет. — Он подумал о тех фотографиях, которые были сделаны на кладбище. — Могу догадаться, что будет в газетах.

— Меня попросили прокомментировать.

— Мой телефон звонит, но я не беру трубку. — Ему было о чем-то беспокоиться, помимо этого. — Я не собираюсь ничего говорить прессе.

— Я тоже.

Его брови приподнялись сами собой.

— Точно?

Шанталь кивнула, рассматривая ноготь большого пальца руки.

— Я возвращаюсь в Вирджинию, после всего... Я буду в Брайарвуде в обозримом будущем.

«Поместье ее родителей», — мелькнуло у Лейна.

Она прочистила горло.

— Так что, Самюэль Ти. может отправить туда все документы. Ну, которые касаются развода.

— А твой адвокат останется здесь, в городе?

— Просто отправьте бумаги ко мне домой. Я все подпишу. Не знаю... Меня больше ничего не волнует.

Теперь он внимательно смотрел на нее. Было трудно поверить, можно ли доверять этой потерянной женщине или с ее стороны это очередная уловка. Может она потом опять возьмется за свое? Он зашел к ней из чувства долга и, совсем чуть-чуть из-за того, что хотел узнать, как она себя чувствует.

Конечно, он не ожидал такого завершения.

— Я не собираюсь с тобой драться, — сказала она.

— Хорошо.

— С меня хватит.

— Я понял.

Через минуту он прочистил горло.

— Ну, тогда я пойду к мисс Авроре. Ты дашь мне знать, если тебе что-нибудь понадобится?

— Как она?

— Она в порядке.

— О, я рада. Я знаю, что она слишком много значит для тебя.

— Береги себя.

— Ты тоже.

Он кивнул и направился к выходу. Лейн оказался уже почти у двери, когда голос Шанталь остановил его:

— Прости.

Лейн обернулся через плечо. Она смотрела на него во все глаза, с серьезным выражением на лице.

В наступившей тишине он предположил, что может стоит ее спросить за что конкретно она извиняется, возможно, он получил бы некоторые объяснения из ее уст. Но... они оба знали, что было произнесено ею и сделано за все время их брак и до брака, особенно с ее

стороны.

Он снова вспомнил ту вечеринку, когда встретил ее. Он мог с любой из присутствующих там женщин пойти к себе домой той ночью. И даже после той ночи, он мог больше с ней не встречаться. Сейчас оглядываясь назад, он точно не мог вспомнить, почему вдруг позвонил ей еще раз, почему вдруг пригласил ее на ужин пару дней спустя, почему, даже после этого, он согласился сопроводить ее на памятный вечер какого-то балета или оперы, или что это там было.

И он задавался вопросом — может судьба, таким образом, сыграла с ними злую шутку, заставив их пересечься, как разноцветные плитки мрамора на полу, создав случайную и бессмысленную связь? Или во всем этом был свой грандиозный план?

Он понял, чтобы на это сказала его мама. И он также знал, что мисс Аврора бы захотела, чтобы он ответил прямо сейчас.

— Ты тоже меня прости, — прошептал он.

И для него было полной неожиданностью... обнаружить, что он, на самом деле, всем сердцем просил у нее прощения.

Лейн кивнул Шанталь и махнул рукой на прощанье, повернулся, и не оглядываясь вышел в коридор. Идя по коридору к лифтам, он испытывал очень странное чувство, но он понял, что больше никогда не увидит ее.

И такой конец их брака, как и многое другое, что в недалеком прошлом казалось невозможным, его вполне устраивал.

Когда Лэйн подошел к палате интенсивной терапии мисс Авроры, перед которой стояла толпа людей в коридоре, он направился к двум племянникам мисс Авроры, махнул в знак приветствия всем остальным. Мужчинам было за двадцать, один из них был принимающим игроком в американском футболе в «Индиана Колтс», второй — центровым в «Майами Хит». Выражение лиц у обоих было грустным.

— Ди'Шон. — Лейн хлопнул в ладонь одного, потом другого. — Квентин. Как дела?

— Спасибо, что позвонил нам, парень. — Ди'Шон взглянул на своего брата. — Мы не знаем, как с этим справиться.

— Ты был у нее?

— Да, сэр, — ответил Квентин. — Только что. Сестры придут в конце дня.

— Мама сказала, что мы должны договориться о похоронах? — Ди'шон провел рукой по лицу. — Я имею в виду... Неужели пришло время?

— Да, думаю, да. — Лейн посмотрел на закрытую дверь, с опущенными шторами. — Я говорил с преподобным Найсом. Он сказал, что церковь наша, и он скажет несколько слов прихожанам.

— Ее имя уже занесли в список, чтобы молиться о ее душе. — Квентин покачал головой. — Не могу поверить. Она звонила мне в прошлые выходные. И говорила над каким ударом мне нужно работать в межсезонье.

Лейн хлопнул по спине мужчины.

— Она всегда гордилась тобой. Вами обеими. Она так хвасталась тобой. И она всегда говорила, что вы ее любимчики.

Лейн даже не понял, как его обхватили медвежьи объятия, сначала одно, потом другое. А потом также внезапно мужчины отступили.

— Ты говоришь им, что они ее любимчики?

При звуке голоса Лиззи он развернулся и улыбнулся.

— Когда ты приехала сюда?

Он протянул к ней руки, и Лиззи вышла вперед, обняв его.

— Только что. Я не хотела прерывать ваши объятия. Как прошло заседание правления?

— Достаточно хорошо. — Он убрал волосы с ее лица. — Я рад тебя видеть, и да, я говорю всем, что они ее любимчики.

— Как она? Ты уже был внутри?

— Нет, еще нет. — Лейн посмотрел на часы. — Давай посмотрим, сможем ли мы к ней попасть...

Вдруг выбежала медсестра из палаты и быстро оглядела собравшуюся толпу.

— Мистер Болдвейн! Она приходит в себя... она о ком-то спрашивает? Думаю, это вы!

Лейн не мог двигаться, поэтому всего лишь моргнул.

— Простите, что...

— Мисс Томс пришла в себя! Я немедленно должна привести к ней врача.

Лейн взглянул на Лиззи, вокруг все громко заговорили, быстро перебросившись парой фраз с семьей было решено, что он должен пойти к ней, так как был ее доверенным и имел право исполнять волю больной, а также являлся душеприказчиком имущества мисс Авроры.

И он не мог войти к ней без Лиззи, поэтому потянул ее через стеклянную дверь за

собой.

Лейн остановился сбоку у кровати.

— Мисс Аврора? — Он взял ее прохладную руку. — Мисс Аврора?

На мгновение он подумал, что это всего лишь была жестокая шутка. Но потом он увидел, как ее губы задвигались. Она очень тихо что-то бормотала, настойчиво, поток слов лился из уст его мамы.

Лейн пытался связать разрозненные слоги воедино.

— Что ты говоришь? Тебе что-то нужно? — Он посмотрел на Лиззи. — Ты слышишь что она говорит?

Лиззи перешла на другую сторону кровати.

— Мисс Аврора?

Бормотание усилилось, и Лэйн мимолетно подумал, что ему не хотелось бы, чтобы сейчас зашла медсестра... ему моет потребоваться немного больше времени. Если эти слова были последними от его мамы, он хотел бы их понять, ему не хотелось бы, чтобы кто-то их прерывал.

Внезапно Лиззи выпрямилась.

— Эдвард? Хочет увидеть Эдварда?

В этот момент мисс Аврора открыла глаза.

— Где Эдвард? Мне нужен Эдвард...

Казалось, что она не могла сфокусировать взгляд, ее зрачки были расширенными и двигались.

— Эдвард! Мне нужен Эдвард!

Вдруг, словно скоростной поезд, ее руки начали двигаться, затем последовали ноги, и все тело пришло в движение, словно от внутренней паники.

— Эдвард!

Пришел лечащий врач с медперсоналом, Лейн отступил, чтобы белые халаты смогли встать вокруг постели.

Он не хотел это признавать, но его это убило, из всех людей его мама хотела увидеть... его старшего брата, а не его. Это казалось чем-то... неправильным.

Главное, что она была в сознании.

— Что происходит? — потребовал он ответа от персонала, когда Лиззи встала рядом с ним. — Она... С ней же все нормально?

Ну же. Он подумал, что она только что победила этот чертовый рак.

Ответила та же медсестра, что и выбежала из палаты.

— Я попрошу вас выйти. Простите, но нам нужно место для работы.

— Что происходит? Я не уйду, пока вы не скажете.

— Наверное, это морфий. При таких дозах он может вызвать галлюцинации. Один из врачей все вам объяснит позже, хорошо?

— Пойдем, — произнесла Лиззи. — Мы подождем в коридоре.

Лейн позволил себя вытянуть обратно в коридор. И начал шагать туда-сюда, взад-вперед. Время текло, семья разместились в креслах в коридоре, он не поднимал головы, чтобы не встречаться ни с кем глазами, только смотрел себе под ноги. Он не доверял даже самому себе встретиться с добрым взглядом Лиззи, которая глядя на него очень волновалась.

Какого черта она хотела поговорить с Эдвардом?

— Лейн.

— Хм? — Он остановился перед Лиззи и покачал головой. — Прости, что?

— Мне нужно тебе кое-что сказать, — прошептала Лиззи, глядя на стеклянную дверь.

Она быстро заговорила, но очень тихо, и когда закончила, он стоял и ошеломленно пялился на нее.

Затем Лейн достал свой мобильный телефон и позвонил, тому, кого он мог назвать своим единственным спасителем.

Время для приема пищи в тюрьме распределялось в зависимости от вахтового метода режима работы участвующих (людей, готовивших пищу) и раздающих, и Эдварду пришлось привыкать к ранним завтракам в шесть утра, к одиннадцати — второму завтраку и обеду в четыре часа дня.

Поэтому, когда дверь в его камере открылась, он конечно же подумал, что пришло время обеда, поэтому с трудом стащил себя с койки, готовясь выйти с другими заключенными в коридор и встать в ряд, чтобы отправиться в столовую. Но оказалось, что время приема пищи еще не пришло.

Охранник, открывший дверь его камеры, оказался тем же самым, который приходил к нему незадолго до ланча, сказав, что его брат хотел с ним увидеться.

— К вам пришел еще один посетитель.

— Я же сказал, если это Лейн Болдвейн, то я не намерен с ним встречаться.

— Это не он.

Эдвард замолчал, выжидая, когда ему назовут имя посетителя.

— И как его...?

— Это женщина.

— Хорошо, с ней тоже нет. — Он опустил обратно на койку. — Я не хочу видеться с Шелби Лэндис.

— Дело в том, что я получил указания по телефону от моего руководства. И он отчетливо дал мне понять, что я обязан вас препроводить к ней. Или мне придется объясняться перед ним, почему я не смог этого сделать. И если я, на самом деле, не смогу вас к ней доставить, мое руководство поставит меня на не очень хорошую смену до конца этого месяца...

— Это не законно, ты же знаешь. Давление начальства на работе расценивается, как использование служебного положения в своих личных интересах...

— ...но у меня появилась новая девушка, и мне необходимы выходные. Так что извини, парень, вам придется пойти со мной.

— И кто твой начальник? — спросил Эдвард, хотя и так уже знал.

— Шериф Рэмси.

— Конечно, я даже не сомневался. — Эдвард прикрыл глаза. — Послушай, на самом деле, совершенно не нужно...

— Давай, я отведу вас в комнату для свиданий, хотя бы на пять минут. Потому что шериф Рэмси позвонит, чтобы удостовериться, что вы пошли на встречу.

— Постой, дай-ка угадаю, ты даже готов перебросить меня через плечо и вытащить отсюда, если возникнет такая необходимость?

— Да. — По крайней мере, парень был честен с ним и похоже искренне огорчен происходящем. — Простите, но я обязан выполнять приказы руководства.

Эдвард встал и подумал о двух вещах: первое, что родители беспрерывно говорили своим детям давнишнюю фразу: «Если кто-то скажет прыгнуть тебе с моста, ты сделаешь»

это?» и второе, что, в принципе, он задолжал шерифу Рэмси свою жизнь, но этот долг почему-то стал растягиваться со всей этой херней с посетителями.

Почему они не могли просто вынести окончательный приговор и, в конце концов, увезти его из штата?

За исключением того, что очевидно же, что поезд не собирался давать по тормозам. Итак, на данный момент был он и подчиненный Рэмси, который был помещан на новой девушке, но никто не считался с его потребностями — разрешить ему оставить жизнь на плахе, а не проходить один и тот же путь, который Эдвард уже прошел вчерашней ночью.

Когда его впустили в комнату для допросов, он сел на тот же стул, что и ранее.

Должно быть, это Шелби попытается его еще раз уговорить. Что же получается, что она с Рэмси стала лучшими друзьями, так что ли? Ради кого еще, кроме нее, этот парень мог зайти так далеко?

У Эдварда не было других мыслей.

На этот раз, он будет жестче с этой молодой женщиной. Он готов был согласиться на телефонный звонок или два в неделю, но поскольку она так упорно уклонялась от своих обязанностей на ферме, проезжая весь этот путь в город, к нему в тюрьму, пытаясь докопаться до него? Это было основанием для увольнения...

Он все понял по запаху духов.

Когда дверь комнаты для свиданий открылась, он закрыл глаза и глубоко вздохнул. Улавливая аромат *Картье*.

А потом раздался легкий едва различимый цокот дорогих туфель на каблуках по полу.

А затем последовал низкий, очень хорошо поставленный женский голос:

— Спасибо.

Охранник заикаясь произнес что-то необычное для человека в форме, адресованное Саттон Смайту. А потом дверь закрылась и ее заперли.

По звукам шпилек по полу и шуршанию одежды, Эдвард понял, что она села напротив него.

— Ты не хочешь поднять на меня глаза? — мягко спросила Саттон.

Его сердце стучало как безумное, он почувствовал, как стало пылать его лицо. И единственная причина, по которой он открыл глаза — ему не хотелось казаться перед ней таким слабаком, каким он себя чувствовал.

Иногда гордость была единственным мечом и щитом для этого бедняги.

О... дорогой Бог.

Красный костюм от Армани. Кремовая блузка. Волосы брюнетки, собранные вверх. Ногти окрашены в красный цвет, как и костюм. Нить жемчуга на шею, на лице немного макияжа, только лишь, чтобы придать цвет коже. И все же ничего этого Эдвард толком не разглядел.

Он был слишком занят тем, чтобы подальше отодвинуться задницей со стулом, хотя он был повернут болтами к полу.

Боже, она по-прежнему носила его серьги, те рубиновые, которые он купил у Van Cleef & Arpels. И когда он сосредоточил свое внимание на них, ее кончики пальцев дотронулись до одной.

— Я прямо с работы, — произнесла она. Как будто это что-то объяснило. — Я решила заглянуть к тебе.

Его мысли крутились в одном лишь направлении — она носила его подарок, хотя не

собиралась с ним видетсья.

Эдвард откашлялся.

— Как дела? Растешь в своей новой должности в качестве генерального директора?

— Очень. — Ее глаза сузились. — Мы будем вести вежливую беседу?

— Ты только что начала управлять многомиллиардной корпорацией. Это не вежливая беседа.

— А тебя арестовали за убийство.

— Мне кажется, что у нас двоих жизнь несколько изменилась. Уверен, что твои изменения происходят с лучшей зарплатой и едой.

— Черт возьми, Эдвард.

Он замолчал и попытался проигнорировать блеск в ее глазах.

Через минуту он сказал:

— Прости.

— За что? Что ты не предоставил мне выбора прямо перед тем, как сел в тюрьму? Или за убийство своего отца?

— Саттон, ты не должна сталкиваться с таким, — начал он отвечать, — в своей жизни. Я знал, что попаду сюда. Что ты ожидаешь от меня услышать?

Она наклонилась вперед.

— Я ожидала, что ты не лишишь меня *моего выбора*. Так поступают взрослые люди с другими взрослыми людьми.

— Ты новый глава корпорации «Ликеро-водочные заводы Саттон», которой всю свою жизнь руководил твой любимый отец. Тем, кем ты стала сейчас, сейчас ты более чем когда-либо должна следить за своим окружением, и ты знаешь, что...

— Хватит, — она немного повысила голос. — Хватит пытаться скрывать, что ты струсил.

— Ты пришла сюда, чтобы спорить со мной? Потому что я не верю, что твоя повестка дня подразумевает посещение тюрьмы.

— Нет, я пришла сюда, потому что твой брат попросил меня увидеться с тобой, и еще потому что Лэйн достаточно умен, поняв, что если не подключить к этому вопросу Рэмси, ты тоже откажешься со мной встречаться.

Эдвард скрестил руки на груди.

— Лейну уже давно стоит оставить все так, как есть.

— Мисс Аврора спрашивала о тебе. В больнице.

Теперь Эдвард внимательно смотрел на нее, прищурившись.

— Она пришла в себя? Последнее, что я слышал, она плохо себя чувствует.

— Очевидно пришла, потому что она снова и снова требует тебя к себе.

— Я удивлен, что не Лейна.

— Я думаю, он тоже несказанно удивлен. — Наступила пауза. — У тебя есть предположения, почему она вдруг почувствовала необходимость увидеться именно с тобой прямо перед смертью?

Эдварду стало тяжело дышать, однако он не показывал этого.

Он медленно отрицательно покачал головой, сделав все, чтобы не показывать своего волнения.

— Нет. Без понятия.

Саттон сидела напротив Эдварда, и внутренне разрывалась перед выбором. Ей хотелось выяснить все по поводу их отношений (или, черт возьми, что это было между ними?), но вопрос сейчас стоял более важный и более значимый. Когда ей Лейн позвонил из больницы, она поняла, что он был раздражен и шокирован одновременно, судя по тому, что он ей рассказал с шокирующей откровенностью, она поняла, почему он был так расстроен.

И, конечно, она сама вызвалась посетить Эдварда.

Она не лелеяла в себе мысль, что сможет оказать волшебное влияние на человека, хотя Лейн думал, что только она и сможет. Эдвард Болдвейн всегда шел своим путем, и она была бы полной дурочкой, если бы вдруг предположила, что сможет до него достучаться.

Но она обязана была попробовать.

— Совсем никаких предположений? — подсказала она ему. — Ты не представляешь, почему с губ мисс Авроры слетело твое имя?

— Может, она беспокоится о Лэйне и хочет, чтобы я ему помог. Я не знаю. Спроси ее.

— Ты знаешь, что на ферме Red&Black имеются камеры наружного наблюдения?

— С чего вдруг мы стали говорить о моей ферме? Я думал, дело касается мисс Авроры.

— Камеры. — Она подняла палец и указала на потолок. — Под крышами конюшен?

— Мне кажется, что мое время закончилось, я должен идти...

— Сядь, — она подскочила, как только он стал подниматься на ноги.

Брови Эдварда приподнялись. И видно на ее лице отразилась такая решимость, что он медленно опустился назад на металлический стул.

«Хороший ход с его стороны», — подумала она, потому что она была готова бороться с ним, если придется.

— Ты не покидал ферму в ночь убийства, — объявила она. — Не отрицай. На камерах нет ничего, ты и никто другой не покидали территории... и ты не использовал грузовик, ни ты, ни кто другой, хотя ты сказал обратное, но кадров на пленки нет.

— Ты делаешь одолжение моему брату, не так ли? Скажи ему пусть остановится на теории.

— Лиззи нашла нож в квартире мисс Авроры этим утром.

— Она шеф-повар. И как известно, шеф-повара пользуются...

— В полиэтиленовом пакете. За фотографией в рамке Лейна.

Эдвард положил руки на стол и подтолкнул себя вверх.

— Я ухожу. Путь у тебя в жизни будет все хорошо, Саттон... и я желаю тебе именно то, что сказал.

Саттон позволила ему подняться и похромать к двери, даже разрешила ему постучать в дверь. Но почему-то никто не появился.

— Охрана, — позвал он.

— Они не ответят тебе, — сказала она, не оборачиваясь.

— Почему?

— Потому что я попросила их этого не делать.

Он стал громче стучать.

— Охрана!

— Расскажи мне о ноже, Эдвард. Ты что-то знаешь. Ты защищаешь кого-то? Я

прекрасно тебя понимаю, это как раз в твоей природе. Но вот в чем дело, Лейн не отступит, пока ты не выйдешь на свободу, и я тоже.

— Что, черт возьми, с вами не так, люди?! — Он развернулся и вернулся к столу. Будет хорошо Вы живете полноценной жизнью! У вас есть компании, перед которыми вы имеете обязательства... какого черта вы оба...

Она вскочила и встретила с ним лицом к лицу.

— Потому что мы любим тебя! И когда человек, которого ты любишь делает что-то не так, ты хочешь остановить его!

Ярость у Эдварда затмила глаза почти чернотой, вены на шеи вздулись.

— Ты даже не член моей семьи... ты не считаешь? Занимайся своими делами!

«О, нет, даже не думай, — подумала Саттон. — Я не куплюсь на грубость и не позволю сменить тему».

— Это мисс Аврора убила Уильяма Болдвейна?

Спросила она совершенно спокойно, хотя вопрос был, однозначно, глупым. В конце концов, именно за такого рода информацией она и пришла, и поэтому сосредоточилась только на этом, теперь уж после его вспышки гнева, ничто не могло сбить ее с пути. В этом и была ее лучшая черта характера.

— Конечно, нет, — сказал Эдвард, начав расхаживать по комнате, волоча больную ногу. — Как, черт возьми, ты можешь предложить что-то подобное?

— А как же нож на полке?

— Не знаю. Почему ты спрашиваешь меня об этом?

— Тебе не приходило в голову, если этот нож будет передан полиции на нем могут обнаружить кровь твоего отца?

Это заставило Эдварда остановиться. А потом Эдвард снова заговорил, но прошло уже прилично времени.

— На самом деле, я, действительно, неважно себя чувствую и чертовски устал говорить всем, чтобы оставили это дело в покое.

— Поэтому перестань сопротивляться, — сказала Саттон

— Мисс Аврора умирает. Дай ей уйти с миром, Саттон.

— Тебе не кажется, что она тоже хочет уйти со спокойной совестью? Иначе зачем женщине, лежащей в реанимации, впадать в панику и призывать тебя к себе? Ты не думаешь, что ее совесть — единственное, что удерживает ее на земле?

«Ну давай же, — подумала Саттон. — Поговори со мной...»

Но она готова была поспорить, потому что слишком хорошо его знала — Эдвард наоборот замкнется и больше не произнесет ни слова.

— Мисс Аврора любит тебя, как сына, — не сдавалась она. — Ты настолько для нее бесценен. Она не сможет упокоиться с миром, если узнает, что ты лжешь, чтобы ее защитить.

Эдвард пробормотал что-то себе под нос.

— Что ты сказал? — спросила Саттон.

— Я беспокоюсь не о ней.

Эдвард поймал себя на мысли, что услышал свои слова, как бы со стороны, и ему захотелось засунуть эти слова назад к себе в глотку.

— Что ты сказал?! — опять спросила Саттон.

Он все так прекрасно просчитал. Все игроки были поделены на уровни действий и

общения, никак не пересекаясь между собой. Найти концов было невозможно.

Но, как и настоящие убийцы, он пропустил одну маленькую деталь. Хотя он был осторожен, делая все, чтобы полиция обнаружила его след, когда он стер записи с камер безопасности в Истерли, он совсем забыл про такое же круглосуточное наблюдение, ведущееся у него на ферме Red & Black, которое может оказаться проблемой.

Черт.

Что еще он упустил? А что если мисс Аврора очнется и окончательно придет в себя?

Подойдя к стулу, он опустил и стал барабанить пальцами по столу.

— Саттон...

Она отрицательно покачала головой.

— Нет. Тебе не удастся, очаровав меня, выйти из этой ситуации. Я сильно разозлилась на твою выходку. Так что твой очаровательный и вежливый тон ничего тебе даст.

Он чуть не улыбнулся. Она изучила его слишком хорошо: если гнев не срабатывал, он пробовал, очаровывая уговаривать. Если уговоры не помогали, отвлекал другими способами.

Естественно, ему пришел в голову поцелуй, но он также прекрасно знал, когда она в таком состоянии, лучше даже не стоит и пытаться. Она поставила перед собой задачу — разбить его чертову оборону и вывести его на чистую воду.

— Ну? — подсказала она. — Что ты хочешь мне сказать, перед тем, как мы закончим?

— Не многое. Учитывая, что ты исключила меня из числа подозреваемых.

— Потому что ты пытался скормить мне очередную ложь. — Саттон покачала головой. — И чтобы ты знал, Лэйн пойдет в полицию после нашего разговора. Он сейчас едет в Истерли, чтобы забрать нож и сдать его полиции. И знаешь, каков его будет следующий шаг?

— Мне все равно.

— Он обратится к прессе. И скажет им, чтобы они...

— Вот тогда он и скормит им ложь. — Почему, черт возьми, его голос звучал совсем не уверенно? — Выставив себя полностью чертовым идиотом.

— ...оказали давление на окружного прокурора. И до того, как он покинул больницу..? — Эдвард выглядел так, словно она нависала над ним и давила, как пресс. — Он сказал мисс Авроре, что ты признался во всем и сидишь в тюрьме.

Эдвард прикрыл глаза.

Но Саттон продолжила:

— Хочешь узнать, каков был ее ответ?

— Нет.

— Она начала плакать... и сказала, что это сделала она, а ты ее покрываешь. Так что да, теперь мы в курсе дела. — Саттон подошла к двери и стукнула всего один раз. — Охрана?

Дверь тут же распахнулась, Саттон уже стала выходить, остановившись в проеме.

— Я думаю, ты выйдешь отсюда через два дня. Максимум три. И если ты захочешь мне доказать, что ты не трус, то выступишь со мной и извинишься за то, что прогнал меня тогда из своей жизни навсегда.

— Ну и что тогда? — с горечью спросил он. — Долго и счастливо?! Я не подхожу для тебя в качестве романтического героя.

— О, нет, я думала о первобытном сексе с тобой. Пока я не смогу прямо ходить, вот о чем. Пока, Эдвард.

Также, как и охранник, приведший ее сюда, Эдвард чуть не скончался от ее

сексуального голоса и картинок, которые замелькали у него перед глазами, когда она просто-произнесла-эти-слова. Саттон вышла с гордо поднятой головой, расправив плечи, и шлейфом французских духов.

Да, эта женщина знала, как эффектно уйти.

Ему несказанно повезло.

А что касается бардака с мисс Авророй? Единственное, что он мог предпринять — это молиться, чтобы все перестали говорить всякую чушь, а полиция осталась верна своему первоначальному выводу.

Потому что Лэйн, однозначно, не верил в мысль, что его мама может оказаться убийцей.

Это могло просто убить Лейна наповал.

Самуэль Ти. не предполагал так рано покинуть свой кабинет. Он планировал работать до десяти или одиннадцати вечера, а затем побуксовать в двух кварталах от пентхауса, прежде чем рухнуть в кровать. Неделю или около того он целыми днями пропадал в суде, у него накопились дела, ему предстояло составить счета и было полно другой бумажной работы, но несмотря на свою занятость о Джин он постоянно думал в режиме нон-стоп.

И все это означало, что ему необходимо было отвлечься.

И он планировал все, как обычно, однако, женщина удивила его, изменив его планы: позвонила ему сама. Заявив, что он нужен ей.

Отлично, теперь она разговаривала с ним, как с Йода.

Поэтому после шести часов вечера он ехал к себе на ферму мимо аллеи из деревьев, которые были посажены еще его прадедом. Благодаря открытому верху Jag, он опустил голову на подголовник и взглянул на небо, виднеющееся через ярко-зеленую листву, деревья, как флаги приветствовали его прибытие, махая своими ветками по случаю постоянной теплой погоды.

«Какого черта, еще натворил Пффорд? — задавался он вопросом. — Если он что-то совершил, мне потребуется пистолет».

Подъехав к своему фермерскому дому, первая мысль, как только он увидел «Мерседес» Джин, на котором она отвозила дочь в школу, была, что она гнала во весь опор и даже во время дождя. Мертвые жучки облепили переднюю решетку и лобовое стекло, дорожная пыль осела на капот и на бока у колес в виде аэродинамических разводов.

Она проехала весь путь? Он точно не мог сказать, где находится «Хотчкисс» (поскольку был южанином, и все школы Новой Англии ему казались одинаковыми), но в чем он был уверен наверняка, что Коннектикут находится за тысячу миль от сюда.

Можно конечно проехать туда и обратно за полтора дня, при одном условии... если не будешь останавливаться.

Сняв свои Рэй-Баны, он оставил их на приборной панели и вышел из машины, в одной руке держа старый портфель своего прадеда, в другой — кружку-термос из нержавеющей стали, которую брал с собой на работу.

Бессонница. Чем еще можно себя взбодрить, кроме кофеина в дневное время, чтобы прогнать одолевающий сон?

Идя по дорожке из гравия, он прошел под большим кленом, затем поднялся по пяти ступенькам длинной террасы, выходящий на его владения за домом.

Он остановился как вкопанный, увидев Джин, свернувшуюся калачиком на мягком диванчике. Дорогой Господь, она была в той же одежде, когда он высадил ее у Истерли, после того, как они... занимались кое-чем в его пентхаусе. Что, черт возьми, случилось?

Как будто почувствовав его присутствие, она зашевелилась, вытянулась, но видно слишком устала, поэтому даже не смогла открыть глаза, только вздохнула расслаблено и снова погрузилась в сон.

Самуэль Ти. тихо постоял около нее, потом оставил свой старый портфель и кружку-термос у дверей экрана и вошел в свой фермерский дом. У него возникла совершенно глупая мысль — накинуть на нее одеяло, но на улице было восемьдесят по Фарингейту, и через несколько минут заходящее солнце будет опускаться за крышу террасы и окутает ее своим

теплом.

На кухне он обнаружил записки от своего менеджера, начиная от: чем он может поужинать и кончая телефонными звонками, на которые она ответила, включая сообщение, что парни придут отремонтировать его крышу в следующий вторник. Так же он обратил внимание на почту в углу и большой подписанный от руки крафтовый конверт, который он даже не собирался открывать.

Он хотел принять душ. А также хотел перенести Джин на кровать.

Он хотел узнать, почему она позвонила ему, предложив встретиться здесь после того, как столько часов вела машину. Особенно учитывая то, что голос ее звучал не как обычно.

Освободив галстук-бабочку, Сэмуэль Ти. вытащил красно-золотую полоску шелка из-под воротника, а затем сбросил пиджак от костюма. Он также снял обувь и носки. Затем схватил два хрустальных стакана, наполнил их льдом, под руку засунув бутылку Family Reserve.

Выйдя на террасу, он сел в плетеное кресло рядом с ней и начал наливать бурбон.

Словно уловив запах семейного продукта, она открыла глаза и резко подскочила вверх.

— О... Ты здесь.

— И ты снова в Чарлмонте. — Он налил ей выпить и попытался вести себя так, будто не был встревожен. — Где находится эта школа? Коннектикут? Я не думал, что ты сможешь управиться за полтора дня.

— Восемьсот миль. Можно проехать, если не спать и не есть.

— Не самый безопасный способ, на мой взгляд, управление автомобилем.

— Я была в полном порядке.

— Почему такая спешка?

Джин устала на свой бурбон и подвинула пальцем кубики льда.

— Я хотела побыстрее увидеть тебя.

— Твоя глубокая привязанная удивляет.

— Мне нужно поговорить с тобой, Самюэль.

Самюэль Ти. нахмурился и облокотился на спинку кресла, раздался скрип сплетенных прутьев под весом его тела.

— О чем?

Как юрист, работавший над судебными разбирательствами, он привык считывать изменения в выражении лица и делать определенные выводы, как например, подергивание бровей или уголок рта может показать, что человек лжет... или говорит правду. Но когда дело касалось Джин, его навыки не срабатывали из-за его собственных зашкаливающих эмоций.

И он был серьезно обеспокоен на этот счет. Если бы она осталась с Пфордом, у него было четкое ощущение, что в скором времени она не только пожалела бы об этом, но и подвергнет себя опасности. И хотя это его убивало, что он вынужден был находиться в стороне, когда Джин по-настоящему страдала, но... Джин Болдвейн была хорошо известна своим выбором, введившем ее в еще больший хаос, который даже невозможно себе представить, а не наоборот.

Она села и пригладила персиковое платье. Как правило, этот цвет фантастически смотрелся на ней-то, но опять же, что сейчас происходит? Сейчас она казалась такой же измученной и вымотанной, как и ее «Мерседес», припаркованный перед его домом, ее кожа была слишком бледной, губы превратились в плотную линию, говорившую, что она

расстроена и пытается это скрыть.

— Это нелегко для меня. — Она закрыла глаза. — О Боже, Самюэль, пожалуйста, не испытывай ко мне ненависти.

— Ну, я пытался этого не делать раньше и не буду делать и сейчас.

— Сейчас совсем другое.

— Послушай, если ты хочешь аннулировать брак, я могу помочь тебе и не буду тебя осуждать... я говорил тебе это и раньше. — Он думал о том, чтобы она наконец решилась и сказала, что безумно любит его, но он не достоин, как и всегда, она говорила, потому что предполагал, что это всего лишь еще одна игра с ее стороны. — И я не буду для тебя тем добровольцем, который собирается заменить Пфорда, если ты ищешь только очередной банковский счет. Но если ты хочешь большего? Посмотрим...

— Дело не в Ричарде.

Он нахмурился.

— Хорошо.

Джин ужасно нервничала, до такой степени, что едва дышала. А потом он заметил слезы, которые молча капали из ее глаз.

Самуэль Ти. подался вперед.

— Джин, что происходит?

Когда она всхлипнула и вытерла нос, он достал платок, который всегда держал в заднем кармане.

— Вот возьми.

— Спасибо. — Она отставила стакан с бурбоном в сторону и вытерла лицо.

— Я не знаю, как начать.

— Темная и бурная ночь всегда способствовала Снупи.

— Это не смешно.

— Понятно.

Она вздохнула.

— Ты помнишь... я вернулась домой, когда училась в школе, взяв академический отпуск? Я тогда была беременна, как ты знаешь.

— Да.

— И у меня родилась Амелия.

— Да.

— Помнишь, где я была за девять месяцев до того, как ее родила?

— С твоим профессором, — сухо произнес он. — Ты потрудились мне сообщить об этом. С немалой долей гордости, могу добавить.

— Амелия родилась в мае. Ты помнишь?

— Джин, просто скажи мне, что...

— Она родилась в мае. — Она подняла на него глаза. — А девять месяцев назад ты помнишь, где я была? Это был сентябрь.

Он махнул свободной рукой.

— Что ты ходишь вокруг да около? Я понятия не имею, что ты делала...

— Хорошо, — резко произнесла она. — Тогда, где ты был в сентябре?

— О, конечно, я запросто могу вспомнить, где я был в сентябре пятнадцать лет...

— Шестнадцать. Шестнадцать лет назад.

И тут словно у него в голове прозвенел колокол, заглушив все мысли, но открыв

воспоминания. Шестнадцать лет назад. Сентябрь. Это было прямо перед тем, как они должны были вернуться в школу...

...они встретились в Бора-Бора.

Они, как всегда ругались, воевали друг с другом. И занимались сексом. И пили. И опять занимались сексом. И загорали. И опять трахались.

Самюэль Ти. сглотнул, хотя во рту пересохло.

— О чем, черт побери, ты говоришь?

Хотя он уже знал. Он вдруг все понял.

— Пожалуйста, не чувствуй ко мне ненависти, — хрипло прошептала она. — Я была молода и очень испугана. Я не знала, что делать...

Самюэль Ти. так быстро вскочил на ноги, что бурбон вылился ему на руку.

— Скажи мне. — Он повысил голос. — Скажи!

— Амелия от тебя. Она твоя дочь.

Он схватился за ворот рубашки, хотя тот уже был раскрыт. А потом на него нахлынула ярость, сильная и быстрая.

— Ты, гребаная сука.

После разговора с Саттон, Лейн вернулся в Истерли, оставив Лиззи с мисс Авророй и врачами. Он припарковал роллс в глубине гаража, а затем направился к кухне, чтобы войти в особняк... попытался войти.

Он потянулся к двери за сеткой, но она была заперта.

Это было очень странно. Все годы в Истерли можно было вой в любое время через любую дверь. Но опять же тогда в доме находилось много прислуги, поэтому никого не заботило во сколько ты вернулся домой. А теперь? Джефф был на работе, его мать лежала наверху с заботливой двенадцатичасовой медсестры. Двери стоило закрывать.

К счастью, на связке с ключом от «Фантома» висел и ключ от дома.

Петли на сетке заскрипели, когда он подпер дверь бедром, чтобы открыть, но ему удалось сдвинуть заклинившую дверь, и очутившись внутри он сделал глубокий вдох специфического запаха кухни мисс Авроры: лимонов, сдобы и чего-то терпкого.

Его мама готовила и убирала в этом помещении столько лет, что он решил, что здесь всегда будет так пахнуть. По крайней мере, он надеялся.

Он напрямик направился к ее квартире и замер, когда вошел. Увидев пару кресел, которые были для него, как удар в грудь. Казалось, две секунды назад он только что приехал сюда с Манхэттена, и она приготовила ему его любимое блюдо. И он готов был убить, чтобы еще раз посидеть с ней бок о бок, вытянув ноги, с тарелками, водруженными на складные столики, которые убирались после трапезы, и телевизором, бубнящим в углу.

«Но такого больше не будет», — с грустью подумал он.

Ему предстояло действовать, поэтому он достаточно легко отыскал глазами свою выпускную фотографию с Джеффом Вирджинии, нож был точно таким же, как его описала Лиззи: чистым и упакованным в полиэтиленовый пакет.

Непонятно, хотя он отдавал себе полный отчет, но его сердце глухо стучало в груди.

«Мисс Аврора, что ты наделала?» — задался он вопросом.

Закрыв позади себя дверь, он подошел в кухне к держателю ножей Wüsthof рядом с плитой.

Да, именно его и не хватало.

Переворачивая лезвие в пакете, он взглянул в окна, выходящие на гараж и задний двор.

Красный «Мерседес» мисс Авроры был припаркован передом к бизнес-центру, именно так, как он и стоял с тех пор, когда Лейн вернулся домой. И глядя на него, у Лейна скрутило живот, он вернулся в комнаты мисс Авроры и взял ключи от машины. Прежде чем снова выйти на улицу, он отыскал пару латексных перчаток под раковиной и натянул их.

Ему показался весьма кстати раскат вдальеке грома, когда он шел к машине мисс Авроры, поэтому посмотрел на небо. Темные грозовые облака двигались со стороны Индианы и вот-вот вызвали бы перемену погоды в Чарлмонте.

Он открыл все двери седана, вынул телефон и посветил вспышкой на пол вокруг сидений, под подлокотниками. Он ничего не нашел, но это было всего лишь намеренное оттягивание всего дерьма. Когда он все просмотрел в машине, он отступил и направился к багажнику.

Прежде чем заглянуть внутрь, он обошел автомобиль, выискивая вмятины и царапины. Потом проверил колеса. Никакой грязи на протекторах и дисках.

Как будто машину хорошенько помыли.

Силой воли заставив себя, он подошел к задней части машины и медленно открыл крышку багажника. Он не знал, что ищет... Возможно листья или ветки, пятна крови, веревку, связанную узлами. Частички одежды отца.

Ничего не было.

Звук шин о гальку донесся сзади. Подъезжала полицейская машина без опознавательных знаков с тонированными стеклами, он проверил часы. Неплохо.

Показался детектив Мерримак, и впервые он не расплылся в своей улыбке.

— Что вы делаете?

— Осматриваю машину.

— Здесь могут иметься доказательства убийства.

— Я в перчатках.

Мерримак подошел к нему и стал закрывать двери, накрыв руку платком, который вынул из кармана ветровки.

— Когда приедет команда экспертов? — спросил Лейн.

— Они уже в пути. — Мерримак посмотрел на камеры, установленные на бизнес-центре. — Где нож?

— На кухне. — Лейн стянул свои перчатки. — Проходите.

— Я могу взять ключи от этой машины... до которых вы дотрагивались?

— Простите, — хотя Лейн совершенно не выглядел огорченным. — Вот возьмите.

Они вошли внутрь, Мерримак завернул ключи в бандану и спрятал их в кармане ветровки.

— Вы дотрагивались до ножа? — спросил детектив.

— Я не вынимал его из целофана, поэтому нет.

На кухонной столешнице Мерримак осмотрел лезвие, стараясь не брать в руки.

— Вы можете показать мне, где его нашли?

— В ее личных покоях. За фотографией.

Лейн подошел к двери и взглянул через плечо.

— Вы понимаете, что я открывал и закрывал эту дверь?

— Конечно, понимаю.

Войдя внутрь, он указал на фотографию, сняв ее с полки, появилось открытое отверстие среди книг. — Здесь. Лиззи нашла его здесь.

— Сегодня утром, верно? — Мерримак подошел ближе и нагнулся к полкам. — Здесь она его нашла?

— Да.

— А зачем она сюда заходила? Что делала ваша невеста в квартире мисс Авроры?

Мерримак прошелся, сжав руки за спиной, осматривая все подряд. И Лэйну очень хотелось вытолкнуть парня из личных покоев мисс Авроры. Она точно бы возненавидела этого незнакомца с его подозрительным взглядом и судейским осуждением, веющим от него.

— Я же говорил. Она хотела принести кое-какие фотографии в больницу.

— Женщине, которая находится в коме?

Лейн сузил глаза.

— Она вполне пришла в себя и даже сегодня стала разговаривать. Лиззи подумала, что ей бы не помешало увидеть рядом с собой фотографии людей, которых ее любят.

— Насколько я понимаю, она очень больна.

— Тогда не совсем понимаю, что вы здесь делаете?

Мерримак просунул голову в спальню мисс Авроры.

— Я просто думаю, что это немного странно, все странно.

— Что именно? — Помогите ему Господь, Лэйну захотелось схватить одну из железных сковородок мисс Авроры и двинуть парню по голове. — Что странно?

Мерримаку, как всегда потребовалось больше времени, чтобы ответить. Он всегда не торопился. Но в данной ситуации он совсем отклонился от вопроса.

— До меня дошли слухи из тюрьмы, что ваш брат Эдвард отказался с вами встречаться сегодня утром.

— Это так.

Детектив добрал до кресла и стал вглядываться в окно, словно собирался там увидеть что-то необычное.

— Вы знаете, что его совсем недавно посещал психиатр?

— Нет. — Наступила пауза, и Лейн встал перед детективом, как только тот развернулся и пошел к нему. — Я уже устал от этого.

— Ваш брат пытался вскрыть вены на запястье самодельным тюремным ножом пару ночей назад. — Лейн онемел от его слов, хотя и понимал, что Мерримак сверлит его своим взглядом, как прожектор. — Вы этого не знали?

— Нет.

— Вы уверены?

«Эдвард пытался покончить с собой?» — мелькнула у Лейна мысль.

— Я понимаю, что ваша семья очень близка с шерифом Рэмси, — продолжил Мерримак. — Давно вы просили его помочь. Например, я знаю, что вы интересовались можно ли с ним связаться сегодня утром, пытаясь встретиться с Эдвардом. Приятно, что вы нашли в шерифе такой источник поддержки.

— Рэмси не говорил мне об Эдварде.

— Конечно, нет.

— Он мне не сказал! Может вы хотите позвонить Рэмси и услышать от него это лично? Потому что я гарантирую, что он скажет то же самое. Он мне не звонил.

— Я уже говорил с ним.

— Тогда, какого хрена, мы говорим об этом?

Мерримак понизил голос.

— Вы не кажется, что все слишком подозрительно — ваш брат пытается покончить с собой, у вас имеются связи с тем самым отделом, под юрисдикцией которого входит тюрьма, и не более чем дня или двух вы начинаете одолевать меня своими версиями, что ваш брат не совершал убийства... даже пытаетесь мне предоставить некоторые доказательства? Например, запись камер, на которой ничего существенного нет, нож в пакете, машина, которую вы сами только что осмотрели.

— Я здесь ни с чем не притворяюсь и не подтасовываю. Мой брат не убивал его... моего отца.

— Конечно, вы действуете намного лучше... чтобы вытащить его, и делая все, чтобы я поверил, будто совершила все женщина, находящаяся сейчас при смерти. Довольно эффективный способ выдворить своего брата из тюрьмы. И ее не посадят, поскольку она уже при смерти, поэтому не сможет пойти под суд или в тюрьму, не так ли?

Лэйн подумал сначала должным образом, не стесняясь в выражениях ответить, но потом решил, что лучше пусть все увидит сам, нежели он будет что-то доказывать.

— Ваши эксперты-криминалисты найдут то, что нужно.

— Обязательно найдут. Но вы должны знать, что подделка улики — очень серьезное преступление, мистер Болдвейн.

— Я ни черта не трогал там.

— Вы просто рыскали вокруг машины, хотя сказали мне, что я должен найти в ней улики, помните?

— Почему вы с таким упорством обвиняете Эдварда? Дайте угадаю, вы ненавидите богатых, так? Поэтому соответственно лично меня и всю мою семью.

Детектив демонстративно оглянулся по сторонам, рассматривая интерьер.

— Мы же не в хижине находимся, правда ведь?

— Ваша работа — найти правду.

Мерримак вышел за дверь квартиры мисс Аврора.

— Вам не нужно напоминать мне о моих обязанностях.

— Я уже не уверен в этом.

Лэйн также последовал за детективом, который достал катушку полицейской ленты из кармана своей ветровки.

— Не заходите сюда по какой-либо причине. Или в машину. И если выяснится, чтобы вы не нарушили эти правила, я очень легко превращу весь этот дом вместе с прилегающими постройками в место преступления. Почему бы вам не вернуться в больницу, пока мы будем работать. Если мисс Аврора снова придет в себя, я хотел бы с ней поговорить.

На пару секунд Лэйн захотел уже запротестовать, что его выгоняют из его собственного дома. Но потом просто кивнул и вышел.

Спор с Мерримаком все равно ничего не даст.

Кроме, что он еще больше разозлится, чем итак был уже зол.

Восемьсот миль.

Ну, если уж быть точным, то восемьсот двадцать семь, такой пробег показывал компьютер «Мерседеса».

Джин, чувствуя накаляющийся гнев Самюэля Ти., подумала, как было глупо с ее стороны, подготавливать себя к его реакции. Всю ночь ведя машину, она прокручивала различные варианты его реакции к открывшейся ситуации, которые были далеки от реальной ярости, кипевшей в нем.

— Ты издеваешься надо мной? — вскричал он.

Она даже не попыталась ответить. Он вскочил, шлепая босыми ногами по доскам террасы, руки уперев в бедра, опустив голову, видно, пытаясь себя контролировать и проигрывая битву.

В конце концов, он остановился перед ней.

— Откуда ты знаешь, что она мой ребенок?

— Амелия, — резко поправила она его, — однозначно твоя. Нет никаких сомнений.

— Ты сказала тогда, что принимала таблетки.

— Принимала. Но у меня был синусит. Я принимала пенициллин во время отпуска. Это видно и вызвало сбой в приеме таблеток. Я не знала, Самюэль Ти. Я не знала.

Он опять стал расхаживать и его расстояние становилось все длиннее и длиннее, пока он не стал шагать от начала и до конца террасы.

— Я была еще ребенком, Самюэль.

— Ты так говоришь, будто это моя вина. Я всего лишь был на два года старше тебя. — Он покачал головой. — Какого черта ты придумала историю о профессоре тогда? Почему ты врала мне?

— Потому что в выходные, когда мы вернулись домой, ты связался с той девушкой Синтией.

— Что?

— Ой, вот только не надо притворяться дураком. — Она почувствовала, как в ней тоже просыпается раздражение. — Ты однозначно знаешь, о ком я говорю. Мы стали ругаться еще по дороге домой в самолете. И чтобы отплатить мне должок, ты на следующей неделе поехал с Синтией в Аспен. Ты выбрал ее только лишь потому, что точно знал — она все расскажет мне.

Он взмахнул рукой в воздухе, словно пытался все стереть.

— Я не помню...

— Ерунда! Ты именно так все и сделал! Так что да, — она тоже поднялась на ноги, — я тогда придумала эту историю о профессоре.

— Благодаря тебе его уволили из университета!

— Его уволили, потому что он спал с тремя своими ученицами!

— Но ты наврала о нем и тебе все равно! Тебя никогда ничего не волновало, кроме себя, мать твою! Ты используешь людей, даже не задумываясь, как твои действия могут повлиять на их жизнь...

— Точно! А что насчет тебя? Ты совсем не лучше, даже еще ужасней. Мне пришлось утешать Синтию после того, как вы вернулись, и ты отказывался отвечать на ее звонки. Ты

делаешь тоже самое, ты спишь с женщинами, хотя тебе, черт побери, совершенно плевать на них, а потом бросаешь, оставляя в подвешенном состоянии, потому что не дай Бог, если кто-то тебе понравится. И идешь к следующей. Не притворяйся, что это не так, именно так ты идешь по жизни.

Должно быть, она ударила его прямо в точку, потому что Самюэль Ти. не сразу нашелся, что ответить.

Хотя он не долго молчал.

— Ты самая эгоцентричная женщина, которую я когда-либо встречал. Ты избалована, у тебя есть титул и ты имела средства, поэтому должна была сделать аборт, чтобы исправить эту ошибку, этого бедного ребенка, когда был шанс...

Ее ладонь взлетела в воздух, она еще даже не успела осознать, что собирается ударить его, удар был настолько громким, что у нее зазвенело в ушах.

И она ткнула пальцем прямо ему в лицо.

— Амелия — это не ошибка. Она умная молодая девушка, которая имела очень дерьмовую мать и не имела отца. Ты можешь ненавидеть меня сколько хочешь, но не смей говорить, что она ошибка.

— Не имела отца, да?! И кто, бл*дь, в этом виноват? Ты хочешь вызвать у меня жалость, что она не знала своего отца, но ты сама все это сделала, Джин. Это твоя вина!

— И какая бы польза была от тебя? Ты говоришь так, словно был парнем, на которого можно положиться, и ты бы согласился вставать посреди ночи, когда она просыпалась? Ты говоришь так, словно бы перестал учиться, переехал бы в Истерли, чтобы менять памперсы? Словно бы ты справился со всеми трудностями и предоставил бы ей то, что необходимо? За время учебы в университете ты преуспел в двух вещах — выпивки и траханье. То, что ты поступил в юридическую университет произошло лишь потому, что твой отец умолял принять тебя...

— Подожди, стой, постой, ты говоришь так, словно тебя выбрали матерью года? Насколько мне известно, у тебя была нескончаемая вереница нянь первые полгода, а потом еще новые няни и новые. Что именно ты для нее сделала? Ты сама меняла памперсы? Ну, давай, ответь мне. Когда у тебя закончились памперсы, ты в переноске поместила ее на заднее сиденье роллс-ройса отца и поехала в пригород в «Таргет»? Да, Джин? И когда ты добралась туда, ты положила ее в тележку, которую стала сама толкать, одетая в платье от Шанель и в туфлях от Prada? Нет?! Я думаю, что них*я ты не делала.

В глубине у Джин появилась мысль, что они могут всю ночь препираться и ходить вокруг да около, доказывая друг друга, что нет-ты-дерьмовей-чем-я, нет-ты, нет-ТЫ. Но в конце концов, речь шла сейчас об Амелии.

— Хорошо, ты выиграл, — услышала она сама себя. — Я была ужасной безразличной матерью, которая в большей степени заботилась о себе, чем о своем ребенке. Я игнорировала Амелию и обрадовалась, когда она отправилась в подготовительную школу, потому что единственно, что мы делали, когда находились вместе, это ругались. Я была... невероятной эгоисткой. Я никак не смогу компенсировать ей те годы, и мне придется жить с этой реальностью всю оставшуюся жизнь. Амелия враждебно относится ко мне, потому что ничего хорошего от меня не видела.

Своей прямоотой и честностью она ошарашила Самюэль Ти., поэтому продолжила:

— После смерти отца я решила, что хватит. Она вернется домой, потому что хочет вернуться, и я помогу ей в этом. Я понятия не имею, что такое быть хорошей матерью, но,

черт возьми, я собираюсь дать воспользоваться этим шансом... и к этому шансу относится сказать тебе правду, вам двоим. Я хотела бы, чтобы она знала, что ты ее отец и проводила бы с тобой время, и я надеюсь, что ты согласишься на это, потому что это лучшее, что ты можешь сделать для нее.

Обхватив себя руками, она взглянула на грозовые облака, собирающиеся на горизонте.

Между ними опять воцарилось молчание, и она поняла, что была права — Самюэль Ти. никогда не простит ее. Она просто видела это по его взгляду, пока он пялился на нее, словно видел впервые и не предпринимал никаких попыток приблизиться. Она понимала, что заслужила его такое отношение и теперь ей придется как-то жить с этим из-за своего вранья.

Но чего она боялась больше всего? Того, как отреагирует Амелия. Они говорили всю дорогу до Новой Англии ни о чем и обо всем, и Джин по-настоящему оценила и узнала свою дочь. А если вдруг Амелия перестанет с ней общаться? Тогда Джин потеряет ее, только узнав.

Но и это она тоже заслужила.

— Она сдает экзамены на севере, — сказала Джин. — А потом возвращается домой. Упакует и отправит вещи, а сама прилетит самолетом.

Пока она говорила простыми, короткими предложениями, продолжая про себя молиться, чтобы Самюэль Ти. согласился встретиться со своей дочерью. Познакомился бы с ней. Возможно... через какое-то время... он смог бы ее полюбить.

После стольких лет требовать подобного от мужчины? Но это было единственным, о чем она могла его попросить. И его ответ был равносителен для Джин жизни или смерти.

Самюэль Ти. был готов продолжить спор. Он был, бл*дь, как и раньше готов продолжить кидаться друг в друга дерьмом, продолжая вспоминать свои обиды, их запутанные отношения, закручивая спираль полной силы конфликта.

Ругаться и вспоминать старые обиды было намного проще, чем иметь дело с реальностью — с ребенком.

У него был ребенок, дочь. И не только дочь, у него была дочь от Джин.

Джин родила ребенка.

Джин... и он... родили ребенка. Вместе.

И она скрывала все шестнадцать лет, что у него есть его собственная плоть и кровь.

Самюэль Ти. от очередного порыва ярости, открыл уж было рот, чтобы указать ей на еще одно ее прегрешение, но ее в упор смотревший взгляд на него, заставил остановиться. Она стояла перед ним совершенно автономно, обхватив себя руками, неподвижно, и выражение у нее на лице было отстраненным и спокойным. Словно в какой-то момент она выдернула вилку из розетки, дававшее ей силу бороться с ним, и он тоже стал успокаиваться, наблюдая за ней.

Он стал вспоминать, что знал об Амелии.

Не много. Джин не часто о ней говорила, а он, конечно, никогда не ощущал потребности интересоваться, как поживает ее дочь от другого мужчины. Амелия была достаточно умна, поэтому попала в «Хотчкисс». Это было раз.

Неожиданно перед ним всплыл образ девушки в склепе на кладбище. Она смотрела вверх на ряд табличек, читала имена своих предков, наклонив голову на бок, длинные густые темные волосы с шоколадным отливом струились вниз по лопаткам.

Самюэль Ти. отправился напрямик к бутылке с бурбоном, почувствовав смутное зарождающееся чувство паники, которое только увеличивалось, по пути он прикончил то,

что было налито у него в стакане. Он налил себе двойную порцию, потому что его прекрасное воспитание не позволяло ему запрокинуть бутылку и пить из горлышка.

Если бы у него была хоть какая-нибудь медицинская подготовка, он бы поставил себе капельницу из Family Reserve.

С бурбоном, обжигающим кишечник, он снова открыл рот. Но его остановило от очередного потока оскорблений то, что Джин сама позвонила ему. Престон/Пибоди/Прентисс названивала ему и писала, используя предлоги, наверное, она считала их оригинальными, приглашая встретиться с ее друзьями, спрашивая, когда у него день рождения, интересуясь не потерял ли он ее номер телефона.

Ну, в основном были только смс-ки, потому что он не удосуживался прослушивать голосовые сообщения.

Хотя тогда он мог бы наконец узнать ее имя.

Вдалеке послышались раскаты грома, и он точно понял, что ошибся. Сегодня вечером крыльцо не будет озаряться садящимся солнцем. Грозовые облака шли из Индианы, фиолетовые и темно-серые, обещаая пару часов разверзшийся стихии.

— Я хочу, чтобы ты ушла, — услышал он сам себя.

— Хорошо.

— Я никогда не прошу тебя за то, что ты сделала.

— Я знаю. И я тебя не виню.

Он вспоминал последние шестнадцать лет своей жизни. Да, он получил хорошее юридическое образование и начал практиковать здесь в Чарлмонте, и стал успешным адвокатом. Он переспал со сколькими женщинами? Без понятия. Больше сотни? Больше... Боже, ему не хотелось об этом думать. И сколько ночей он провел, буксуя на заплетающихся ногах, смеясь, пьяный и глупый с другими взрослыми парнями-братьями такими же, как он сам?

Куда именно он поместил бы ребенка в этом своем дерьме?

«Не в этом дело», — напомнил он себе.

Ему не предоставили выбора.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он видел, как Джин смотрит на него и знал, что она хочет услышать готов ли он встретиться с Амелией или нет, и первая его реакция была уйти в дом, хлопнув дверью, не предоставив ей ответа, только чтобы помучить ее.

— Я хочу провести тест на отцовство, — сказал он, как только упали первые капли дождя.

— Ты не веришь мне на слово? Я лучше избавлю ее от этих дряг. Она может подумать, что ты будешь обязан с ней общаться после этого.

— Я и *обязан* или буду, если окажусь ее отцом. Мне придется заплатить за все.

— Я не жажду денег, — резко произнесла Джин. — Думаешь, я пришла собирать средства для ее колледжа?

Он метнул в нее испепеляющий взгляд.

— Уж тебе-то явно не стоит разыгрывать карту святоши по этому поводу. И нужно пройти тест, чтобы она точно знала, что будет в безопасности со мной и сможет мне доверять. Подумай об этом. Как бы ты себя чувствовала, если бы такая новость внезапно свалилась бы на твою голову! Разве ты бы не захотела знать наверняка?

Джин молчала, он покачал головой.

— Она никогда не спрашивала обо мне, — но тут же поправился. — Об отце раньше?

— На самом деле, нет, не спрашивала.

По непонятной причине, он подумал о танцах на вечерах в школе Чарлмонт Каунтри Дей отца с дочерью. Кто-нибудь водил туда Амелию? Или ей приходилось пропускать эти вечера, пока ее подруги ходили туда со своими отцами?

Болела ли она в детстве и чем? Пугалась ли ночью, когда снился плохой сон? Когда она просыпалась в огромном доме во время грозы, она представляла своего отца, который придет к ней и спасает ее, как белый рыцарь...

— С кем она встречается?

— Прости, что? — спросила Джин.

— С кем. Она. Встречается? — Он подчеркнул, жестко сжав свой стакан. — У нее есть парень?

— Нет. — Джин откашлялась. — Был парень, и он ей нравился в начале года, но я думаю, что они расстались. По крайней мере, так она мне сказала, пока мы были в Пенсильвании.

Хорошо, для него это было облегчение, что какой-то тупой подросток со всеми этими гормонами и яркими идеями не использовал его маленькую...

— Мне нужен тест. — Он оглянулся назад. — Я хочу точно знать, что я отец ребенка. Я не доверяю тебе, и после всего, никогда не буду. Я встречу с ней, как только она вернется.

Он подумал, что может стоит сказать Джин, что он встретится с дочерью без нее, но это не поможет ситуации.

— Хорошо. — Джин понизила голос. — Хорошо. Спасибо...

— Я делаю это не ради тебя. — Он отвернулся и направился к дверям в кухню. — Я больше ничего не сделаю ради тебя.

Несмотря на то, что Мерримак получил полный дом в свое распоряжение, сказав Лейну, что ему лучше уехать, Лейн не собирался покидать родовое имение, даже когда показались внедорожники полиции. Но он не мог просто стоять в сторонке, наблюдая за их действиями и прохаживаясь, черт побери, по своей собственности.

Поэтому он оказался в бизнес-центре, точнее в кабинете отца, из которого каждые полчаса или около того, он переходил в другой конец помещения, чтобы посмотреть из маленького окошка, что делают криминалисты с машиной мисс Авроры.

К сожалению, он ничего не мог увидеть. Департамент военной полиции накрыл ее ярко-голубом тентом, чтобы начавшийся дождь не мешал их расследованию, и в этом тенте имелся боковой проход, который ветер должен был задуть в сторону, тогда только он мог увидеть, что творилось внутри.

Мерримак постоянно выхаживал, правда, ходит взад-вперед через дверь в кухне, машиной и внедорожниками. Казалось он совершенно не замечал, что вокруг бушевала гроза, выворачивая вещи со своих насиженных мест, и при других обстоятельствах Лэйн бы зауважал парня за его упорство.

Но в данный момент он ненавидел его.

Выругавшись Лэйн отвернулся от окна и направился обратно по тусклому коридору в сторону кабинета. Предполагалось, что бизнес-центр якобы был спроектирован и декорирован как свидетельство мощи и престижа компании «Бредфорд бурбон», но, на самом деле, он был больше похож на дань уважения Уильяма Болдвейна самому себе. Бордовый с золотом ковер и тяжелые бархатные шторы с логотипом компании, создавали

определенную среду престижа и власти.

Особенно, когда останавливаешься у стойки регистрации.

За пустой стойкой, которую Лейн и Джефф освободили от сотрудников, когда лишали должности всех руководителей ведущего звена, стояли флаги штата Кентукки и Соединенных Штатов, и создавалось такое впечатление, будто вы входили в чертовый Белый дом. И само пространство было спроектировано в виде круга, как Овальная комната, а под ногами лежал ковер с богатым расписанным золотом гербом семьи Брэдфордов в самом центре.

Офис генерального директора предвляла прихожая, где немецкая ищайка Уильяма, исполнительный помощник контролировала доступ к нему. Дальше... шел непосредственно сам кабинет отца, в котором Лейну все еще было тяжело находиться.

Хотя бы потому, что в комнате по-прежнему стоял запах от сигар, затяжной аромат табака, видно исходившей от коробки с сигарами, стоявшей на столе перед тронем. И фотографии на полках за спиной командного центра отца. Фотографии в отличии от фотографий мисс Авроры были совсем другими, на всех был изображен Уильям с видными людьми — президентами, кинозвездами, светскими львицами и политиками.

Глядя на изображения, Лейн в каждом видел своего отца. Выражение на его выдающемся лице всегда было одинаковым, независимо от возраста или контекста, будь на нем черный галстук и деловой костюм или он был на поле для гольфа, в опере или театре, в Белом доме или на одном из балконов Истерли: холодные, прищуренные глаза и улыбка, которая, на самом деле, совсем не отличалась от улыбки Мерримака.

Профессиональная маска.

И здесь опять приходилось Уильяму скрывать, кем он был на самом деле. Он происходил из незначительной маленькой южной семьи и смог обворожить мать Лэйна, как первое из своих многих завоеваний. Почему она вышла за него замуж? Существовало предположение, что маленькая ВЭ. купилась на его блеск, потому что он был очень красив, но ясно, что вскоре она пожалела об этом.

Лэйн был похож на него.

На самом деле... немного.

Переведя взгляд на стол, он споткнулся о кучу папок, которую взял из шкафов для хранения файлов в задних комнатах бизнес-центра. Он просмотрел большинство сделок, совершенных КББ за время правления Уильяма, и не нашел ничего необычного.

Ничего, чтобы указывало на принадлежность к Холдингу Уильяма Уайта Болдвейна.

И не обнаружил ни одну фамилию предпринимателей, о которых Джон Лэнге вспомнил, с кем его отец имел дело.

Лейн опустил в кожаное кресло отца и повернулся кругом. Под полками, которые поднимались до середины стены, имелся ряд запертых шкафов, и не нужно было быть великим гением, чтобы предположить — человек, действующий вне рамок закона и не умеющий, как средний пользователь управляться с компьютером, держал все данные своих сделок непосредственно позади себя, так как восседал на этом троне каждый день... В кабинете, находясь вдалеке от всех, и даже для такого небольшого пути, как поход в туалет, ему не нужно было волноваться о сохранности, поскольку имелась личная помощница... а также, когда он покидал помещение на ночь, дверь не просто запиралась, а включалась сигнализация, которая могла спокойно соперничать с Смитсоновским институтом.

Лейн ранее уже дергал медные ручки, они оказались заперты.

Он решил покончить с этим раз и навсегда.

Подойдя к столу, он взял пепельницу, такую же большую, как тарелка для ужина и тяжелую, как морской якорь.

Это как раз подойдет.

Он оттолкнул стул с дороги и поднял пепельницу к плечу. Потом замахнулся, как бейсбольной битой, и врезал по одному шкафу с двойными дверками.

Вероятно, производители этих шкафов порадовались бы, узнав, что ему пришлось ударить несколько раз, прежде чем красное дерево стало крошиться и дало трещины. Затем последовала вторая фаза, когда он пальцами поддел панель и выдернул ее с петель.

Закончив с первым из четырех шкафов, полностью состоящего из дерева, он тяжело пыхтел, но Боже, чувствовал себя просто прекрасно.

И знаешь, что там было.

Папки с документами.

Пригнувшись, присев на одно колено, он попытался перенести пачку бумаг вверх с широкой нижней полки. Это было большая куча, довольно тяжелая, он передвинул фотографии отца, и от этого тоже почувствовал себя еще лучше.

И затем, в момент эй-стойте-давайте-не-будем-все-сваливать-в-одну-кучу, он решил забрать документы, которые только что вытащил из «официального» хранилища и перенести их на стол в конференц-зал через комнату. Таким образом, он бы понял, что нашел.

Прежде чем он сел и начал работать над кипой бумаг, он опять сбегал и проверил Мерримак через маленькое окно. Он сказал детективу, что уезжает, но затем завернул за дом, попав в бизнес-центр через одни из французских дверей со стороны сада.

Ему не хотелось, чтобы Мерримак обнаружил его здесь, да еще с документами.

Бога ради, Джефф уже начал беспокоиться, что федералы не купились на историю диверсификации, слухи о которой «просочились» в прессу. И благодаря удаче Лэйна, этот детектив по расследованию убийств, мог приобрести очень вещественное доказательство для обвинения в хищениях для правительства США.

Иногда случаются такие странные, удивительные вещи.

Как и каждый чертов день случались странные удивительные вещи с тех пор, как он вернулся в Чарлмонт.

Посматривая в затемненное окно на ребят-криминалистов, он ничего нового не увидел, люди в униформе и латексных перчатках двигались под дождем, входя и выходя...

Ах, останавливаясь. Они выносили вещи из дома в закрытых полиэтиленовых пакетах.

Он подумал о ноже.

Черт. Раз мисс Аврора пожертвовала одним из своих любимых ножей, значит причина была слишком существенной. Эти ножи были ее гордостью и радостью, инструментами ее профессионализма, никто не смел дотрагиваться до них, кроме нее.

Ножи шеф-повара были личным инструментом. Черт, даже повара, раньше приходившие готовить для различных мероприятий, приносили свои собственные ножи.

Значит она использовала этот нож Wüsthof для чего-то очень значимого.

И сохранила она его для благого дела.

И спрятала она его за фото Лэйна, как бы оставив ему сообщение.

Он никогда бы не подумал, что она способна на такую жестокость. Но можно было сказать одно.

Она любила Лэйна больше, чем кто-либо. У них двоих всегда была особая связь.

И он боялся, что из-за своей любви, его мать при сложившихся обстоятельствах могла пойти на убийство.

— Мисс Аврора, — прошептал он, — что ты наделала?

Возвращаясь в Истерли, Джин была настолько вымотана физически и эмоционально, что пропустила дорогу для персонала, а развернуть «Мерседес» и вернуться у нее уже не было сил. Перед главным въездом она притормозила, чтобы открыть кованые ворота, тут же последовала вспышка фотокамеры, но по крайней мере, гроза заставила добрую половину трейлеров новостных каналов убраться восвояси.

Поднимаясь на холм, она видела перед собой внушительный фасад особняка, которого облизывали и освещали молнии своими искрящимися вспышками, заставляя ее задуматься о начале съемок фильма ужасов.

Она припарковалась прямо перед входом и оставила ключи в машине.

Она ждала.

Когда выйдет дворецкий с зонтиком и возьмет ее вещи.

Прошло довольно много времени, прежде чем она вспомнила, что дворецкий больше у них не работает. Никто не выйдет к ней и не даст команду сделать горячую ванну. Никто не распакует ее багаж и не принесет ей легкий салат с бутылкой Шардонне.

Выйдя наружу, она взяла свой пиджак Louis Vuitton и стеганную сумку Chanel, и стала подниматься по ступенькам под дождем, а потом поймала себе на мысли, что теперь даже некому поставить машину в гараж. Никто не вымоет ее «Мерседес» после столь долгого путешествия, не проверит давление в шинах и не заправит бак.

Что бы там ни было, решила она, открывая тяжелую дверь особняка, дождь вымоет машину. И она переживет, что ее не поставили в гараж.

Войдя внутрь дома после дождя, воздух в доме ей показался немного прохладным и было очень тихо. Жутко тихо. В Истерли никогда не было так тихо, всегда было полно людей, живущих и работающих в поместье...

— Ты вернулась.

Она медленно повернула голову. Ричард Пффорд сидел на шелковом диване в главной гостиной для приемов, положив ногу на ногу, соединив пальцы рук на колене.

— Не сейчас, Ричард. — Она уронила сумку и не могла до конца поверить, что сама за собой закрывает дверь. — Я устала.

— Правда? Это типа «У меня болит голова?»

— Пусть будет так, если это столь важно для тебя.

Еще одна вспышка молнии отразилась в окне, превратив лицо Ричарда во что-то зловещее.

— Где ты была?

— Отвозила Амелию в школу.

— Я думал, что она как обычно полетит туда.

— Не в этот раз.

— Нет? — Он сидя подался вперед. — Слишком дорого? И поэтому ты решила отвезти ее. Какая хорошая мать!

Джин перевела глаза на лестницу, не поворачивая головы. Интересно, кто-нибудь еще есть в доме? Где Лэйн и Лиззи?

— Ты не отвечала на мои звонки, Вирджиния...

— Я вела машину.

— Всю дорогу и даже ночью? Ты, что ни разу не передохнула?

— Нет, я хотела побыстрее вернуться домой.

— Конечно, вернуться ко мне. — Он положил свою тонкую руку на сердце. — Я тронут.

Ричард поднялся на ноги и взял что-то с низкого столика, стоящего перед ним. Конверт. Большой конверт из крафтовой бумаги, такие обычно приходят по почте.

Джин отступила на шаг назад.

— Я хочу принять душ.

— О, могу себе представить, как ты хочешь этого. — Он улыбнулся, приближаясь. — Я хочу, чтобы ты сначала сделала мне одолжение.

Она взглянула в коридор, надеясь увидеть хоть кого-нибудь, выходящего из части дома для персонала.

Если бы она закричала, услышала бы ее медсестра матери? Возможно.

«Но, скорее всего нет», — решила она, когда послышался очередной раскат грома.

Ричард не останавливался, приближаясь, пока не оказался в шаге от нее, и только тогда он повернул к ней конверт и стал его открывать, разыгрывая перед ней настоящее шоу.

— Мне очень нужно, чтобы ты увидела кое-что. Скажи мне, твой брат Лейн сказал тебе, что я уехал отсюда?

Джин прищурилась.

— Нет. А ты съехал?

— Да, не думаю, что этот брак для меня хорош. Я уехал прошлой ночью и вернулся сегодня после работы, чтобы забрать вещи.

— Тогда где твоя машина?

— Под деревом магнолии. Я собирался забрать вещи, но потом решил дождаться тебя.

Он равномерно вытягивал глянцевые фотографии восемь на десять из конверта.

На них была она и Самюэль Ти. в Jag на кладбище: он держал ее за руку, и они смотрели друг другу в глаза, это было как раз перед тем, когда он повернул ее руку, показав ей ее собственное обручальное кольцо. А потом они уехали. Здесь были и другие — они выходили из его пентхауса после того, как занимались любовью.

Но большинство фото были удачными, конечно, но было одно, когда Самюэль Ти. помогал ей сесть в Jaguar. Она схватила его за черный галстук и притянула к себе, чтобы поцеловать.

— Знаешь, что еще пришло вместе с этими фотографиями? — спросил Ричард голосом, в котором вибрировала дикая ярость. — Приглашение репортера прокомментировать их. Они будут напечатаны в завтрашнем *Charlemont Courier Journal*... Каким идиотом ты пытаешься меня выставить перед всеми!

Она пригнулась прямо перед тем, как он попытался ее ударить, а затем развернулась и с силой потянула ручку входной двери. Гром с ревом прокатился по небу, она же пыталась открыть слишком тяжелую дверь, но Ричард поймал ее за волосы и потянул назад.

— Ты шлюха! Ты трахалась с ним, не так ли? И ты сбежала с ним! Ты не отвозила свою чертовую дочь в школу... ты поехала...

Джин крутанулась, ее волосы были достаточно длинными, поэтому она смогла повернуться кругом. Лицо Ричарда было искажено яростью, и она подумала, что это конец. Он убьет ее прямо здесь, и ее кровь прольется на черно-белый мраморный пол, и возможно ее тело обнаружит брата или невеста Лэйна.

Слава Богу, она успела обеспечить Амелию, поменяв бриллиант из обручального кольца

на золотые слитки, и все спрятал в сейф.

И слава Богу, что она сказала ювелиру и менеджеру банка, что если она умрет, то от рук Ричарда.

И, наконец, слава Богу, что она все рассказала Самюэлю Ти., по крайней мере, у Амелии хотя бы останется один родитель.

И с чего она вдруг составляет свой прощальный список? Пошел ты, Ричард.

Даже не понимая, что делает, она схватила его за предплечья... и с такой силой двинула ему коленом прямо между ног, что даже сама ощутила свой удар, встряхнувшись всем телом.

Пффорд сложился пополам и отпустил ее, схватившись за свое мужское достоинство, она тут же развернулась на каблуках, желая поскорее выбраться из дома, пытаясь снова открыть дверь. На этот раз порыв ветра бился о переднюю часть дома, поэтому стоило ей повернуть ручку, как дверь сама широко распахнулась.

Она помчалась к «Мерседесу», ветер и дождь хлестали ей в лицо, скользя на своих шпильках по мокрой дороге и застревая между плитками. Она оказалась внутри машины, захлопнув дверь водителя, заблокировав все двери одновременно. Ее руки так тряслись, что ей не удавалось нажать на кнопку зажигания...

Бум, бум, бум!

Ричард колотил с ее стороны в окно, пытаясь разбить кулаком стекло...

— Оставь меня в покое! — закричала она.

«Мерседес» ожил с едва уловимой дрожью, и она повернула руль, вдавливая педаль, под своим весом автомобиль резко свернул в сторону Ричарда, сбив его с ног. Она даже не взглянула не серьезно ли его ударила, глядя только вперед, начиная спуск с холма, она переключила скорость и вдавила на газ.

В зеркальце заднего вида, ей показалось в какой-то момент, что Пффорд вскочил на ноги и ударил ее по багажнику, прежде чем он снова сбива его с ног, дав назад.

Джин удерживала машину на дороге, несмотря на то, что гравитация от скорости увеличивалась и лобовое стекло заливал дождь, видимости было почти ноль. Держась обеими руками за руль, она не осмелилась включить дворники, потому что боялась ослабить хоть на минутку свою хватку.

У подножия холма, она ударила по тормозам, машина юзом пошла по скользкому асфальту, подъезжая к воротам. Она была не прочь просто протаранить их, но побоялась, что «Мерседес» этого не выдержит...

Взглянув в зеркало заднего вида, она стала молиться, чтобы на дороге не показались фары машины Пффорда.

Тем не менее, она боялась, что Ричард последует за ней...

Но ворота почти были открыты, она могла проехать, как только двойные столбы остались позади, она свернула на вершине холма, рванув вниз сломя голову.

В фермерском доме Самюэля Ти. кухня выходила на тот же луг, что и заднее крыльцо, и он наблюдал, как молнии отражались в венецианском окне над раковиной. Вернее, наблюдал он со своей бутылкой Family Reserve. И когда кубики льда растаяли в стакане, он не удосужился их заменить, просто продолжал пить теплый бурбон.

Стоя перед окном и наблюдая за разверзшейся стихией, слышал раскаты грома и зигзагообразными молниями, на ум ему приходили случайные мысли, страхи и сожаления. Он не тешил себя надеждами, это слишком было опасно...

Зазвонил его сотовый в кармане сброшенного пиджака, но он не ответил. Он не хотел

ни с кем разговаривать.

Боже, молнии были так прекрасны, раздирая сердитое, темно-фиолетовое небо, дождь лил как из ведра, создавая шторы от неба до земли, гром топал по небу, как невидимый гигант.

Но он вернулся к своим мыслям, пытаясь вспомнить любой момент, когда видел Амелию, смутно он припомнил, что впервые увидел ее, как только она родилась. Он вернулся домой в Чарлмонт, и у Брэдфордов был очередной вечер, на который он пришел исключительно, чтобы присутствовать на скандале, случившимся в Истерли — Джин Болдвейн прямо в школе родила ребенка от профессора.

Ему пришлось придумать оправдание, чтобы подняться в комнату Лэйна, а потом как бы «заблудиться».

Джин не было дома. А няня в униформе оказалась приятной и очень заботливой.

Амелия выглядела... как выглядит любой новорожденный. Ее пеленали в розовое одеяльце, и над ее головой висел мобильный телефон с плюшевыми игрушками. Да, он вспомнил... с белой луной, тремя желтыми звездами, небесно-голубой коровой и дояркой в розовом кружевном платье.

Ему показалось совершенно неуместным, что он больше помнил тот гребанный мобильный телефон, чем своего собственного ребенка.

Или... *Возможно его малышка* больше походила на него.

Он тщетно попытался вспомнить детское личико Амелии, какие у нее были волосы или глаза, но громадность всего, что Джин изменила ему, стала тогда для него по-настоящему очевидной, пока он смотрел на этого ребенка, по крайней мере, тогда, а сейчас она лишила его тогда первого момента, когда отец берет на руки своего ребенка. Она отказала ему в захватывающей дух, впечатляющей, душераздирающей встречи, когда ты можешь прижать младенца к груди и поклясться заботиться о ней всю свою жизнь.

Самюэль Ти. почувствовал что-то на лице, смахнув, он удивился, ощутив мокрое на кончике пальца.

Конечно, Джин также лишила его родителей увидеть свою новорожденную внучку. С тех пор, как умер брат Самюэля Ти., он стал единственным сыном, оставшимся в семье. И он знал, что его родители ждут и надеются, что он когда-нибудь угомонится и продолжит их род Лодж.

Они сильно переживали по этому поводу, и во всем этом существовало неопровержимое доказательство того, что богатство может оградить вас от беспокойства по поводу оплачивания счетов за дом, но оно не способно сделать вас счастливым. Они понимали, что в жизни ничего не может быть постоянным — богатство и деньги, не дают гарантий продолжения рода и жизни. Поэтому внуки для них имели первостепенное значение не только, чтобы передать им наследство, но и как передачи им своей любви и традиций.

Однако они никогда не говорили ему об этом.

Иногда, однако, непроизносимые слова надежд были самыми трудными для выполнения.

Итак, Джин отказала и его родителям в первой встрече со своей внучкой.

Предположим, Амелия действительно была от него.

Сильный порыв ветра ударил в его фермерский дом, и качели на тросах сдвинулись по террасе, часть плетеной мебели переместилась по полу, как будто хотела укрыться в доме.

С проклятием он отвернулся от окна... только чтобы не видеть непогоды за окном.

Он оглянулся, выискивая чем бы себя занять, но на кухне все было убрано, из посудомоечной машины посуда вытащена, столешницы сверкали так, будто тут никто не жил.

Чтобы убрать хаос, воцарившийся в его голове, ему необходимо было чем-то себя занять, переключив внимание, приложив свои умственные способности.

Почта и телефон показались ему наиболее логичным путем для решения этой проблемы, и он направился к тому месту, где бросил свой темно-синий пиджак от костюма. Выловил из кармана сотовый телефон, он включил голосовую почту. Он увидел городские номера, всего сообщений было три, два с неизвестного номера, третий от адвоката, который судился с одним из клиентов Самюэля Ти.

Он начал с последнего, которое пришло совсем недавно, почему бы и нет. И пока он слушал, как парень высказывает требования, придерживал телефон у уха плечом, стал проверять пришедшие счета.

Удалив сообщение, он подумал: «Все не так плохо! Прослушаем следующее».

Он нажал на следующее за этим, он любил все делать по порядку, по-прежнему удерживая телефон плечом, он взял большой плоский конверт из крафтовой бумаги.

Но звук женского голоса остановил его.

— Привет, Сэм. Это Прескотт. Я оставила тебе несколько сообщений. Я так и не получила ответа по поводу этих выходных? Ты собираешься присоединиться ко мне или... или я так и не получу от тебя ответа? В любом случае... Я вылетаю в Нью-Йорке, сегодня и завтра буду на съемках. Затем я вернусь в Чарлмонт. Ничего страшного, что ты мне не звонишь. Но мне хотелось бы знать, какие у тебя планы. Спасибо, пока.

Взяв телефон в руку, он занес палец над кнопкой «удалить».

В итоге он решил не удалять и нажал на последнее. Оно пришло примерно за час до того, как он ехал домой с открытым верхом, поэтому не слышал звонка.

Сообщение началось с ругани, он перевернул конверт и открыл...и то, что находилось внутри поставило его в тупик.

Что... за черт? Фотографии?

— ...Здравствуй, Лодж, — раздался глухой мужской голос. — Я просто хочу тебе сказать: «Да пошел ты!» Сначала я убью ее, а потом приду за тобой. Ты, бл*дь...

Сообщение продолжалось, Самюэль Ти. вытащил фото, которое было крупным планом Джин и его на кладбище, следующее, позднее, когда они покидали его пентхаус вместе, после секса на диване.

Между тем голос Ричарда Пфорда усиливался в своих выражениях, парень накручивал себя и в его голосе явно проскальзывало, что он готов причинить вред кое-кому. Причем серьезный.

Наконец, в конверте оказался лист бумаги с именем репортера и номером телефона, и приписка о том, что за определенную цену можно договориться, чтобы этот материал не попал в завтрашние утренние газеты.

Самюэль Ти. выключил автоответчик, но не стал удалять сообщение. Он позвонил Джин, он ожидал, что она ответит, но ее перекинули на голосовую почту. Потом он позвонил ей снова. И в третий раз.

Он продержался ровно две секунды.

С проклятиями рванул к себе в кабинет за один из своих пистолетов.

Гроза бушевала по всей земле, он влетел обратно на кухню, схватил ключи от своего

Range Rover и стукнул кулаком, открывая дверь в гараж, а потом нажал пульт, открывая автоматическую дверь...

И замер.

Сердце стучало, в теле кипел адреналин, он и так уже находился в ловушке на краю пропасти, и ему не хотелось увязнуть еще больше. Очередной скандал Джин был для него воронкой. Так было всегда. Она была для него сиреной, которая зазывала его в бурные моря, маяком, который вел его к хаосу, горящим огнем вдали, к которому его тянуло, хотя он угрожал его сжечь.

Он подумал об Амелии.

О всей той лжи.

О своих потерях, которые он понес с дочерью.

Дверь гаража закончила подниматься, яростное, мокрое дыхание грозы ворвалось в отсек.

Он представил себя за рулем Range Rover, как заводит двигатель, как выезжает, видимость плохая, куда ехать непонятно. Куда поехала Джин? Обрато в Истерли, ...по крайней мере, он предполагал, что она поехала туда. Он не знал, где ее искать.

Может Ричард уже поджидал ее там.

Но в Истерли всегда имелся народ, поэтому она там не одна.

Самюэль Ти. наблюдал за штормом, стоя в гараже. Затем отвернулся от ливня и бушующего ветра... и вернулся назад в дом.

Дверь за ним медленно стала опускаться.

Джин едва перед собой различала дорогу Ривер Роуд, когда выехала с береговой линии Огайо, ярость грозы сказывалась на машине, ей постоянно приходилось перестраиваться влево и вправо, чтобы остаться на полосе. Она преодолела узкую дорожку, проезжая мимо ряда автомобилей у обочины с включенными аварийными огнями, желающим переждать буйство стихии.

Ричард следовал за ней по пятам.

Неважно, как быстро она входила в повороты или насколько она пыталась оторваться на прямых участках пути, он висел у нее на хвосте. Приближаясь.

Она двигалась вперед, преодолевая галлоны воды, падающие с неба и вспышки молний, удары грома, одна часть ее была в машине, с руками, вцепившимися в руль, нога с напряжением давила на акселератор. Но другая ее часть парила над несущимся «Мерседесом», наблюдая за всем с правой стороны.

Она представляла, что это ее дух, как если бы она умерла в автокатастрофе, ее дух задержался бы над хаосом материального мира, пока ее автомобиль превращался бы в огненный шар.

Забавно, она очень хорошо освоила опыт экстремальных ситуаций и раздвоения личности. У нее происходило так всякий раз, как только Ричард закручивался на ней в сексуальном плане, и раньше, когда его еще не было, она тоже проходила этот опыт: всякий раз, когда она становилась слишком дикой, неуправляемой, слишком опьяненной, раздвоение личности брало власть на себя.

А также такое происходило, если она была очень напугана.

Первый раз это произошло, когда она была ребенком. Ее отец по не известной ей причине пришел за ней и братом Лэйном. Она помнила, как он шел по коридору к спальне, он был в ярости с ремнем в руке, его голос был похож на гром, как у этой грозы.

Она побежала с такой скоростью, насколько были способны ее ноги. Убежать, убежать, убежать, а потом она спряталась, понимая, что это было единственным, чтобы спасти себя.

Она знала, что это так, потому что Лейн сказал ей: *«Беги, Джин, беги и прячься».*

«Спрячься, Джин, чтобы он не нашел тебя, в шкафу или под кроватью...»

Ей было три с половиной года? Может четыре?

Она выбрала кровать в своей комнате, она до сих пор помнила, как там пахло пылью от ковра и сладковатой мастикой для пола. Она дрожала и с трудом дышала, слезы лились у нее из глаз, но она плакала очень тихо.

Лейна хорошо выпороли. Она слышала его крики из соседней комнаты.

Она так и не поняла, в чем он провинился. Причем, она думала, что Лэйн тоже не понял, хотя, нет, постойте, он отказался сказать отцу, где Максвелл. И она случайно оказалась в этой ситуации, увидев, как Лейн бежал, погналась за ним, думая, что он поиграет с ней в догонялки.

Да, это она запомнит на век.

И до сих пор она все еще могла вспомнить звук ремня, хлеставшего ее брата. Она плакала снова и снова... а избиение не прекращалось, пока он не сказал Уильяму, что Макс был в подвале, в винном погребе.

Тогда тяжелые шаги двинулись по коридору и остановились перед открытой дверью в ее

спальню. Ее сердце остановилось. Она могла поклясться, что он услышал его стук. И пока ее отец продолжал стоять в дверях, она фактически не дышала под кроватью.

В конце концов, ей пришлось потом пойти в ванную.

Однако она оставалась под кроватью, пока не описалась. Целых пять часов.

Она никому не рассказывала об этом, ей было стыдно признаться, что она испачкала ковер.

Когда ей исполнилось тринадцать, интерьер ее комнаты изменили, но она все еще помнила, как дизайнер-декоратор хмуро посматривал на пятно под старой кроватью, когда ее увезли.

Вот почему ей нравилось, что ее комната была белой. Такой искаженной формой, Джин пыталась доказать всем и каждому, что она не слабая и больше не потеряет контроль над мочевым пузырем.

Сумасшествие.

Так она подумала, пытаясь втянуть вторую свою часть обратно в себя.

Снова бросив взгляд на зеркальце заднего вида, Ричард был еще ближе к бамперу ее «Мерседеса», она могла четко представить его сквозь лобовое стекло за рулем, с искаженным лицом от ярости, постоянно что-то крича ей.

Новая волна страха накрыла ее, она подумала, что он, на самом деле, сумасшедший, и как странно она воплощала свои желания в жизнь. Ричард, со своей особой чертой — торговой маркой, если можно так выразиться, отталкивающей природой, с его желанием причинять насилие, которое было достаточно явным, своего рода являлся тем же, с кем она выросла. Он очень был похож на ее отца, моментально закипающим, готовым тут же найти цель, чтобы выместить свою ярость.

«Да», — подумала она. Она выбрала его по ряду причин.

И не все касались денег.

Интересно ее отец знал об этом? Уильям знал о наклонностях Ричарда? Наверное, нет. И даже если бы он и знал, было бы сомнительно, что ее отец озаботился бы вопросом продолжают ли над ней издевательства или нет. Ведь, когда Уильям пытался заставить ее выйти замуж за Ричарда до того, как умер, вопрос носил исключительно деловой характер. Уильям предполагал, что если Ричард войдет «в семью», то его дистрибьюторская компания предложит более выгодные условия для компании «Брэдфорд бурбон».

Поэтому желания Джин здесь совершенно не учитывались, она выступала в качестве своего рода рычага.

На самом деле, Уильям предполагал, что рано или поздно вскроются его никудышные сделками и незаконные кредиты, и он явно планировал сократить часть финансового дефицита за счет продажи ее Ричарду. И конечно же она отказалась. Только для того, чтобы потом добровольно согласиться с его предложением, как только стало ясно, что она потеряет свой образ жизни, к которому привыкла с пеленок.

Дочь своего отца, ничего не скажешь...

Ричард протаранил зад «Мерседеса», удар был достаточно жестким, Джин ударилась головой о подголовник. Она закричала, пытаясь удержать контроль над машиной и остаться на дороге...

Он снова ударил ее в зад. Прямо перед крутым поворотом, который вел их к мосту, через один из больших потоков Огайо.

— Прекрати! — Закричала она в ответ. — Оставь меня в покое!

Но он был кошмаром ее собственного творения, мрачным жнецом, которого она впустила в свою жизнь, потому что слишком испугалась тогда, ничего не умея делать, будучи слишком избалованной, чтобы двинуться по жизни вперед без денег и всех благ, с которыми выросла.

Он был ее собственной чертовой ошибкой, кульминацией за все ее грехи и слабости, расплатой, которая она думала никогда не наступит за каждое ее нелицеприятное дело, которые она совершила.

Он собирался сбить ее с дороги, и в машине у него находился пистолет, он сообщил ей об этом неделю назад, который прятал под передним сиденьем, потому что ему приходится ездить по ночам в своем Bentley.

Ричард собирался застрелить ее, возможно, и самого себя, вот так все и должно было закончиться.

Как она кончит...

Удар!

Он протаранил ее машину еще раз, «Мерседес» занесло, и в этот момент все замедлилось. Она упорно выкручивала руль, подальше от реки в другую сторону, медленно дрейфуя, машина выровнялась на мгновение. Но потом эмблема мерседеса на капоте качнулась к болотистой местности и деревьям справа.

Перила треснули, ее передние колеса поднялись от земли, и на краткий миг она ощутила невесомость. А потом с грохотом опустилась, отчего клацнула зубами и в голове зазвенело. О, на ней не было ремня безопасности. Она ударилась головой о потолок.

У нее не было времени подумать. Воздушные подушки взорвались ей в лицо, осыпав порошком, ударив ее в грудь.

Но движение машины не закончилось.

Ее нога снова нажала на ускоритель, как только она приземлилась, придавая этому мощному двигателю огромный импульс, который двинул ее подальше с дороги в болота. Деревья били по передней части машины, царапая бока.

Как только подушки безопасности стали опадать, она увидела перед собой огромный болотный клен и у нее не было возможно остановиться или изменить курс, она не могла избежать аварии.

Наверное, это судьба.

Удар был подобен взрыву, она лбом ударилась в лобовое стекло. Затем инерция отбросила ее обратно на сиденье, и она дернулась несколько раз между рулевым колесом и подголовником.

Пока, наконец, не упала на сиденье.

С головокружением, ошеломленная и страдающая от боли, она услышала тонкий свист перед собой двигателя и попыталась сфокусироваться, но все было расплывчатым...

Потом увидела яркий свет. Очень яркий свет.

Она умерла, и попала в загробную жизнь, о которой столько говорили?

Наверное, нет, она осталась в своем теле. Разве нет? Она подумала, что...

Щелк. Щелк. Щелкщелкщелк.

Она с трудом повернула голову на звук. А потом отскочила от своей двери.

Ричард пытался открыть дверь с ее стороны, дотянуться до нее, дергая за ручку, но у него ничего не получалось, она заблокировала все двери.

Когда что-то мокрое попало в глаз, она с трудом вытащила руку, молясь, чтобы не

сломался люк от удара, через который он мог бы попасть в салон. Но это был не дождь. Это была кровь.

— Впусти меня! — закричал Ричард, молотя по стеклу кулаками. — Впусти меня, Вирджиния!

Молния вспыхнула, и она увидела, как дождь льет на его темные волосы, а лицо Ричарда при белом свете стало напоминать маску Хэллоуина, гладкую, бледную и ужасающую.

— Впусти меня, Вирджиния!

БАМ! БАМ! БАМ!

Она перебралась на соседнее сиденье к противоположной двери и поджала колени к груди. Обхватив себя руками, ее била дрожь, кровь капала на платье, она подумала, что сейчас она спряталась точно также, как и тогда под кроватью. Ей нужно только ждать, придет ли за ней ее отец или он успокоится, избив ее братьев.

БУМ! БУМ! БУМ!

Звук изменился, потому что Ричард стал чем-то бить по стеклу. Чем-то металлическим... рукояткой пистолета...

При первом ударе стекло пошло трещинами, а сейчас отвалился большой кусок, который упал в то место, где она сидела за рулем.

Ричард наклонился к этому отверстию, глаза и улыбка как у Джека Николсона в фильме «Сияние».

— Больше не убегай, Вирджиния... теперь будь хорошей девочкой, открой дверь. (*«Сияние» (англ. The Shining) — фильм ужасов режиссёра, сценариста и продюсера Стэнли Кубрика, снятый в 1980 году по мотивам одноимённого романа Стивена Кинга. Главные роли исполняют Джек Николсон, Шелли Дювалл и Дэнни Ллойд.*)

«Ричард приказал ей впустить его», — мелькнуло у Джин. Она похлопала по бардачку правой рукой, не отрывая глаз от Ричарда. Она пыталась отыскать защелку, нащупав, неловко потянула за нее.

— Ты же не хочешь, чтобы я стал бешеным, Вирджиния?

Дождь бежал по лицу Ричарда, но он, казалось, не замечал ничего, молния очередной раз вспыхнула, она взглянула вверх на закрытый люк.

— Выскиваешь Бога? — спросил он. — Я собираюсь помочь тебе встретиться с ним, Вирджиния...

— Это не мое имя, — с трудом выдохнула она.

— Как это? Не твое имя? Тогда может мне стоит называть тебя шлюхой? Лодж так тебя называл, когда трахал?

Наконец, крышка бардачка открылась, она засунула руку, почувствовав боль в костяшках пальцев, прорываясь через его содержимое вглубь и молясь, чтобы...

Ее пальцы нащупали рукоятку девятимиллиметрового пистолета, она закрыла глаза и попыталась вспомнить, чему учил ее Эдвард, как нужно целиться и стрелять. Где находился предохранитель? И как она должна переключить его?

Боже, если в нем нет пуль, она станет мертвой женщиной.

В любом случае, скорее всего она умрет по любому.

— Мне так жаль, Ричард, — быстро произнесла она, пытаясь его отвлечь. — Я не хотела, я была неправа. Прости, я ошиблась.

Ричард нахмурился, и она подалась вперед, протянув к нему свободную руку.

— Пожалуйста, прости меня, пожалуйста, не оставляй меня...

Молния сверкнула, освещая внутреннюю часть «Мерседеса», и она поняла, как только он увидит, что она делает, он все поймет. Как только она сняла с предохранителя пистолет и начала поворачивать дуло к нему, он отстранился назад и ухватился за свой пистолет двумя руками, наставив его в открытое отверстие в стекле.

— Не называй меня Вирджиния! — Закричала она из всей силы своих легких, когда они оба нажали на курок.

Послышались громкие выстрелы, звон метала. Джин продолжала стрелять, закрыв глаза, рывком крутанувшись в сторону, пытаясь убрать свое тело с его прицела. У нее болели уши, глаза жгло, что-то было не так с ногой, но она держала палец на гребаном спусковом крючке, а автозагрузчик поставлял патроны, пока барабан не окажется пустым.

И все же она старалась держать руку устойчиво, хотя тряслась всем телом, ее затылок неоднократно о что-то стучался.

Что это за звук?

Он был какой-то ритмичный...

Это она издавала его? Она стала задыхаться. Щипение по-прежнему слышалось из-под капота спереди машины. Дождь стал меньше, он как бы поглаживал капот, крышу, лобовое стекло, как кошки своими мягкими лапками.

На мгновение взглянув перед собой, и каждый раз, когда она моргала, она видела лицо Ричарда. А потом своего отца. И Ричард... два человека превратились в одного, как амальгама друг друга...

— Джин.

От звука, лишённого эмоций, голоса она дернулась и снова посмотрела вверх на прозрачную крышку люка.

— Опустит пистолет, Джин, — произнес лишённый эмоций голос.

Открыв рот, она спросила с растерянностью:

— Господи?

Самюэль Ти. лежал на Пфорде в грязи, в шести футах от водительской двери «Мерседеса», и думал, что его, как только не называли за всю его жизнь. Но так никогда.

Также он никогда не спасал никого от пуль.

Так что, можно сказать, что сегодня все было впервые.

— Лежи смирно, ублюдок, — прошипел он.

Он говорил в ухо Ричарду Пфорду, сохраняя свой голос низким, но ему хотелось сделать совсем другое — пальнуть в череп этому ублюдку и засунуть его в болото.

Хотя, возможно, это было из-за принципов, чем из-за понимания.

— У меня твой пистолет, — грубо сказал он ему. — Если ты двинешься, я выстрелю в тебя... я убил оленей больше, чем ты. Также я хорошо умею их потрошить, и уверяю тебя, у меня не возникнет проблем, чтобы все это повторить. Кивни, если ты понял, о чем я.

Самюэль Ти. стал говорить громче, как только последовал кивок.

— Джин, мне нужно, чтобы ты опустила пистолет, хорошо? Ты в безопасности. Ты меня слышишь? Джин. Скажи что-нибудь.

Наступила долгая, при долгая тишина. Он взмолился, надеясь, что она не перезаряжает пистолет и вот-вот готова будет высунуть его из разбитого окна, чтобы накачать его самого свинцом.

И что она умерла от случайной пули, которая угодила ей в голову.

— Самюэль Ти...?

Он закрыл глаза. Она позвала его словно восьмидесятилетняя, слабая, бормочущая старуха. Но сейчас ему было все равно. Она все еще была жива.

— Да, это я. И у меня тут Ричард.

Черт, он хотел бы, чтобы у него был галстук, тогда он мог бы связать этому ублюдку руки.

— Почему... ты здесь? — спросила она изнутри машины.

Самюэль Ти. смачно выругался, удивляясь сам себе, что он собственно и делал весь путь по Ривер Роуд, пока не увидел фары двух машин в стороне болота.

— Потому что меня не может здесь не быть, — пробормотал он. — С тобой. Я не мог *не приехать* сюда, черт возьми.

Он еще раз дал смачный пинок Ричарду, а затем медленно поднялся, сказав Джин:

— Я сейчас подойду к машине, хорошо? Со стороны водителя. Если ты хотела меня когда-нибудь убить, теперь у тебя появится отличный шанс.

Самюэль Ти. говорил так, будто ничего не произошло, потому что боялся, если он не будет сохранять хладнокровия, то сломается. Он до сих пор не мог поверить, что он приехал сюда, припарковавшись на дороге и рванул к деревьям, именно в тот момент, когда Ричард отошел назад и направил пистолет в водительское стекло машины, все в нем говорило о том, что он готов совершить убийство, все — его стойка... и оружие в руках.

Не задумываясь Самюэль Ти. набросился на него, сгибая к земле, пока его пули летели вперед в металл, как и пули изнутри. Они повалились на землю, и он почувствовал их

мокрую одежду, бившую по лицу, пока боролись за контроль над пистолетом.

Самюэль Ти. выиграл этот поединок.

Теперь ему необходимо было взять под контроль другое оружие.

Он медленно выпрямился. Он повалил Ричарда на землю прямо перед капотом, и сейчас тот лежал перед ним сбоку, и это означало, что через треснутое лобовое стекло он мог видеть Джин внутри машины.

Она по-прежнему направляла свой пистолет на стекло со стороны водителя, но пистолет так дрожал у нее в руках, ее неимоверно трясло. У него возникло ощущение, что ее палец находится на спусковом крючке, и тот факт, что пули не выходили из дула, говорил о том, что барабан был пуст. Но ему все равно было жалко рисковать своей жизнью.

— Джин, — резко произнес он. — Положи оружие на приборную панель, чтобы я мог его видеть. Я не могу тебе помочь, пока не буду уверен, что ты опустила пистолет.

Он удивлялся, что его голос звучал медленно и настолько разумно, но видно какая-то внешняя сила управляла им, контролируя его движения и голос.

Он возблагодарил Бога.

— Джин. Положи пистолет на...

Вдруг из ниоткуда позади них въехала машина, фары осветили заднее окно «Мерседеса», жесткий свет озарил окровавленное лицо Джин, она дернулась и направила пистолет в сторону появившейся машины.

Самюэль Ти. пригнулся, узнав машину и крикнув:

— Оставайся в машине, Лейн! Оставайся в машине!

Джин снова нажала на курок, в ее глазах застыл ужас, рот открылся в безмолвном крике, но из дула пистолета не вышло ни одной пули. Везение ли это или же просто холостой выстрел?

— Выключи двигатель! — крикнул он ее брату. — И фары!

Взмолился Самюэль Ти., он действительно молился, чтобы его друг детства услышал его, а Лейн должно быть услышал его молитву, потому что снова стало темно и воцарилась тишина.

Конечно, на какое-то время Самюэль Ти. ослеп, и с грозowymi облаками, которые не торопились расходиться, он находился в полной темноте.

Но он озаботился какого хрена Ричард приподнялся, поэтому со всей силы пнул его ногой и надавил на плечо всем своим весом.

Пока он привыкал к темноте, и Лейн не несся ему на помощь, Самюэль Ти перевел все свое внимание на Джин.

— Милая, — сказал он, — положи пистолет на приборную панель. Это всего лишь Лэйн. Я позвонил ему, когда не смог до тебя дозвониться.

— Что? — спросила она. Или, по крайней мере, ему показалось, что она это сказала.

— Я позвонил Лэйну, когда не смог до тебя дозвониться. Прощу тебя, положи пистолет на приборную панель, чтобы я смог его видеть.

Господи ты ж, Боже мой! Как он хотел остаться в стороне от всех ее проблем. Но его решимость остаться в стороне продолжалась... ровно две минуты. После того, как он позвонил Джин еще раз и его отправили на голосовую почту, он набрал Лэйна, который сказал, что поищет ее в доме, адвокат продолжал висеть на телефоне... а потом Лейн сообщил, что парадная дверь распахнута и ливень заливает фотографии Самюэля Ти. и Джин, разбросанные по мокрому мрамору.

Самюэль Ти. больше не стал ждать.

— Я иду, дорогая.

Он хотел, чтобы она опустила пистолет, но у него было такое ощущение, что они будут противостоять друг другу довольно долго, если учесть, что теперь уже три машины съехало с дороги на болотистый участок, состоящий из деревьев и подлесок, которые были накачены свинцом, и по крайней мере одна, а скорее всего двое людей имели ранение.

Он подумал, что только сейчас еще не хватало копов.

Приближаясь к разбитому стеклу, он придвинул свое лицо к отверстию, которое Ричард либо пробил, либо прострелил. В ответ Джин направила на него дуло пистолета. Ее взгляд был безумным, кровь стекала по лбу, ее так трясло, что у нее аж клацали зубы.

Все замерло в это мгновение. Все — время, мысли... все вокруг.

Если она выстрелит с такого расстояния, то явно снесет ему половину черепа.

— Самюэль Ти.? — по-прежнему трясась, неуверенно спросила она. — Это правда ты?

Он попытался замедлить свои движения, стараясь ничего резко не делать, поэтому медленно кивнул, удерживая пистолет на бедре, который он забрал у Ричарда.

— Да, дорогая. Это я.

Она моргнула.

Потом она начала с силой дышать, сильнее и быстрее, а потом разразилась рыданиями.

— Прости меня за Амелию. Прости. Я так виновата...

И она опустила пистолет, Самюэль Ти. решил рискнуть и протянул руки через разбитое стекло, ухватившись за оружие и аккуратно его вытаскивая из ее онемевших пальцев.

А потом она упала в его объятия, хотя и неуклюже, пока он наполовину продолжал висеть в окне машины.

— Все хорошо, — сказал он, обхватывая ее. — Все хорошо...

Как только Лейн увидел, что Самюэль Ти. наклонился к окну водителя, он выскочил из собственной машины и помчался к «Мерседесу». Дорогой Господь, Джин врезалась в дерево, а Ричард лежал лицом к земле...

Он не слышал, что говорили друг другу Самюэль Ти. и Джин, но скорее всего она осталась жива, иначе бы она вообще ничего не говорила.

Тогда он сосредоточился на Ричарде.

Тот лежал не двигаясь, но, по крайней мере, дышал.

Раздался щелчок, Самюэль Ти. вылез из окна и открыл дверь. Пойдите... в каждой руке у него по пистолету?

Лейна словно подбросило вверх.

— Что, черт возьми, произошло... Джин! Ты серьезно ранена!

Самюэль Ти. помог ей пролезть на водительское сиденье и выйти из машины, одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять, что она попала в передрагу. Все ее платье, а также лицо и руки были в крови, и она не могла устоять на ногах.

— Где тебя ранили? — хрипло спросил Лейн. — Что, черт возьми, произошло?

Джин всхлипывая начала что-то невнятно говорить, Лейн ничего не мог разобрать. Но затем Самюэль Ти. кратко все пояснил...

И Лейну хватило и малости, он не собирался дожидаться полной версии истории.

Недослушав, он перевернул Пфорда, подтащив к машине, а потом со всего маха ударил его лицом об машину.

— Ты стрелял в мою сестру? Ты, бл*дь, стрелял по моей сестре!

— Хорошо, хорошо. — Самюэль Ти. схватил Лейна за плечо и дернул к себе. — Хватит. У нас могут возникнуть серьезные проблемы, чтобы разобрать весь этот бардак, я понимаю, что мы хотим все разрешить частным образом. Ты не согласен, Ричард?

Пфорд, казалось, даже не пострадал от такого удара. На нем не было крови, только на одной руке, другая же как тряпка колыхалась на ветру, явно с ним все будет хорошо.

Но Лэйну захотелось исправить это положение.

— Могу я одолжить у тебя пистолет, — спросил он у своего адвоката. — Тот, в котором осталась пуля, одной должно хватить?

— Отойди, Лэйн, — пролаял Самюэль Ти, — позволь мне позаботиться обо всем.

Лейн отрицательно покачал головой. Тем не менее, он последовал совету своего адвоката. Ведь существовали и другие, гораздо более здравомыслящие способы обеспечения безопасности и свободы его сестры.

— Поколдуй, адвокат, — хрипло произнес он.

Самюэль Ти. встал между Джин и Ричардом.

— Вы двое расторгаете свой брак. — Самюэль Ти. посмотрел на нее. — Я подам документы завтра от твоего имени. — Он взглянул на Пфорда. — Ты соглашаешься не оспаривая, тогда для тебя не будет никаких финансовых обязательств. Ты будешь свободен также, как и она, при условии, что ты не будешь мстить, включая закулисную борьбу против КББ. Ты согласен?

Наступила тишина, Пфорд молчал.

Лейн собрался закричать на него, но Самюэль Ти. поставил дуло пистолет под

подбородок Пфорда и приподнял его голову.

— Ты. Согласен?

Как только он встретился с его глазами, Ричард кивнул с такой силой, как будто его жизнь зависела от этого.

— Я тебя не слышу.

— Да, — пробормотал Пфорд.

— Хорошо. — Самюэль Ти. не стал опускать оружие. — И я также включу параграф о неприкосновенности. Ты не должен приближаться к ней на сто фунтов, иначе ее брат и я придем за тобой. Ты даже не поймешь, когда, где и как, но мы сделаем все чрезвычайно смертельным для тебя. Ты все понял? Я не советую тебе проверять, лучше поверить на слово.

Пфорд снова кивнул, Самюэль Ти. спрятал оружие.

— Убирайся отсюда, ублюдок, — сказал Лейн. — Я не хочу видеть тебя в своих владениях. Я пришлю все твои вещи...

— Я хочу сохранить кольцо, — вмещалась Джин. — Мне необходимо оставить кольцо.

Самюэль Ти. казалось вздрогнул от ее слов, Лейн тут же приблизился к Пфорду.

— Кольцо ее. Без разговоров. Ты оставишь его?

— Да, — произнес Ричард.

— Держи язык за зубами и держитесь подальше от нее, и не будет никаких проблем. Все будет, как будто ничего и не было.

— Да.

— А теперь убирайся отсюда.

Ричард направился к своему Bentley, Лейн наблюдал, пока Пфорд не сел в машину и не выехал на дорогу, уносясь прочь. Потом он развернулся. Самюэль Ти. поддерживал Джин за талию, она прислонилась к нему всем телом, но у них обоих прошел запал, они выглядели вымотанными и шокированными, им требовалось время, чтобы прийти в себя.

Черт, но раны его сестры требовали осмотра.

Лейн выудил телефон.

— Мы не можем отвезти ее в больницу. И не может поехать домой, потому что там полиция.

Самюэль Т. моргнул.

— Почему?

— Длинная история. — Он пролистал список контактов и нажал на местный номер.

— Я хочу, чтобы ты посадил ее в свой внедорожник и отвез туда, куда скажу... Эй, привет, как ты? У меня странный голос? Ну, для этого есть причина. Послушай, мне нужно, чтобы ты сделала мне одолжение...

Макс переждал в своем коттедже для обслуживающего персонала, когда пройдет буйство стихии, чтобы потом перенести седельные сумки на свой Харлей. Дождь все еще шел, но уже не так сильно, и какого хрена он выжидал? Он ездил под дождем много раз, и это его не убило. Он обувал ноги в байкерсы, а его кожаная куртка была настолько непроницаема, что могла вынести любую непогоду.

Привязав сумки по обе стороны сиденья, он обрадовался, что никто не позарился на его байк, когда ему пришлось оставить его у бара. Вернувшись на Uber в пивной бар в районе четырех часов дня, он понятия не имел, что будет делать, если у его байка не будет хватать запчастей или его вообще не окажется на месте.

И ему опять повезло. Он вернулся домой на Харлее и собрал свои вещи... и тут началась

эта жуткая гроза.

Вынужденный задержаться, он провел некоторое время в душе, потому что не знал, когда у него появится такая возможность в следующий раз, затем съел все, что было в холодильнике и шкафах, также придерживаясь теории, что он не знал, когда и где сможет поесть.

Теперь разглядывая небо, он решил, что направится на запад, потому что согласно радару, гроза двигалась на восток, а запад стал чистым. Если бы он смог добраться до Сент-Луиса, это было бы здорово. Он мог бы снять дешевую комнату в мотеле, а уж потом решить, что будет делать дальше...

Выпрямившись, он нахмурился, вглядываясь в дорогу для персонала. Внедорожник с затемненными стеклами двигался вверх по холму, а потом Range Rover замедлился у его домика.

Когда он окончательно остановился за его байком, он поднял руки, усиленно показывая, что не стоит этого делать.

— Эй! Я уезжаю...

Самуэль Теодор Лодж вышел из машины, и Макс поймал себя на мысли, что с парнем что-то не так. Постойте, у него что одежда в крови?

— Нет, ты никуда не поедешь.

— Послушай, мужик, у меня нет времени на все это...

Открылась пассажирская дверь, и Макс тут же забыл о своем Харлее, своем дерьме и своих планах.

— Какого хрена, Джин?

Его сестра была вся в крови, она с трудом передвигалась, хромая, ее платье, вероятно, когда-то персикового цвета, было все заляпано кровью. Сейчас она скорее напоминала картину Поллока.

— Нам нужно пройти внутрь, — сказал Самюэль Ти., обнимая женщину и помогая ей двигаться к открытой двери. — Ей нужен доктор.

— Так почему она не поедет в чертовую больницу?

Они не ответили, просто вошли в коттедж... а из соседнего точно такого же коттеджа вышел Гэри МакАдамс, сел в свой полноприводный грузовик и с ревом двинулся вниз по холму по дороге для персонала.

— Какого черта здесь происходит? — спросил Макс видно не к кому конкретно не обращаясь.

Он обернулся на открытую дверь своего коттеджа и подумал... что, ему не стоит оставаться. Единственное ему необходимо забрать бумажник и ключи, которые лежали на столешнице в маленькой кухне. Под этой крышей его не удерживало ничего, поэтому у него не было причин задерживаться хоть на минуту дольше, несмотря на то, что его сестра выглядела так, будто побывала в автокатастрофе.

Он не хотел возвращаться в Чарлмонт, и теперь, когда Лэйн знал его секрет, Макс считал, что выполнил свою работу: кто-то еще в семье знал правду, и, черт возьми, Лэйн имел репутацию самого милого, черт побери, и разумного из их семьи. Так что, несомненно, он выберет правильное время и подыщет правильные слова... и снимет Макса с этого крючка.

Это был самый лучший вариант.

Да, самый лучший. Все складывалось прекрасно.

Выругавшись Макс направился назад в коттедж, напрямик мимо комнаты, в которой его сестра рухнула на диван, а Самюэль Ти. склонился над ней, прижимая к голове полотенце.

Он взял ключи и бумажник. Ах, да, кожаную куртку и байкерсы. Где они были?

— Ты уезжаешь, — процедил Самюэль. — Seriously. Ты вот так сейчас уедешь?

— Похоже, ты позаботишься обо всем. Кроме того, меня ждут в одном месте.

— Твою сестру чуть только что не убили.

— Ну, она же все еще дышит, не так ли?

Прежде чем он схлестнулся бы с Самюэлем Ти., Макс прошел в маленькую кухню, схватил куртку и поднял байкерсы, стоящие позади стула...

— Я могу потерять свою медицинскую лицензию.

Макс прикрыл глаза, потому что он слишком хорошо знал этот женский голос. Может ему показалось. Да, должно быть показалось. Он не хотел видеть эту женщину ни за какие...

Он обернулся.

Ну, черт побери. Танеша Найс, дочь проповедника, стояла в дверном проеме в белом пальто и хирургическом костюме, который совершенно не скрывал ее совершенные изгибы, на ее лице не было ни грамма косметики, стрижка была простой, такой же, как он и запомнил, и ее красота по-прежнему привлекала внимание, как и всегда.

— О... привет, Максвелл, — сказала она, заметив его.

Но она тут же перешла к делу, сосредоточившись на Джин.

— Что, черт возьми, с тобой случилось?

«Давай, выдвигайся, — сам себе сказал Макс. — Продолжай действовать по плану, который ты разработал, чтобы уехать из Истерли, как можно дальше от всех людей, которые с ним связаны».

Ничего хорошего не получится, если он останется.

Ничего.

Джин посмотрела на дверь, когда в ней появилась Танеша Найс, и даже сквозь туман в голове, она могла понять, что врач была не очень рада ее видеть. И выражение лица Танеши еще более ухудшилось, когда она взглянула на Джин.

— Вот, — сказал Самюэль Ти. — Держи.

Мгновение Джин даже толком не поняла, к кому он обращался. Но он прижал полотенце к ее лбу.

— Спасибо, — прошептала она.

Он отступил на шаг, чтобы смогла подойти доктор, но Джин следила за ним глазами. Он оперся на стену, скрестив руки, а потом что-то сказал ее брату Максу.

Рубашка из египетского хлопка Самюэля Ти. была окончательно испорчена, на ней запеклись кровь и грязь от земли

Несмотря на то, что у него было много других рубашек с монограммными пуговицами в шкафу, она почувствовала абсурдную необходимость заплатить за химчистку, хотя понимала, что это ни к чему не приведет. Может, она закажет ему новую. Ведь он до сих пор получал их от Turnbull & Asser? Она не думала, что он изменил своим привычкам.

Танеша опустила перед Джин на колени, положив на пол красную коробку с белым крестом и легко дотронулась до колена Джин.

— Могу я взглянуть на твою голову?

— Спасибо тебе.

Джин медленно опустила полотенце. У нее было ощущение, что она какое-то время так и будет заторможено двигаться.

— У меня она не болит.

— Я рада. — Врач наклонилась к ней и повернула ее подбородок влево и вправо.

— Хорошо, давай сначала проверим твои зрачки.

Танеша достала фонарик в виде авторучки из кармана и посветила сначала в один глаз, потом в другой.

— Хорошо. Сколько пальцев я показываю?

Джин приказала себе сосредоточиться и пробормотала:

— Два.

— Следуй глазами за моим пальцем, но не поворачивай голову, хорошо? Отлично. — Танеша повернулась назад, открыла чемоданчик и что-то достала. — У тебя небольшой порез надбровью, думаю, что я могу заклеить его лейкопластырем в виде бабочки. Ты делала прививку от столбняка?

— Да, полгода назад. Я подскользнулась на улице и пришлось наложить несколько стежков внизу ноги.

Она подумала, что врачу наверное следует это знать.

— Хорошо. Я рада, что ты вспомнила. — Танеша надела синие перчатки и улыбнулась, давая понять, что все будет хорошо. — Потом мы проверим твою ногу, ты не против?

— Это больно?

Танеша успокаивающе сказала:

— Да, Джин. Может быть больно.

— Ой, я ничего не чувствую.

Лицо Танеши выражало печаль, когда она приступила к очищению раны, Джин коротала время, наблюдая за двумя мужчинами в маленькой комнате: Самюэль Ти. по-прежнему прислонился к стене, хотя внимательно наблюдал за Танешей, готовый, несмотря на то, что он юрист, а не врач, помочь; Макс находился в маленькой кухонной зоне, с кожаной курткой, повисшей у него на руке, как будто он готов был смыться в любую минуту.

Но он также наблюдал за действиями Танеши, но несомненно совсем по другой причине.

И это напрямую касалось ее семьи. Чем же настолько провинилось ее поколение перед семьей, в отношениях, которые ничем не заканчивались? Взять хотя бы ее и Самюэля Ти., Эдварда и Саттон Смайта... Макса и Танешу. Правда, Лиззи и Лэйн стали вместе, но это было либо потому, что они были исключением, доказывающим правильность выбранного пути...

... или обреченные на ужасную неудачу.

— Не плохо, что насчет ноги?

— Ты думаешь, меня подстрелили? — Джин вытянула ногу, Танеша покачала головой, она выставила другую. — Нет...

Эта нога действительно представляла интерес. На ней была глубокая полоса, тянувшаяся вверх по передней части голени, как будто ее заклеили.

— Боже, — тихо сказала Танеша. Через минуту она отодвинулась и еще раз взглянула на рану. — Поскольку меня вызывали составить отчет о твоём здоровье, то я нахожусь в трудном положении.

— Извини, — произнесла Джин. — Уверена, все будет хорошо.

Танеша потерла глаза тыльной стороной руки, по-прежнему оставаясь в перчатках.

— Хорошо, давай посмотрим, что у нас здесь.

Женщина сдвинулась и осторожно переместила ногу Джин влево, потом вправо, и Джин чувствовала, как она по кругу осторожно ощупывает подушечками пальцев ее ногу. Джин совершенно не волновало, что с ней делает Танеша, но ей показалось не вежливым, что она безучастно сидит на месте и не принимает никакого участия, поэтому она немного подалась вперед.

— Должно быть она должна болеть, — произнесла Джин.

— Думаю, ты сильно ударились. — Танеша достала еще какие-то инструменты из своей коробки. — Хорошая новость заключается в том, что я не вижу никаких явных повреждений ткани, пуля явно там не застряла, но похоже, слегка задела тебя. Тебе очень повезло.

Джин задумалась, как ей следует ответить на подобное заявление. Она была совершенно уверена, что Emily Post никогда не печатала ничего подобного под заголовком: «Огнестрельные ранения: послеоперационное лечение».

Поэтому она решила ответить стандартным образом:

— Спасибо тебе за твою любезность.

После того, как Танеша перевязала ей ногу, взглянула на Самюэля Ти.

— Где другой пациент? — Он только отрицательно покачал головой, она нахмурилась. — Он или она мертвы? Я готова закрыть глаза на эту рану, но если здесь замешено убийство, я не стану участвовать в этом.

— Другой жив и здоров, — ответил Самюэль Ти. — И они разводятся.

Танеша глубоко вздохнула.

— Позволь мне спросить тебя кое о чем. Доктор Кальби и его отец — твой личный врач, почему ты не...

Самюэль Ти. тут же перебил ее:

— Мы позвонили тебе, потому что его отец вышел на пенсию, а сын находится в Шотландии, он поехал к своим родственникам. Его не будет в стране две недели.

— Достаточно справедливо. — Танеша покосилась на Макса. — Не мог бы ты принести мне мешок для мусора?

Макс нагнулся под кухонную раковину, а она развернулась назад к Джин.

— Я должна понаблюдать за тобой в течение дня. И я хочу, чтобы ты приняла антибиотики. Я выпишу тебе рецепт на таблетки широкого спектра действия... у тебя нет аллергии?

— Нет, спасибо.

— Хорошо.

Макс принес мусорный пакет и держал его открытым, пока Танеша бросала в него использованную марлю и салфетки. Потом он перевязал концы мусорного мешка и вынес его из задней части маленького коттеджа.

— Я хочу, чтобы ты начала принимать их с сегодняшнего дня. — Танеша быстро что-то писала в блокноте. — И одну перед сном. Не думаю, что тебе понадобится что-то более сильное, чем Мотрин или Тайленол из болеутоляющих. Если у тебя вдруг появится нарушение зрения, тошнота или рвота, тут же позвони мне. У тебя может быть сотрясение мозга, но я не могу это точно определить без рентгеновского снимка или сканирования головного мозга. Кто проследит за ней?

Самюэль Ти. прочистил горло.

— Я. Ей следует лежать в постели?

— Да, я хочу, чтобы ты не унывала, — сказала Танеша Джин. — Определенно не из-за чего.

— Спасибо.

Танеша обняла ее.

— Пожалуйста... я увижусь с тобой завтра. Заеду к вам из больницы.

Макс вернулся, Танеша поднялась.

— Проводи меня, Самюэль Ти., если не возражаешь.

— Да, мэ.

Танеша замешкалась, взглянув на Макса.

— Приятно увидеться с тобой, Максвелл. Хотя извини за обстоятельства.

— Да. — Он совершил небольшой поклон. — Мне тоже.

Самюэль Ти. и доктор ушли, а Джин опять легла на жесткую подушку. Между ней и Максом возникло неловкое молчание, напомнившее, что у нее с братом никогда не было ничего общего, и вся драма, через которую она прошла, не смогла изменить этого. Он переминался в своих черных высоких ботинках с ноги на ногу. Надел куртку, поигрывая ключами.

Смотрел куда угодно, только не на нее.

Раньше она бы подтрунивала над ним, лишь бы скоротать время, высмеивала бы его отвратительную торчащую бороду, которую он отрастил. Спросила бы зачем ему все эти татуировки. Потребовала бы объяснений, хотя не то, чтобы ее это заботило, когда именно он собирается уехать — сейчас... или как насчет именно сейчас?

Но сейчас она закрыла глаза.

Через минуту услышала его шаги, а затем он сказал:

— Вот возьми.

Открыв глаза, она нахмурилась, глядя перед собой на бумажную салфетку, которую он протягивал ей.

— Прости?

— Ты плачешь.

— Я? — Она взяла только лишь потому, не мог же он вечно стоять перед ней с протянутой рукой. — Спасибо.

А потом снова закрыла глаза, и медленно свернула салфетку в кулак.

Было странно плакать и ничего не чувствовать при этом. Но это было намного лучше, чем все чувствовать, но не иметь возможности плакать.

Разве нет?

Лиззи сбавила скорость своего грузовичка на Ривер-Роуд и заметила машины в стороне болотистой местности среди деревьев, первая мысль ее была: «Роллс-Ройс», не может быть? Лейн решил заехать на нем в это болото?

Но когда тебе звонят и сообщают, что твоя сестра в опасности, ты не будешь раздумывать и выбирать подходящую машину... Ты отправишься куда бы то ни было, на той машине, которая подвернется тебе под руку.

К счастью, грузовик Лиззи был полноприводным. Так что спасибо за то, что у нее были отличные протекторы, и она без проблем съехала и затормозила... и вау. Просто... вау.

«Мерседес» семьи Брэдфордов был впечатан в дерево, у него было разбито стекло со стороны водителя, а лобовое в паутине трещит. Было ли это хорошей новостью? Гэри МакАдамс суетился вокруг него. На своем намного большем и хорошо оборудованном Форде, он пятился, давая задний ход к бамперу «Мерседеса», а Лейн периодически махал ему рукой, корректируя его движения.

Лиззи вышла из машины, предварительно выключив фары, хотя она не была уверена, что уже кто-нибудь не сообщил полиции о произошедшей аварии. Лейн пару раз ей звонил, проверяя как дела, и наконец пришло время, когда она должна была покинуть больницу. Мисс Аврора больше не приходила в сознание, и поэтому ей нечего было делать с ней рядом, постольку состояние больной оставалось неизменным.

И ситуация в мелком болоте была именно той, когда еще одна пара рук была не лишней. И еще один набор тросов, наверное, тоже оказался бы не лишним.

Лейн произнес под рычание двигателя грузовика:

— Ты приехала.

Гэри остановился, и когда он вышел, Лиззи направилась к Лейну и поделила с ним поцелуй.

— Что, черт возьми, здесь случилось?

— Было слишком много обезумевших.

— Скорее всего, что так. — Она взглянула на главного садовника. — Привет, у меня есть тросы, если они тебе нужны.

Мужчина натянул на голову кепку Джона Дира.

— Может. Боюсь, ему придется отъехать отсюда, он слишком большой. — Он кивнул на роллс, и начал вытаскивать фунт за фунтом стальные тросы из своего кузова. — О нем только я и волнуюсь. Потому что нам необходимо сохранить эту красоту.

Гэри развернулся кругом, у него в руке было почти сорок фунтов веса, но он справлялся так, словно тросы ничего не весили. Лейн и Лиззи помогли ему найти крючки под задним

бампером Benz, а затем вместе стали их закреплять. Потом Гэри сел в свой грузовик и медленно... аккуратно... мягко... стал вытаскивать «Мерседес» от дерева по грязной земле.

Как только S550 освободили, Гэри высунулся из окна.

— Я возвращаюсь в мастерскую. И мы разберем и продадим запчасти, которые можно продать из этой груды металлолома. Мы не сможем ее починить, она изрешечена пулями почти везде.

— Хороший план. — Лейн дотронулся рукой до бицепса мужчины. — Спасибо.

— Просто выполняю свою работу. — Гэри посмотрел на Лиззи. — Ты вытащишь роллс отсюда?

— Ага, все сделаю.

— Вот это моя девочка.

Забавно, но то, что она отвечает за машину в полмиллиона долларов и должна вытащить ее из болота, и получила ободрение от Гэри означало для нее очень многое.

Гэри поехал по колее, которой проделали машины, а потом потихоньку выехал на дорогу, Лейн обнял ее и поцеловал в лоб.

— Давай пойдем домой в твоем грузовике? Мы должны проверить, как там Джин, и...

— Нет, мы не оставим здесь машину, и успеем проверить Джин. — Она кивнула на ройс. — Во-первых, позволь мне хотя бы попытаться выгнать его отсюда. Думаю, у нас все получится.

— О, я все понял, с ней будет все в порядке, пока мы...

Он, наконец, отлепился от нее, но она его обняла.

— Лейн. Я бы предпочла не беспокоиться об этой машине. У нас имеется всего лишь один шанс, чтобы разобрать этот беспорядок, — она указала на следы на земле, — только один выстрел. Эта машина должно быть весит, по крайней мере, шесть, а может быть и семь тысяч фунтов. Ты давно здесь застрял? Час? Если ты дашь задний ход и ударишь на газ? Ты сможешь проделать дыру до самого Китая, а я смогу уцепиться за зад и вытащить ее.

Лейн сначала открыл рот, потом закрыл, нахмутив брови.

— Понимаю, — разумно произнесла она, — что мужская твоя сторона не хочет, чтобы тебя вытаскивала женщина, но кому ты можешь довериться? Такому же городскому парню или женщине-фермеру, которая вытаскивает тяжелую технику из грязи с двенадцати лет? И хочу тебе напомнить что, чем дольше мы будем находиться здесь, тем больше шансов, что нас поймают.

Лейн подтянул вверх свои брюки.

— Я настоящий мужчина, — произнес он глубоким голосом. — Но при этом вполне разумен, чтобы в нужный момент отойти в сторону, когда требует этого ситуация.

Она обняла его за плечи.

— Я так горжусь тобой.

Направляясь в сторону роллса, она попыталась очистить свои ботинки хотя бы от половины грязи, чтобы сесть в салон за руль. Автомобиль заурчал, она перевела рычаг переключения передач в обратном направлении. Попробовав нажать на педаль, она придала ему немного ускорения. Потом еще немного.

Роллс-ройс был, словно поезд длиной в сто миль, огромный монолит, который едва сдвигался с места. Но это происходило потому, что Лиззи все делала медленно: сдвигаясь по дюйму, нежно, меняя движение и траекторию машины. И еще немного. И еще немного...

Все шло хорошо, лишь бы ей не попасть на преграду в виде корня или пня.

Боже, если учесть, как сегодня вечером развивались события, они вообще могли иметь труп.

Она прибавила еще тяги. И еще.

Ничего. Колеса буксовали в сырой земле, выкапывая траншею.

«Прибавь газу», — сказала она себе. И она прибавила. И стала двигать не совсем легко.

И еще прибавила газ...

Тщательно контролируя ройс, она начала его раскачивать...

Ладно, со стороны это казалось смешным.

Неповоротливый ройс, тяжелый как глыба роллс...

И она почувствовала, что он должен сдвинуться, словно она смотрела на него сверху-вниз... и он сдвинулся вперед-назад, она сдвинулась вместе с машиной.

— Пошла! — закричал Лейн.

«Пока нет еще», — пробормотала она.

«Пожалуйста, — подумала Лиззи. — Ну, давай же, продвинемся вперед».

Она повторила все сначала, Лейн внимательно наблюдал за ней, свет от фар озарял улыбку у него на лице. В отличие от большинства парней, которые раздраженным тоном что-то бы ей вещали, он был явно впечатлен, и когда она, наконец, вытянула «Фантом» по этим колдобинам, махину на асфальтированную дорогу, он захлопал в ладоши, подходя к ней.

Иииииииииии, именно в этот момент появились копы.

Во второй раз за день поднявшись на холм Истерли, Самюэль Ти. стал анализировать свои действия. Он вдруг стал адвокатом, представляющим самого себя в суде и совершившего всю эту глупость. Но он не собирался не перед кем высказывать свои аргументы, потому что знал аргументы с обеих сторон просто наизусть.

Остановившись перед главным входом особняка, он схватил маленький пакет с лекарствами и вошел в главные двери. Двигаясь по черно-белому мраморному полу, вверх по лестнице на второй этаж.

Он не стал стучаться в дверь спальни Джин. Просто вошел и нахмурился, увидев ее на кровати.

— Ты не пошла в душ? — спросил он, закрывая за собой дверь.

Она не ответила, и он испугался. Снова. Но нет, она дышала, поэтому была жива.

Но он не мог поверить, что эта избалованная, щепетильная к чистоте женщина лежала на белом одеяле в своем грязном, испачканном кровью, платье. Очевидно, что все ее принципы и правила в данный момент шли побоку.

Оставив пакет с лекарствами и рецепт у нее на тумбочке, он зашел в ванную и наполнил стакан с монограммой водой. Вернувшись назад в спальню, он поставил стакан, открыл пакет и прочитал все названия лекарств, сверяя их с рецептом.

Потом сел на самый край кровати.

Она не двигалась.

И знаете, в данную минуту прямо здесь и сейчас, он склонен был закончить свои меры противостояния к ней, основываясь на своей пагубной привычке, касательно Джин. Несмотря на свои лучшие намерения не иметь с ней больше никаких дел, он сумел снова влюбиться в нее, стоило ей только посмотреть на него глазами, наполненными слезами, будучи вся в крови, и сказать, что она сожалеет об Амелии. Он, как идиот, был готов ей простить самое худшее предательство, которое совершали по отношению к нему. На долю секунды, когда их глаза встретились, она извинилась... это было так, словно она готова была начать все с чистого листа вместе с ним.

И он почувствовал воссоединение, как только обнял, несмотря на то, что видел ее всего лишь тридцать минут назад.

И дальше что?

«Ох, Джин, — подумал он. — А потом ты снова проявила себя, не так ли?»

«*Мне нужно оставить кольцо*».

Несмотря на то, что ее чуть не убили и она чуть не убила человека, и несмотря на то, насколько сильно она могла быть ранена... Джин Болдвейн продемонстрировала тонкость и главное качество своей натуры. Финансы — были для нее всем.

Разве ему стоило напоминать, что она была расчетлива во всем.

И все дело заключалось в том, что после стольких лет, их соединений, разъединений и борьбы, если он не в состоянии будет отойти от нее сейчас, после откровений об Амелии, то, когда он вообще собирается это сделать? Что еще она могла с ним сотворить?

Он не хотел это выяснять.

Поднявшись на ноги, он вперился в нее долгим взглядом. Потом тихо вышел, закрыв за собой дверь. Прежде чем он вышел из дома, он попытался отыскать хоть кого-то, но дом был

пуск, тогда он даже решил постучать в дверь матери и попросить медсестру проверять Джин время от времени. Но ему показалось, что это будет напоминать вторжение в частную жизнь семьи.

В конце концов, он вышел к своему Range Rover и отправил смс-ку Лиззи и Лэйну, чтобы они проследили, что Джин принимает выписанные ей лекарства. С едой, как было написано на самой этикетке бутылочки.

По крайней мере, теперь это была не его забота.

По пути к главным воротам, он позвонил по последнему номеру в своем списке контактов и стал ждать. Как только его перекинули на голосовую почту, он прочистил горло.

— Привет, — произнес он, нажав на тормоза. — Извини, что не мог тебе раньше перезвонить.

Ворота медленно открылись, зажужжали вспышки камер, как только он проехал мимо, ему было все равно, поскольку внедорожник имел затемненные стекла.

— Да, Прескотт. Я пойду с тобой на вечеринку в эти выходные. Я буду там, и с нетерпением жду, когда смогу увидеться с тобой.

— Что произошло, ребята?

Полицейский вышел из своей машины к роллс-ройсу, Лейн приподнял руку, чтобы загородиться от слепящих огней полицейской машины.

— Я съехал с дороги, — сказал он, стоя внизу. — Это моя вина.

Быстро оглянувшись назад, он помолился про себя, чтобы от фар полицейской машины, патрульный не заметил гильзы, покарженное дерево... и все это дерьмо.

— Во время грозы? — спросил офицер, как только Лиззи вышла из Фантома.

— Здравствуйте, офицер. — Она пожала ему руку. — Мой парень...

— Жених, — поправил Лейн, оставаясь внизу в болотистой местности.

Офицер засмеялся, но Лиззи совершенно спокойно продолжила:

— ...мой жених застрял в низине в грозу...

— ...я сбился с дороги, — закончил Лейн.

— Поэтому мне необходимо было приехать на своем грузовичке, чтобы помочь ему.

— Но она сама вытащила эту махину.

— Не воспользовавшись своим тросом для буксира.

— Да, без тросов, — повторил Лейн.

Дерьмо, ему следовало подняться вверх к Лиззи, но он словно олень, находился под гипнозом фар полицейской машины.

Оглянувшись назад, он попытался вычислить, что может заметить офицер — множество следов от шин, грязь, пара поломанных молодых деревьев и сбоку припаркованный грузовик Лиззи. Парень будет осматриваться свежие царапины на багажнике?

— Как насчет грузовика? — поинтересовался офицер. — Вам нужен буксир?

— Нет, — сказала Лиззи. — Он полноприводный, с хорошими протекторами. Все будет хорошо.

— Ну. — Офицер оглянулся кругом. — Ужасная была гроза.

Лейн ждал подвоха в его словах. Какого черта они собирались делать, если...

— Хотите, чтобы я дождался, пока вы вытащите грузовик? — спросил офицер.

— Конечно, — ответила Лиззи. — Но не могли бы вы сдвинуться в сторону? Вы остановились прямо на моем пути.

Она показывала офицеру полиции, куда следует отъехать... Да, если офицер последует

ее указаниям, он перестанет светить своими фарами в болото.

Лейн готов был расцеловать ее. И сделал пометку в уме, что должен поцеловать ее как можно скорее.

— Без проблем.

Лиззи спустилась вниз к Лейну и прошептала:

— Поднимись к нему и займи его чем-нибудь.

— Я люблю тебя.

— Я не счастлива от всего этого.

Лейн внимательно наблюдал за ней, пока она поднималась на дорогу на своей старой Toyota, маневрируя через деревья, а он развлекал офицера.

Подъехав к полицейскому, она улыбнулась.

— Неплохо для деревенской девушки, да?

— Только деревенская девушка и может это проделать, — с уважением ответил полицейский. — Но, послушайте, вы не возражаете, если я взгляну на ваши права и страховку? Вас двоих?

— Вот, офицер. — Она наклонилась через сиденье и открыла бардачок. — Здесь два. Лицензия в моем бумажнике, здесь в джинсах.

— Спасибо, мэм. — Мужчина достал ручку фонарик из переднего кармана рубашки и проверил документам. Лиззи передала ему свою лицензию, с которой он проделал то же самое. — Все выглядит великолепно. Но ваши фары не работают.

— О! — Она забрала свои документы. — Простите. Вы выпишите мне штраф за нарушение?

Он улыбнулся.

— Если я снова поймаю вас без включенных фар среди ночи, то выпишу.

— Спасибо, офицер, — ответила она. Последовала пауза, она посмотрела на них двоих. — Ах, думаю, Лейн, встретимся дома?

— Конечно, — пробормотал Лейн.

Лиззи поехала по Ривер Роуд, офицер же повернулся к Лэйну.

— Прежде, чем вы уедите.

— Да, у меня тоже есть лицензия. — Он достал бумажник из заднего кармана. — Вот. Остальное в моей машине.

Пока мужчина проверял одну часть документов, Лэйн открыл дверь с пассажирской стороны роллса и достал другие документы. Полицейский осмотрел весь комплект, потом вернул ему.

А потом реально сбросил на него бомбу.

— Вы не хотите мне рассказать, что на самом деле здесь произошло? — Молодой человек кивнул в сторону болота. — Дерево там выглядит так, будто в него врезались со всей скорости на легковом автомобиле.

— Мы не пили. Очень сильная была гроза.

— Я верю вам, что вы били трезвыми, иначе вы не смогли бы вытащить отсюда грузовик и машину, это своего рода тест на трезвость. Но ваша машина в идеальном состоянии. Так же как и грузовик вашей невесты. Так что случилось с тем деревом, мистер Болдвейн?

Лейн глубоко вздохнул. Сначала ему захотелось сказать, что это дело не касается полиции. Он разберется частным образом, и это все, что нужно знать офицеру. Проблема заключалась в том, что с 1950-е годов, еще в ту эпоху, привилегия богатства и статуса

ставили его семью выше закона.

— Мистер Болдвей, — произнес полицейский. — Думаю, вы знали моего отца Эда Хайнца. Он работал в Истерли, пока не умер четыре года назад. И мой брат Роб, маляр, которого вы регулярно приглашаете.

— Конечно. Я знал мистера Хайнца. Да. Он заседал и ухаживал за всеми полями.

— Вы пришли на его похороны.

— Конечно, пришел. Хочешь знать, почему?

— Мы были удивлены, честно говоря.

— Он помог моему брату... ну, на самом деле, роллс-ройсу, хотя это тоже самое по сути... однажды. Макс взял новую машину моего отца. Это было в середине девяностых. Я никогда не забуду, какая она была красивая. Мы проехали по его полю с кукурузой, поломав почти все початки. Ну, частично истребив початки. А ваш отец все равно помог нам.

Офицер засмеялся.

— Я помню, как он рассказывал нам об этом. Он часто вспоминал эту историю.

— Были и другие, я уверен.

— Все, что происходило в Истерли, не заставляло скучать.

— Да, до тех пор, пока Макс был рядом.

Наступила долгая пауза. А потом Лейн взглянул офицеру прямо в глаза.

— Моя сестра на днях вышла замуж за Ричарда Пфорда.

— Да. Я читал об этом в газете, мы еще обсуждали с моей женой, что должно быть устроена грандиозная вечеринка по поводу свадьбы на холме. Все, так и было?

— Нет. — Лейн покачал головой. — Сегодня вечером Ричард ее избил. И она вынуждена была сбежать в машине от него во время грозы. Она скрылась от него на одной из семейных машин, но он стал ее преследовать. Он вбивался в ее машину, и из-за этого «Мерседес» съехал с моста и врезался в дерево. Если хочешь, я могу отвезти тебя к той машине?

— Нет, вы хотите выдвинуть против него обвинение? Где в данный момент находится мистер Пфорд? Я готов арестовать его прямо сейчас.

Лейн отрицательно качнул головой.

— Нет, ничего не надо. Она хотела бы просто покончить с этим. Это брак оказался ошибкой. Я хотел бы быть честен с вами. В тот момент, когда я сюда попал, я не собирался либезить перед этим парнем, если вы понимаете, что я имею в виду... он согласился аннулировать брак. В данный момент, я надеюсь, что моя сестра в порядке. Или с ней будет все хорошо. Но если она направится в больницу, или ты его арестуешь, у репортеров появится возможность открыто обратиться к моей семье и сделать репортаж об этих событиях. Она итак уже испытывает стыд и замешательство, и он ушел, пропал из ее жизни. Мы бы предпочли, чтобы это все было замято.

Офицер кивнул и полез в грудной карман.

— Это личное дело, я понимаю.

Лейн выдохнул.

— Да, совсем личное.

— Вот моя визитка. Позвоните мне, если вы или она передумаете.

— Спасибо, — Лейн взглянул на карточку, — Чарльз.

— Чарли. Чарли Хайнц.

— Мне стоит оплатить новое дерево, которое будет посажено взамен порушенного?

— Поскольку, это не частная земля, а принадлежит городу, являясь городским парком, то думаю, эта местность позаботиться о себе сама.

— Я очень высоко ценю, что вы понимаете из какой я семьи.

— Мистер Болдвейн, здесь мы заботимся о тех, кого знаем. Не волнуйтесь, никто не узнает об происшествии, если только вы сами не захотите, чтобы все узнали.

Они пожали друг другу руку, офицер вернулся в машину и уехал прочь. Оставшись один, Лэйн кинул взгляд на болотистое место.

И был очень рад, глядя на природу Чарлмонта, что она восстановится сама по себе.

Припарковав свой грузовик на свое обычное место возле бизнес-центра Истерли, Лиззи не могла отвести глаз от синего тента, который возвышался над машиной мисс Авроры. Кажется, что детектив и люди из ЦРУ поселились в Истерли надолго, и она задавалась вопросом, что они ищут... а вдруг у них имеется полицейская радиостанция, которая передаст, что полицейский остановился с болотистой местностью, которая вызвала у него подозрения.

Послышалось как хлопнул заурчавший двигатель. Автомобиль стали тянуть вперед. Буксуя. Видно, офицеры ничего не нашли.

Дорогой Господь, в чем проходит ее жизнь?

Она вышла из своего грузовичка, детектив Мерримак улыбнулся ей.

— Ужасная гроза, да?

— Да, была.

— И похоже, что вы пережили ее в какой-то грязи? — Он указал на ее шины. — На дороге имеются какие-то проблемы?

— Я возвращалась из больницы, когда гроза была в самом разгаре. Бесконечно вспыхивала молния и дождь лил, как из ведра.

— Да, такое случается. — Он еще шире улыбнулся. — Спорим, вы рады оказаться дома в безопасности?

Она взглянула на фургоны криминалистов рядом с местом преступления.

— Сколько еще вы предполагаете здесь оставаться?

— Пытаетесь от нас избавиться?

Да, тут же ответила она про себя.

— Нисколько. — Произнесла в слух. — Хотите что-нибудь съесть или выпить?

— Вы очень любезны. — Мерримак кинул взгляд через плечо на двух мужчин, ползущих вокруг машины мисс Авроры. — Думаю, что ребята не хотят, мы уже заканчиваем. Кстати, в квартире мисс Томс работают еще двое. Мне бы не хотелось, чтобы вы испугались, если их заметите.

— Хорошо. — Она прочистила горло. — Ну, так я пойду? Сегодня слишком длинный день.

— Вы выглядите уставшей, простите вырвалось. И я хочу поблагодарить вас за ваше заявление, оно оказалось очень полезным.

Она в ответ махнула ему рукой и направилась в сторону задней двери в кухню, он произнес:

— Мисс Кинг?

— Да?

— У вас ботинки все в грязи. — Улыбка. — Возможно, вы захотите вытереть их хорошенько о коврик, прежде чем зайти внутрь. Или вообще снять.

— О, да. Вы правы. Спасибо огромное.

У нее бешено колотилось сердце, когда она двинулась к двери и вошла в особняк, не воспользовавшись его советами. И как только она оказалась вне поля его зрения, она выдохнула и привалилась к стене...

— Извините меня, мэм.

Лиззи подпрыгнула от неожиданности, схватившись за сердце.

— О!

— Простите. Не хотел вас пугать. — Мужчина был одет в полицейскую форму и держал прозрачные пакеты обеими руками. — Мы закончили. Мы хотели бы попросить, чтобы никто не входил в оцепленное пространство.

Лиззи взглянула через его плечо и заметила женщину, одетую так же, как и он, опечатавшую дверь квартиры мисс Авроры.

— Конечно. Никто туда не зайдет.

После того, как они ушли, она села на стул перед плитой у столешницы. Примерно через десять минут, фары озарили окна кухни, автомобили начали выезжать, затем через несколько минут окна снова осветились, видно кто-то подъехал к заднему входу в дом.

Лейн вошел на кухню. И медленно закрыл дверь за собой.

— Привет.

— Привет.

— Хочешь что-нибудь на ужин...?

— Я хотела бы съездить в штат Индиана сегодня вечером, — быстро произнесла она.

— О, хорошо, конечно. Я возьму кое-какие вещи и...

— Одна. — Он нахмурился, но она пояснила: — кто-то должен остаться с Джин. Ей не следует быть сейчас совсем одной.

— Лиззи. — Он отрицательно покачал головой. — Пожалуйста, не уезжай.

— Только на ночь.

— Точно?

Она кивнула.

— После этой ужасной грозы мне нужно проверить свой дом. А ты должен остаться здесь.

— Но медсестра матери...

— Должна оставаться с твоей мамой.

— Лиззи.

Она закрыла глаза и вздрогнула.

— Тебе стоит отпустить меня прямо сию минуту. Сегодняшний день явно для меня слишком. Нет... Я всего лишь хочу поспать в своей постели и проснуться в своем маленьком домике на ферме. Выпить чашечку кофе, которую сама себе сварю. А не брать полнопривод, выискивая расчлененные конечности. Мне необходимо... побыть нормальной, хотя бы минутку.

Другими словами, не причастной к расследованию убийства, к буксирующей машине на болотистой местности и не к вранью копам. О, а также, если бы перед ней не маячило кровотечение, боль или смерть, то было бы просто прекрасно, спасибо.

Лейн открыл рот, чтобы ответить, но не успел.

Джефф вошел на кухню с передней стороны дома, на нем все еще был его костюм и портфель в руке.

— Привет, хорошие новости.

— Какие? — спросил Лейн мертвым голосом.

— На нас подали иск два банка.

Лейн прислонился спиной к стене, но Лиззи пришлось спросить:

— Разве это хорошие новости?

— Если бы подали три, — произнес Джефф, — нас принудили бы объявить о банкротстве. Так что, ура! Что на ужин, дети? Я не помню, когда в последний раз ел.

Через несколько часов Лейн проснулся в темной комнате от странного ощущения... хотя нет, постоит. Он был не на кровати, а на диване... в гостиной в Истерли.

Повернув голову, он обнаружил, что заснул с бутылкой Family Reserve, в которую тут же вперился ее взгляд... ага, точно, которую он опустошил на четверть. Рядом находился его хрустальный стакан, пустой. Обувки на нем не было, голова упиралась на декоративные подушки с кисточками, одна из которых запала ему в ухо, и все его тело лежало под странным углом.

Пытаясь выяснить, что нарушило его сон, он стал вспоминать не приснился ли ему кошмар.

Жаль, но просыпание оказалось для него из полыни, да в полымя.

Постойте-ка, нет... Сначала полымя, а потом полынья?

— Кого, черт возьми, это заботит.

У него закружилась голова, как только он сел и огляделся...

Одна из французских дверей в этой элегантной гостиной была широко открыта, и ночной ветерок, прекрасный и мягкий, задувал в помещение... может, это аромат из сада разбудил его?

Поднявшись на ноги, он направился к двери и выглянул наружу. Ветерок был еле уловимым, и он явно не мог распахнуть дверцу, Лейн опустил взгляд на блестящие глянцевые доски террасы. Они были все еще мокрыми, покрытые листвой, если бы кто-то вошел внутрь, неужели он не оставил бы следов?

Он включил лампу. Но на полу ничего не заметил.

Выйдя наружу и ступая по каменным плитам, он оглядывался по сторонам...

Кто-то двигался вдоль французских окон дома изнутри.

Фигура в белом... женщина... словно плыла в ночи по каменным ступеням в сад.

Лейн припустил трусцой.

— Извините. Эй?

Фигура остановилась. А потом повернулась к нему лицом.

— Мама?! — шокировано выдохнул он. — Мама, что ты здесь делаешь?

Лейн замер, его сердце ускоренно стучало в груди, хотя он пытался перевести дыхание. Наверное, люди с психическими расстройствами предпочитают блуждать в ночи? Или это результат ее лекарств и ухудшения ее состояния?

Или что еще?

— Привет, Эдвард. — Она радостно улыбнулась ему. — Такой прекрасный вечер, не правда ли? Я решила, что хочу подышать свежим воздухом.

Правильная речь его матери больше подходила к Дому Виндзор, чем к Югу Мейсона — Диксона, согласные звучали уверенно, а приподнятая бровь вместе с высокомерным тоном давали представление о ее происхождении, кем она являлась, гарантируя, что из уважения к ней, все выслушают ее до конца.

— Мама, думаю, нам стоит вернуться в дом.

Ее взгляд прошелся по цветам и цветущим деревьям, и в сумраке ее лицо выглядело также, как и в молодости, она по-прежнему держалась с достоинством и обладала прекрасными манерами, и в старые времена это называли «хорошим воспитанием».

— Мама?

— Нет, думаю, нам стоит пройтись. Эдвард, дорогой, дай мне руку.

Лейн тут же вспомнил о прощении с отцом. Тогда она тоже ошиблась, приняв его за Эдварда.

Он оглянулся в сторону дома. Где, черт побери, находится медсестра?

— Эдвард?

— Конечно, мама. — Он предложил ей согнутую в локте руку. — Мы пройдемся по саду, а потом я все же буду настаивать, чтобы мы вернулись в дом.

— Хорошо, это прекрасно, что ты переживаешь за меня.

— Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Эдвард, дорогой.

Вместе они пошли по кирпичной дорожке, углубляясь в сад к статуям. Его мать останавливалась перед каждым каменным изваянием, словно встречалась со старыми знакомыми, потом остановилась перед японским прудом с декоративными карпами, внимательно рассматривая серебряных, оранжевых и пятнистых рыбок. Сверху светила луна, закрываемая редкими тучами, посылая свой холодный свет вниз, так часто происходило в теплые месяцы.

— Мой муж умер.

Лейн взглянул на нее.

— Да, мама, он умер.

— Он умер недавно.

— Да. — Лейн нахмурился. — Ты скучаешь по нему?

— Нет, боюсь, что нет.

Потом они надолго замолчали. И Лейн не выдержал, ему захотелось узнать.

— Мама, я хочу кое-что спросить у тебя.

— Что, дорогой?

— Твой муж умер. Это... умер мой отец?

Она совершенно спокойно двинулась вперед.

Затем повернулась к Истерли, окидывая взглядом величественный простор, и Лейн заметил странный блеск в ее глазах.

— Мы не должны говорить о подобных вещах, Эдвард.

— Мой отец мертв, мама? Пожалуйста, скажи мне, мне нужно это знать для собственного спокойствия.

Она опять надолго замолчала, а потом ответила и ее слова напоминали шепот:

— Нет, дорогой. Твой отец жив.

— Мама, мне нужно узнать, кто он. Пожалуйста, скажи мне. Твой муж умер, поэтому никто не пострадает от правды.

Он замолчал, ожидая ее ответа. Она опять взглянула на дом, и Лейн испугался, что она погрузилась в свои воспоминания и уже не вернется из них.

— Мама? Ты можешь мне сказать.

Призрачная улыбка появилась у нее на губах.

— Я была влюблена. Когда была молодой... Я была влюблена в твоего отца. Я довольно часто видела его, хотя мы не были представлены друг другу. Семья возлагала на меня соответствующие ожидания по поводу замужества, и я не собиралась их нарушать.

Лейн мог только представлять, насколько в те времена было все строго. Существовали

установленные правила, каким образом молодая девушка, впервые выходящая в свет, и молодой холостят из известной семьи, должны были познакомиться и как должны были развиваться их отношения, а если кто-то из них вдруг допускал ошибку? Репутация была разрушена навеки.

Таковы были порядки с пятидесятых до восьмидесятых годов.

— Я наблюдала за ним издалека. О, с каким удовольствием я наблюдала за ним. Я была довольно застенчивой, и не хотела создавать проблем своей семье. Но в нем что-то было такое. Он был другим. И он никогда не переходил границ. На самом деле, я часто задавалась вопросом, почему он делал вид, что не замечает меня? — Она опять замолчала. — А потом появился Уильям. Он был не совсем тем, за кого мой отец хотел бы выдать меня замуж. Но Уильям мог быть таким очаровательным, и он был уже не мальчик, поэтому смог убедить отца, что он прекрасный бизнесмен... и он нам просто необходим. В конце концов, в нашей семье не было преемника, которому можно было передать бразды компании «Брэдфорд бурбон», поскольку я была единственным ребенком, отец не хотел, чтобы КББ ушла из семьи и попала в чужие, когда он умрет. Уильям стал работать в «Брэдфорд бурбон», и я должна была выйти за него замуж.

Лейн никогда не слышал раньше, чтобы ее голос звучал с такой тоской, на самом деле, это было совершенно на нее не похоже. Все его воспоминания о матери были связаны с красивой, богатой женщиной, сверкающей драгоценными камнями и потрясающими платьями, парящей по Истерли, улыбающейся и щебечущей. Всегда счастливой. Всегда спокойной.

И он задался вопросом, когда именно она начала заниматься самолечением.

— Наша помолвка длилась полгода. Это было связано с тем, что Diog не могли сшить мое свадебное платье быстрее, также бриллианты с жемчугами, которые заказали у Van Cleef были бы не готовы, на это все требовалось время. Мама сделала многое для меня, она организовала фотосессию, а также спланировала свадьбу. Я позировала в платье, и улыбалась на камеры. Уильям игнорировал меня по большей части, и это было прекрасно. Он... вызывал у меня беспокойство, и инстинкт меня не подвел...

«Точно», — мрачно согласился Лейн про себя.

— Я помню ночь, когда все произошло. Я оказалась лицом к лицу с твоим отцом. Я сама пришла к нему и представилась. Он был шокирован, но могу сказать, что он постоянно видел меня и был далеко не равнодушен ко мне. Несмотря на предстоящие брачные торжества, я продолжала преследовать его, у меня оставалось очень мало времени. Как только я стану замужней женщиной, Уильям ни за что не выпустил бы меня из поля своего зрения, и у меня больше не будет шанса...

— Ты забеременела, — прошептал Лейн.

— Да, именно это и произошло. — Она глубоко вздохнула. — Я не жалею об этом. Я не жалею, что у меня есть ты. Время, которое я провела с твоим отцом, было самым счастливым в моей жизни, и воспоминания о об этом давали мне силы в нескончаемые темные периоды.

— Уильям узнал об этом, не так ли?

— Да. Когда мы поженились, у меня был срок беременности два месяца, и он пришел в ярость. Он чувствовал, будто его заманили и надули, пообещав добродетельную жену, а он получил шлюху. Он на протяжении многих лет попрекал меня этим. Он не отрекся от тебя, потому что боялся, что другие дети, на которых он настаивал, будут его осуждать. Мы

занимались сексом всего четыре раза. Один раз в брачную ночь. А потом еще три раза, в результате появились твои братья и сестра. Я была, как говорится, ужасно плодовита, но он настаивал, чтобы я отслеживала свой цикл и не лгала ему. Больше он не хотел заниматься со мной сексом, поскольку преемственность компании зависит от множества наследников, которых мы уже получили.

— Ты продолжала видеться с моим отцом?

— Я видела его, да. Но после свадьбы я не часто... видела его.

— Он знал, что ты ждала от него ребенка?

— Да. Однако, он понял всю ситуацию. Он всегда относился с почтением и великим уважением ко мне. Это черта его характера.

— Ты все еще любишь его, не так ли?

— Я всегда буду его любить. — Она посмотрела на Лейна. — И ты должен знать, сын мой, что тебе совершенно не нужно быть рядом с человеком, чтобы его любить. Любовь переживает все: время, брак, смерть. Она сделает тебя бессмертным, несмотря на то, что есть дети, которых мы оставляем после себя. Именно таким образом Бог прикасается к нам, наша любовь к другим является отражением его любви к нам. Он дает нам такую возможность, почувствовать отражение его величия, хотя мы грешники, но так оно и есть.

— Где теперь мой отец?

— Прямо здесь. — Она прикоснулась к груди. — Он живет в моем сердце и будет здесь вечно.

— Подожди, мне показалось, что ты сказала, что он не умер?

В этот момент кто-то вышел из дома. Медсестра.

— Мисс Брэдфорд! Мисс Брэдфорд...

Черт побери, ему необходимо было еще время. Но женщина в белом халате завернула за угол дома и увидела их, и Лейн увидел, как выражение лица матери стало меняться, как бы отстраняясь от воспоминаний.

— Мама, — тут же произнес он. — Кто он? Кто мой отец?

Маленькая В.Э. отвернулась от дома и стала наблюдать за рыбками в японском пруду, ее прежняя ясность во взгляде исчезла, и он забеспокоился, что никогда уже не услышит ответ.

— Мне очень жаль, мистер Болдвейн, — сказала медсестра, взяв тонкую руку маленькой В.Э. — Я заснула. Это непростительно. Пожалуйста, не увольняйте меня...

— Все в порядке, — ответил он. — С ней тоже все хорошо. Но в будущем, давайте быть более внимательными.

— Буду. Клянусь.

Медсестра увела мать, а Лейн остался у пруда. И он отчетливо увидел, насколько впустую прошла жизнь маленькой В.Э., все лучшее, что было в ней, она положила на алтарь семейного величия, рода, в котором родилась, так и не получив права свободы выбора.

Действительно, позолоченная клетка.

Боже, ему так захотелось, чтобы его Лиззи была здесь, рядом с ним. Даже несмотря на то, что Джин, мать и Джефф находились под большой крышей Истерли, он чувствовал дом совершенно пустым без нее.

На следующее утро Лейн сел в свой Porsche и направился к Старому складу. Штаб-квартира компании «Брэдфорд бурбон» находилась в центре города, но сердце и душа компании по-прежнему были в тридцати милях к юго-востоку, располагаясь на огромной площади, на которой его семья делала, хранила и продавала свой продукт на протяжении более века. Ему понадобилось добрых сорок пять минут, чтобы добраться до туристической достопримечательности: первые десять километров достаточно быстро шли по трассе, но потом сменилась серией небольших и больших дорог, ведущих к административно-территориальному комплексу.

Забавно, он всегда чувствовал, когда был уже близко, заведя шести— и семиэтажные высотные здания из стеллажей, где бочка к бочке выдерживался бурбон, подвергаясь изменениям климата незащищенного от капризов матушки-природы. Процесс шел. На тех складах, на пространстве стеллажей во время теплого, жаркого, прохладного и холодного, которое беспрерывно повторялось, зарождающегося бурбона, проникающего и испаряющегося со стенок обожженных бочек из белого дуба, а сам вкус зарождался по прошествии дней, месяцев и лет.

В конце концов, бурбон был продуктом, но также был и трудом любви. Один знаток, производивший алкоголь как-то сказал: «Я не беспокоюсь о своих поставках водки. Я могу включить кран и залить рынок водкой». Бурбон же требовал времени. Много, черт побери, времени...

Повернув на почти куриную тропу, Лейн проехал три мили, а затем свернул налево на более нормальную дорогу, рядом с которой был знак со стрелкой, указывающей, что Старый склад был впереди. Как всегда, вывеска компании «Брэдфорд бурбон» была сдержанной, не что иное, как рисунок тушью поместья Истерли и название — компания «Брэдфорд бурбон», пейзаж был тоже достойным, но не чрезмерным. Примерно через полтора километра показалась вместительная парковка, рядом с которой находился современный центр для посетителей, где располагался конференц-зал для проведения всевозможных мероприятий и небольшой музей.

Несмотря на то, что день только начинался, туристы уже прогуливались вокруг, в основном, группы пенсионеров. Но в праздничные дни, особенно осенью, как правило, прибывали туристические автобусы, останавливающиеся где только можно и парковка становилась полностью забита. Старый склад был организатором многих свадеб, встреч любителей бурбона, туристов из Кентукки и разных иностранцев, желающих испытать и попробовать старинную американскую традицию.

Фактически, Старый склад компании «Брэдфорд бурбон» был старейшим, постоянно действующим местом производства не только в Содружестве штата, но и в этой части страны.

Завернув за центр для посетителей, он продолжил свой путь по дороге для персонала, которая привела его в главный офис, где работал Мастер-дистиллятор Эдвин МакАллан. Припарковав Porsche под деревом, Лейн вышел и попытался сосредоточиться.

Он звонил Лиззи. Дважды.

И получил в ответ смс-ку — она хочет проверить свои угодья и перезвонит ему позже.

Лейн предоставил ей личное пространство, но, послушай, это его убивало и напомнило,

что из всех вещей, которые соперничали за его внимание, она была якорем его жизни, с которым он хотел быть вместе. А если он потеряет ее? Это будет ужасная трагедия, потому что больше ничего в жизни его не удерживало и не имело значения.

Идя по небольшой тропинке, он попытался отвлечься от невеселых мыслей, рассматривая знакомые окрестности. Во всех зданиях — от складских помещений до упаковки и дистрибуции, во всех полдюжины оригинальных коттеджей окна и двери были окрашены в красный цвет, а деревянный сайдинг был черным. Проложенные дорожки связывали все здания вместе, экскурсии длились ровно час, посетители под предводительством гидов изучали все этапы, начиная от вызревания бурбона, созревания и процесса розлива, кульминацией этого процесса стала возможность клиентам самим разлить бурбон в бутылки.

С бережной аккуратностью развивая мастерство и поддерживая атмосферу ранней Америки, словно это был своеобразный Диснейленд, но в хорошем смысле, потому что кругом царил своеобразная атмосфера чистоты, предназначенной для отдыха семьями, и волшебную атмосферу дополняли ящики для цветов, в которые вскоре будут высажены петунии и герани, и подстриженные лужайки, соединяющие пятьдесят или около того строений, и яркая униформа руководства, работников и административного персонала, которые были по всюду и рассказывали, проявляя личную причастность к производству продукта и самой территории склада.

Как только Лейн вошел в приемную реконструированного офиса Мастера-дистиллятора, миловидная женщина подняла голову от стола.

— Привет, Лэйн.

— Бет, как поживает наш мальчик?

— Неплохо, насколько Мак может быть в данной ситуации. Он с Джеффом. Я печатаю огромные электронные таблицы в Excel, а затем присоединяюсь к вам, парни.

— Хорошо, спасибо.

Мак и Лейн знали друг друга почти всю свою жизнь, Мак был сыном предыдущего мастера-дистиллятора КББ. В свою очередь, Бет Льюис была женщиной, которую Мак нанял, чтобы заполнить вакансию ассистентки в офисе, но очевидно, ее назначение оказалось более гармоничным решением, нежели даже на сайте знакомств.

Любовь приходит в жизнь людей и в нужное время тоже.

«Хорошо», — у него екнуло сердце, как только он подумал об этом.

Войдя в кабинет, его опять поразили все наклейки на стенах, и он замер на пару секунд. Вместо обоев, такова была традиция мастеров-дистилляторов компании, обклеивать стены этикетками, принадлежащими бурбону их эпохи, некоторым из которых насчитывалось сто лет и более. Лейн слышал, когда пришло время модернизировать это здание, сохранение этой традиции, вернее этих стен, довело архитектора, подрядчика и дизайнера почти до сердечного приступа.

И в этот момент Мак и Джефф подняли на него взгляд. И оба выглядели так, будто предпочитали быть оказаться на пляже в Кабо.

С пивом.

Или фруктовым пуншем с ромом.

В основном, с чем угодно, кроме бурбона, и в месте, отличном от Кентукки.

— Как дела? — спросил Лейн.

Джефф откинулся на спинку стула.

— Плохо. Очень плохо. Что если выставить свои требования еще один банк? Мы в 11-й главе. *(Глава 11 является формой банкротства, которая предполагает реорганизацию бизнеса должника, его долгов и активов. Названа в честь американского кодекса о банкротстве, состоящем из 11 глав, Глава 11-это, как правило, рассматриваемая корпорация, которой требуется время, чтобы реструктурировать свои долги, и придать новый старт, при условии исполнения должником своих обязательств в рамках плана реорганизации. Это наиболее сложное из всех дел о банкротстве и в целом самое дорогое, компания должна рассматривать реорганизацию по главе 11 только после тщательного анализа и изучения всех своих альтернатив. — прим. пер.)* У нас нет денежного потока, чтобы покрыть долги, как бы я не пытался вывести нас из кризиса. Я продолжаю искать решение, но его нет. Нам необходимы существенные денежные вливания.

Лейн хлопнул о ладонь Мака и сел, вошла Бет и всем раздала свои таблицы.

Поскольку все четверо сосредоточились на финансах, Джефф начал апеллировать своими финансовыми терминами, пытаясь досконально все объяснить, Лейн честно пытался сосредоточиться на его словах, но полностью выпал из его речи. Он ждал звонка от Мерримака и молился, чтобы как можно быстрее позвонила Лиззи, а также задавался вопросом, что делать с Эдвардом...

— Что скажешь, Лэйн?

— А? — Взглянув на своего друга по университету, он вдруг понял, что все трое пялятся на него. — Простите?

Мак по удобнее уселся на стуле и скрестил руки на широкой груди.

— У меня кое-что есть, что может нас спасти. Если хочешь можно с этим познакомиться.

— С этим?

Мак взглянул на Бет, потом вернул взгляд к Лейну.

— Давай.

Все четверо поднялись на ноги и прошли через приемную. По улице, где было довольно-таки тепло, Мак привел их в современное здание, в котором не наблюдалось окон и была не одна закрытая дверь. Вынув пропуск, он приложил его к считывающему устройству и стал ждать, пока дверь разблокируется.

Прежде чем войти, Мак посмотрел прямо Лейну в глаза.

— Чтобы ты знал, это может убить меня.

«Боже мой!» — подумал Лейн. Он никогда не видел, чтобы Мак выглядел таким мрачным.

А небеса знали, что они прошли через все вместе, начиная от общей средней школы Чарлмонт Кантри Дей, и потом, уже повзрослевшие, в университете, когда Мак завоевал признание здесь на Старом складе, действуя под руководством своего отца, а Лейн просто плыл по жизни, ничего особенно не делая.

Они оба любили баскетбол, хороший бурбон, неприличные анекдоты и штат Кентукки, и по сути были положительными парнями.

По крайней мере, до недавнего времени.

Мак снова взглянул на Бет, которая казалась подавленной также, как и он, а затем широко открыл дверь, чтобы они один за другим вошли в прихожую лаборатории. Вокруг висели белые костюмы, также имелись коробки с синими бахилами, которые следовало надеть на свою обувь. На полках и вешалках висели специальные очки, маски и шапочки для

волос.

Мастер-дистиллятор КББ проигнорировал все это странное обмундирование и напрямик прошел через стеклянную дверь в лабораторию. Здесь были столешницы из нержавеющей стали, яркие лампы и микроскопы, что делало это пространство похожим на лабораторию ЭКО или возможно центром борьбы с заболеваниями.

— Он под этим.

Мак остановился перед относительно безобидным стеклянным контейнером, накрытым сверху фольгой и закрывающей понизу, под которой была полная темнота, он снял, и они увидели густую вязкую жидкостью со светлой пеной от брожения наверху.

— Знакомьтесь с моим новым штаммом. Или, лучше сказать, нашим новым штаммом.

Лейн выпучил глаза.

— Ты шутишь? Я даже не знал, что ты работаешь над новыми дрожжами?

— Я не был уверен, что найду что-то новое, о чем бы стоило говорить. Но оказалось, что нашел.

Правила и метод приготовления бурбона были очень четкие: виски должен быть изготовлен в США, сусло должно состоять из не менее пятидесяти одного процента кукурузы, причем остальное должно было быть рожь, пшеница и/или солод ячменя. После того, как сусло будет готово, при правильном показателе кислотности среды, добавлялись (штамм) дрожжи и происходила ферментация, и ферментированное сусло необходимо было потом дистиллировать, подавая в аппарат для перегонки определенное количество спирта. Полученный в результате «самогон» помещался в новые, обугленные бочки из американского дуба, где и выдерживался, в результате чего карамелизованный сахар окрашивался от обугленной древесины, поглощая спирт, шел процесс брожения. После созревания бурбон фильтровался, добавлялась родниковая вода и, наконец, разливался по бутылкам, имея на выходе 40 % лучшего алкогольного напитка.

На вкус влияли, по сути, три вещи: состав сусла, длительность выдержки... и штамм (дрожжи).

Штаммы дрожжей являлись самым высшим секретом создателей бурбона, и для такой компании, как «Брэдфорд бурбон», они были не только запатентованы, но хранились под замком, матка штамма тщательно процеживалась, как правило проверялось ДНК каждый год, если можно так выразиться, чтобы быть уверенными, что в нее не попала никакая грязь.

Если вдруг дрожжи изменялись, изменялся и вкус продукта, поэтому сам продукт, поэтому производящий его штамм мог быть испорчен навсегда.

Штамм, используемый для семейного производства Брэдфордов, был доставлен из Шотландии в Пенсильванию вначале, когда семьи Брэдфорд занялась производством бурбона. И примерно вот уже как пятьдесят лет нового, так и не было создано.

— Прямо перед смертью отца, — сказал Мак, — я начал над ним работать. Путешествуя по всему югу, используя образцы почвы, орехов и фруктов. И вот... Он только что начал жить и разговаривать со мной. Я тщательно его проанализировал и сравнил его ДНК со всеми остальными. Такого нет, его можно патентовать и более того, он сделает бурбон адским.

Бет подошла к мастеру-дистиллятору, он обнял и поцеловал ее.

Лейн покачал головой.

— Это по-настоящему грандиозный исторический...

— Да, лет так через десять, — перебил его Джефф. — Я не хочу показаться занудой, но

нам необходимо вложить деньги именно сейчас. Даже если эти дрожжи создадут самый лучший бурбон на планете, ему потребуется время, чтобы вызреть, прежде чем мы сможем его распространить.

— Вот мое мнение. — Мак не отрываясь смотрел на стеклянную ванночку. — Мы можем продать этот дрожжевой штамм. Любой другой производитель бурбона... или производитель виски за пределами Соединенных Штатов, готов будет убить за него, и не только потому, что собирается на его основе делать спиртное. Думаю, они даже готовы были бы пойти на подкуп, лишь бы получить его из наших рук.

На Джеффа его речь не произвела должного впечатления, поэтому он спросил:

— Нет, ты должно быть шутишь.

— Он может стоять..., — Мак пожал плечами. — Ну, ты говоришь, что нам необходимо около ста миллионов, чтобы расплатиться с кредиторами, верно? Может что-то вроде того... но он практически бесценен. Черт, я даже не знаю, какую цифру можно назвать за этот штамм в долларах. Но, по крайней мере, это будет очень много. И еще больше. Подумайте сами, собственный искусственно выращенный штамм дрожжей, которого никогда прежде не было на рынке, конкуренция явно снизится из-за его продажи.

— Бесценен, — пробормотал Джефф.

Лейн внимательно смотрел на Мака. Мастера-дистилляторы, как правило, все были намного старше тридцати, чем было Маку, и для него это было огромная честь показать, что он действительно является сыном своего отца, не говоря уже о том, что собственноручно создал что-то вроде *такого шедевра*? Это было верхом карьеры, кроме того поставило бы его в Большую Лигу... и разбило бы ему сердце, если бы кто-то другой получил этот штамм для производства своего бурбона, который он создал собственными руками.

— Я не могу позволить тебе это сделать, — сказал Лейн. — Нет.

— Ты выжил из ума? — пролаял Джефф. — Seriously, Лэйн. Мы нищие. Ты видел дыру в которой мы находимся сейчас? Ты знаешь, что стоит на кону. Только денежные вливания могут нас спасти, если мы продадим этот штамм, мы получим деньги в срок.

Воцарилась тишина, Лейн подумал о Саттон Смайт.

«Ликеро-водочные заводы корпорации Саттон» имели кучу денег, потому что, у нее не было придурка-идиота отца в виде генерального директора, который крал деньги у компании.

Саттон была генеральным директором. Она сможет принять нужное решение, причем быстро.

А как же то, что она крупнейший конкурент КББ?

Мак постучал пальцем по ванночке.

— Если это спасет компанию, я ведь буду героем, верно? И я спасу свою работу, пока буду на ней.

Все трое перевели взгляд на Лейна, он ненавидел такие взгляды и свое положение, когда вынужден был решать такие вопросы.

«В этом опять же виноват отец», — поправил он сам себя.

— Возможно, есть и другой способ, — услышал он себя со стороны.

«Хотя, если так на самом деле», — подумал он, то почему он слышит стрекот сверчков в голове?

Он выругался и направился к двери.

— Отлично. Я знаю, кому следует позвонить.

«Учитывая все обстоятельства моей жизни», — подумал Макс, перекидывая ногу со своего Харлея, было удивительно, что его Бог миловал, и у него не было за всю жизнь тюремного срока.

Взглянув на здание окружного суда штата, он удивился сколько этажей оно занимало и задался вопросом, где именно находится в этом комплексе тюрьма. Здание фактически занимало целый квартал. И было очень широким.

По мере того как он подымался вверх по ступенькам и многим уровням, он стал рассматривать себя со стороны, как преступника. Борода, в черной коже и татуировках. Он напоминал человека с плаката, которым пугали детей, путающегося с правовой системой, и, конечно, полицейские с металлоискателями, через которые он был вынужден проходить, подозрительно поглядывали на него.

Он положил свой бумажник, цепочку в черную корзину вместе со своим сотовым телефоном и прошел через сенсорную решетку. На той стороне его проверяли металлоискателем. Дважды.

Ему показалось, что они разочаровались, когда ничего не нашли.

— Я ищу регистрацию тюрьмы? — сказал он.

— Для заключенных? — спросила женщина.

— Да, я хочу увидеться с одним.

«Конечно, ты хочешь увидеться», — сказали ее глаза.

— Поднимайтесь на третий этаж и следуйте по указателям. Они приведут вас в следующее здание.

— Спасибо.

Ему показалось, что она удивилась его вежливости.

— Пожалуйста.

Следуя ее указаниям, он оказался в очереди к стойке регистрации, за которой сидело четыре полицейских, набравших запросы в компьютерах.

Он бы взглянул на часы, если бы они у него были. Вместо этого он посмотрел на часы, висящие на стене за полицейскими. В таком темпе он скорее не покинет город и до полуночи...

— Макс?

Он повернулся на знакомый голос и кивнул.

— Привет, мужик. Как ты?

Шериф Рэмси дал пять, и Макс поймал себя на мысли, что хотел бы ему рассказать, почему у него появилась борода и тату. Но потом он подумал, что давно уже стал взрослым и не должен ни перед кем отчитываться.

— Ты здесь, чтобы увидеться с Эдвардом? — спросил шериф.

— Я, ах, да, думаю, да.

— Он не очень-то жалуется посетителей.

— Я уезжаю. Из города. И хотел бы увидеть его до того, как уеду, знаешь ли?

— Подожди здесь. Посмотрим, что я смогу сделать.

— Спасибо, парень.

Макс прошел по полу с линолеумом и опустился на ряд стоявших пластиковых стульев. Но он не стал расслабляться, просто положил руки на колени и стал рассматривать людей, толпившихся в помещении. Здесь было не так много «белых воротничков».

Да, его отцу с этой бы дерьмовой процедурой здесь не понравилось бы. Хотя Уильям

был бы скорее всего оказался бы в федеральной системе, а не в местной. Наверное, более шикарной. Хотя скорее всего нет.

Жаль, что ублюдка убили до того, как на него упал домоклов...

В кои то веки Макс не боролся с натиском ужасных воспоминаний, которые появлялись кратковременно, какими-то зарисовками — поркой, неодобрительным отношением... открытой ненавистью... появляющиеся у него периодически, как самое наихудшее слайд шоу. Он спокойно относился к ним, поэтому и не возвращался в Чарлмонт, и надеялся, что это был последний раз, когда у него в мозгу возникали воспоминания, связанные с отцом.

Находясь в других городах и в другом климате, в других часовых поясах ему было гораздо проще оставить все у себя позади.

Там было проще сделать вид, что ничего не было... никогда.

Краем глаза он заметил, как зашли двое, мать и сын, встав в очередь. Мальчишка казался тощим и долговязым, одни хрящики без костей, типичный шестнадцатилетний подросток. У матери была бесцветная кожа курильщицы и татуировок больше, чем у Макса.

Трудно было сказать, кто пререкался больше друг с другом.

Понятно, честный бой.

Когда ребенок, наконец, к чертовой матери заткнулся, он развернулся, как будто рассматривал возможность побега... и именно тогда увидел Макса.

Боже, Макс понял, что его бунт был слишком похож, на его бунты в этом возрасте, по сумасшедшим глазам парня и виднеющимся синякам. Макс прошел через то же самое. Когда отец бил ремнем хотя бы раз в неделю, просто из-за того, что ты что-то сделал, а чаще из-за того, чтобы попытаться в очередной раз сломить тебя, ты мог сделать только две вещи — или заткнуться или слинять.

Он выбрал последнее.

Эдвард выбрал первое.

Рэмси появился из задних комнат.

— Он готов встретиться с тобой. Давай.

Макс поднялся на ноги, парень все еще смотрел на него, как будто Макс для него был кумиром, которому стоило подражать. И Макс вдруг осознал, что если ты делал татуировки, слыл хулиганом и имел в глазах бешенный огонь, ты защищал себя не столько от людей, стоящих рядом с тобой...

... сколько от людей, которые были позади тебя.

От того, с ремнем и смехом, наслаждающегося твоей болью, потому что это заставляло его чувствовать себя сильнее.

— Макс?

— Извини, — произнес он Рэмси. — Я иду.

Он смутно проследовал по каким-то коридорам и блокпостам с решетками, а затем оказался в коридоре с несколькими дверьми, над которыми горели лампочки. Две были зажжены. Три потушены. Его провели к последней двери с зажженной лампочкой.

Рэмси открыл железную дверь, и Макс замешкался. В Эдварде было что-то такое, что всегда заставляло его чувствовать себя полной задницей, и это было совсем не потому, что они росли вместе и Эдвард разгребал все его проделки, Макс, на самом деле, часто был настоящей задницей.

Дело в том, что Эдвард был их вождем, их предводителем, их королем. А Макс всегда был шутком с психотическими тенденциями.

Вспомнив об этом, он все же заставил себя войти с поднятой головой, но ему не следовало особо беспокоиться, поскольку Эдвард даже не смотрел в сторону двери. Он сидел, опустив голову, сложив перед собой руки на столе.

Рэмси что-то сказал и закрыл дверь.

— Я так понимаю, ты уезжаешь? — Эдвард поднял на него глаза. — Куда направляешься?

Прошла пара минут, прежде чем Макс смог ответить:

— Не знаю. Главное не быть здесь, только это имеет значение.

— Я полностью тебя понимаю.

Макс выдохнул от напряжения и подошел к стулу напротив брата. Он попытался отодвинуть стул из нержавеющей стали, он тот не сдвинулся с места.

— Они прикручены болтами к полу. — Эдвард едва улыбнулся. — Я полагаю из-за того, что некоторые из моих сокамерников с трудом сдерживают свои эмоции. Готовые бросаться чем угодно.

— Я бы приноровился здесь.

— Ты бы смог, это точно.

Макс втиснулся на стул, колени и бедра уперлись о низ стола.

— Эта штука тоже прикручена болтами?

— Не доверяй никому, — Эдвард поднял палец.

— Разве это не из «Секретных материалов»? (*«Секретные материалы» — американский научно-фантастический телесериал, созданный Крисом Картером. Показ стартовал 10 сентября 1993 года и завершился через 9 лет, 19 мая 2002 года. За это время были сняты 202 серии. — прим. пер.*)

— Это?

Опять воцарилась тишина.

— Эдвард, мне нужно тебе кое-что сказать прежде, чем я уеду.

«Иииии вот почему это называется токсикозом», — подумала Лиззи, замедлив движение на своем полноприводной машины для газонов и наклонившись в сторону, почувствовав позыв к рвоте. Уже в четвертый раз.

Но она все равно была полна решимости объехать все свои владения.

Хорошая новость? По крайней мере, свежий воздух, солнце и запах травы плодородной земли были бальзамом для ее души. И что вы думаете, широкий простор открытого неба и уединение, которые помогли ей заснуть накануне, поразили ее всем гротескным манипулированием правовой системой, оказавшейся гораздо большей, чем просто брат, желающий защитить свою сестру и удержать подальше от документов о разводе.

Плюс ко всему, нужно было еще подумать об Амелии.

Лиззи выпрямилась и сделала глоток воды из бутылки, посмотрев на низ живота. А если у нее родится ребенок? И будет связан с именем Брэдфордов? Последнее, что она желала бы — это оказаться частью семьи в новостях и во всех социальных сетях, особенно касающейся того, что произошло в болотистой местности.

Но между прочим, Амелия может приехать домой на несколько дней, но все равно, даже если она не будет в Чарлмонте, о ней будут говорить, как о ребенке известной матери... бла-бла-бла.

Лиззи показалось, что это ужасно для девочки.

Лиззи ударила на газ и сделала резкий разворот, который заставил ее остановиться у ограждения. И пока она пыталась отыскать поваленные деревья, подпрыгивая на кочках, упавшие ветки или столбы, она не переставая думала об Амелии, вспоминая все ее годы.

«Бедная девушка даже не знала, кто ее отец».

О нем не принято было говорить.

Опять взбираясь вверх по дальней оконечности фермы, выходящей на север, Лиззи остановилась и развернулась на своем сиденье. Опустив глаза на землю, которой владела, которая была полностью выплачена, она вдруг поймала себя на мысли — «Господи, у нее будет ребенок, которому она сможет все это оставить».

Полюбит ли он землю также, как она? Захочет ли он копаться в земле и выращивать семена, которые будут кормить людей, распространять вокруг себя аромат и настолько красиво выглядеть вокруг дома? Или он или она будут художником? Возможно, который найдет здесь вдохновение... или писателем, который будет просиживать долгие часы в одиночестве за клавиатурой в передней гостиной.

Женится ли ее сын здесь на этом холме? И будет ли ее дочь содержать здесь в сарае лошадей?

Столько вопросов. И так много желаний.

И ни один из них ни коем образом не включал в себя Истерли или кого-нибудь из рода Брэдфордов.

А может ее ребенок станет бизнесменом? Узнает о бурбоне и его истории, и станет страстным поклонником почитаний давних традиций.

Или... Дорогой Господь, что если ее дочь будет похожа на Джин? Лиззи показалось, что этого она не переживет.

У нее перед глазами появились картинки прошлой ночи, а потом и другие, когда Лэйн и

Ричард Пффорд столкнулись в коридоре в Истерли. Лэйн так переживал за сестру, так защищал ее. И также его переживания, связанные с Эдвардом. О Максе. Его потрясающая любовь к мисс Авроре и даже его не вполне нормальной матери.

Кроме того, был еще молодой мальчик Дэмион, незаконнорожденный сын его отца и главного бухгалтера семьи. Лэйн все равно заботился о нем, хотя ему и не стоило, поскольку тому оставили существенное состояние, но Лэйн все равно беспокоился, чтобы с ним все было по-честному.

Лэйн боялся стать отцом. Но Лиззи знала, что он уже являлся хорошим семьянином, потому что ему пришлось встать во главе семьи.

Положив руку на живот, она решила рассказать ему о своей беременности. Во-первых, потому что не дай Бог, она потеряет ребенка, иногда такое могло случиться до второго триместра, и она хотела, чтобы он, по крайней мере, знал, что у нее внутри зарождалась их новая жизнь. А во-вторых, он заслужил знать, она подумала опять об Амелии, ей не хотелось, чтобы Лэйн был как отец дочери Джин, так ничего и не узнав о своем ребенке.

Семья Брэдфордов обладала контрастной историей с отцами и детьми.

И она, черт возьми, не собиралась участвовать во всем этом.

Эдвард никогда особо не ладил со своим братом Максом. Однако, он научился не воспринимать это на свой счет. Макс не мог ужиться ни с кем. Поэтому, когда появился Рэмси и сообщил, что «паршивая овца семьи» готова была покинуть Чарлмонт, предварительно встретившись с ним напоследок, он согласился.

И что-то подсказывало Эдварду, что он в последний раз видит своего брата.

— Что случилось, Макс. Что, по-твоему, я должен знать?

Макс потер лицо. Пригладил бороду. Но выглядел при этом так, будто до конца не мог решиться, говорить или нет.

И для Эдварда стало полной неожиданностью, когда он заметил на бледно-серых глазах парня что-то похожее на слезы.

Он был поражен, и не мог этого отрицать, поэтому Эдвард протянул руку и сжал огромный бицепс своего брата.

— Все хорошо. Чтобы не было, все хорошо.

— Эдвард... — голос Макса треснул. — Эдвард, мне очень жаль.

«Он узнал о попытке самоубийства?» — тут же мелькнуло у Эдварда мысль.

Эдвард немного откинулся на спинку стула и с грустью пожалел о своей глупой попытке навредить себе. Он предполагал это только абстрактно. Как только он увидел кровь, появившуюся на запястье, понял, что не сможет довести дело до конца, выбрав трусливый путь.

Это была ошибка, которая больше не повторится. Но Макс, видно, об этом не слышал.

«Постойте-ка», — подумал Эдвард.

И Эдварда как осенило, он прибавил и вычитал в равенстве обеих своих жизней и пришел к единственному выводу, который имел смысл в свете эмоциональной борьбы, происходившей у него на глазах с парнем.

— Я уже знаю, — пробормотал Эдвард.

Макс втянул воздух носом и нахмурился.

— Знаешь что?

— Что Уильям не мой отец. Из-за этого ты пришел, чтобы мне сообщить, не так ли? — Его брат сидел напротив, шокировано открыв рот, а затем медленно кивнул, Эдвард глубоко

с облегчением вздохнул. — Скажу так, у меня были подозрения. Полагаю, ты хочешь сообщить мне об этом, правда?

— Черт возьми, откуда ты знаешь?

— Он пытался убить меня в джунглях, — сказал Эдвард сухим голосом. — Вряд ли на такое способен родной отец, даже по его очень низким меркам поведения. Тем не менее, было и еще кое-что... он всегда смотрел на меня как-то по-другому. Он не отличался особой добротой к вам троим, но его глаза всегда светились особой неприязнью, когда он смотрел на меня, так он смотрел всегда только на меня. Он буквально ненавидел, что я дышу с ним одним воздухом и до сих пор жив, его ненависть зашла очень далеко, и так было с самого начала. Самое раннее мое воспоминание о нем было связано с *этим его* взглядом.

— Я рад, что он мертв.

— Я тоже.

— Как-то ночью я услышал, как наши родители разговаривали. Вот тогда-то я и узнал, и из-за этого уехал из Чарлмонта. Мне следовало тогда сказать тебе, но я не знал, как это сделать.

— Все в порядке. Это не твоя вина и не твоя проблема. — Эдвард наклонился вперед к столу. — Хочешь совет? Я так понимаю, что ты все еще убегаешь от отца. Возможно, ты захочешь пересмотреть свои взгляды, чтобы выбраться из ловушки, в которую сам себя загнал.

Макс пару раз моргнул.

— Он сидит у меня в голове. Я не могу... Знаешь, мне снятся иногда кошмары. Как я бегу через весь дом. А он гонится за мной, и я понимаю, что он сделает, как только поймает меня, и он всегда меня ловит. Всегда... ловит меня.

— Он больше никогда тебя не догонит, Макс. Он просто не сможет. И, надеюсь, ты придешь когда-нибудь к такому заключению.

Они молчали, потом Макс снова поднял глаза на брата.

— Ты был действительно хорошим братом, Эдвард. Ты заботился обо мне, когда я этого не заслуживал. Даже когда я был... отстойным дерьмом и все выходило из-под контроля, ты всегда заступался за меня. Ты всегда поступал правильно. Спасибо тебе.

Эдвард закрыл глаза.

— Ты заслуживал лучшего отношения, чем к тебе было. Мы все заслуживали лучшего. И мы все искалечены... просто моя версия так проявилась наружу.

Вообще-то, это была ложь. Его тоже одолевали воспоминания, которые разрушали. Но у его брата хватило смелости в этом признаться.

Возможно Эдварду стоило тоже воспользоваться своим собственным советом и попытаться отпустить и забыть прошлое. Однако было легче сказать, чем сделать.

— Я никогда не думал, что скажу тебе «прощай», — пробормотал Макс. — Или одному из вас троих. Но почему-то... Я должен был увидаться с тобой перед тем, как уеду навсегда.

— Я не имею права критиковать тебя за то, что ты решил порвать с нами все отношения.

— Похоже, ты единственный человек, который так думает.

— Остальные просто не понимают. — Эдвард пожал плечами. — Но, впрочем, это неважно. Делай то, что считаешь нужным, Макс. Найди свою свободу и живи своей жизнью, на какую способен. Мы все заслужили это право. Заработали своим трудным детством, находясь в том доме.

Прокашлявшись Эдвард кряхтя стал подниматься на ноги. Он качнулся и был вынужден упереться о стол.

— С тобой все будет хорошо? — спросил Макс с волнением в глазах. — В Большом доме (тюрьма штата) все несколько грубовато.

— Все будет хорошо.

Эдвард распахнул руки, Макс подошел к нему. Они обнялись, Эдвард мог продержаться не долго, ему пришлось отступить.

— Ты, на самом деле, его убил? — спросил Макс.

— Конечно, я убил. Ты хочешь вызвать у меня чувство вины?

Эдвард захромал к двери, но остановился, прежде чем стукнул по ней. Не оглядываясь, он сказал:

— Ты должен кое-что сделать, Макс. Прежде чем уедешь, я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня, и это не подлежит обсуждению.

Лейн наконец-то дождался смс-ки от Лиззи, в которой она сообщила, что едет в Истерли, поэтому он помчался обратно в особняк со Старого склада и напрямик влетел в ванную комнату. Он хотел увидеть ее с эпиляцией, пахнущей свежестью, не в мятом поло и коротких шортах, с улыбкой на лице.

Другими словами, полной противоположность ему, каким он был вчерашней ночью.

Когда он втянул ее в ложь с полицией, чтобы скрыть перестрелку.

Черт, может ему стоит признаться, что он все рассказал офицеру после того, как она уехала на своем грузовичке, а также сказать, что это не его вина, что его фамилия вынудила его врать, чтобы не попасться на крючок.

Да, такая причина могла ему помочь в этом деле.

В ванной комнате он сбросил одежду в корзину для грязного белья. Хотя, когда он надевал, вещи были чистыми, но он не принимал с утра душ, поэтому он не собирался одевать ее повторно после душа.

Он отключил центральный кондиционер, чтобы выйдя из душа не попасть в холодное помещение, и начал наливать воду.

Полотенце. Ему нужно было полотенце.

Повернувшись к высокому, узкому шкафу, он зарылся в нем...

Выпала коробка на пол, стукнувшись о его босую ногу. Нагнувшись, он подобрал...

Тест на беременность.

— Вообще-то, я пришла, чтобы тебе сообщить об этом. Вот почему я здесь.

Он выпрямился и оглянулся в сторону двери. Лиззи стояла в дверном проеме, ее лицо размякло и посвежело, видно, что она побывала на свежем воздухе, светлые волосы спадали на плечи, тело выглядело... упругим. Здоровым. Сильным.

Он моргнул и снова взглянул на коробочку.

А потом он обернул банное полотенце вокруг бедер.

— Это твое... когда ты... С тобой все... хорошо?

Тут же тысячи картинок промелькнули у него в мозгу, и было настоящим чудом, что он вообще был в состоянии вымолвить хоть слово.

— Вот почему я чувствовала себя больной, — пояснила она. — По утрам.

Он видел, что она была напряжена, пытаясь понять его реакцию. Он хотел ей ответить, отойти от своего шока и неверия, и что-то сказать в разгар ее объявления.

Когда ему это не удалось, он попытался понять, что чувствует.

Ничего.

Господи... беременная? У нее ребенок, его ребенок?

Лиззи очистила горло.

— Я, эээ, я позавчера сделала тест. Просто из-за интереса. Я вообще-то не думала, что такое возможно. Когда ответ был положительный, я была в шоке и подумала... ну, знаешь, я подумала, что подожду и проверю все снова. Но...

— Вот почему ты спросила меня, не думал ли я стать отцом.

— Да, я имею в виду, мы не обсуждали этот вопрос раньше. А теперь думаю, нам стоит обсудить.

— Да, — ответил он. — Стоит... поговорить об этом.

Лейн подошел и сел на край ванны. Но он не знал, что сказать. «Ты дурак, скажи что-нибудь, она же ждет...»

— Я оставлю его, — хрипло произнесла Лиззи. — Чтобы ни случилось с тобой и с мной, с нашими отношениями, я оставлю ребенка.

Он отшатнулся.

— Что? Конечно. Мы поженимся.

— Мы? Конечно?

Лейн поднял глаза на ее отдаленное выражение лица.

— Да, конечно.

Лиззи нахмурилась.

— Я не Шанталь. Я сделала это не для того, чтобы заставить тебя пойти по проходу церкви, и последнее, чего я хочу, это мужа, который собирается жениться из-за чувства ответственности, а не по любви.

С внезапной спешкой Лэйн вскочил и моментально пересек расстояние между ними, притянув ее к себе. Закрыв глаза, он понял, почему молчал и не мог произнести ни слова, ничего не чувствуя.

Он был настолько парализован страхом, который даже заполз ему в душу.

Макс достиг пункта своего назначения, оставил Харлей на улице, вошел в открытый атриум, поднялся вверх на несколько этажей, огляделся вокруг, пытаясь понять в каком направлении ему двигаться или...

Стойка ресепшен. Идеально.

Он очень хотел, чтобы ему кто-нибудь подсказал, и он мог, наконец, покончить с этим.

Макс подошел к стойке, маленькая седовласая леди улыбнулась ему.

— Добро пожаловать в Университетскую больницу. Чем могу помочь?

Он был слегка удивлен, что она была настолько с ним доброжелательна. Но, скорее от катаракты, ее глаза были с поволокой, вероятно, она не очень хорошо его разглядела.

— Я ищу реанимацию. Друг... человек, который... она — моя семья, правда. Аврора Томс? Я пришел ее навестить.

Потому что Эдвард сказал ему это сделать.

— Дай-ка я посмотрю, смогу ли я сказать номер ее палаты. — Она медленно несколько раз нажала на клавиатуру. — Да, она на четвертом этаже. Хотя разрешается только членам семьи видаться с пациентами в том отделении.

— Я семья. — Нет... — Вообще-то, один из ее сыновей.

Ему было странно это произносить. И все же, ему показалось, что это было правдой.

— О, простите. Я сначала не поняла. Воспользуйтесь теми лифтами, прямо вон там. Там будет сестринский пост и они проведут вас к ее палате.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

На четвертом этаже он обратился к медсестрам, и его проводили в палату, которая была похожа на предварительный гроб: все было чистым и бестелесным, стерильным, безжизненно-неподвижным и тихим, за исключением миганий на мониторах. И когда он подошел к постели мисс Авроры, она показалась ему такой маленькой... Высохшей, все, что осталось от столь могущественной женщины, которая была у него в памяти, но сейчас казалась словно запеленутой, как младенец в мягкие бело-синие одеяла. Ее глаза были закрыты, дыхание было каким-то необычным, она быстро делала вдох, а выдыхала за счет

аппаратов слишком долго.

Взглянув на нее, он задумался о собственной смерти, какой бы она была («Вероятно, жестокой», — решил он), несмотря ни на что, он, наверное, тоже бы подумал о таких вещах — как Бог и Рай, а также Ад.

Глядя на нее, он наконец не спеша заговорил:

— Прости меня, что я как-то заменил весь сахар на соль в сахарнице. И прости за то, когда я попробовал испечь торт из коровьих лепешек в твоей духовке. А также, когда я залил латексную краску в пакет из-под молока. И когда я испортил яйца, специально выложив их на солнце, и положил обратно в холодильник. И за салат. О, червей.

Ему не нужно было ничего объяснять, она бы и так все поняла.

— Я не хочу, чтобы ты уходила.

Он был удивлен, когда произнес эти слова, потому что это была правда, а также потому, какое его дело, черт побери? Он ведь тоже собирался уехать.

— Знаешь, я беспокоюсь о Лэйне. — Он присел на кровать. — Он очень похудел, и когда виделся с тобой всегда чувствовал себя лучше. Ты ему, на самом деле, просто необходима сейчас.

Макс опустил взгляд на свои байкерсы, увидел царапины, которым она бы вынесла осуждение. Вообще-то, она бы не согласилась с его решением уехать, но все равно продолжала бы его любить. Возможно, не так сильно, как Лейна, это правда, что она любила его больше всех, чем кого бы то ни было, но все равно мисс Аврора обняла бы Макса, накормила и улыбнулась, словно он глупый мальчишка, но при этом все равно его любит.

— Помнишь, когда я решил подняться по лестнице по задней части дома на крышу? Я, действительно, думал, что соединив выдвижную лестницу скотчем, одну к другой, смогу это осуществить. Поверить не могу, что в результате сломал только два фонаря. Отец был чертовски зол. А помнишь, когда я налил дешевое подпольное виски в чашу для пунша на рождественскую вечеринку, и какая-то женщина набросилась на госсекретаря США... знаешь, я понимал, что передо мной маячит интернат для трудных подростков, и предполагал, что отец упечет меня туда. А помнишь, когда...

Он тихо вспоминал и рассказывал, покачивая головой.

— Какого черта, я здесь делаю и что-то рассказываю. Видно это полное безумие...

— Она тебя слышит.

Макс напрягся и развернулся. Танеша стояла в палате, закрыв за собой дверь, и выглядела при этом, как настоящий врач в белом халате и брюках и в белом пальто, со стетоскопом на шеи. Конечно, а как могло быть иначе, когда она получала отличные оценки в средней школе и колледже, потом была принята в медицинскую школу при Чикагском университете, и только благодаря усидчивости на своей заднице смогла закончить ординатуру? Конечно, после всего этого ты будешь выглядеть, как чертовый доктор.

— Я догадывался, что ты пойдешь в онкологию, — хрипло произнес он.

Танеша приподняла брови.

— Почему?

— Я прав?

— Да. — Она вошла дальше в палату. — Я потеряла многих близких от рака. Наверное, поэтому так тяготела к этой специальности.

— Обеих бабушку и дедушку, дядю, маленького кузена, которому было всего лишь три года и второго двоюродного брата в колледже.

Танеша зажмурилась.

— Вот именно. У тебя отличная память.

«Только того, что касается тебя», — подумал Макс, внимательно изучая ее.

— Я удивлена, что ты все еще здесь, — ответила она. — Я думала, ты уехал еще вчера.

— Я поеду сразу отсюда. — Он посмотрел на мисс Аврору. — Я должен был попрощаться.

— Она оценит это, я уверена. — Танеша обошла кровать с другой стороны и проверила мониторы. — Уверена, что вы предпочли бы, чтобы Макс остался, не так ли, мисс Томс?

— Как твой отец? — вдруг спросил Макс.

Танеша улыбнулась и перевела на него взгляд.

— Все также же.

— По-прежнему меня ненавидит?

— Он никогда тебя не ненавидел. Он просто предполагал, что ты не совсем мне подходишь.

— Потому что я белый, да?

— Нет, потому что ты придурок. Но мой отец, так не выражался о тебе.

Максу пришлось засмеяться.

— Ты всегда была несколько прямолинейной.

Пожав плечами, она присела на другую сторону кровати.

— На самом деле, так и есть. Прими это или оставь.

— Ты встречаешься с кем-нибудь? — Спросил он, хотя не имел права. — Ну, после того, как ты рассталась с той моделью Джей Крю...

— Он не был моделью, он был студентом-инженером...

— Да?! А выглядел всегда так, словно только что сошел со страниц каталога, где продают плиссированные брюки и мокасины.

— Чад был очень хорошим парнем.

— «Был», да?! Не есть?

— Я ни с кем не встречаюсь, но это не твое дело. Медицинская школа, а затем ординатура требовала много сил. Кроме того, все свое внимание я сосредоточила на своих пациентах...

— Хоть иногда ты вспоминала меня и скучала?

Она перевела взгляд.

— Нет.

— Лгунья.

Макс замолчал.

— Ты все равно уезжаешь, так почему тебя это волнует?

— Потому что это то, что происходит между тобой и мной...

— Хорошо, ты же вот так запросто это оставляешь. Нет у нас никакого «мной и тобой» и никогда не было. Мы никогда не были вместе.

— Это неправда, — произнес Макс, понизив голос. — И ты это знаешь.

И румянец, появившийся у нее на щеках, сказал ему именно то самое, что она прекрасно помнила, как они все время расходились, влюблялись и опять сходились. Так было всегда, как только они вернулись в город на каникулы из колледжа и после, когда он болтался, словно дерьмо в проруби, а она вернулась из медицинской школы. И все произошло после того, как он играл в баскетбол с ее братьями (опасное предположение, потому что если они

оба когда-нибудь узнают, что произошло потом между Максом и Танешей, то...) Они бы раскатали Макса в переулке и оставили бы его умирать.

И их действия совсем не были бы связаны с расизмом. Они проделали бы то же самое с любым афроамериканским парнем, который был слишком глуп и не смог уговорить свои гормоны рядом с их сестрой.

Никому не стоило связываться с их младшей сестрой.

— Я имела в виду отношения, — пробормотала она. — Мы никогда не были в...

— Ты собираешься остаться в Чарлмонте? — Вдруг спросил он, передвигаясь по больничной палате. — Будешь здесь работать. Купишь дом. Знаешь, из той серии, что станешь совсем взрослой?

— Отец хочет, чтобы я осталась, но... нет. Вообще-то, я готова даже покинуть Штаты. Я буду приезжать, чтобы повидаться с семьей, но есть столько мест, которые стоит посмотреть, кроме Чарлмонта. — У нее промелькнула быстрая улыбка. — Когда ты отрастил бороду?

— Тебе нравится?

— Ну... необычно. Но мне кажется, что ты красивее, когда твое лицо... — Она остановилась. — Не то, чтобы я особо замечала.

Он улыбнулся.

— Конечно, ты не замечала.

— Чем ты занимался последние три года?

— Значит, ты все же подсчитала сколько времени прошло с тех пор, как видела меня в последний раз?

— Нет, ни в коем случае.

Макс почувствовал, как возбуждается, а внутри разлилось тепло.

— Уверена, что нет? Точно уверена, что хоть чуть-чуть не скучала по мне.

— Максвелл Болдвейн, ты не самая огромная проблема в моей жизни.

— Не заставляй меня второй раз называть тебя лгуней за сегодня. — Он смотрел на нее из-под полуопущенных век, она же со стороны выглядела так, будто хотела обернуть стетоскоп вокруг его шеи и сдавить, чтобы перекрыть кислород... Господи насколько сексуально это было? — Что я делал? Просто ехал вперед, перебиваясь случайными работками, чтобы иметь наличные и повидать страну.

— Я была удивлена, когда ты уехал не попрощавшись.

— Так надо было. — Он пожал плечами. — Если бы в последний раз я взглянул в твои глаза, я бы мог остаться.

Она моргнула.

— Ну, почему ты сейчас именно такой!

— Потому что это правда.

Они долго смотрели друг другу в глаза. А потом он прошептал:

— Как бы то ни было, но так оно и есть, я знаю лишь одно. Постоянно, пока ехал каждую ночь я представлял тебя прежде, чем заснуть. Ты была моей Полярной звездой, понимаешь? Ты следовала за мной, куда бы я ни поехал... и так и будет дальше.

Они молчали. А потом она сказала:

— Знаешь, что больше всего я ненавижу в тебе?

— Знаю, бороду.

— Вообще-то, это второе, что я больше всего ненавижу в тебе. — Она подошла и

положила руку ему плечо. Потом провела по его волосам. — Я ненавижу, когда ты всегда начинаешь говоришь настолько правильные вещи... в самое неподходящее время...

— Лейн?

От звука дьявольского имени они оба дернулись и посмотрели на мисс Аврору. Ее глаза были открыты и сосредоточены перед собой, выглядя шокирующе ясными.

— Мне необходим Лэйн, — произнесла женщина. — Мой мальчик.

— Мисс Аврора?

— Мисс Томс?

Моментально Макс подскочил с кровати, а Танеша нажала кнопку вызова медсестры, но мисс Аврора не собиралась ждать и начала говорить:

— Я убила Уильяма, — сказала она. — Я убила этого жалкое подобие мужа и отца. Я отрезала ему палец своим кухонным ножом, а затем положила его на заднее сиденье машины и отвезла к реке.

Макс замер также, как и Танеша, а мисс Аврора повторила все сначала, слово в слово. А потом добавила:

— Он оплодотворил жену моего мальчика. Эту ужасную женщину Шанталь. Я больше не могла этого выносить. Я воспользовалась своим шансом. Этот мужчина никогда не принадлежал этому дому и семье, и ему не следовало так долго в нем задерживаться. Мне нужен кто-то из вас, чтобы вы смогли все рассказать полиции... Эдвард специально во всем признался, чтобы меня выгородить и сел в тюрьму из-за меня, я не хочу этого. Я не хочу. Вызовите его оттуда и приведите моего мальчика, прежде чем я умру.

Лейн стоял, прижавшись к Лиззи, но все ее тело было напряженным, как доска. Из всех вариантов, которые она прокручивала в голове, как он может отреагировать на ее слова, такого она не ожидала.

Направляясь из Индианы к мосту Большой Пятерки, она рассматривала несколько вариантов: в первом — Лейн ужасно обрадовался, от чего пропали все его опасения и безразличие, а в другом, он испытывал просто головокружительное счастье, поскольку они разделили между собой такой необычный секрет.

О, пора было снять розовые очки.

Да, все любят мечтать и фантазировать, превращая «шведский стол» жизни в тарелку а ля карт с ничем иным, как испорченным, вязким или переваренным. И каждый раз это были макароны с сыром, прекрасные ребрышки и свежесваренная кукуруза. А на десерт шоколадный пирог. И стакан ледяного молока.

Господи... Она никогда не думала, что ей придется поставить колышки и огородить территорию «Я Сохраню Этого Ребенка».

Когда Лэйн немного отодвинулся, она готова была уже нанести удар в ответ на его слова, типа: «Все будет хорошо, мы пройдем через это вместе, бла-бла-бла...» другими словами, позиция хорошего парня, очутившегося не в том месте, не в то время и пытающегося сделать все, как можно лучше.

Потому что с ним случилось так, что он любил женщину, которая забеременела от него по ошибке.

Но для нее это было недостаточно. Не таких слов она ждала.

— Послушай, Лэйн...

— А что, если я причиню ему боль.

Эти ужасные слова, произнесенные им с мрачным видом, оказались для нее полной неожиданностью, она даже отшатнулась. Она была шокирована, он протянул к ней руки, не отводя взгляда, словно выискивал ответы в ее глазах, способен он на такое или нет.

И в этот момент истина, через что ему пришлось пройти в детстве, озарила Лиззи. Она всегда знала, что Уильям Болдвейн был ужасным человеком, жестоким и злым по отношению к своим детям, и похоже Лэйн подумал о своей наследственности, требуя от нее сочувствия и понимания, боясь ее ожиданий, что для него что-то может послужить спусковым крючком.

По ее мнению, роскошь Истерли и привилегий, предоставленных ему и братьям, а также сестре, буферизовали характер неправильного обращения, злоупотреблений, которым они все подвергались.

И в данный момент он словно «обнаженный» стоял перед ней.

Он поднял на нее глаза, наполненные ужасом, практически умоляя ее из своего прошлого.

— Что если я похож на своего отца?

Лиззи схватила его за руки.

— Ты не похож. Боже мой, Лэйн, ты совсем на него не похож. Вообще. Ты будешь замечательным...

— Что если я разрушу нашего ребенка?

Теперь Лиззи притянула его к себе и крепко обняла. Закрыв глаза, она так разозлилась на Уильяма Болдвейна, что готова была дать ему пинка под зад даже мертвому.

— Ты не такой, Лейн. Я знаю, что ты не такой.

— Как? Откуда ты знаешь?

— Потому что я люблю тебя, а я никогда не полюбила бы мужчину, который мог бы причинить вред ребенку. Это не ты, Лэйн. И если ты мне не веришь, это не важно. Потому что время докажет, что я права.

Он тоже обнял ее, и они долго так простояли в объятиях друг друга, у нее даже стали болеть ноги, но ее это мало беспокоило. Она была готова остаться в этой ванной и продолжать обнявшись стоять с ним.

— Мне так страшно, — произнес он ей в волосы.

— Это тоже еще одна причина, что ты совсем не похож на своего отца. — Она стала растирать ему спину медленными кругами. — Все будет хорошо. Я просто чувствую это. У нас будет ребенок, и мы будем любить его и друг друга. И все будет хорошо, обещаю.

— Я люблю тебя.

Она закрыла глаза и почувствовала облегчение, хотя ей не нравилось, что он расстроен. Нет, она ненавидела, когда он был в таком состоянии. Но оказывается, он ни не хотел иметь детей. Лейн прояснил ситуацию по поводу нее и ребенка, потому что он был таким человеком, это было в его характере, у него внутри. Он доказывал ей это неоднократно, при каждом непредвиденном повороте событий, который сваливался на него.

— Я тоже тебя люблю, — сказала она. — Всегда.

В спальне зазвонил его сотовый, который они оба проигнорировали, он выпрямился и потер лицо.

— Ладно, скажи мне. — Он сделал глубокий вдох. — Как ты себя чувствуешь?

— Немного больной. — Она улыбнулась. — Но это нормально. Я должна так себя чувствовать.

— А как ты узнала? Я имею в виду...

— Как я сказала, пописала на палочку. — Она подняла вверх палец, чтобы он обратил внимание на ее слова. — Но не на руку. Я горжусь этим, если честно. И подождала, пока не увидела знак плюса.

— В одиночестве?

— Ну, это интимные вещи.

— Хотелось бы мне быть рядом с тобой, чтобы тоже увидеть. — Лэйн взял ее за руку. — Стой. Я хочу покончить с этим раз и навсегда.

— С чем?

Он прижал ее к столешнице, на которую положил коробочку.

— Давай сделаем это снова. Давай иди сюда. Давай напьемся воды и сделаем это опять.

Лиззи начала смеяться.

— Ты серьезно?

— Да, я хочу увидеть то, что увидела ты. Чтобы поддержать тебя... и когда я уже окончательно отошел от шока и ужаса, ну, ты понимаешь, всей это мужской чуши. Я хочу тоже увидеть.

— Что ж, я как раз собиралась сегодня сделать повторный тест.

— Так давай сделаем это прямо сейчас. — Он извлек новый тест и разорвал упаковку. — Давай все сделаем вместе.

Он протянул ей палочку, она глубоко вздохнула, понимая, что нервничает. Многие беременности у женщин заканчивались неудачно даже прежде, как женщины свыкались с этой мыслью, что они беременны. Что, если она тоже потеряет своего малыша?

Сегодня она чувствовала себя не так уж плохо. Может потому, что она поела крендельков?

Она кивнула.

— Вообще-то, было бы здорово, если бы ты был здесь в этот момент.

— И я хочу быть с тобой все время рядом. Когда ты пойдешь на УЗИ, к врачу, за одеждой для беременных, если у тебя будут отекать ноги или ломить спину. Я имею в виду, я хочу пройти через все это вместе с тобой.

«Вполне понятно, что Лейн собирается сделать», — подумала она. Таким образом, он предполагал, что его отцовство не будет ужасным, если он начнет проявлять активные действия во время ее беременности, Лиззи восприняли это как еще один хороший знак того, что она была права насчет него и им не о чем было беспокоиться.

— Хорошо, давай сделаем это вместе.

По быстренькому она пописала на палочку... очень аккуратно, соблюдая осторожность. Ей показалась, что она стала уже профессионалом в этом деле.

А потом положили палочку на столешницу и опустилась рядом с ним на край ванны.

Они сидели, отсчитывая секунды на его Audemars Piguet, держась за руки.

— Я бы хотела, хотя бы иногда проводить время с ребенком на ферме, — произнесла она.

— Мы можем туда переехать.

Она посмотрела на него.

— Ты можешь все здесь оставить?

— А зачем мне здесь оставаться? — Он сжал ее руку и поцеловал в губы. — Если моя семья будет в Индиане.

Лиззи начала улыбаться. А потом она разразилась слезами.

Словно поняв, о чем она думала, он притянул ее к своей груди и крепко обнял.

— Ты будешь замечательной матерью. Не могу дождаться, когда это произойдет.

А потом он посмотрел на часы.

— Ладно, пора. Ну же, мамочка, давай.

Они оба глубоко вздохнули, подошли к столешнице и устались на палочку, словно это была бомба или неожиданный рождественский подарок.

Поддерживая друг друга, Лиззи начала улыбаться, а потом взглянула на Лейна, его глаза были настолько широко открытыми, что казалось готовы были выпрыгнуть из орбит, и он немного побледнел.

Потом он развернулся, поднял ее вверх и начал кружить.

— Мы беременны. У нас будет ребенок. Давай, скажи это со мной! Мы беременны!

Она могла повторить за ним все, что угодно, и в глубине сердца знала, что все будет хорошо. Он будет потрясающим отцом, а она будет очень любящей мамой, и они будут счастливы на ее ферме все вместе.

Как семья.

— У нас будет ребенок! — громко произнесла она.

Лейн поцеловал ее один раз, Потом еще один. И... еще несколько.

Сотовый телефон опять зазвонил в другой комнате, Лейн опустил Лиззи на толстый

пушистый ковер перед ванной. Быстро они скидывали одежду друг с друга, а потом занимались любовью, передавая и даря своеобразную магию, чудо... О Боже, и это сработало, весь этот секс дал *свой результат*.

Они собирались стать родителями.

И самое смешное, что никто, особенно Лиззи всего несколько недель назад не могла предположить такой поворот событий, судя по тому как развивались их отношения.

И для них двоих в данный момент совершенно было не важно, что будет с Истерли и КББ, и остальной недвижимостью семьи Лейна, жизнь улыбнулась им и приготовила потрясающий подарок, и они хотели сохранить свою любовь друг к другу и к своим детям и именно так и идти по жизни дальше.

Лейн изо всей силы давил на акселератор Porsche, у него имелась веская причина для такого эксцентричного поведения на дороге. Не более двадцати минут назад он занимался любовью с Лиззи и пытался привыкнуть к невероятной мысли, что они вместе создали человеческую жизнь... А теперь он гнал к больнице, лелея надежду, что не упустил время, пока разделял радость с Лиззи, и успеет еще попрощаться со своей мамой.

Затормозив перед больницей, он поставил 911 в нейтральное положение на ручной тормоз. Лиззи и он вышли, быстро поцеловались, и она села на его водительское место, а Лейн рванул по ступенькам вверх.

— Я приду, как только поставлю на парковку. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Лейн уже вбегал через вращающиеся двери, махнув администратору, взглянувшему на него.

— Я знаю, куда идти. Спасибо.

Он не стал дожидаться лифта, а понесся вверх через две ступеньки по лестнице. Когда он выскочил на четвертом этаже, побежал по коридору мимо людей и чуть не рванул к детям, которые играли в салочки, хотя здесь не следовало этого делать.

Его не остановили, и он не стал выпрашивать у медсестер на их посту в какую сторону ему идти. Они поняли, почему он здесь.

Но что же задержало его? Дело в том, что рядом с комнатой мисс Авроры стояли двое полицейских, а также Макс и Танеша.

— Она в сознании? — спросил Лейн, подбежав к ним и кивнув брату.

— Да, — ответила Танеша, они быстро обнялись, — и полностью в здравом уме. Ее терапевты снизили дозу морфина сегодня утром, пытаюсь убрать галлюцинации. Я подозреваю, что это послужило причиной, что она очнулась.

— Какого черта она говорит?

Лейн подошел к закрытой двери и потянулся к ручке, но один из офицеров остановил его.

— Сэр, я прошу вас остаться здесь...

— Это может быть последний раз, когда моя мама пришла в сознание, так что нет. Я не буду стоять здесь и ждать.

Отодвинув парня с дороги, он широко распахнул стеклянную дверь, Мерримак тут же поднял на него глаза от своей писанины.

— Хорошо, — сказал детектив. — Я рад, что вы здесь. Она спрашивала о вас.

Лейн прошел к кровати.

— Мама?

Мисс Аврора медленно повернула голову в его сторону. И смущенно улыбнулась, будто она извинялась, что вовремя не успела на самолет или поезд.

— Мой мальчик.

Она подняла руку и попросила его присесть с ней. И когда он накрыл ее руку своей, она улыбнулась еще больше, хотя и не могла долго удерживать свою улыбку, видно ей было очень больно.

— Спасибо, мэ, — тихо произнес Мерримак. — Я очень ценю то, что вы сделали.

— Вы сделаете все правильно, молодой человек. — Она посмотрела на детектива по расследованию убийств. — Я знаю ваших родителей.

— Да, мэм. Я обо всем позабочусь.

— Не напутайте ничего.

С одной стороны, было удивительно видеть Мерримака испуганным. А с другой? В этом была вся мисс Аврора.

— Постараюсь, мэм. Спасибо, мэм.

А потом детектив ушел. Краем глаза Лэйн увидел, что Мерримак разговаривает с другими офицерами у дверей, но потом перестал обращать на них внимание.

— Привет, — сказал он, когда мисс Аврора перевела на него взгляд.

— Ты пришел вовремя. — Голос ее был очень тихим, она закрыла глаза и глубоко вздохнула. — Точно в срок. У тебя есть мое завещание?

— Да, мэм.

— Ты должен проследить, чтобы все...

— ... получили то, что ты завещала каждому.

— Прощание...

— Будет в твоей баптистской церкви Чарлмонта. Я все обговорил с преподобным Найсом.

— Хороший мальчик. — Мисс Аврора содрогнулась. — Я так устала. Мне так больно, мой мальчик. Я устала от боли.

Он прочистил горло.

— Твой Господь ждет тебя.

— *Наш Господь*. Он наш Господь.

Они молчали какое-то время. Лэйн понятия не имел прошла ли минута или час. Потом он вдруг заволновался.

— Мисс Аврора? Ты все еще со мной?

— Да, мой мальчик.

— У меня будет ребенок.

Ее глаза снова открылись.

— У Лиззи?

— Да, мэм.

— Тебе лучше жениться на ней, или я буду преследовать тебя всю жизнь.

— Мы поженимся.

— И в моей баптистской церкви Чарлмонта, чтобы я смогла посмотреть свадьбу.

У него вертелись слова на кончике языка, которые он хотел произнести, чтобы она не покидала его, и самолично могла увидеть их свадьбу, но ему показалось, что это было бы жестоко.

— Только там, мисс Аврора, другого места не будет.

Она глубоко вздохнула и снова содрогнулась.

— У меня все было хорошо. Но... это подкосило меня.

— Ты же пережила другие серповидно-клеточные кризисы. Ты сможешь...

— Не в этот раз.

Наступила тишина.

— Мама? — позвал он.

— Я все еще здесь, мальчик.

— Ты никогда не рассказывала мне, как делать цыпленка по-карибски. — Он вдруг запаниковал, потому что раньше многое воспринимал как должное и не видел смысла что-то узнавать у нее. Но сейчас у него было такое чувство, будто часть его покидает землю вместе с ней. — А как же печенье из сдобного пресного теста...

— Все рецепты в коробке на полках. У моего стула. Позови Пейшен, если тебе потребуется помощь. Моя мать учила нас вместе.

— Я не хочу, чтобы ты умирала.

— Я тоже не хочу. Но мое время пришло. — Ее глаза снова открылись. — Когда ты загрустишь, я хочу, чтобы ты вспомнил то, что я всегда говорила тебе: «Господь дал, Господь и забрал». И у меня есть ты и моя вера, поэтому я была самым богатым человеком... не по карману.

Он с трудом сморгнул слезы. И ему пришлось откашляться, прежде чем повторить:

— Не по карману.

— И с тобой будет то же самое. Дети — это радость, которая все остальное делает терпимым, и ты был моим. Ты всегда был моим ребенком, хотя и родился от другой женщины.

— Ты — моя мама. Единственная, которая когда-либо у меня была.

Слезы катились у него по лицу, он почувствовал, как она в последний раз сжала его руку. А потом ее хватка ослабла, а он продолжал удерживать ее за руку.

Лейн еще какое-то время просто сидел рядом с ней, наблюдая за ее дыханием. Когда зазвонил аппарат, подающий ей жизнеобеспечение, он протянул руку и выключил его.

За стеклянной дверью он заметил, как стали собираться врачи, но Танеша Найс загородила собой вход в палату, давая ему возможность еще побыть с мамой.

— Мама? Ты все еще со мной?

На этот раз мисс Аврора не ответила.

Из уважения к семье Лиззи держалась подальше, давая племянникам и племянницам, сестрам и братьям поближе встать к двери. Тут же стоял и медицинский персонал, много людей в белых халатах, но как только Танеша объяснила, кем Лейн приходится мисс Авроре, они отступили назад, как только замолчал сигнал тревоги.

Через стекло Лиззи поняла, что мисс Аврора умерла. Несмотря на то, что Лейн продолжал сидеть рядом с ней, ее смерть пригнула его плечи и заставила опустить голову.

Он оставался там с ней дольше, чем положено, держа женщину за руку.

Затем он встал и открыл дверь. Как только он увидел собравшуюся толпу, он тихо произнес:

— Она вернулась домой.

Люди начали плакать, держась друг за друга, искать утешения. Все направились к Лейну, высказывая соболезнования и обнимая.

Лейн разделял их горе и печаль, и его такие яркие, но сейчас покрасневшие глаза, выискивали Лиззи над головами. Он, казалось, постарел лет на сто.

Когда он, наконец, подошел к ней, они просто взялись за руки. А потом он выпрямился.

— Если у нас будет девочка, мы назовем ее Аврора, — сказал он.

Люди мгновенно затихли и успокоились. Тем более, что Лиззи кивнула.

— А если мальчик, то он будет Томас.

Потом последовало согласования панихиды и всего, что было связано с погребением. И все вместе пытались помочь и решить — не было раздора, не было амбиций, не было ничего,

кроме семьи и общины, которая потеряла одного из своих самых уважаемых членов, поэтому все пытались помочь почтить память этой женщины.

Лиззи пришлось пару раз извиниться, ее утренний токсикоз растянулся до полудня. И каждый раз, когда она возвращалась в коридор, она чувствовала на себе взгляд Лэйна, наблюдающий и проверяющий все ли с ней в порядке.

Постепенно все стали расходиться. Почти ушли все, кроме Макса.

Лиззи чувствовала себя неловко с этим мужчиной. Он был таким отстраненным и недружелюбным, даже в разгар всеобщего горя. Возможно, особенно из-за этого.

— Итак, — сказал Лейн, глядя на стеклянную стену палаты.

Медицинский персонал предоставил всем возможность попрощаться с мисс Авророй, и Лиззи, безусловно, это оценила. Но работники больницы сталкивались со смертью и первыми моментами траура постоянно. Горе родных для них было еженедельным, если не ежедневным событием в этом отделении.

— Я не хочу оставлять ее одну, — пробормотал Лейн. — Я просто хочу убедиться, что с ней все будет в порядке, понимаешь?

— Здесь все хорошие люди. — Лиззи сжала его руку. — Они будут обращаться с ней достойно.

Как по команде, появился афроамериканец в костюме со шляпой в руках со стороны сестринских кабинетов.

— Мистер Болдвейн?

— Да?

— Я из похоронного дома «Браун и Харрис». — Он протянул визитную карточку. — Я сын Билла Брауна, Денни. Я здесь, чтобы позаботиться о ней. Я останусь с ней, когда разрешат ее забрать из палаты, и она переедет в мою машину. Она не будет одинока, и ей будет предоставлено такое же уважение, как и при жизни.

— О, слава Богу.

Взяв карточку, Лэйн схватил парня за плечи и сцепил в жестком объятие, мужчина, видно, привык к такому обращению, поэтому с такой же силой обнял Лейна.

— Думаю, я знаком с твоим братом Майком? — спросил Лейн, как только они оторвались друг от друга. — Он же учился в школе Чарлмонт Кантри Дэй?

— О, да. Майк все еще там. Теперь он директор.

— Моя племянница собирается перейти осенью в эту школу, в старшие классы.

— Как ее зовут?

— Амелия. Амелия Болдвейн.

— Я скажу Майку, чтобы он присмотрел за ней. — Денни улыбнулся. — Это хорошая школа. Я был в классе...

— Моем классе, — проговорил Макс. — Ты был в моем классе.

Денни нахмурился. А потом у него на лице отразилось удивление.

— Макс?

— Да, это я. — Макс вышел вперед. — Давно не виделись.

— Да, да. — Они пожали руки. — Ну, я начну процесс оформления в больнице, хорошо? А ты можешь позвонить мне в любое время. Если напишешь мне смс-ку, я сообщу тебе новости по мере продвижения процесса, чтобы ты удостоверился, что с ней все в порядке. Дата похорон назначена, я прав?

— Да, и ее похоронят в Киндерхуке с мамой и папой. — Лейн глубоко вздохнул. —

Отправляйте все счета мне. Я хочу, чтобы ее имущество сохранилось для племянников и племянниц, ясно?

— Ее сестра умерла около трех месяцев назад, и тогда она выбрала себе гроб...

Лейн нахмурился.

— Самый дешевый, не так ли? Она всегда была чертовски скромной.

— Ну, я уверен, что он...

— У вас есть что-нибудь красное? В цветах нашей университетской баскетбольной команды?

— На самом деле, есть. В этом городе, как вы знаете, много любителей баскетбола.

— Я хочу, чтобы у нее был самый дорогой красный гроб, который у вас есть. Мне плевать, сколько он стоит... и если она даже на меня разозлится, то может преследовать меня до конца моей жизни. Тогда мне не придется так сильно скучать по ней.

— Да, сэр. — Денни поклонился. — Я все понял.

— Спасибо. Спасибо большое.

Денни исчез за дверью сестринской, Лэйн повернулся к брату.

— Итак?

Лиззи тоже задавалась этим вопросом, может ей стоит оставить их одних на какое-то время, Макс кивнул.

— Да, я хочу уехать.

— Многое происходит в Чарлмонте сейчас. Возможно, ты захочешь немного задержаться. Мисс Аврора хотела бы, чтобы ты спел на ее службе. У тебя прекрасный голос, она так любила тебя слушать.

Макс пожал плечами.

— У них имеется хор. Без меня получится все отлично.

Лейн покачал головой, но было очевидно, что у него нет сил спорить.

— Оставайся на связи. Если сможешь.

— Да. Конечно.

Они оба неловко обнялись, а затем Макс подтянул свои заляпанные джинсы и зашагал прочь.

— Ну вот и все, — грустно произнес Лэйн, последний раз взглянув на стеклянную палату. — Нужно ехать домой. Я думаю буду плакать как маленькая девочка на пассажирском сиденье, поэтому не поведу машину. И еще хвалебная речь, которую я собираюсь произнести на ее поминках, просто окончательно меня убивает.

Лиззи пошла с ним в ногу. А потом вдруг ее осенило.

— Значит Эдвард скоро будет дома?

О чем подумал Эдвард сначала, когда первый раз оказался в комнате для допросов, он подумал о том, что его вторым домом теперь стала тюрьма. А теперь...

Черт побери, какого черта, она решила во всем признаться?

Детектив Мерримак сидел перед ним, положив локти на стол, Эдварду пришлось отметить, что отношение мужчины к нему повернулось ровно на сто восемьдесят градусов. Исчезла его покровительственная улыбка. Ее место заняла спокойная, расслабленная манера поведения с удивительным уважением.

— Я не хотел, чтобы поняли, что это совершила она, — нарушил тишину Эдвард.

С другой стороны стола Самюэль Ти. внимательно следил за происходящим. Адвокат настоял на своем присутствии, хотя Эдвард раньше отказывался не только от помощи этого человека, но и от адвоката, которого ему предоставлял сам штат, а также от нескольких влиятельных, известных адвокатов национального уровня.

— Я знаю, что вы не совершали этого. — Черные глаза Мерримак смотрели без подозрения. — Вы стерли записи с камер видео наблюдений, чтобы защитить ее.

— Я не мог позволить ей сесть в тюрьму. Со мной и так все ясно, поэтому мне было все равно. Но вы должны понять. Мои братья и сестра, они прошли через многое в том доме. И мисс Аврора, была единственной, кто заставлял нас оставаться в здравом уме и двигаться вперед. Лейн был особенно близок с ней, и он не смог бы пережить, если бы ее отправили в тюрьму.

— Насколько я понимаю, для нее послужило мотивом — роман вашего отца с женой вашего брата?

— Бывшей женой. И да, так она мне и сказала.

— Так вы говорили об убийстве?

— Да, говорили. После того, как нашли палец в цветнике, у меня вдруг отчетливо сложилась картинка. Не могу точно сказать, почему. Я позвонил ей с фермы и попросил встретиться. Никто нас не видел. Она рассказала мне, что случилось, и я предложил план. Она была непреклонна в том, что мы должны соврать, но я понимал, что вы продолжите копать, пока не найдете виновного. Я предложил ей, сесть вместо нее, либо наблюдать, как Лейн будет сходить с ума, зная, что она умирает от рака за решеткой. Я сказал ей... Скажем так, мы оба знали, что Лэйн этого не переживет. Она согласилась, потому что это было логично, поэтому я подставил себя.

— Но вы забыли о камерах видео наблюдения в Red and Black.

— Да, знаю. — Эдвард постучал по виску. — Пропустил.

— Убийство не может сойти с рук никому.

— Она должна была выбросить нож. — Эдвард скрестил руки на груди. — Я действительно злюсь на нее, что она не сделала этого. Но что есть, то есть. Так что происходит сейчас? Я понижен до соучастника и остаюсь за решеткой какое-то время? Я имею в виду, сейчас у вас имеется достаточно доказательств, верно? То, что вы обнаружили в машине мисс Авроры?

— Правильно. Мы нашли кровь и частички кожи у нее в багажнике, соответствующие вашему отцу, также и ей. Ей было видно тяжело затащить и доставать тело, поэтому в процессе она порезалась. Мы также нашли обувь с прилипшей грязью у нее в шкафу, которая

соответствует образцам с берега реки. А также всевозможные частицы, которые застряли на ходовой части ее машины. Но мы не нашли никаких других пятен и частиц кожи, говорившей о ком-то еще. Так что мы предполагаем, что она действовала одна, хотя я удивлен, что у нее имелись такие силы, чтобы перетаскивать такое крупное тело вашего отца.

— О, я совсем не удивлен. Я всю жизнь наблюдал, как она ворочила огромные чаны с кипятком и все возможными соусами. Рак, конечно, ослабил ее, но она все равно оставалась сильной и крепкой, кроме того, она сообщила мне, когда он рухнул и его разбил инсульт, он словно окоченел. Так что не похоже, что он мог сам свободно передвигаться.

— Вернемся к вопросу о том, что будет с вами. — Мерримак пожал плечами. — Это зависит от окружного прокурора, ему решать. Может быть условный срок, или он захочет сделать из вас пример, чтобы неповадно другим было.

— Ах, да, что богатым людям все сходит с рук.

— Это факт.

— Поэтому вы нас не очень любите, детектив?

Мерримак улыбнулся впервые естественной улыбкой.

— Мне не нравятся убийцы. Это то, что мне не нравится. Но я скажу, что вы постоянно сотрудничали со следствием, хотя бы и потому, что хотели, чтобы вас арестовали.

— У меня были свои причины, это правда.

— Я готов предположить, что вам дадут серьезный испытательный срок в скором времени. Это будет в моем отчете. Вы однозначно нарушили закон, так что этот вопрос будет рассматриваться, несмотря на то, что вами двигали положительные причины. У вас были веские причины. Но если вы передадите кому-нибудь мои слова, я буду все отрицать.

Детектив поднялся и протянул руку.

— Я постараюсь вытащить вас побыстрее, насколько смогу.

— Не волнуйтесь. Здесь или там. Это не важно.

Эдвард потянулся к нему, и рукав тюремной рубашки задрался кверху, и глаза Мерримака остановились, задержавшись на ране.

— Думаю, что имеет значение, — ответил детектив. — Вообще-то, это очень важно. Вы подождете здесь, хорошо?

— Я не вернусь в камеру?

— Нет. Когда я говорил, что попытаюсь быстро вас вытащить, то имел в виду именно это.

Три часа спустя Эдвард переоделся в одежду, в которой его доставили в тюрьму после своего «признания». И все же, расписавшись за бумажник и ключи, он говорил себе, что, на самом деле, они не отпустят его.

Вся эта вещь под залог, ожидания слушания по обвинению в косвенном соучастии и факта фальсификации доказательств, препятствованию правосудию, было совсем не тем, что он планировал. Хотя, если разобраться он много чего не планировал, он не субсидировал свое похищение в Южной Америке, превращение в калеку и в пьяницу или же превращения себя в убийцу.

Но жизнь постоянно преподносила свои сюрпризы.

— Спасибо, — сказал он, вытаскивая свои вещи из контейнера.

Как и многие тюремные комплексы, помещение, в котором он находился, было лишено какие-либо украшений — ничего, кроме контейнера цвета овсянки, который вел человека от

процедуры выхода к его брату Лейну, наверное, поджидающего его за той стальной дверью, которая находилась в дальнем конце.

Как парню удалось собрать четверть миллиона долларов в кратчайшие сроки, он понятия не имел. Хотя если рассматривать коллекцию ювелирных украшений их матери, которая стоило намного больше и хранилась под стеклом, то все может быть. Может поручитель принял в качестве залога ожерелье или кольцо?

— Все готово.

Произнес Рэмси, стоя за ним, Эдвард с удивлением повернулся к мужчине.

— Боже мой, Рэмси, для такого огромного парня ты очень тихо передвигаешься.

— Годы тщательной подготовки. — Шериф махнул женщине, сидящей за стеклом. — А может у меня талант в этом.

Они смотрели друг на друга.

Эдвард намеревался пошутить. Вместо этого его голос стал хриплым.

— Я обязан тебе своей жизнью. Мне кажется, я никогда не говорил тебе об этом раньше.

— Говорил. Хотя тогда был почти без сознания, но все равно сказал.

— О. Ну, тогда я скажу тебе еще раз. Я обязан тебе своей жизнью.

— Я рад, что ты выходишь.

— Возможно, я вернусь. Это может быть просто отсрочка.

— Нет. Я знаю твоего судью. Она сделает все правильно, как прокурор судебного округа. Мы заботимся о своих.

— Посмотрим. Но трупов больше не будет. Я обещаю тебе это. Зло покинуло нашу семью, поэтому остальные члены могут исцеляться.

— Хорошо. Ты всегда можешь мне позвонить. Семья мисс Авроры — моя семья.

Они обнялись, Эдварду пришлось улыбнуться, потому что у него было такое чувство, будто он пытался обхватить руками дуб.

— Я вернусь к работе, — сказал Рэмси, улыбка застряла на его широком, красивом лице. — Все будет хорошо.

— Хорошо.

Эдвард наблюдал, как мужчина скрылся за другой стальной дверью. А потом за ним тоже закрылась стальная дверь, опускаясь на место, трудно было придумать, что делать дальше. Но сейчас ему всего лишь нужно сесть в машину. Это была цель, верно? И с ней-то он смог бы справиться.

Обернувшись, он похромал по коридору, травмированная нога передвигалась хуже, чем обычно, сказывались все те ночи без сна, а живот заурчал, требуя еды.

Эдварду пришлось поднажать плечом на дверь и со всей силы толкнуть, чтобы она открылась...

На улице в сумраках вечера его поджидал длинный черный «Мерседес». С красивой брюнеткой, опирающейся на дверь водителя, как настоящий босс.

Она была одета в синие джинсы и синюю толстовку Кентуккского университета.

Эдвард вышел и остановился, дверь за ним закрылась.

— Эта толстовка полный отстой.

— Я знаю. Я одевала ее специально для тебя.

Он похромал к ней.

— У меня кровь красная, знаешь ли. Университет Чарлмонта преследовал меня всю

дорогу. Я не выношу твою команду.

— Как я уже сказала, я знаю. И я все еще злюсь на тебя, так что это мой пассивно-агрессивный способ сообщить тебе об этом.

Боже, он ненавидел свою хромоту, особенно перед ней. Но, ооо, он почувствовал запах ее духов, который ему очень нравился и охранные огни на углу здания тюрьмы заставляли ее волосы поблескивать.

Эдвард остановился, приблизившись к Саттон.

— Ты заплатила за меня залог? Ты, не так ли?

— Позвонил Лейн, и я не могла отказать твоему брату. Он также рассказал мне обо всем, в том числе и о смерти мисс Авроры, и о том, что ты сделал ради нее. Я имею в виду, это довольно удивительно, что ты был готов пойти на такие жертвы ради своей семьи...

— Я так люблю тебя, — сказал он глухим голосом. — Саттон, я так тебя люблю.

Она быстро моргнула, такого она не ожидала услышать, хотя именно об этом мечтала, хромя он еще сделал несколько шагов и положил ей на плечи свои усталые руки.

— Я больше не могу притворяться, — сказал он ей в волосы. — Не хочу. Есть миллион причин, по которым ты просто можешь сесть в машину и оставить меня прямо здесь и сейчас, и уехать, ни разу не оглянувшись, и больше никогда не вспоминать. Для тебя столько есть прекрасных мест, что ты можешь выбирать с кем быть и где... но я эгоист. И я устал. И к черту мою гордость. Я люблю тебя, и если ты готова меня взять таким, каков я есть, я твой, если ты не хочешь...

Саттон улыбнулась.

— Заткнись, Болдвейн, и поцелуй меня.

Эдвард взял ее лицо в свои ладони и отклонил ее голову немного назад. Прижал свои губы к ее, целуя долго и глубоко, что начал ощущать удушье. Но ему было все равно. Он ждал этого всю свою жизнь, чтобы сказать ей эти слова, которые чувствовал все время, поэтому такая вещь как кислород определенно не имел для него значения и был не столь первостепенным.

Облегчение было огромным. И сразу же между ними возникло возбуждение и теплота где-то внутри.

После долгого, долгого поцелуя, он отстранился.

— Ужин?

— Да, у меня в городе.

— Конфиденциальный?

— Нам именно такой и необходим.

Он напрягся и стал жестким, она улыбнулась, прижимаясь к нему.

— Мне нравится, ход твоих мыслей. — Но потом он нахмурился. — Есть только одна вещь.

— Какая?

— Эту толстовку нужно снять. — Он покачал головой и провел пальцем по логотипу. — Я не могу смотреть на это. Меня от него тошнит.

— Да, угадай что?

— Что?

Она наклонилась к нему.

— Под ней на мне ничего нет. Так что да, ты хочешь, чтобы я сняла прямо сейчас?

Эдвард застонал, она стукнула его по заднице.

— Садись в машину, Болдвейн. И соберись с духом. Я собираюсь прокатиться на красный, чтобы оправдать наши ожидания.

Он захромал и открыл дверь.

— Просто отлично, но как человек, недавно вышедший из тюрьмы, могу сказать тебе, что заявлять перед присяжными о своем предложении переспать и ужине, обычно не то, что сообщает женщина твоего статуса. Так что может ты все же будешь соблюдать правила дорожного движения?

Они забрались в машину, и она посмотрела на него.

— Отличное замечание.

Став серьезным, он поднес ее руку к губам и поцеловал.

— Спасибо.

— За что, за то, что тебя выпустили под залог? Ты знаешь, я не уверена, что ты в курсе, но этот пункт стоял в списке моих желаний. Так что мы можем проверить прямо сейчас.

— Нет, за то, что ты дождалась меня.

Саттон стала серьезной.

— Я пыталась этого не делать.

— Нужно ли мне дать под зад нашему губернатору? Сестренка, я смогу. Я немного ревнивый.

— Дагни очень хороший человек. Но он всегда знал, кому принадлежит мое сердце, и я тоже.

Эдвард улыбнулся.

— Хорошо, это значит, что я смогу быть вежливым с ним в следующий раз, когда увижу его. И не буду его пинать по яйцам.

Она посмотрела на него.

— Я всегда была твоей, Эдвард. Всегда так было.

Глядя на нее, он подумал обо всем, через что прошел. Обо всех годах и о своем теле, которое никогда не будет таким же совершенным, как раньше. А потом он представил, как просыпается каждое утро рядом с ней.

— Я самый счастливый мужчина, я знаю, — прошептал он.

Ведь деньги могли появляться и исчезать, также как и здоровье и выздоровление, а судьба была непостоянным мастером.

Но быть любимым тем, кого ты любил?

Это было, как поток свежего воздуха и оптимизм в самый разгар кризиса; это была еда, когда ты ужасно был голоден; это был воздух, когда ты не мог дышать, и свет, который мог вывести тебя из темноты.

Все, что имело значение, было в глазах его женщины, и хотя он был разрушен и не имел никаких объективных ценностей, Саттон Смайт делала его цельным.

Три дня спустя Джин забирала Амелию из аэропорта. И если подумать то, это был первый раз, когда она самолично встречала кого-то, всегда шофер проделывал эту процедуру, поскольку с коммерческими рейсами она знакома не была. А предпочитала частные самолеты. Она следовала по указателям, удерживая «Фантом» на медленной скорости, вливаясь в поток других машин, которые тоже встречали приезжающих.

На первом круге она не увидела Амелию, поэтому Джин пошла на второй, вспоминая последние два дня. Ричард Пффорд сдержал свое обещание и подписал бумаги о разводе, которые Самюэль Ти. составил, и он согласился оставить ей кольцо, слава Богу.

Не было бы причины для неловкого разговора, если бы он ей отказал.

И Самюэль Ти. согласился немедленно встретиться с Амелией, полагая, что именно этого хотела их дочь.

Джин проверила часы на приборной панели. Три часа дня. Самюэль Ти. сказал, что будет на своей ферме только что вернувшись из поездки куда-то за город. Он не стал вдаваться в подробности где был, а Джин не спрашивала, но у нее появилось ощущение, что он был с женщиной, поскольку она звонила ему в выходные и оставила сообщение, а перезвонил он ей только через два дня.

Когда они наконец соединились, ей показалось немного странным, что ни один не обмолвился словом о том, что произошло в болотистой местности с Ричардом Пффордом, словно Самюэля Ти. там вовсе и не было, хотя если бы его там не было... все могло закончиться совсем иначе.

Тем не менее он вполне вежливо разговаривал с ней, скорее профессионально, и она пыталась отвечать ему таким же тоном.

Джин снова проехала мимо ограждения терминала, Амелия стояла на обочине и махала ей рукой, не улыбаясь.

Вообще-то, Амелия не часто улыбалась. И Джин было что оплакивать, потому что именно она была ответственна за то, что ее дочь не часто улыбалась.

И таких проблем было очень много.

За последние пару ночей, пока Джин не спала, она вспомнила все свои неудачи, как мать, одну за другой. Буквально рассматривая каждую упущенную возможность и их оказалось вполне достаточно: взять хотя бы случаи, когда она предпочитала пойти на вечеринки, а Амелия болела, или нужно было делать домашнее задание, которое можно выполнить с помощью взрослого, или она оставалась дома одна. Сколько спектаклей и вечеров она пропустила. А сколько времени, когда Амелии необходим был ее совет, наставление, улыбка или объятия, Джин либо не было рядом, либо ей было совсем не до того.

И чем дольше Джин перемалывала свои воспоминания, тем больше она понимала насколько сожалеет, и эти сожаления ей придется нести с собой до конца своих дней.

И вдруг она поняла, что немного чем-то похожа на Эдварда — навсегда изменилась, хотя сама себе понаделала шрамы, которые теперь будут у нее внутри.

Остановившись, она оставила «Фантом» на холостом ходу, а сама стала выбираться из машины.

— У меня с собой багаж, — прокричала Амелия, пытаясь перекрыть шум других машин

и людей. — Открой багажник.

— Думаю, что это откроет багажник?

— О, готово.

Джин выбралась из машины и помогла Амелии уложить два чемодана. Затем они сели внутрь, и Джин двинулась, переходя на быструю скорость.

— Как ты долетела? — спросила Джин, следя за машинами, чтобы влиться в общий поток на выезде.

— Хорошо. — Амелия достала телефон и начала строчить смс-ки. — Я рада, что все закончилось. И я отправила все остальные вещи домой. Что у тебя случилось с головой? Почему ты в повязке?

— Ничего. — Джин откашлялась. — Послушай... Не могла бы ты отложить телефон хоть на секунду?

Амелия опустила iPhone и взглянула на мать.

— Как дела? Я уже знаю про дядю Эдварда. Это правда, что он вышел из тюрьмы? Я имею в виду, и про мисс Аврору, это не шутка? Это пахнет «Секретными материалами».

— Вообще-то я хотела с тобой поговорить совсем о другом. Позднее мы поговорим с тобой обо всем, что случилось за время твоего отсутствия в семье. Много чего произошло.

— Верно.

Как только они выехали на шоссе, Амелия нахмурилась.

— Так в чем дело?

— Я развожусь с Ричардом Пфордом.

— Спасибо тебе, Господи. Он был полным придурком.

— Да, боюсь, что мое решение выйти за него замуж очередной раз не было мудрым. Но я пытаюсь исправиться.

— Ну, ты никогда меня раньше не забирала. Никогда. Это стоит учитывать.

— Ах, да, это правда. И, ах, я действительно пытаюсь многое сделать для тебя. — Джин бросила на нее взгляд, а затем повернула голову на дорогу. — И продолжая разговор в том же духе... мы с тобой никогда не говорили о твоём отце.

Несмотря на то, что Джин пробралась в центральную полосу, она заметила краем глаза, что ее дочь сидит совершенно неподвижно и заторможено пялится на нее.

— Я хочу совершенно открыто тебе сказать, — начала Джин, внезапно почувствовав, что ей трудно стало дышать, словно сгустился воздух. — Это я сделала ужасный выбор не говорить ему о тебе и такой же выбор не говорить тебе о нем. Это так...

Слезы угрожали политься по щекам, поэтому она прочистила горло.

— Я никогда не прощу себя за это.

— Он не знал обо мне?

— Нет.

— То есть он... не был против меня? — спросила Амелия очень тихо.

Джин сжала ее руку.

— Нет, совсем нет. Я ужасная мать, я ошиблась. Это не твоя вина и не его. И ты можешь спокойно злиться на меня за это.

Амелия высвободила руку и положила ее на колени. Потом она пожала плечами.

— Это своего рода была стезя, которую я выбрала, понимаешь?

Джин крепко ухватилась за руль.

— Теперь мой вопрос к тебе — хотела бы ты встретиться с ним?

Амелия дернулась.

— А... когда? Где?

— Мы можем сделать это прямо сейчас, если ты захочешь...

— Да. Да, сейчас. Я хочу познакомиться сейчас.

Джин ненадолго закрыла глаза.

— У меня было ощущение, что так оно и будет.

— Я его знаю?

— Фактически... — Джин сделала глубокий вдох. — Знаешь.

— Готовишься к кому-то особенному?

Самюэль Ти. очередной раз проверил галстук-бабочку в стеклянной двери микроволновки и попытался улыбнуться своей экономке. Но горло было сухим, глаза были на мокром месте, а желудок бурлил, готовый преждевременно выпустить весь обед.

Это был всего лишь вопрос о том, какой конец он собирается использовать.

— Она должна быть кем-то очень особенной. — Женщина кивнула на тарелку с фруктами и сыром, которую он приготовил. — Я имею в виду, если уж ты готовишь для нее? Поразительно.

Хорошо, как «повар», возможно, он немного переборщил. Но, конечно, же он развернул Бри, вымыл зеленый и черный виноград, насыпал крекеров «Карра» из коробки. Что, черт побери, едят девочки-подростки?

— Посмотрим, как все пройдет, — сказал он.

— Ну, я ценю выходной, который ты мне дал. Мне нужно кое-что сделать. До свидания. О, и позвонили из химчистки, они отчистили пятно с твоих белых брюк. У тебя, должно быть, был чертовски веселый уикенд.

— Это было интересно.

— Готова поспорить, что так, приятно провести время. Увидимся завтра.

Женщина вышла через дверь гаража, Самюэль Ти. перечитал смс-ку, которую прислала Джин и проверил время.

Они будут здесь с минуты на минуту.

Он вновь осмотрел свой галстук-бабочку в зеркале микроволновки, а затем направился на крыльцо. Спустившись вниз к концу лестницы, он сел на ступеньки и окинул взглядом свои уголья вдоль окружной дороги.

Его выходные, на самом деле, были интересными. Он не солгал своей экономке, хотя она подумала иначе. Впервые он не напился во время вечеринки, и что вы думаете, это привнесло что-то новое в его опыт. Как оказалось, не так весело проводить время, когда ты единственно трезвый среди других. И Прескотт еще больше удивила его, показав себя еще гораздо более целостным и разносторонним человеком, чем он ожидал. Она любила пробегать марафон, была специалистом по классической литературе, вот почему она смотрела на его холмы после той первой ночи? Она охотилась на лис и поинтересовалась, не сможет ли он разрешить ее клубу за определенную плату осенью поохотиться на его земле.

А что насчет пятен от вина?

Официант споткнулся об угол ковра и пролил бокал «Пино Нуар» на брюки Самюэля Ти.

Прескотт хотела, чтобы они остались вместе, но он снял отдельные комнаты... и совсем не потому, что ему не хотелось секса. Он не спал всю ночь, вернее две ночи, пытаясь припомнить, как воспитывали его родители. А потом он стал изучать как воспитывали

другие, известные люди и не очень.

Он засел читать статьи в Интернете.

Он просмотрел серии *Full House and Home Improvement*, поскольку он не был заядлым любителем телесериалов то, понятия не имел, что современное семейное шоу может быть настолько хорошим, и эти двое «проявляли доброту» еще в то время, когда он был подростком. *(Если ничего не путаю, то Full House (Полный дом) сериал 1887–1995 гг. — после внезапной смерти жены, молодой отец просит помочь своего шурина и его лучшего друга воспитывать его троих дочерей. — прим. пер.)*

Тогда не было Facebook. сотовых телефонов. Или Twitter, Insta...

Да, эти шоу, возможно, не были реальными, как оказалось. Но они спасали его с четырех до шести утра от бессонницы, когда его мозг в любом случае уже не способен был ничего воспринимать.

Сегодняшняя встреча с Амелией оказалась для него неожиданной, чем он предполагал, он же хотел, чтобы у него было больше времени, чтобы подготовиться. Но судя по тому, как он себя чувствовал в данный момент, он мог готовиться еще двадцать лет и все с тем же успехом, потому что его голова...

На окружной дороге показался большой кабриолет с массивной решеткой спереди, который замедлился, а затем повернул к его аллее деревьев.

«Фантом» двигался медленно, как лайнер по дорожке из гравия, поднимая за собой мелкую пыль, Самюэль Ти. полез в карман костюма и зажал между зубами еще одну таблетку Tums (от тяжести в желудке, антацид. — прим. пер.).

Плохая идея. Мел и сухой рот?

Как бы то ни было, было уже слишком поздно что-либо исправлять, решил он, поднимаясь на ноги и спускаясь на газон. Сверху светило великолепное солнце, небо было ярко-синим, под ногами — зеленый газон, как шамрок. Легкий ветерок колыхал мятлик, птицы пели на деревьях.

«Фантом» остановился на полпути подъездного полукруга перед домом, обе двери открылись одновременно.

Амелия вышла, не отрывая от него глаз, выражение лица настороженное, глаза прищурены.

Сердце у Самюэля Ти. стучало так сильно, что у него закружилась голова, когда он направился к ней. Мельком скользнул взглядом по Джин, не на минуту не оставляя девушку.

Амелия тоже пришла в себя, встретив его на полпути, Джин, кажется, хотя раз поняла, что все внимание сосредоточено не на ней.

Они остановились в полутора метрах друг от друга.

— Привет, — произнес он. — Я, а, я Самюэль Теодор Лодж...

— Я знаю. — Амелия кивнула через плечо. — Она сказала мне... я имею в виду, я знаю тебя.

Они просто смотрели друг на друга.

— Ты высокий, — сказала девушка. — Вот откуда это во мне.

Он посмотрел на ее длинные ноги.

— Да, наверное. И наши волосы...

— Одинакового цвета.

— Ты любишь майонез? — вдруг ляпнул он.

— О Боже нет. Нет, нет, нет.

Он тихо засмеялся.

— Точно, как мой отец. Он тоже терпеть его не может. И передал это мне, а его брат был другим.

— Все добавляют его почти во все.

— Невероятно отвратительно.

— Ты... я догадываюсь, что это странно, но тебе не кажется, что тройки несколько странные?

— Они, словно бьют по тебе?

— Все время! Да, а где еще это присутствует?

— В телефонных номерах, верно? Рецептах? Поставь-ка, когда оплачиваешь ланчи и обеды. Это настоящая боль.

Потом они опять помолчали, и он махнул рукой, повернувшись в сторону двери.

— Ты не хочешь, ах... войти? Я знаю, что ты только что с самолета и все такое. Но, может, я покажу тебе некоторые фотографии твоей... моей семьи. С моей стороны? И в доме есть комнаты, которыми ты бы, возможно, хотела воспользоваться... Господи, о чем я лепечу. В общем, делай все, чтобы почувствовать себя комфортно. У тебя, наверное, куча друзей, с которыми ты хотела бы повидаться. Я знаю это, поскольку делал тоже самое, когда возвращался домой из школы.

Он терзался по поводу нее, боясь, что она может сесть в машину и уехать, но потом напомнил себе не воспринимать все на личный счет. Она была для него всего лишь незнакомкой...

— Здесь есть привидения?

— Вообще-то, да. Я видел двух призраков. Некоторые говорят, что их больше, но я видел только двух.

— Здесь очень красиво. — Она не могла оторвать взгляда от крыши, потом опустила глаза вниз, пройдясь по всему фермерскому дому, задержавшись на крыльце. — Я имею в виду, дом просто прекрасен.

От ее слов Самюэлю Ти. пришлось пару раз сильно моргнуть. Часть его естества умерла бы в груди, если бы она сказала, что его фермерский дом всего лишь вторая скрипка по сравнению с Истерли.

Амелия провернулась к Джин.

— Я остаюсь. Я позвоню тебе позже, если только..., — она опять повернулась к нему, — ты не сможешь отвезти меня домой?

Самюэль Ти. быстро втянул воздух носом и попытался сделать вид, что страдает аллергией, которая вдруг накрыла его, потому что он высморкался.

— Однозначно.

— В своем кабриолете? Мне кажется, что это самая крутая машина, которую я когда-либо видела. Точно такая же была у Джеймса Бонда.

А потом она пошла в сторону его дома, и ее длинные волнистые волосы подпрыгивали на солнце.

Самюэль Ти. оглянулся на Джин. Она выглядела... полностью убитой, осунувшейся, глаза запали и в них поселилась печаль. Он так и не понял, глядя на нее, оплакивает ли она свои грехи или боится потерять дочь, или... страшится, что она не сможет прикупить новинок этого сезона и ей придется ходить в прошлогодних, поскольку финансовые возможности ее семьи резко упали.

Но он подумал, что это его не касается.

— Я отвезу ее, — произнес он. — И я напишу тебе, если она решит остаться на ужин.

Он ожидал, что Джин как всегда попытается втянуть его в эмоциональный коллапс, раньше это было ее спецификой.

Но она всего лишь кивнула и ответила:

— Спасибо. Огромное спасибо.

Развернулась и ссутулившись, как старушка, направилась к роллсу.

Он не стал дожидаться, когда она сядет в машину. Вместо этого подошел к крыльцу и улыбнулся, когда увидел Амелию, покачивающуюся на качелях.

— Это потрясающе! — произнесла она, качаясь туда-сюда.

Самюэль Ти. кивнул.

— Знаешь, это мое любимое место. — Он не смог не улыбнуться. — Я спал здесь, когда был в твоём возрасте. Теперь, когда этот родительский дом принадлежит мне, можно возобновить традицию.

— Здесь можно спать ночью?

— Москитная сетка сохранит твой сон спокойным. И здесь очень тихо. Умиротворенно.

Амелия стала оглядывать открывающиеся просторы. Через минуту она спросила:

— Могу я как-нибудь нарисовать этот вид?

Самюэль Ти. глубоко, прерывисто вдохнул. Он думал, что будет нервничать, но любопытство взяло вверх, но хотел познакомиться с ней.

Но он не ожидал, что ему захочется сделать для нее все — для своей дочери, его собственной плоти и крови, которая сейчас сидела на его крыльце именно на тех качелях, на которых он предпочитал проводить как можно больше времени, когда здесь жили его родители.

— Когда захочешь, — сказал он хрипатым голосом. — Ты можешь приезжать сюда и рисовать этот вид... в любое время.

— Итак, у нас есть три стопки.

Находясь в офисе генерального директора в бизнес-центре, Лиззи начала выхаживать по кабинету как Ванна Уайт, указывая на кучу папок с документами на огромном столе, Лейн откинулся на спинку трона отца и водрузил ноги на стол Уильяма. (*Ванна Марí Уайт (англ. Vanna Marie White), урождённая — Рóсич (англ. Rosich; 18 февраля 1957, Конуэй (англ.)русск., Южная Каролина, США) — американская актриса и телеведущая. Наиболее известна как ведущая телевизионного игрового шоу «Колесо Фортуны» (англ. Wheel of Fortune) с 1982 года. 20 апреля 2006 года получила «звезду» на Голливудской аллее славы за вклад в телевидение. — прим. пер.)*

Еще один долгий день подходил к концу. После серии таких же долгих дней. Но что же он узнал за сегодня? Лиззи была на его стороне, и поэтому он мог пережить все.

— Давай, — сказал он и улыбнулся.

Качнув бедрами и взмахнул элегантно рукой, она подошла к левой стопке.

— Это потерпевшие, которые в настоящее время или скоро вызовут у нас проблемы.

Отрадно было осознавать, что в этой стопке было больше всего папок, он потерявшие глаза. Джефф в данный момент возвращался на самолете в Чарлмонт, сюда домой, после того, как попытался договориться о погашении долгов с банками. Ему удалось договориться только с двумя, четверых он смог убедить, и только с одним он проиграл. И еще предстояло обойти десятерых, которым он собирался нанести визит в течение следующих четырех-пяти дней.

Никакого давления.

— Следующая группа документов, пока еще не кучка. — Лиззи обошла вокруг стола, встав напротив бумаг, его взгляд тут же пробежался по ее телу. Остановившись на талии, а потом пройдясь по груди, закрытой...

Он поднял глаза вверх, всматриваясь в ее лицо. И у нее появилась улыбка, и это была самая замечательная и самая сексуальная вещь, которую он когда-либо видел.

— Давай сосредоточимся, хорошо?

— Когда я могу заняться с тобой сексом?

— Будь хорошим мальчиком, давай покончим с этим, и ты сможешь заняться со мной сексом в этом кабинете... вплоть до ужина.

— Можем нам стоит пропустить ужин?

— Нет. — Она выставила бедро. — Но и после ужина у тебя будет вся ночь.

Все было потрясающе, их отношения обрели новую глубину, связанную с бессловесными обязательствами и силой. Ранние утренние часы они провели в объятиях друг друга, обсуждая будущее, прошлое, рассматривая новые обстоятельства. Они даже назначили дату свадьбы.

Двадцать первого июня. Самый длинный день в году, когда день будет дольше, чем темное время суток. Прекрасный день, решили они, чтобы начать вместе будущее.

Они также решили, что свадебная церемония будет небольшой, чисто символической в Баптистской церкви Чарлмонта, с присутствием только ближайших родственников. Ее родители приедут на неделю, Лэйн с нетерпением ждал возможности познакомиться с ними. А потом они проведут медовый месяц в Нью-Йорке, где он хотел встретиться со

своими школьными друзьями из старших классов, а она тоже хотела посетить своих друзей в Корнелле. Она подумывала рассказать своим родителям о ребенке, после того, как пройдет церемония.

С его стороны все знали, потому что он сообщил об этом, как только вышел из палаты-реанимации мисс Авроры.

Также они вели беседы о более тяжелых вопросах — о смерти его мамы, откровении Макса об Эдварде и беспокойстве Лэйна по поводу бизнеса семьи. А потом она поделилась с ним своими опасениями по поводу рождения и воспитания ребенка, который не избежит фамилии Брэдфордов, а значит будет под пристальным вниманием прессы.

Но несмотря на то, что темы их разговоров были радостными и грустными, он понял из их бесед одну вещь — они все переживут вместе, ни в коем случае по одиночке.

— И наша последняя стопка. — Она передвинулась к самой маленькой стопке документов. — Которая обозначает неизвестные счета.

— Грета ненавидит такой беспорядок.

Лиззи кивнула.

— Она однозначно ненавидит.

Затем одну за другой она взяла скрепленные степплером бумаги, выложенные перед стопками.

— Вот таблицы Греты. Каждому документу был присвоен номер, она выписала его дату, название компании, доленое участие капитала, оценку стоимости, если бы она могла найти хоть одно долговое обязательство или кредитора, она бы нашла.

— Она великолепна.

— Ее муж заставил ее отказаться от этой работы в связи с юбилеем, и он почти силком затащил ее в самолет. Думаю, она продержится сорок восемь часов, а потом заставит его вылететь из Каптивы. Она не хочет, чтобы кто-то еще касался стопок этих бумаг и перепутал всю ее систему.

Лейн оглянулся назад на шкафы за столом. После того, как он разобрал их все, он нашел море документов, которые случайным образом были спрятаны, забыты и не систематизированы.

Слава Богу, Грета оказалась на высоте.

Лейн убрал ноги со стола и по густому ковровому покрытию подошел к стопке «неизвестно что».

— Поэтому, хотя это маловероятно, но если и есть какие-то активы, из которых мы можем выплатить долги при смене власти, так сказать, то они находятся здесь. Потому что все остальные предприятия находятся в заведомо проигрышном положении или уже не существуют.

— Ага, вот, где мы находимся.

Он взял таблицу, в которой подробно было все описано, неизвестные договора. Просматривая список, он отрицательно покачал головой.

— Я никогда не слышал ни об одной из этих фирм раньше.

— Я могу попробовать поискать информацию в интернете. Грета сосредоточилась на появляющихся компаниях и банках. Но я уверена... ну, боюсь, что с остальными будет еще хуже.

— Да, я имею в виду Tricksey, Inc.? Из Калифорнии? Что это?

— Мы, на самом деле, хотим узнать?

— Черт. — Он опустил страницы с таблицами. — Джефф сейчас так необходим здесь, в штабе, но он застрял в воздухе. Не знаю, как мы можем заставить его управлять компанией, пока он разбирается с исками.

— По крайней мере, ему это нравится.

— Да, он действительно счастлив, по большей мере. Он инвестиционный банкир до мозга и костей. Он любит вести переговоры за столом, лицом к лицу, если можно так выразиться. Он скорее предпочтет множество таких переговоров, чем создавать бурбон.

Лейн подумал о новом дрожжевом штамме Мака. Он придерживал решение этого вопроса, не предпринимая никаких шагов, хотя, возможно, это было ошибкой. Но интуиция где-то глубоко в груди, продолжала повторять большое жирное «Нет» на продажу патента. Ему казалось, что тогда они продадут будущее компании за гроши, а что если Мак был прав? То у них в руках была золотая мина.

И раздумывая над этой проблемой, Лейн пришел к выводу, что он был полной противоположностью Джеффа, он предпочитал создавать бурбон, но не быть бизнесменом.

— Знаешь, — усмехнулась Лиззи, — есть потенциальное решение проблемы, с которой старается справиться Джефф.

— Да? Говори.

В Red & Black Эдвард подался вперед, подметая бетонный проход конюшни В, собирая сухой волос, пыль и разные ошметки сена. Двигаясь вперед, подлавливая пучки сена и комки грязи от подков, он покачивался под музыку, которая гремела над головой.

Фрэнк Синатра напевал в пол голоса о полете на Луну, а Эдвард подпевал ему.

Время от времени появлялась морда, когда он проходил мимо стойла, фыркала и нюхала его рабочую рубашку и ноющие плечи. Он всегда останавливался, пел пару строчек и двигался вперед.

Он понял, когда подошел к стойлу Неба, и его большой, черный, злой жеребец сильно лягнул по двери, что грохот прошелся по всей конюшни. Потом чистокровка, казалось, хитро улыбнулся, вытянув шею, не для укуса, а используя рубашку Эдварда в качестве носового платка.

Этот ублюдок умышленно чихнул на Эдварда, и из его горячих ноздрей последовал взрыв брызг. После чего Неб мотнул головой вверх-вниз, черная грива переливалась и подпрыгивала, а он словно смеялся.

— Ты настоящая заноза в заднице.

Жеребец заржал.

— Да, они вернутся с минуты на минуту со своей прогулки на лошадях, и ты мог бы прогуляться с ними, но ты не обучен хорошим манерам, потому что воспитывался в конюшне.

Они приняли боевую стойку, глядели друг на друга, Эдвард не спускал с него глаз, а жеребец опустил голову. Это был знак для Эдварда почесать ему спереди шею.

И огромные глаза Неба чуть ли не закатились от счастья, цокот приближающихся копыт привлек их внимания, они одновременно повернули головы в сторону открытого прохода в конце конюшни.

Эдвард почувствовал улыбку, расплзшуюся у него по лицу, и он не собирался ее скрывать. Через открытое поле, в довольно высоком темпе Саттон и Шелби галопом мчались в сторону конюшен на паре кобыл, несущихся широким шагом, поскольку поля по размеру напоминающее футбольное и сигнальное ограничительное ограждение ставилось

исключительно для границ почтенного Неба.

Обе женщины одновременно замедлили шаг, с рыси перейдя на прогулочный.

Прислонив метлу к стойлу Неба, Эдвард захромал к солнечному проходу, его травмированная нога препятствовала быстрому продвижению вперед, но не его настроение.

— Хорошо выглядите, дамы, — сказал он, выйдя на солнечный золотой свет. — Удачная поездка?

— Лучшая. — Саттон улыбнулась Шелби. — Мне понравилось мчаться вниз по тропе в долину.

— Это тоже мой любимый путь. — Шелби легко ослабила седло своими крепкими ногами. — Но я думаю, мисс Рэд все еще имеет запал. Я съезжу на северное пастбище?

— Звучит мило. — Саттон погладила изящную шею своей лошади. — А я по выгуливаю Стейси и поставлю ее в стойло.

— Да, мэм. Завтра?

— Если после работы, хорошо? У меня заседание правления, которое состоится в шесть. Я могу приехать сюда к четверти седьмого?

— Я оседлаю и подготовлю лошадей к прогулке.

Шелби прищорила и скомандовала Мисс Ред, и они поскакали вперед, Саттон спустилась и начала водить Стейси по большому кругу.

— Мне так там понравилось. И Шелби — настоящая находка.

— Дочь лучшего конного тренера, которого я когда-либо встречал.

— Это правда, что она встречается с сыном Мо, Джоуи? Она все время только и говорила о нем.

— Этот щенок, наверняка, влюблен. — Эдвард подошел к тюку с сеном и медленно опустился на него.

— Я думаю, что это хорошая пара, они подходят друг другу.

— Она кажется очень счастливой.

— Она это заслужила. Ей пришлось пройти тяжелый путь. Пришло время, чтобы ей улыбнулась удача.

Саттон улыбнулась ему, и искрящиеся рубиновые серьги, заколыхались у нее в ушах, заставив его полюбить ее еще больше, чем он уже любил. Она была в синих джинсах и трехдолларовой футболке Hanes, ни грамма косметики, волосы спускались на плечи... но она была в его серьгах.

Последние несколько ночей они провели в его маленьком коттедже смотрителя, занимаясь любовью на двуспальной кровати, просыпаясь, прижавшись друг к другу. Утром в шесть часов она уезжала в город, чтобы успеть переодеться и позавтракать с отцом. А потом она возвращалась на ферму около шести вечера, он готовил ужин, и они сидели в кресле и смотрели телевизор.

Без сомнения, он спокойно и с радостью готов был провести вот так остаток жизни в таких чередующихся днях, как Билл Мюррей только без Паксатонского Фила. *(Имеется в виду «День сурка», 1995 г. — прим. пер.)*

— Ты прекрасно смотришься с этой лошастью.

Саттон улыбнулась ему.

— Думаю, ты предвзято ко мне относишься.

— Точнее это больше похоже..., — услышав, как некоторые лошади заржали, он повернул голову и увидел посетителей. — Лейн?

Эдвард постарался подняться на ноги, когда его брат и Лиззи Кинг шли по дорожке.

— Привет, как вы, ребята,... на самом деле, только не подходите к жеребцу, хорошо? Держитесь от него подальше. Точно.

Эдвард дождался, когда они вдвоем подойдут к нему, он обнял их обеих.

— Прости, заставил вас подойти, но я не слишком хорошо передвигаюсь.

— Ты хорошо выглядишь, старик, — сказал Лейн. — Привет, Саттон!

Саттон махнула в знак приветствия, продолжая выгуливать Стейси.

— Привет, ребята! Я так рада вас видеть! Я просто остываю здесь. Дайте мне еще пять минут.

Лиззи поздоровалась, а потом покачала головой, разглядывая Стейси.

— Святые угодники, какая красивая лошадь.

— Разве она не прекрасна? И такая дама, надо сказать.

— Итак, — произнес Эдвард, опять усевшись на тюк сена. — Что вас привело на ферму? Если вы хотите хороший прохладный лимонад, я могу вам предложить его в коттедже.

Лейн прислонился к стенке конюшни, и невозможно было не заметить, что сейчас он был совсем другим мужчиной, рассматривая вдали луга. Исчез куда-то шикарный, лощеный вид плеябоя. Его место занял спокойный, более приземленный взрослый мужчина... именно когда появилась Лиззи, истинная вторая половинка этого человека, благодаря которой и произошла такая метаморфоза с ним.

Любовь хорошей женщины была спасательным кругом для бесцельного мужчины.

Эдвард знал это по себе.

Молчание затянулось, Саттон закончила охлаждать Стейси и повела чистить кобылу.

Топанье копыт остановилось за веревкой, отделяющей отсек для груминга, Саттон ловко сняла уздечку с поводом, удерживающую голову чистокровки. Потом она стала мыть ее теплой водой из шланга, и кобыла кивала, потому что она одна из немногих, кто любил мыться.

А Лэйн по-прежнему молчал.

Лиззи отправилась помогать с лошадьё, Эдвард посмотрел на брата.

— Выкладывай. Что случилось?

Лейн наклонился и взял колосок сена из тюка рядом. Водрузив его между зубами, он разжевал основание, отчего кончик постоянно двигался между его губ.

Когда он, наконец, взглянул на Эдварда, его глаза были убийственно серьезными.

— Мне нужно, чтобы ты вернулся.

Эдвард выпрямился, а затем медленно произнес:

— Надеюсь, ты говоришь не об Истерли?

— Нет, конечно, нет. Я хочу, чтобы ты вернулся и стал генеральным директором. — Лейн тут же поднял ладони вверх. — И прежде чем ты выдворишь меня отсюда, я хочу тебе обрисовать ситуацию. Я председатель правления, и я могу проделывать эту работу. Джефф невероятен с цифрами, но у нас есть серьезные проблемы по долгам... и все его время уходит именно на это. Я не генеральный директор. Я не знаю, как управлять компанией, такой, как КББ. Ты знаешь. Всю свою жизнь тебя готовили к этому. Черт побери, ты знаешь все лазейки в бизнесе, не только наши, но и наших конкурентов. Ты именно тот человек для этого места и более того, я думаю, ты должен сделать это для себя.

— Да, я тот, — пробормотал Эдвард.

— Это значит, что ты выиграешь. В тебе есть все то, что он больше всего ненавидел,

поэтому он пытался тебя убраться со своего пути.

Лейн не стал уточнять, кого он подразумевал под «он», Эдвард и так прекрасно все понял.

Эдвард резко передвинулся всем телом, чтобы увидеть Саттон, при этом особо не напрягая травмированные конечности. Она держала шланг в руке и во все глаза пялилась на него, видно, услышав слова Лейна.

— Мне необходимо какое-то время, чтобы подумать, — произнес Эдвард. — Сначала мне все следует обсудить у себя дома.

— Ты нам просто необходим. — Лейн отбросил колосок. — Сейчас переломный момент, и именно ты являешься ключом к стратегии.

Эдвард и Саттон вернулись в коттедж зрителя, после того, как Лиззи и Лейн уехали. Она налила им лимонад на маленькой тесной кухоньки, он полулежа завалился в кресло, чувствуя боль в ноге и одну только боль, гораздо больше с тех пор, как вышел из тюрьмы.

Она протянула ему стакан, села, скрестив ноги перед ним на полу.

— Что ты думаешь? — спросила он.

Она не колеблясь ответила (она всегда так делала):

— Лейн прав. Тебя всю жизнь готовили к этой должности.

— В данный момент мне совершенно плевать на компанию. Я имею в виду только тебя и меня.

Саттон опустила взгляд на свой стакан с лимонадом, он вспомнил, как в последний раз они пили лимонад. Тогда он просто выгнал ее, заставив уйти, потому что сам решил себя упечь в тюрьму.

А теперь они были здесь.

— Ну, мы всегда были конкурентами, — сказала она. — Раньше и сейчас.

— Если моя должность будет предполагать отказаться от тебя, я не собираюсь этого делать.

Она ошеломленно посмотрела на него.

— Но это твоя компания семьи, Эдвард.

— А ты моя жизнь. Для меня это не сравнимые вещи. Я счастлив жить здесь, на ферме, будучи домашним мужем. Или оставаться дома с тобой и твоим отцом. Я... не буду пытаться залатать ничьи дыры. Лейн прав, если я возьмусь за работу, причем на разных уровнях, думаю, что выиграю. Но Уильям Болдвейн даже не является мне родственником. Он был всего лишь злым героем, который вредил всем, посмевавшийся перейти ему путь. Мне нечего с ним делить, у меня нет к нему счетов, поэтому я теперь спокоен.

Саттон присела к нему на колени и поцеловала.

— Я никогда не любила тебя больше, чем сейчас.

Обхватив ее сзади за шею, он улыбнулся.

— Ты любила меня прошлой ночью.

Слабый румянец, появившийся у нее на щеках, показался ему очаровательным. Но потом она стала серьезной и пересела назад на пол, к его ногам.

Ее голос приобрел силу и прямоту.

— Тогда будут существовать частные вопросы, которые мы никогда не сможем обсудить, и стратегия, которую нам придется разрабатывать в связи с конкурентным рынком, способную поставить под угрозу позицию одного из нас. Мы будем два генерала, по разные стороны поля боя. Сможем ли мы жить с этим?

— Не знаю. Но стоит ли нам это выяснять?

Они оба замолчали на какое-то время.

— Знаешь что, Эдвард?

— Скажи мне, любовь моя.

— Я думаю, ты должен руководить производством бурбона. — Она медленно улыbnулась. — Я думаю, что тебе необходимо достать свои деловые костюмы и встретиться со мной в бизнесе. Давай сделаем это. Мы с этого начинали, и если на планете существуют два человека, которые могут проделать все это, то почему не мы?

Он начал кивать.

— Мы с тобой.

— Это будет нелегко.

— Нет, совсем не легко. — Он окинул свое тело взглядом. — Во-первых, я до сих пор езжу на максимальной скорости.

— Ты сможешь многое делать из дома.

— Фактически... Если я буду в бизнес-центре моего отца, а не в городе, я всегда смогу переночевать в Истерли, если придется. Или я смогу провести ночь с тобой у тебя в доме, здесь все налажено, Мо, Шелби и Джоуи. Я не оставлю их, если будут какие-то трудности, но...

— Твои корни берут начало из длинной родословной производителей бурбона, — произнесла Саттон. — Мои тоже. Это в нашей крови. Нас учили управлять компаниями, и мы такие есть. Так зачем же этому сопротивляться?

Эдвард подался вперед. Он был не наивным в этом вопросе. Создать семью двум людям, занимающим такие должности, было достаточно трудно, но еще было труднее двум людям, чьи корпорации шли голова к голове на коммерческом рынке, относясь к верхней ступени эшелона.

Знаете, что было самым странным?

У него было такое странное чувство, что этот путь был правильным. Для большинства людей это не имело большого смысла. А для пары, которая занималась производством бурбона?

— Хорошо, я соглашусь, — сказал он и поцеловал ее. — Так что приготовься выложиться по полной, девочка.

Огонь появившийся у нее в глазах, возбудил его и дал почувствовать, что он всегда будет немного подтрунивать над ней.

— А я никогда и не останавливалась. — Она прикусила его нижнюю губу. — Это ты, Эдди, мой мальчик, должен увеличить свою скорость.

Эдвард засмеялся, а потом притянул ее к себе на колени.

После чего выкладывание по полной продолжилось, но лежа, к всеобщему и непревзойденному наслаждению обеих сторон.

Наступило и закончилось время ужина, и Самюэль Ти., не мог даже вспомнить, когда так наслаждался едой и общением за последнее время.

— А потом профессор спросил меня, что я думаю, — произнесла Амелия.

— И что ты ответила? — Самюэль Ти. спросил, присаживаясь рядом со стаканом бурбона.

Они оба сидели напротив друг друга за столом на террасе, чтобы наблюдать, как садится солнце за горизонт. На ужин они съели стейки, приготовленные на гриле и Флаффи салат, который она сама сделала и запекла картофель. И пока они вместе готовили, он был так рад, что она не суетилась по поводу органической еды, типа тофу и капусты, и остального, хотя он был готов предоставить ей все, что она захочет.

— Я считаю, что это неправомерный аргумент, и, честно говоря, меня стал он утомлять. Если бы Фицджеральд был всего лишь блоггером в соцсетях, своего рода Энди Коэном своего времени, это было бы понятно, но тогда почему мы все еще вспоминаем и анализируем его книги? Почему я слушаю весь курс про него и Хемингуэя? Если на этом курсе его хотят опустить до блоггера Века Джаза, а потом преподаватель начинает говорить о Хемингуэе 1940 годов. Мне кажется, стоит поговорить о его произведениях, а не его пристрастия к алкоголю или Зелде. Мне интересно узнать о нем, как о человеке, который умер почти восемьдесят лет назад. И о его произведениях, я хотела бы, чтобы со мной говорили именно об этом.

— Тебе случайно не тридцать пять, как и мне?

Она рассмеялась и отодвинула тарелку.

— Так мне постоянно говорят.

За последние несколько дней Амелия приходила к нему в дом ни раз и на долго, они рассказывали друг другу разные истории, что нравится и что совсем не нравится, пытались узнать предпочтения обеих. Вообще-то... это не совсем верное описание. Скорее это напоминало воссоединение со старым другом, что было довольно-таки странно.

И однозначно.

Господи, они были так похожи друг на друга. Самюэль Ти. слышал от кого-то, что родители видят в детях себя только в ранней форме, он всегда отвергал это утверждение, предполагая, что родители этих детей не могут выстроить должную эмоциональную границу со своим подрастающим поколением.

Но в данный момент именно об этом они и говорили.

И для нее это был свой способ познать окружающий мир.

— Прости, что тебе пришлось так рано повзрослеть, — произнес он.

Это был первый раз, когда он шагнул на спорную территорию. Он не хотел втаскивать в эти разборки Джин, потому что ничего хорошего не вышло бы, и в этом не было необходимости. Амелия прошла через все неудачи своей матери, хорошо их изучив.

Ей пришлось принять и ужиться с ними.

— Все хорошо. — Амелия пожала плечами. — Я встречаюсь с кое-какими друзьями, но они настолько легкомысленны и не собраны, что это сводит меня с ума.

— Шестнадцатилетние, наверное, должны быть такими. Или, по крайней мере, им позволено такими быть. Не могу точно сказать, у меня нет достаточного опыта общения с

этим поколением.

— Могу я задать тебе вопрос о своей матери?

Самюэль Ти. прочистил горло.

— Да, любой. Я постараюсь правдиво ответить на него.

— Ты был влюблен в нее? И была ли она влюблена в тебя? Ну, ты понимаешь, когда...

Самюэль Ти. глубоко вздохнул.

— Да, был. Твоя мать была единственной женщиной, с которой я тогда встречался, и я могу точно сказать, что был по-настоящему в нее влюблен. Но это не значит, что мы подходим друг другу.

— Не подходите, почему?

Он сделал глоток бурбона.

— Иногда, с партнером у тебя происходит потрясающая химия, но это не значит, что ты готов с ней или с ним попробовать что-то на более длительный срок.

Амелия крутила свою вилку, потом правильно опустила ее на тарелку, показывая, что она закончила трапезу.

— Она сейчас совсем другая.

— Какая? — поинтересовался он.

— Она не покидает дом. — Амелия рассмеялась. — И она пылесосит. Я имею в виду, что моя мать пылесосит гостиные и у себя в комнате. Это так странно! Она также повела меня на йогу вчера вечером и занималась вместе со мной. Она старается помочь мне найти подработку на лето. И мы собираемся пойти за покупками и приобрести бикини на этой неделе. — Девушка не отрываясь смотрела на горизонт. — Раньше она никогда не хотела проводить со мной время.

— Я очень рад, что она прилагает хоть какие-то усилия.

И он взмолился про себя, чтобы все так и продолжалось с Джин. Но ему показалось, что это было маловероятным. Занимаясь вполне материнскими делами, она, наверное, ощутит полное отторжение и вернется к своему обычному образу жизни. Но, по крайней мере, он будет рядом с Амелией, чтобы собрать ее по кусочкам.

И если учесть, что с детских лет Амелия была жестко предоставлена сама себе, то, скорее всего, она не поддастся на попытки Джин.

Что было грустно, решил он для себя.

— И я хочу тебе сказать, что она дала мне ключ от сейфа. — Амелия посмотрела в его сторону. — Не говори ей, что я сообщила тебе об этом, хорошо?

Он поднял руку ладонью к ней.

— Клянусь.

— Прежде чем я вернулась в «Хотчкисс»... Она дала мне ключ от сейфовой ячейки и сказала, что я не должна использовать его, пока она не умрет. Она отказалась говорить мне, что там находилось. — Амелия перевела взгляд на густое, садящиеся солнце, которое полыхало, как огонь в топке, на краю горизонта. — Я попросила Лиззи отвезти меня сегодня в банк. Я попросила ее дожидаться меня в машине и взяла ключ. Я прихватила с собой паспорт, потому что у меня нет водительского удостоверения. Менеджер-женщина вышла из кабинета. Она была очень приветлива со мной, помогла войти в хранилище и вытащить ячейку... но мы с трудом ее могли поднять. Я испугалась и попросила эту леди остаться со мной в маленьком помещении.

— Что там было? — скрипя спросил Самюэль Ти.

— Слитки. — Амелия посмотрела на него. — Много... тонны золотых слитков.

Самюэль Ти. тут же задался вопросом, что Джин такое продала?

— И внутри было письмо. Я прочитала его.

Амелия притихла, и ему показалось, что она пожалела, что прочла это письмо.

— И? — Самюэль Ти. положил руку на предплечье девушки, надеясь услышать ответ. — Я обещаю, что не скажу ей.

— Она писала в письме, что если умрет, то это будет означать, что ее убил Ричард Пффорд. В этом письме, она фактически выражала свою волю, свободно и четко. — Амелия снова покачала головой. — Менеджер банка вдруг забеспокоилась и поинтересовалась — «Все ли хорошо с моей мамой?». Я сказала, что все в порядке. То, что ты аннулировал их брак не просочилось в газеты, и ни в какие другие средства массовой информации, поэтому эта леди не знала, что они расстались.

— Менеджер банка сказала тебе, когда Джин стала использовать эту ячейку?

— Это было недавно. Единственное, что сказала мне эта леди, что мама пришла с каким-то парнем по имени Райан Беркли.

«Ювелир», — тут же подумал Самюэль Ти. Конечно. Джин должно быть продала одно из ювелирных украшений матери, чтобы обеспечить Амелию, если бизнес семьи окончательно пойдет ко дну.

Не самая тупая вещь в мире.

— Мне кажется, твоя мать, на самом деле, пытается позаботиться о тебе, — предположил Самюэль Ти. — И хорошо бы, чтобы ты позволила ей так поступить. Знаю, между вами много разногласий, но иногда люди меняются.

Амелия кивнула, но он так и не понял, согласна она с ним или нет.

— Итак, я получил результаты теста сегодня, — произнес он.

Девушка тут же взглянула ему в глаза.

— Да? Так быстро.

— У меня есть друзья в лаборатории.

— И какой результат? — И Амелия просто воочию превратилась в Мори Повича: «*Так ты мой отец?*» (Мори Пович — более 20 лет вел шоу на ТВ, где матери и отцы пытались установить свое отцовство. — прим. пер.)

Он достал конверт из нагрудного кармана.

— Я не открывал его, ждал тебя.

Самюэль Ти. опустил его на стол между ними, осторожно распрямив в середине позамявшуюся бумагу, словно пытался разглядеть клапан долга.

Они молча смотрели на запечатанный конверт.

— Я не хочу узнать, что мы не родственники, — пробормотала Амелия.

Забавно, но она была все еще ребенком, несмотря на свою кажущуюся взрослость, и ее честный и прямой ответ, был довольно-таки показательным для него, потому что он боялся остаться в одиночестве и пытался набраться смелости, пока она была растерянной.

И что было самого удивительного в этом моменте?

Как отметил Самюэль Ти. ее потупленный взор, который сказал, что в будущем существовала такая вероятность, что Джин станет надежной и будет оказывать определенное влияние на жизнь девушки.

Он стал отцом.

Прямо тогда и там.

И он подумал. Доказано ли, что родитель это взрослый, который берет на себя ответственность за несовершеннолетнего, стремясь предоставить ему убежище, защиту и любовь? Что же, черт возьми, ДНК, в любом случае, не самое важное. По крайней мере было множество примеров и даже в семье Амелии, людей, которые ничего не добивались в жизни, несмотря на ДНК. И всегда были те, кто делал что-то выдающееся, то, что в тот момент было необходимо, несмотря на то, что родства с родовым деревом не было никакого.

Например, мисс Аврора с Лэйном и его братьями и сестрой.

Любовь — изменила их и саму ситуацию. Не ДНК.

Самюэль Ти. прочистил горло и положил руку на конверт.

— Если ты хочешь, чтобы я открыл его, я открою.

— Хочешь открыть?

— Лично для меня результаты не будут иметь никакого значения.

Амелия резко подняла взгляд.

— Как ты можешь так говорить?

— Тебе нужен отец. Мне нужна дочь. — Господи, ему было очень странно произносить эти слова, полностью осознавая их. — В конечном счете, это самое сложное, чем что-либо?

В ее глазах появился давний, обремененный годами взгляд.

— Ты не хочешь узнать, а вдруг я от другого парня.

— Это возможность, а не обязанность. — Он постучал пальцем по конверту. — И если мы не откроем его, если мы не узнаем точно... Тогда ты не будешь задаваться вопросом, хочу я быть в твоей жизни или нет. Ты всегда будешь знать, что я выбрал тебя. Ты ни на минуту не должна будешь беспокоиться, что была для меня ошибкой, что я чувствую себя виноватым перед тобой или каким-то бременем, которое взгромоздил себе на плечи только из-за одной ночи, произошедшей шестнадцать лет назад, когда твоя мать и я занимались сексом, и ее таблетки не сработали. Я выбираю тебя, Амелия Болдвейн, прямо сейчас, и если ты выберешь меня, мы сожжем этот конверт с результатами теста на гриле вон там, и никто из нас никогда не будет оглядываться назад. По рукам?

Она шмыгнула носом, он достал платок из заднего кармана. Она вытерла глаза.

— Зачем ты это делаешь для меня? — мрачно поинтересовалась Амелия.

Он положил руку ей на плечо.

— А почему бы и нет, вот в чем вопрос?

Наступила долгая тишина, и Самюэль Ти. предоставил ей необходимое пространство, чтобы все осмыслить.

— Ладно, — сказала она в конце концов. — Давайте сделаем это — сожжем его.

Они поднялись из-за стола, обошли вокруг с двух сторон, встретились и направились к грилю. Взяв щипцы для барбекю, он приподнял решетку, отложив ее в сторону. Затем поднес газовую зажигалку и нажал на запал.

Пламя зашипело вдоль горелки, и он протянул к нему конверт.

Амелия тоже ухватила за кончик конверта... и они приложили уголок к огню.

Бумага быстро вспыхнула и начала гореть, и они вынуждены были ее отбросить или же могли обжечься.

Наблюдая за исчезающими результатами анализа ДНК, он никогда не чувствовал такого спокойствия и умиротворения, как в этот момент.

Амелия повернулась к нему.

— Как мне тебя называть?

— А как ты хочешь меня называть?

— Папой.

— Я согласен, — ответил он, притянув ее к себе и крепко обняв. — Мне нравится, как ты меня называешь...

Пока Джин ехала по аллее деревьев к ферме Самюэля Ти., ее ладони вспотели на руле «Фантома» и у нее началась головная боль.

Всякий раз, когда она забрасывала к нему Амелию или забирала отсюда, она чувствовала тоже самое. Ей было тяжело видеть Самюэля Ти., как совершенно незнакомого для нее мужчины — вежливого незнакомца.

О, кого она пытается обмануть.

Он с трудом смотрел в ее сторону. Но она не могла винить его за это. И было невозможно не увидеть и оценить влияние, которое он оказывал на Амелию. Дочка была безмерно счастлива, стоило ей побывать у него, ее глаза начинали сверкать, улыбка становилась яркой, она с жаром всегда что-то рассказывала, усиленно жестикулируя.

Джин нажала на тормоза и оставила двигатель на холостом ходу. Никто не вышел к ней с террасы, поэтому она заглушила двигатель и вышла из машины.

Вдалеке она услышала смех и задалась вопросом уместно ли ей пойти к ним. Она не обязана была дожидаться в определенном месте, но стоя здесь и слыша обрывки их разговора, ей казалась, что она подслушивает.

Она еще чуть-чуть подождала. Окрикнула их, но ответа так и не получила.

Набравшись уверенности, она пошла по лужайке, поглядывая на усадьбу, двигаясь вперед. Она потратила столько лет свободно приезжая и уезжая из этого милостивого старого дома, поступая так, как ей заблагорассудится, что теперь подобная свобода передвижения рядом с этим домом показалась ей неуместной.

Она зашла за угол и остановилась как вкопанная.

Самюэль Ти. и Амелия играли на траве в бадминтон, оба отбивали своими длинными руками с ракетками маленький воланчик.

Амелия увидела ее и помахала рукой.

— Привет, мам!

Самюэль Ти. развернулся и пропустил возвращающийся воланчик, который упал к его ногам.

— О, привет.

— Простите. — Она взмахнула назад. — Я кричала, но видно вы не слышали? Не волнуйтесь. Я могу подождать.

— Все хорошо. — Самюэль Ти. кивнул Амелии. — Она выбивала из меня дерьмо.

— Ты выиграл!

— Она лжет. Что я могу сказать? — Самюэль Ти. указал в сторону дома. — Вообще-то, Джин, у меня для тебя готовы все документы, они подписаны и заверены.

— О, слава Богу.

— Пойдем, ты заберешь их, они у меня в кабинете. Амелия, мы сейчас вернемся.

— Хорошо, папа, я все равно хотела пойти проверить рыбок в пруду. Мы пойдем же послезавтра выбирать?

— Конечно. Я больше ни с кем не пойду выбирать Дэдпул II.

«Папа. Вау», — мелькнуло у Джин.

Поднимаясь на крыльцо вместе с Самюэлем Ти., Джин спросила:

— Ты получил уже результаты анализа на ДНК.

— Да.

Джин глубоко вздохнула.

— Хорошо, я рада, что все разрешилось.

— Я тоже.

Самюэль Ти. прошел вперед, удерживая для нее открытую дверь, проходя мимо него, она почувствовала запах его одеколона, и у нее екнуло сердце.

Его кабинет был таким же, как и всегда, на полках выстроились тома в кожаных переплетах, которые он унаследовал, камин, который зажигался поздней осенью, стоял вдалеке с комплектом дров, густого цвета красный кожаный диван и кресла создавали впечатление, словно находишься в Англии, а не в Кентукки. Но Лоджи всегда предпочитали давние старинные вещи со своеобразным шиком, передавая из поколения в поколение, поэтому все тщательно и бережно заботились о своем имуществе, воспитывая эту любовь потомству.

Самюэль Ти. открыл кожаный портфель своего прадеда, и пока он рылся в нем, выискивая ее документы, она изучила черты его лица, сильные плечи, элегантность, с которой он одевался с бессознательным изяществом.

— Вот копии документов с печатью суда. Я ускорил процесс. Судья хочет сходить со мной на охоту на перепелов в мой заповедник в Южной Каролине, поэтому он был рад мне угодить.

— Ты так быстро получил результаты ДНК?

— Не получил бы, если бы лаборантка не хотела бы быть подо мной стажером. Поэтому я устроил, чтобы все так и произошло, она задержалась в один из дней.

— У тебя хорошо все получается.

— Да, хорошо. — Он передал ей еще одни документы. — Кроме того, из-за высокой стоимости обручального кольца, я был вынужден настоять, чтобы Пфорд передал его тебе, чтобы ты могла им владеть на законных основаниях. Возможно, это был перебор, но тебе не придется беспокоиться о том, что он может позже попросить его вернуть.

— О, спасибо. — Она просмотрела документы. — Это здорово.

— Я знаю, что ты очень хотела этот бриллиант, — сухо произнес он.

— Ну да, я заменила камень подделкой. Было бы неловко отдавать ему фианит.

Джин даже не заметила, что Самюэль Ти. пялится на нее во все глаза, поэтому направилась в сторону двери.

— Еще раз спасибо, — сказала она, — я предполагаю, что ты забереешь Амелию, когда вы пойдете в кино. Если хочешь, чтобы я забрала ее отсюда, с удовольствием. Просто напиши мне.

Джин начала выходить, но Самюэль Ти. схватил ее за руку.

— Что ты сказала?

— Я заберу Амелию от тебя...

— Нет, насчет кольца.

— О. Я продала камень. Ради Амелии. Не говори никому об этом, пожалуйста, хотя, как мой адвокат, я не думаю, что ты можешь говорить кому-то такие вещи, не так ли? В любом случае, если бы мне пришлось вернуть кольцо, Ричард узнал бы об этом и потребовал бы все компенсировать деньгами. А у меня их нет. — Она пожала плечами. — Я просто решила, что пришло время начать проявлять заботу к своей дочери... *нашей дочери.*

Она подождала его реакции. Но он продолжал пялиться на нее, тогда она взмахнула рукой и вышла из кабинета.

На крыльце она окрикнула Амелию, и ее дочь поднялась с травы у пруда, Джин была рада тому, как все закончилось.

Конечно, это не касалось ее и Самюэля Ти. А что еще между ними могло произойти?

Джин была рада, что ее дочь теперь узнала своего отца и что у Амелии теперь появилась мать, вернее, женщина, которая, наконец, вспомнила о своих материнских обязанностях. Для завершающегося дня, это было вполне не плохо.

И она могла бы попробовать существовать без любви всей своей жизни. Люди постоянно так делали в той или иной форме.

Кроме того, ей необходимо было искупить свои грехи, и потеря Самюэля Ти., скорее всего, была единственной вещью, которая была слишком болезненной и слишком чувствительной.

Что-то разбудило Лэйна, его глаза распахнулись, тело мгновенно напряглось. Не двигаясь, он посмотрел на часы на прикроватной тумбочке — начало третьего ночи.

Что его разбудило?

Он прислушался, но ничего не услышал, Лиззи тихо спала рядом, никто не ходил по коридору второго этажа Истерли, не скрипели открывающиеся двери, в коридоре была полнейшая тишина.

У него был соблазн повернуться на бок и опять заснуть, но нет. Он встал и подошел к окну.

«Сукин сын», — подумал он, как только взглянул вниз.

В саду снова кто-то был — в темноте, между фруктовыми деревьями, двигался человек от дома. В начале третьего ночи.

«Ради любви», — подумал Лейн, натягивая шорты и доставая свой пистолет из ящика стола. Кто-то определенно передвигался по саду, и он точно знал, что на этот раз не Гэрри МакАдамс.

Все фонари прекрасно светили с внутренней части дома, Лэйн и Лиззи знали это точно, поскольку плескались в бассейне перед тем, как пойти спать. Фонари работали просто отлично.

— Лейн? Ты куда?

Он спрятал пистолет за спину.

— Кто-то шастает в саду. Наверное, ...я не уверен может это Джефф.

Лиззи стала подниматься с кровати.

— Нет, оставайся здесь.

— Может мне позвонить шерифу Рэмси?

— Я не хочу беспокоить его и его жену. Возможно это... Я не знаю. Но я справлюсь.

Лиззи встала и подошла к окну, когда он вышел в коридор. И если уж быть до конца честным, то Лейн уже много ночей не включал сигнализацию в доме, поэтому он не услышал тревожного звонка, поскольку забыл *включить эту чертовую вещь, снова*, он спустился по лестнице особняка, который казалось пребывал в полной тишине.

В фойе он остановился, нахмутив брови. И направился в главную гостиную, следуя на свежий ветерок.

Французские двери были широко открыты, прекрасный ночной ветерок обдувал дом, неся с собой ароматы ночного сада.

«Стоит проверить дом? Или проверить сначала снаружи», — задался он вопросом.

Неужели, если к ним забрался вор, он оставил свою лазейку открытой на глазах у всех?

«Черт побери», — ему следовало сказать Лиззи, чтобы она заперла дверь на замок.

Лейн быстро прошелся по комнатам, выискивая кого-то, кто бы пытался украсть серебро или портативную электронику или...

Когда он добрался до дальнего угла столовой, он замедлился... и остановился. Сквозь окна, он замерев смотрел куда-то вдаль, до конца не веря своим глазам.

Но именно в этот момент все понял.

Его мать в своей прозрачной белой ночной рубашке спускалась в сад, освещаемая со всех сторон фонарями с задней части особняка, делая ее неземной красоты и превращая в

настоящую богиню.

Но... она была не одна.

Мужчина поднялся к ней навстречу по каменным ступенькам, он был широкоплеч и в рабочем комбинезоне, мужчина снял с голову свою кепку и с почтением приклонил перед ней голову.

Гэрри МакАдамс.

Они встретились на верху лестницы, ведущей к цветникам и статуям, и о-о, какими глазами этот южанин смотрел на маленькую В.Э. — с любовью и обожанием, которые отражались на его обветренном лице, превращая эмоции в стиль жизни, несмотря на одежду простолюдина.

Вытащив из-за спины, Гэрри протянул Маленьким В.Э. розу, и ее улыбка осветила все ее лицо. Она взяла ее и что-то сказала, и Лейну показалось, что у мужчины покрылись щеки румянцем, отчего он тут же вспомнил о всех безумно дорогих драгоценностях, которые дарил ей Уильям на день рождения или юбилей. Она принимала все от него и естественно их носила, но никогда не смотрела на них с таким восторгом.

И эта сцена была доказательством того, что любовь дарящего могла поднять ценность ничего... и отсутствие любви любой дорогой подарок мог сделать дермовым.

Лейн услышал, как по полу столовой неслись босые ноги, он оглянулся через плечо.

Лиззи была вся на эмоциях.

— Ты видишь это? Ты...

— Тсс. Давай сюда и молчи.

Лиззи встала у него за спиной, и они оба молча наблюдали, как Гэрри предложил Маленькой В.Э. руку, она с удовольствием приняла, а затем пара стала впускаться по ступенькам, двигаясь вперед по кирпичным дорожкам, вышагивая бок о бок.

— Похоже, они встречаются не первый раз, — прошептала Лиззи.

— Однозначно, нет, — ответил Лейн. — Не первый.

Через минуту Лэйн перевернул Лиззи к двери столовой, поцеловав ее в макушку, сказав:

— Давай дадим им уединение. Они заслужили его.

На следующее утро рассвет был красивым и чистым, Лейн залез в свою гардеробную, чтобы выбрать черное: черный костюм, черные носки, черный ремень и галстук, а также ботинки. Единственное, что было белом на нем — белая рубашка на пуговицах и боксерки.

Он также не забыл вложить красный платочек в верхний боковой кармашек пиджака.

Когда он вышел, Лиззи как раз выходила из ванной, выглядев строгой и красивой в черном платье.

— Насколько плохо ты себя чувствуешь сегодня? — поинтересовался он.

— Плохо. Но это не плохо, ты же помнишь об этом?

— Я взял с собой имбирный эль. И соленые крекеры. Я положил это в машину, а также три мешка «Крогера», рулон бумажных полотенец, запасную зубную щетку и пасту, воду в бутылках и жевательную резинку Wrigley's, твою любимую.

— Я так тебя люблю, — ответила она, закрыв глаза. — Когда ты все успел, пока я была в душе?

— Просто быстрее передвигался. Иначе бы тебе пришлось это делать самой.

Они обнялись на мгновение, встретившись напротив кровати.

— Ты готов? — спросила она его.

— Как никогда.

— Я буду рядом с тобой все время. Если мне придется отойти, то я вернусь, как только смогу.

— Я люблю тебя.

— Я тоже.

Они поцеловались, а потом спустились на первый этаж, где встретились в Джеффом, который был тоже одет в черное, на последней ступеньке лестницы стояла Амелия, не в состоянии оторваться от своего телефона, Джин еще не спустилась.

— Где твоя мать? — как бы между прочим спросил Лейн, проходя мимо племянницы.

— Поглощает смузи, я думаю.

Лейн склонился к ней и взглянул на экран телефона.

— Ты должна показать мне, как играть в эту игру. Как она называется?

— Dumonds. Через «у». Дай свой телефон.

Лэйн достал свой телефон из нагрудного кармана.

— Пароль один, один, один, один.

Она закатила глаза.

— Дядя Лэйн, это самый не безопасный пароль.

— А мне нечего скрывать.

Амелия начала листать мобильные приложения или... он до конца не понял, что она делала...

— Постой, — резко произнес он. — Что это такое?

— Я скачиваю приложение к этой игре.

— Покажи мне это.

На экране скачивающегося приложения, или называйте как хотите эту штуковину, стояло название и логотип игры, рядом компания, создавшая ее.

Tricksey, Inc.

— Джефф? Джефф... Посмотри на это. — Лейн взглянул на парня, который зарылся в своем телефоне, без сомнения, выискивая информацию на эту чертовую игру. — Джефф. Иди сюда.

Парень перевел на него свое внимание и направился в его сторону, немного согнувшись, поскольку Лэйн поднял экран телефона вверх.

— Это именно то, что я вижу? — спросил он.

— Tricksey, Incorporated.

— Ну, да, это же разработчик Dymonds. Кроме этой игры они создали еще кучу игр. Соседка из общежития, племянница владельца или что-то в этом роде, сказала, что они только что выкупили оставшуюся долю...

Лейн моментально выпрямился также, как и Джефф, они оба молниеносно все просчитали в уме, и не сказав ни слова, ринулись вверх по лестнице по коридору, чуть не сбив по дороге Джин, шибанув на распашку дверь в офис бывшего главного бухгалтера компании, и очутившись перед Гретой.

— Где третья стопка...

Немка подняла глаза от бумаг на столе. В отпуске она смогла выдержать менее сорока восьми часов, и вернулась в Истерли в семь часов утра, переживая за финансовые документы, которые систематизировала и разобрала, те, что было вынесены из кабинета Уильяма, предварительно отсканировав каждую страницу, в свой компьютер.

— Што ви ищите? — спросила она.

— Третья стопка! — Лейн опустился на ковер и начал вытаскивать папки. — Стопка, где мы не знаем, что это такое!

— Сейчас, — произнесла она. — Не путайте мне все тут!

У нее явно сорвались с губ совершенно не лестные ругательства на немецком, но, по крайней мере, она поняла суть дела, почему вдруг Лейн и Джефф стали рыться в множественных ящиках.

Лейн нашел договор во втором ящике.

— Я нашел, нашел его...

Джефф опустился с ним рядом на ковер, и в этот момент в кабинет вошли Амелия, Джин и Лиззи, а Лейн не мог толком с первого раза прочитать, поскольку буквы плясали перед глазами. Но...

— Сорок девять процентов. — Лейн ошарашенно взглянул на Лиззи. — Сорок девять процентов компании. Уильям три года назад купил половину компании за четверть миллиона долларов.

Джефф схватил документ и внимательно его просмотрел еще раз.

— Он действует. Этот договор до сих пор в силе.

Амелия начала искать что-то на телефоне. А потом сказала:

— Да, вот эта новость, в разделе *New York Times*, касающемся бизнес-технологий. Они выкупили долю...

— Ну? — поторопил Лейн племянницу. — За сколько они выкупили?

Она медленно подняла голову и повернула экран телефона к ним.

— За два миллиарда долларов.

Никто не двигался и не дышал.

— Прости, — произнес Лейн. — Ты сказала миллиарда, не миллионов?

— Да, именно так.

Лейн плюхнулся на задницу, а Джефф начал хохотать.

— Похоже, Маку удастся сохранить свой новый дрожжевой штамм.

О, какое пьянящее облегчение. О, какая чудесная, волшебная удача.

Кто-то начал аплодировать, Лиззи встала перед Лейном на четвереньки, и они начали вместе хохотать. При таком раскладе их компания поднималась совершенно на другой уровень, поскольку теперь легко сможет выплатить все долги банкам. Значит компания «Брэдфорд бурбон» выживет и будет процветать.

Именно в этот день, когда должны состояться похороны его мамы, совершенно неожиданная удача была единственной вещью, которая могла поднять дух Лэйна.

И это было также единственной вещью, которую сделал его отец, чтобы как-то помочь своей семье.

Баптистская Церковь Чарлмонта располагалась в Вест-Энде, когда Лейн припарковал «Фантом» на своем месте на стоянке, опустил окна, чтобы каждый в машине мог приветствовать людей, собравшихся на службу. Народу было полно, собрались члены общины в черных одеждах, чтобы отдать последнюю дань уважения его маме. И встречаясь с людьми, он поймал себя на мысли, как красиво все были одеты — джентльмены в темных костюмах, дамы в шляпах во всем черном.

За исключением популярного красного цвета Университета Чарлмонта.

Выйдя из машины и обогнув ее, он заметил, что поставил роллс между «Мерседесом» и «Лексусом», затем сообщил Лиззи, где им следует сесть в церкви. Затем он присоединился к пяти племянникам мисс Авроры у катафалка, которые собирались нести гроб. Денни Браун, очень хороший человек позаботился о мисс Авроры, начиная с больницы и сейчас, лично привезя его к церкви.

— Хочешь посмотреть на него? — спросил он, как только они пожали друг другу руки.

— Да, пожалуйста.

Денни открыл заднюю дверь катафалка и все шестеро заглянули внутрь. Гроб был идеальным, в цветах Университета Чарлмонта, красный с блестящими медными петлями и ручками.

— То, что надо, — сказал Лейн. — Он просто прекрасен.

Они непринужденно болтали целых двадцать минут, и хотя Лэйну было жарко на солнце, он все равно не собирался снимать пиджак. Неа, хотя он жарился на солнце также, как и племянники мисс Авроры, которые все время вытирали свои брови и лоб носовыми платками, но ни один из них не снял пиджака, очевидно, они все были в одной лодке.

И после всего, когда Лейн уже должен был получить свою королевскую награду, последнее, что ему было нужно, чтобы мисс Аврора устроила ему нагоняй прямо у райских врат за то, что он не соответствующее одет на ее похоронах.

За десять минут до начала церемонии, из боковой двери показался преподобный Найс.

— Вы готовы? — Произнес священник с Библией в руке, и его ряса в красных тонах делала чем-то похожим на Святого.

— Готовы, — Лейн обнялся с мужчиной. — Я знаю, что она следит за нами.

— Готов поспорить, что именно так. — Преподобный улыбнулся, а потом стал здороваться с каждым племянником в отдельности, пожимая руки и обнимаясь. — Вы должны подвезти гроб к этим дверям. Затем поднять его, и перенести в сторону притвора. Когда я начну службу, хочу, чтобы вы встали с гробом перед закрытыми дверями, которые ведут в церковь. Я подам знак, двери откроются, и вы внесете гроб к алтарю. Сами все сядете

слева в первом ряду.

— Да, сэръ, — ответил Лейн.

— Все понятно?

Все дружно ответили, что все понятно, только тогда преподобный удалился, а Лейн встал в шеренгу с племянниками с задней части катафалка, по три с каждой стороны.

Денни произнес:

— Ее голова здесь, поэтому Лейн ты должен встать здесь. Ладно, давайте вытащим ее. Приготовьтесь, гроб тяжелый.

Лейн занял место впереди справа, Денни оказался прав, гроб был очень тяжелым. Медленными, скоординированными движениями шестеро мужчин последовательно брались за ручки, пока извлекали гроб, затем вместе пошли, направляясь к двери, открытой женой племянника.

Лейн успел кивнуть женщине, входя внутрь. Он хотел что-то сказать, но у него так колотилось сердце, а глаза жгло от слез.

Он не ожидал, что эмоции от потери огромной волной набросятся на него сейчас.

Внутри церкви было прохладно, и его голова немного прояснилась, кроме того ему пришлось сосредоточиться, чтобы опустить гроб на каталку. Один из помощников преподобного Найса положил сверху красивую атласную ленту, а затем одна из жен племянников положила венок из красно-белых роз.

И они покатали гроб с мисс Авророй по проходу.

Невозможно было сравнить то, что происходило сейчас с похоронами его отца. Тогда он чувствовал обязанность, которая домкловым мячом висела над ним, поэтому делал все по заведенному порядку по единственной причине, он не хотел оставлять прах дьявольского мертвеца в доме.

И весь процесс напоминал скорее поездку, словно они отправились за продуктами в магазин.

Теперь, когда он шел по проходу с другими мужчинами, склонив голову, сжимая медную ручку гроба с такой силой, словно собирался согнуть металл, он не знал, как переживет всю эту процедуру.

Тем более, что ему стало еще тяжелее, когда они разместили гроб у закрытых двойных дверей перед алтарем. И через витражи он увидел тысячу людей, сидящих на скамейках, но еще больше стояло у стен, каждый квадратный дюйм огромного пространства был занят.

И кругом было очень красиво: свечи, цветы и алтарь, мерцающий заревом небес.

Я не готов... о, дерьмо, хотя должен быть готов...

Лейн попытался успокоиться, сделав пару глубоких вдохов.

Но время шло, и вдруг двери настежь отворились, начала играть музыка, двести человек хора в красных одеждах стали раскачиваться взад и вперед позади алтаря.

Музыка его спасла.

Когда первые строчки «Господь хранит меня» зазвучали, он невольно улыбнулся. Они выбрали соответствующую песню для мисс Авроры, и он был очень рад. Она в течение многих лет пела здесь в хоре, музыка и пение всегда была ее самой любимой частью службы, и эта песня была одна из самых ее любимых песен Евангелия...

И вдруг Лейн обратил внимание на особенный мужской голос... мужской голос, который вел за собой весь хор...

Лейн чуть не споткнулся, двигаясь по проходу, на середине пути.

Впереди хора в такой же красной длинной рясе... с чисто выбритым лицом и подстриженными волосами, стоял Макс. У него были закрыты глаза, он немного отклонил голову назад и пел, держа микрофон, его невероятный голос наполнял все пространство вокруг.

Лейн промокнул носовым платком слезы, и встретился взглядом через все пространство со своим братом.

Прежде, чем Макс перешел к следующему стиху, Лейн показал ему большой палец, типа супер, Макс слегка кивнул головой.

Многие собравшиеся мужчины и женщины точно также вытирали слезы. Здесь присутствовали многие с кем мисс Аврора встречалась за свою жизнь — новое поколение шеф-поваров, которым она передавала свое мастерство, стояли среди певцов хора, двоюродные братья и дальние двоюродные братья, друзья и знакомые по церкви и баскетбольным университетским играм. Присутствовали люди, которых Лейн не знал, а также которых считал своей семьей, и старые друзья, которых не видел годами.

Они остановились перед алтарем, Лейн внимательно окинул собравшихся, несмотря на рабочий день, выкроив время, придя сюда даже со своими маленькими детьми, просто чтобы отдать дань уважения этой потрясающей женщине.

Ему тяжело было представить, что кто-то мог осуждать ее за то, что она убила их отца. Она оказалась именно той положительной силой, которая смогла вытащить часть адского зла, из их семьи, возможно, отец бы не пережил свой инсульт. Но в любом случае, мисс Аврора все время видела его злость, ярость и ненависть, и была свидетелем царствования террора в этом доме, где поселилась печаль и страх до тех пор, пока она не вытащила их.

И только она могла пойти на это, потому что такой она была.

Лейн подумал о своей матери и Гэри МакАдамсе. Эдвард и Саттон тоже теперь счастливы. Он и Лиззи, Джин наконец-то заключила мир с Амелией и продвинулась вперед сообщив Самюэлю Ти., что он отец ребенка.

Действительно, мисс Аврора фактически сплотила и восстановила семью... после того, как чертовски столько лет Уильям ни во что не ставил и не считался ни с женой, ни со своим подрастающим поколением.

Нет, решил Лейн, подавленный количеством пришедших, глубиной любви и нескрываемым трауром по ней. Никто, ни он, ни кто-либо не осуждал и не обвинял его маму, что она таким образом позаботилась о своей семье, больше оплакивая ее, нежели того человека, который получил то, что получил.

«Скажи мне, кто грешник, а кто святой», — подумал Лейн, присаживаясь рядом с Лиззи на скамью. Кто беден...

...а кто безмерно богат.

После окончания службы Лейн и племянники мисс Авроры отнесли гроб назад в катафалк. Затем последовала длинная процессия, растянувшаяся на милю, с включенными фарами машин, по извилистым улочкам к Киндерхук, кладбищу, расположенном на дальней окраине Вест-энда.

Семья Томс была очень большой, поэтому они занимали большую площадь на кладбище, Лэйн припарковался и вышел из машины, выискивая глазами Эдварда и Саттон, пока Лиззи, Амелия и Джин выбирались наружу. Увидев брата, он помахал ему рукой.

— Прекрасная служба, — произнес Эдвард, обнимая его.

Саттон кивнула.

— Великолепная. Пойдемте. Привет, Лиззи, Джин... привет, Амелия.

Звук двигателя мощного мотоцикла привлек всеобщее внимание, Лэйн покачал головой, как только Макс остановил свой байк. На нем были чистые черные джинсы и такая же чистая рубашка, застегнутая на все пуговицы, что казалось настоящим чудом: не было ни одного пятна и потертости.

— Я не думал, что ты приедешь, — произнес Лейн, как только парень подошел к ним. — И тебе идет стрижка.

Макс смущенно отвел глаза, а потом попытался сосредоточиться на брате.

— Мне захотелось прийти и попрощаться должным образом.

— Я рад, что ты здесь. — Лейн похлопал его по плечу. — Так и нужно.

Макс поздоровался со всеми, а затем пришло время им присоединиться к другим под тентом, который был установлен над открытой могилой.

Пока они шли по траве, Лейн наклонился к парню.

— Значит, ты остаешься.

— Что? — Макс посмотрел на брата. — О чем ты говоришь?

— Ты бы не вернулся, если бы не решил остаться. Ни за что бы не вернулся. Мне кажется, ты пару дней покатался, а потом понял, что дорога тебя не совсем устраивает, не так, как раньше, потому что теперь не из-за чего убегать от сюда, из Чарлмонта, я имею в виду. — Лейн показал на свое лицо. — Кроме того, судя по тому, что ты побрился и подстригся, меня наводит это на мысль, что ты пытаешься задержать на себе чей-то взгляд, например, онколога, которая... Эй, а вот и она.

Лейн поднял ладонь, приветствуя Танешу, и улыбнулся. Глаза женщины были прикованы к Максусу, как будто она не могла поверить в его преобразование.

— Давай, помаши ей. — Лейн двинул локтем под ребра брата. — Иначе я сам подниму твою руку и помашу.

Это привлекло внимание Макса, и Господи, он покраснел как свекла, подняв руку и взмахнув женщине.

— Молодец. И коттедж по-прежнему закреплен за тобой, если он тебе вдруг понадобится.

— Не уверен. Хотя. Да, думаю, я побуду здесь недолго.

Лейн посмотрел парню прямо в глаза.

— Здесь неплохо пускать корни, Макс. И теперь здесь стало безопасно. Понял? Ты в безопасности.

Макс покачал головой.

— Откуда ты знаешь...?

— Об изменениях в твоих намереньях? — Лейн хлопнул рукой по шею мужчины, отчего тот встряхнулся. — Потому что я сам по той же причине изменил свои намерения, поэтому понимаю, что к чему. И послушай меня, ты не сможешь убежать от любви к женщине, поверь мне. Если Танеша Найс чувствует к тебе тоже самое, так действуй и сохрани ее на долго, насколько сможешь. Это перевернет твою жизнь.

— У меня нет работы.

— Ну, хочу тебе сообщить, у нас есть маленький семейный бизнес... Не знаю, в курсе ли ты? — Лейн обнял брата за плечо, и они вместе пошли вперед. — Мы делаем бурбон, настоящий, самый лууууучший бурбон...

Они подошли к остальной части семьи мисс Авроры, все взяли красную розу из вазы, стоящей на подставке. Преподобный Найс сказал очень красивую речь, гроб опустили в могилу, а затем каждый подходил и бросал розу.

Эдвард и Саттон были перед Лэйном, и Лэйн нахмурился.

Ему хотелось поймать и обмолвиться парой слов с парнем, прежде чем все собравшиеся направятся в Истерли на небольшие поминки.

Существовал еще один брат, который должен был занять свое место по праву.

Амелия шла впереди, бросив розу, потом мать, последовала примеру дочери. Они вдвоем направились в ту сторону, где стояла длинная цепочка автомобилей, уходящая вдаль.

— Мне грустно, что она умерла, — сказала Амелия.

— Мне тоже. Она была невероятно особенным человеком.

— Когда я приходила домой из школы, она делала мне лимонное печенье, и оно всегда было теплым.

— Да? — Джин захихикала. — У нас есть что-то общее. Это же печенье она делала и для меня...

— Папа?

Джин взглянула на подстриженную лужайку. Конечно, Самюэль Ти. стоял, прислонившись к двери своего Jaguar, выглядя совершенно потрясюще в своем черном костюме.

Амелия побежала к отцу, огибая надгробия и статуи, Джин смотрела ей в след и думала, что в Истерли она вернется без нее с Лиззи и Лейном. «Но так и должно быть», — сказала она сама себе. «Так и должно... и всегда будет».

— Я не знала, что ты приехал, — произнесла Амелия, когда Джин подошла к ним. — Ты должен был стоять рядом с нами.

Самюэль Ти. снял свои Рэй-бананы.

— Я подумал, что в первом ряду в церкви... должна быть семья. Прекрасная служба, не так ли? И хор был просто невероятным... и неужели я видел Макса? Какого черта... О, привет, Джин.

Джин заставила себя мило улыбнуться.

— Привет. Я оставлю вас вдвоем, если ты не хочешь, чтобы я отвезла Амелию домой?

Самюэль Ти. вдруг опустил взгляд вниз на траву.

— Вообще-то, Амелия, не могла бы ты оставить нас с мамой на пару минут?

— Конечно. Я как раз хотела поздороваться с дядей Максом.

Как только дочь оставила их, Джин загрузила свой мозг, пытаюсь отыскать причину,

почему он попросил оставить их наедине, у них не было не решенных вопросов — брак был расторгнут. Документы, касающиеся кольца, подписаны. По поводу кино, когда они собирались пойти...

— Амелия спрашивала меня о наших отношениях вчера вечером, — пробормотал Самюэль Ти.

Джин вскинула голову.

— О? И что ты ей сказал? Обещаю, я не буду злиться, если ты скажешь честно. Я не буду выпячивать гордость и все такое. Я постепенно привыкаю к изменениям.

— Я сказал ей, что ты единственная женщина, которую я когда-либо любил.

Сердце Джина начало колотиться где-то в горле.

— Ты... так сказал?

— Да. — Он открыто посмотрел ей в глаза. — Мне кажется, что с ней нужно общаться честно, ничего не скрывая. И это правда то, что я сказал.

— Но... Я не понимаю.

Самюэль Ти. скрестил руки на груди. Потом медленно покачал головой.

— Никаких «но». Именно так. Ты единственная женщина, которую я когда-либо любил, давай посмотрим правде в глаза... и раз уж ты заговорила о гордости, признаю, я не горжусь, что прошел через достаточное количество женщин, видно, чтобы понять, что для меня нет ни одной, кроме тебя.

Джин подумала, что она ослышалась или что-то неправильно поняла.

— Прости... я... а как же Амелия?

— А что она? У нее есть мать... и отец. И я понимаю, что для современного поколения это несколько шокирующая комбинация, но в некоторых семьях принято, чтобы родители и дети жили вместе. В течение долгого времени. Например, месяцев. Лет. Десятилетий... — он помолчал. — Пока смерть не разлучит нас.

Джин затрясло, причем так сильно, что ей пришлось обхватить щеки руками, потому что у нее застучали зубы.

— О чем ты говоришь, Самюэль Ти.? Прошу тебя, я знаю, что не заслуживаю этого, но, пожалуйста, не будь со мной жесток. Я больше не вынесу этого

Самюэль Ти. отошел от своего Jaguar.

— Я думаю, что нужно оставить прошлое. Оставить все в прошлом во времена нашей молодости, оставить в воспоминаниях и закрыть эту дверь. И начиная с сегодняшнего дня, начать все сначала. Мы совсем стали другими. Более обновленными, по-прежнему влюбленными друг в друга, желающими соединиться, без каких-либо игр, лжи и сожалений. Начнем все сначала, прямо здесь и сейчас.

Джин почувствовала слезы у себя на щеках.

— Что скажешь, Джин? Ты готова повзрослеть со мной? Потому что я готов быть с тобой рядом.

Он протянул к ней руку.

Ей не требовалось время, чтобы все обдумать.

Учитывая, что у нее пропал голос, она усиленно кивнула, насколько могла.

— Я люблю тебя, — вскрикнула она, положив руку в его ладонь. — Я так тебя люблю...

И тут же они упали в объятия друг друга.

Положив голову на плечо Самюэля Ти., она замерла, а потом он зашептал ей что-то на ухо, и она перевела взгляд на лужайку.

Амелия стояла рядом с Харлеем.
И улыбалась, глядя на своих родителей.

Эдвард вышел из «Мерседеса» Саттон и окинул взглядом здание, которое было двухэтажным, но не маленьким, насколько он мог вспомнить, с огромным открытым пространством внутри.

— Я подожду тебя здесь, — взволновано произнесла Саттон. — Или ты хочешь, чтобы я оставила тебя здесь, уехав?

— Нет, мне слишком далеко идти отсюда до Истрели.

— Ладно, я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Правда состояла в том, что Саттон придавала ему мужество и силы.

Закрыв дверь машины, он поправил черный костюм и галстук. И пошел вперед, ненавидя, что так заметно хромает, но здесь он уже ничего не мог изменить.

Войдя в затемненное, больше напоминающее ангар, помещение, ему в нос ударил запах нефти, и он почувствовал невыносимую жару, поскольку стены были металлическими, а верх крыши все время находился под солнечными лучами. По крайней мере, здесь был один кондиционер, он слышал его журчание, но где-то в дальнем офисе.

Он продвигался вперед мимо рядов косилок, экскаваторов, погрузчиков и плугов. Все стояло на определенных местах: будь баллон с газом или мешки с семенами травы, воздуходувки или грабли, тачки или четырехколесные транспортные средства, все было в хорошем состоянии, было видно, что за всем ухаживали.

Кабинет главного садовника был застеклен, но стекла были такими старыми и пыльными, что с трудом можно было что-то через них разглядеть. Но внутри кто-то был, Эдвард различил силуэт фигуры.

Эдвард остановился у закрытой двери. Прочистил горло, а потом поднял руку и постучал.

— Даа, — последовал резкий ответ.

А потом скрипнув, дверь открылась.

Гэрри МакАдамс замер на пороге... внезапный страх появился в его глазах.

И в этот момент, Эдвард получил ответы на все свои вопросы, которые хотел ему задать.

И все же он был вынужден спросить:

— Вы знаете, кто я?

Пожилой мужчина попятился и, казалось, чудом нашел свое кресло. Прошло довольно много времени, прежде чем он ответил двумя словами со своим южным акцентом, соединив их в один слог:

— Дасир.

Эдвард на мгновение прикрыл глаза.

— Я знаю, что вы... ты разочарован по поводу меня, — тихо произнес Гэрри.

— Нет, — резко возразил Эдвард, открыв глаза. — Это настоящее облегчение. Я всегда хотел иметь отца, которым мог бы гордиться.

Гэрри от его ответа растерялся окончательно.

— О чем ты говоришь, я всего лишь простой садовник.

Эдвард отрицательно покачал головой.

— Вы хороший человек, вот о чем я говорю.

Глава садовников снял свою кепку, Эдвард внимательно разглядывал его лицо, замечая свои черты и глаза... Да, его глаза. Они были точно такими же голубыми, как и у него.

— Знаешь, я сохранял дистанцию, — сказал Гэрри. — Потому что твоя мама настоящая леди. Она не знает, что делать с таким, как я. Но знаешь, я люблю ее. Я всегда любил ее и всегда буду. И чтобы ты знал, я никогда ее ни о чем не просил. Она давала мне свою любовь, как могла и когда могла, и этого для меня более чем достаточно.

— Не возражаете, если я присяду? Мои ноги уже не очень хорошо слушаются.

Гэрри наклонился, собираясь встать, Эдвард остановил его рукой, опустившись на трубу. И они какое-то время просто смотрели друг на друга.

— Ты уволишь меня?

Теперь Эдвард подался всем телом вперед.

— Боже, конечно, нет. Зачем мне это делать?

— Хорошо. Я люблю свою работу и не хочу оставлять ее. Я имею в виду, здесь.

И вспомнив слова Лейна, Эдвард слегка улыбнулся.

— Я рад, что ты любишь мою мать. Она это заслужила. У нее была очень тяжелая жизнь в этом большом красивом доме.

— Я знаю. Я старался быть рядом с ней все это время.

Эдвард достал телефон и быстро набрал смс-ку.

— Я хотел бы, чтобы ты познакомился с кое с кем, для меня это очень особенный человек.

— Твоей девушкой? У тебя есть девушка?

— Да, есть.

До кабинета донеслось цоканье каблуков Саттон по бетонному полу, перекрывая шум кондиционера, а потом она открыла дверь.

Он и Гэрри тут же поднялись на ноги, поскольку так было принято, когда входила женщина.

— Саттон, это мой отец, Гэрри МакАдамс.

Гэрри опять снял свою кепку и переводил взгляд с Саттон на Эдварда, а потом назад.

— Прости меня, мэм, у меня руки грязные.

Саттон улыбнулась и подошла к нему, чтобы обнять.

— Ничего страшного, я готова поздороваться с вами вот так.

Бедняга чуть не упал в обморок. А потом Саттон опустилась на древний стул 1950-х годов и улыбнулась ему такой улыбкой, словно на ней не был костюма от Армани и жемчужного ожерелья, и она только что не приехала с похорон.

— Я так рада с вами познакомиться, — тепло произнесла она. — Я знаю, Эдвард так нервничал прежде, чем прийти к вам, но, мне кажется, что оно того стоит. Вам двоим потребуется время, чтобы привыкнуть к этой мысли.

Эдвард посмотрел на нее, он так ее любил, но сейчас ему показалось, что он полюбил ее еще больше. И рассматривая нерешительное выражение на лице отца, он точно понял, что открывшаяся правда намного лучше, чем роскошная, уродливая ложь, с которой они жили столько времени.

— Да, — отозвался Эдвард. — Я просто чувствую, что все будет хорошо.

Пока поминки во время ланча по мисс Авроре продолжались, Лейн воспользовался моментом, выйдя на террасу через французские двери в гостиной, через которые по ночам выбиралась из дома его мать.

Звуки разговоров и смех, аромат запахов еды и вина последовали за ним, оставляя его как бы там среди всех собравшихся, когда он подошел к краю холма. Перед ним открывался прекрасный вид на небоскребы Чарлмонта, Большую Пятерку моста, прекрасно оттененным зеленью лесов Истерли и ленивой реке Огайо с ее водопадами.

Оглядывая все эти окрестности, Лейн попытался представить своего первого предка, стоявшего на этом месте, на величественном холме, и решившим: «Вот именно здесь, я и начну строительство. Заживу здесь со своей семьей и буду надеяться на процветание бизнеса.»

Вспоминая историю своей семьи, он подумал, что много раз на семью опускалось благословение также, как и ему сегодня сопутствовала удача. Но было много и проклятий. Была радость и печаль, перемены и потрясения, рождения и смерть. И он никогда не задумывался об этом раньше, но всегда ошибочно предполагал, что прошлое эволюционировало к этому предопределенному моменту, благодаря плану, который создавали предки.

Он даже не предполагал, что все люди, с которым он ранее сталкивался, даже не предполагали, что их выбор и решения, их взяточничество и приоритеты, неизбежно повлекут этот великий дом и известную семью в полное дерьмо, также как и его собственную жизнь.

«Полное дерьмо», — подумал он, развернувшись лицом к особняку Истерли.

Он не мог уберечь свое потомство от столкновений с подобными проблемами, через которые ему пришлось пройти самому. История шла в комплекте — прошлое находило свое отражение в настоящем. Когда это могло произойти? Никто не знал, черт возьми, что вы предпримите или где можете оказаться в конечном итоге.

Вы строите свой дом, упираясь лбом, вколачивая гвозди, не имея ни малейшего представления, что именно вы построили. Будет ли ваш дом достаточно сильным? Выстоит ли штормы и землетрясения? Будет ли достаточно большим для людей, которые будут в нем жизнь, даже после вашей смерти? Будут ли о нем заботить... или предпочтут сжечь?

Посмотрев через окна в гостиную, он невольно улыбнулся.

Макс с Танешой, повернувшись друг к другу, вместе сидели на диване, глядя возбужденно и открыто друг другу в глаза. Эдвард с Саттон разговаривали с Джеффом, соглашаясь на важный вопрос, который вместе обсуждали. Амелия сидела с Джин и Самюэлем Ти, и они все втроем склонились над телефоном дочери, что-то рассматривая и указывая пальцами.

И толпа людей окружала его семью со всех сторон, рассказывая истории о мисс Авроре, смеясь, плача и просто разговаривая.

Лиззи вышла на террасу.

— Эй, вот ты где!

— Вышел, чтобы насладиться открывающимся видом. Как там с едой?

— Мы смылись, потому что готовят три племянницы мисс Авроры. Нам следовало учесть, что придет много народа.

Он вспомнил, что почти никто не пришел проститься с отцом, особенно никто из высокопоставленных людей вообще не удосужился прийти.

— Хочешь, чтобы я сбегала и что-нибудь принесла поесть? — спросила она.

— Неа, думаю, мы успеем.

— Тогда иди сюда, я уже какое-то время очень хочу поцеловать тебя.

— Какое-то время, да.

Она начала оправдываться, он присел на крыльцо у стены и усадил ее к себе на колени.

Лиззи идеально вписывалась в его тело, и он положил руку ей на живот.

— Я ничего не хотел бы изменить, — пробормотал Лейн, наблюдая за людьми внутри.

— Знаешь, я тоже.

— Кроме того, чтобы мисс Аврора была здесь.

Лиззи пригладила ему волосы.

— Мне хочется думать, что она все еще здесь с нами.

— Мне тоже.

Лейн поднял глаза к небу... и в этот момент у него на лице расплылась широченная улыбка, потому что кто-то начал играть на банджо. И мелодия старомодной музыки блюграсс заставила его постукивать в такт ногой, и он обнимал любовь всей своей жизни, и солнечные лучи грели ему плечи.

В порыве огромной благодарности он подумал о своем еще нерожденном ребенке... и понадеялся, что их ребенок вырастет и полюбит Кентукки и будет делать бурбон так же, как и он.

— Я кое-что понял, — пробормотал он.

— Что?

— Господь справедлив. — Лейн слегка сжал ее талию. — И если это не рай... Я не знаю тогда, что это.

Больше книг на сайте - Knigolub.net